

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СССР

ДОКУМЕНТЫ
И МАТЕРИАЛЫ
КАНУНА
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
1937-1939

ТОМ I

ноябрь 1937г.-
декабрь 1938г.

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

СССР

ДОКУМЕНТЫ
И МАТЕРИАЛЫ
КАНУНА
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
1937-1939

В ДВУХ
ТОМАХ

МИНИСТЕРСТВО
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

СССР

ДОКУМЕНТЫ
И МАТЕРИАЛЫ
КАНУНА
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
1937-1939

ТОМ 1
ноябрь 1937г-
декабрь 1938г

Редакционная коллегия сборника:

Земсков И. В.: (ответственный редактор), *Бондаренко А. П.*,
Сиполс В. Я., *Тихвинский С. Л.*, *Фалин В. М.*

Работа по подготовке сборника к печати осуществлена

Земсковым И. Н. и Севастьяновым П. П.

ОТ РЕДАКЦИИ

Прошло более 30 лет со времени выхода в свет первого издания двухтомника «Документы и материалы кануна второй мировой войны» *, содержавшего секретные документы из архива германского министерства иностранных дел за 1937-1939 гг., обнаруженные советскими войсками после вступления в Берлин в мае 1945 г. Публикация этих документов, осуществленная МИД СССР вскоре после окончания второй мировой войны, способствовала правильному пониманию мировой общественностью причин ее возникновения.

Учитывая все возрастающий интерес ученых и широких кругов общественности многих стран к международным отношениям кануна второй мировой войны, а также тот факт, что за послевоенные годы в ряде стран опубликовано немало новых документов, касающихся этого периода, было сочтено целесообразным осуществить новое, расширенное издание сборника.

В настоящее издание включено 202 иностранных документа (в первом издании было 78). Их состав расширен за счет документов, взятых из официальных зарубежных публикаций **. В целях наиболее полного и объективного освещения международной обстановки накануне войны в сборник включены основные советские внешнеполитические документы.

Во вступительной статье и в примечаниях использованы документы из, иностранных архивов.

Первый том сборника содержит документы и материалы за период с ноября 1937 г. по декабрь 1938 г., второй том — с января по август 1939 г.

* Документы и материалы кануна второй мировой войны. Том I, ноябрь 1937-1938 гг. Из архива М И Д Германия; том II. Архив Дирксена (1938-1939 гг.) М., 1948.

** Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918 — 1945. (A D A P) Serie D; Documents diplomatiques français 1932 — 1939. 2 serie; Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third series.

Внутри каждого тома документы расположены в хронологическом порядке. Номера документов и их заголовки принадлежат редакции сборника.

Документы, включенные в настоящий сборник, воспроизводятся, как правило, полностью, опущенные отдельные места не имеют непосредственного отношения к теме сборника. Сокращения в тексте отмечены многоточием в квадратных скобках. Различного рода служебные пометки на документах не воспроизводятся.

Исправления очевидных неточностей текста (пропуски букв, опечатки, орфографические погрешности и т. п.), не имеющие смыслового значения, не оговариваются.

Иностранные документы, как правило, печатаются в переводе с языка подлинника, с указанием источника, по которому они воспроизводятся. Советские документы, включенные в сборник, имеют отсылку на соответствующие публикации.

Издание снабжено примечаниями справочного характера и указателем имен (в конце каждого тома).

Сборник подготовлен Историко-дипломатическим управлением МИД СССР. Работа по подбору документов, редактированию переводов, составлению макета и научно-справочного аппарата выполнена сотрудниками Историко-дипломатического управления МИД СССР Быковым Л. А. и Пачес Г. С.

Помощи консультацией и материалами оказали: Кынин Г. П., доктор исторических наук Кобляков И. К., доктор исторических наук Безыменский Л. А., доктор исторических наук Остоя-Овсяный И. Д.

В редакционно-подготовительной работе участвовали сотрудники Историко-дипломатического Управления МИД СССР Бугре-ев М. А., Бураков В. А., Кубасов С. Л., Морозова И. М., Перфилова С. Е., Пилипенко А. П., Саакян З. Н., Тахненко Г. А.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Вопрос о причинах возникновения второй мировой войны, несмотря на то что со времени ее окончания прошло более 35 лет, не утратил своей актуальности. Вторая мировая война принесла человечеству колоссальные людские и материальные потери, сопровождалась невероятными страданиями сотен миллионов людей. Объективное исследование причин возникновения этой войны помогает в наши дни народам в их борьбе за мир, за предотвращение новой мировой войны, за разоружение, за разрядку напряженности и решение споров между государствами путем переговоров.

В. И. Ленин уделял много внимания выявлению причин империалистических войн. Он убедительно показал, что неравномерность экономического и политического развития отдельных стран в эпоху империализма побуждает капиталистические державы к переделу сфер влияния в соответствии с изменяющимся соотношением сил. «...При капитализме,— писал Ленин,— *немыслимо* иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д.»*.

Вторая мировая война, как и первая, была порождением империализма, закономерным результатом развития присущих ему противоречий и одновременно свидетельством заката мировой капиталистической системы. Именно империализм как система является ответственным за возникновение этой войны, а отнюдь не «ошибки» и «просчеты» отдельных буржуазных политических деятелей, как это обычно утверждает буржуазная историческая наука. Вторая мировая война, развязанная фашистской Германией, подобно первой, также началась со столкновения двух империалистических группировок. Но в отличие от первой мировой войны она разразилась в условиях, когда на международной арене уже 20 с лишним лет существовала и активно выступала за сохранение мира великая социалистическая держава, являвшаяся центром притяжения всех прогрессивных и миролюбивых сил.

* Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 27, с. 417.

Особенностью подготовки второй мировой войны являлось и то, что она велась империалистами под флагом антикоммунизма и антисоветизма. Жупел антикоммунизма использовался как фашистскими лидерами, так и правящими кругами «западных демократий» для того, чтобы замаскировать подлинные империалистические цели, которые лежали в основе их политики, обмануть собственные народы и мировое общественное мнение.

Империалистические соперники Германии, одержавшие над нею верх в первой мировой войне, были достаточно сильны, чтобы сковать германский милитаризм, помешать возрождению его агрессивной машины. Однако наряду с противоречиями, не разрешенными Версальским договором, у победителей и побежденных было нечто общее, что сводило их в конечном счете воедино,— непримиримая вражда к Октябрьской революции в России, антикоммунизм. Многие западные политические деятели стали высказывать сомнения в целесообразности действительного разоружения Германии, полагая, что ее милитаристский потенциал может оказаться полезным мировому капитализму в борьбе с Советской Россией.

Начиная с 1923 г. влиятельные круги Англии и США стали активно «заступаться» за Германию, уверяя, что она не в состоянии выполнить репарационные требования, предусмотренные Версальским договором. Более того, под предлогом содействия восстановлению «здоровой» германской экономики Англия и США организовали широкую финансовую помощь Германии. «...За период с 1924 по 1930 г. в германскую промышленность было вложено не менее 63 млрд. марок. Из них более 30 млрд. марок приходится на иностранные займы, полученные главным образом от Америки» *. На эти средства создавалась прежде всего основа военно-экономической мощи Германии, позволившая ей в скором времени вплотную заняться подготовкой к новой войне.

После экономического кризиса, начавшегося в 1929 г., общая международная обстановка ухудшилась. В 1931 г. Япония напала на Китай и оккупировала Маньчжурию. США и Англия ограничились лишь словесными протестами, рассчитывая на то, что из Маньчжурии японские милитаристы двинутся на СССР.

В 1933 г. Гитлер с помощью германских монополий приходит к власти в Германии и вместе с итальянскими фашистами добивается у западных держав все новых и новых уступок. В марте 1935 г. Германия официально заявляет об отказе от касающихся ее военных статей Версальского договора и вводит всеобщую воинскую повинность. Как бы санкционируя этот шаг, Англия в том же году заключает с Германией морское соглашение, предоставившее Германии право иметь военный флот, равный 35% тоннажа военно-морских сил Британского содружества наций (см. прим. № 9).

* *Норден А.* Уроки германской истории. К вопросу о политической роли финансового капитала и юнкерства. М., 1948, с. 75.

Осенью 1935 г. Италия совершает нападение на Эфиопию (Абиссинию), а в мае 1936 г. Муссолини объявляет о присоединении ее к Италии. В марте 1936 г. Германия вводит свои войска в демилитаризованную Рейнскую зону. В июле 1936 г. генерал Франко развязывает вооруженный мятеж против республиканской Испании. Германские и итальянские фашисты немедленно приходят ему на помощь. Италия направляет в Испанию 150 тыс. солдат, Германия — около 50 тыс. человек, в первую очередь военных летчиков.

Правительства Англии и Франции не приняли эффективных мер против агрессивных акций фашистских держав, хотя могли в сотрудничестве с СССР остановить агрессоров и предпринять шаги по обеспечению мира и международной безопасности. Они стали на другой путь. Их внешнеполитическая стратегия заключалась в том, чтобы отвести германскую агрессию от себя и направить ее на Восток, против Советского Союза, в надежде удовлетворить этим колониальные требования германских монополий и одновременно уничтожить ненавистную им большевистскую Россию. Политика «умиротворения» агрессоров, которую проводили правящие круги Англии и Франции, была поддержана США, провозгласившими политику «нейтралитета», а на деле попустительством агрессивными державами.

«Империалисты Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции, — указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — немало сделали, чтобы после первой мировой войны возродить германский милитаризм и направить его против Советского Союза. А когда с помощью германских монополий к власти пришел Гитлер, открыто провозгласивший курс на войну, западные державы занялись «умиротворением» агрессора. Они бросали под ноги Гитлеру новые и новые жертвы, лелея надежду, что он двинет свои полчища на Восток, против страны социализма» *.

Советское социалистическое государство родилось под знаменем борьбы за мир. Ленинский Декрет о мире был первым внешнеполитическим актом молодой Советской республики в 1917 г. Политика мира была и остается основой всех выступлений нашего государства в пользу разоружения, развития мирных торговых и других отношений между странами независимо от их социального строя. Советский Союз был единственным фактором мира в тревожные предвоенные годы. Сам факт существования СССР, его последовательная политика упрочения мира создавали объективную возможность предотвращения войны или, во всяком случае, значительного ограничения ее масштабов. С исключительной настойчивостью Коммунистическая партия, Советское правительство делали все, что было в их силах, для мобилизации мирового общественного мнения на борьбу за мир, разоблачения агрессоров и

* *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1973, т. 1, с. 122.

провокаторов войны, предлагали свое активное участие в коллективных мерах для обеспечения безопасности народов. Но только своими силами Советский Союз не имел возможности предотвратить войну. Что касалось западных держав, то они отклоняли все предложения СССР, продолжали «умиротворять» и поощрять агрессоров и тем самым сделали войну неизбежной.

В 1922 г. на международной конференции в Генуе советская делегация провозгласила принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем и заявила о готовности обсудить вопрос о всеобщем сокращении вооружений. В декабре этого же года в Москве состоялась конференция шести государств, которая обсудила вопрос о возможности сокращения вооружений. В 1925—1927 гг. Советское правительство выдвинуло и последовательно проводило идею договоров о ненападении и нейтралитете, которые включали также обязательства сторон не участвовать во враждебных друг другу союзах, в финансовом и экономическом бойкоте или блокаде, направленных против другой договаривающейся стороны, и обеспечило заключение такого рода договоров с Турцией, Афганистаном, Ираном, Германией и Литвой. На подготовительной конференции в Женеве в 1927 г. Советский Союз внес предложение о всеобщем и полном разоружении. По инициативе СССР был подписан протокол с рядом соседних государств о немедленном вступлении в действие так называемого пакта Бриана — Келлога, предусматривавшего отказ от войны как средства национальной политики.

В период непрерывного разрастания очагов агрессии Советский Союз выступал в защиту свободы и независимости народов, оказавшихся жертвами фашистской агрессии, неустанно разоблачал тех, кто готовил мировую войну. Советская дипломатия настойчиво боролась за создание такой системы коллективной безопасности в Европе и на Дальнем Востоке, которая могла бы стать серьезной преградой на пути к развязыванию войны. В 1935—1937 гг. СССР заключил двусторонние договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией, пакт о ненападении с Китаем. Советский народ многие годы помогал китайскому народу в борьбе против японских захватчиков, а также испанскому народу в деле защиты республики от фашизма.

На конференции в Брюсселе, созванной в ноябре 1937 г. специально для обсуждения ситуации, сложившейся в Восточной Азии, Советский Союз выступил с требованием принятия коллективных мер против японской агрессии. Однако западные державы, в первую очередь США и Англия, отказались поддержать эту инициативу, как и большинство других советских предложений, направленных на сплочение сил, стоящих на платформе обеспечения мира. Правящие круги Запада рассчитывали, что им удастся сговориться с фашистскими державами за счет Советского Союза, уничтожить ненавистное им первое и единственное в тогдашнем

мире социалистическое государство, сохранить в неприкосновенности свои колониальные владения и экономические позиции.

В условиях назревавшего в 1937 г. нового экономического кризиса в капиталистическом мире и крайнего обострения всех империалистических противоречий буржуазные правительства стали искать выход в форсированной подготовке и развязывании войны. Западные державы в этот период перешли от «уступок» агрессорам к попыткам прямого сговора с ними за счет третьих стран. Именно к этому периоду и относятся документы настоящего сборника.

Главными вдохновителями и инициаторами пагубной политики сговора с фашистской Германией были руководители Англии. Ее творцами являлись Чемберлен, Саймон и Галифакс. Первые зондажи для выяснения возможностей и условий заключения англо-германского соглашения о «выравнивании интересов» были приняты Англией еще в начале 1937 г., что видно из беседы представителя английских деловых кругов Рикенса с посланником Германии в Австрии Папенем (см. прим. № 6).

Особенно настойчиво политика потворства экспансии фашистской Германии в направлении Советского Союза и стран Восточной Европы стала проводиться Англией после того, как Чемберлен в мае 1937 г. занял пост премьер-министра. В ноябре он направил лорда Галифакса для переговоров с Гитлером. Запись их беседы в Оберзальцберге, состоявшейся 19 ноября 1937 г., подтверждает, что английское правительство было довольно тем, что Гитлер превратил Германию в «бастион Запада против большевизма». Из высказываний Галифакса следовало, что английское правительство было готово согласиться на перекраивание политической карты Европы в пользу Германии, в частности удовлетворить ее притязания на Австрию, Данциг (Гданьск) и в отношении Чехословакии. При этом Галифакс добивался согласия Гитлера на заключение всеобъемлющего англо-германского соглашения, которое гарантировало бы Англии неприкосновенность ее колониальной империи и позиций в Европе (т. 1, док. 3).

Правительство Франции одобрило результаты ноябрьских переговоров Галифакса с Гитлером.

Продолжая переговоры с Германией, британский посол в Берлине Н. Гендерсон передал Гитлеру 3 марта 1938 г. конкретные предложения британского правительства по урегулированию колониального вопроса. В беседе с британским послом затрагивались также вопросы отношений Германии с Австрией и Чехословакией, и Гитлер окончательно убедился в том, что в случае вторжения в Австрию он не встретит отпора со стороны Англии и Франции (т. 1, док. 7).

В ночь на 12 марта 1938 г., осуществляя «план Отто», утвержденный в Берлине еще 24 июня 1937 г., гитлеровские войска вступили в Австрию и присоединили ее к Германии. С карты Европы исчезло государство, независимость которого была в свое время

гарантирована Англией и Францией. Ни лондонский, ни парижский кабинеты не сделали ничего в поддержку Австрии. Более того, под их давлением вопрос об аншлюсе не был даже поставлен в Лиге наций. Правительство США также не подало голоса в защиту независимости Австрии.

Только Советский Союз решительно осудил гитлеровскую агрессию в отношении Австрии. В заявлении народного комиссара иностранных дел от 17 марта 1938 г. от имени Советского правительства сообщалось о готовности СССР «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни... Завтра может быть уже поздно,— предостерегало Советское правительство,— но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира» (т. 1, док. 14).

Это заявление было передано правительствам Англии, Франции и США, но они не поддержали предлагавшихся в нем мер.

По сути, заодно с германскими нацистами выступали реакционные круги буржуазно-помещичьей Польши, поддержавшие захват Германией Австрии и в свою очередь вынашивавшие агрессивные замыслы. Их ближайшей целью в то время была Литва.

Этим замыслом не суждено было сбыться. 16 марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР вызвал польского посла в Москве В. Гжибовского и сделал ему заявление о том, что Советский Союз не смог бы оставаться безучастным, если бы Литва оказалась под угрозой*. Одновременно Советское правительство приняло меры к тому, чтобы оказать воздействие на Польшу через ее союзницу — Францию. Вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы Польшей и Германией.

Присоединив Австрию, фашистский рейх занял выгодные стратегические позиции для дальнейших агрессивных действий. Непосредственная угроза нависла над Чехословакией. Германский генштаб по указанию Гитлера приступил к подготовке захвата Чехословакии («план Грюн»). 28 марта 1938 г. Гитлер дал Генлейну, «фюреру» судето-немецких фашистов, указания активизировать свою деятельность и предъявить правительству Чехословакии требования, которые были бы для него заведомо неприемлемыми**. Требования, выдвинутые Генлейном, были отклонены.

Английское и французское правительства поспешили прийти на помощь Гитлеру под предлогом «посредничества» между Германией и Чехословакией. Они оказывали все возрастающее давление на чехословацкое правительство, добываясь от него уступок

* См.: Документы внешней политики СССР. М., 1977, т. XXI, 1 января — 31 декабря 1938 г., с. 154.

** ADAP. Ser. D, Bd. II, S. 158.

Гитлеру. В то же время британские представители заверяли нацистов в своей готовности оказывать содействие в «урегулировании чешской проблемы» (т. 1, док. 52).

Представитель английского правительства В. Ренсимен, находившийся в Праге с 3 августа по 15 сентября 1938 г. с посреднической миссией, вернулся в Лондон с рекомендацией принять германские требования и предложить Чехословакии передать Германии Судетскую область. 15 сентября 1938 г. Н. Чемберлен в сопровождении главного советника правительства по вопросам промышленности Х. Вильсона прибыл в Германию. В беседе с Гитлером, состоявшейся в Берхтесгадене, Чемберлен выразил готовность удовлетворить его требования о передаче Германии пограничных с ней районов Чехословакии (Судетскую область), но заявил, что должен получить на это официальную санкцию своего правительства, а также согласовать вопрос с французским правительством (т. 1, док. 63).

На совещании глав правительств Англии и Франции в Лондоне 18 сентября 1938 г. было решено удовлетворить требование Гитлера о расчленении Чехословакии. На следующий день, 19 сентября, правительства Англии и Франции вручили чехословацкому правительству ноты, содержащие ультимативное требование о передаче рейху Судетской области (т. 1, док. 67).

Президент США Ф. Рузвельт в беседе с английским послом 20 сентября 1938 г. отмечал, что Англия и Франция требуют от Чехословакии «самой ужасной безжалостной жертвы, которая когда-либо требовалась от какого-нибудь государства». В то же время Рузвельт заявил, что если осуществляемый англичанами курс окажется успешным, то он «был бы первым, кто приветствовал бы его» *.

Совершенно иной была позиция СССР. 19 сентября 1938 г. чехословацкое правительство передало Советскому правительству просьбу дать как можно скорее ответ на вопросы: а) окажет ли СССР, согласно договору, немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь; б) поможет ли СССР Чехословакии как член Лиги наций **.

20 сентября полпреду СССР в Праге были даны указания дать на оба вопроса положительные ответы. Он немедленно передал эти ответы чехословацкому правительству. О них была поставлена в известность и Франция (т. 1, док. 75). Таким образом, Советское правительство в трудных и опасных для Чехословакии условиях снова официально подтвердило, что СССР выполнит свои обязательства по договору с Чехословакией.

Одновременно Советским правительством были приняты меры по повышению боеготовности западных приграничных военных

* Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Third series. L., 1954, vol. VII, p. 627.

** См.: Документы внешней политики СССР, т. XXI, с. 499.

округов. В общей сложности в боевую готовность были приведены: 1 танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, 1 мотострелковая и 12 авиационных бригад и т. д. Для отправки в Чехословакию было подготовлено 548 боевых самолетов *. О принятых Советским Союзом мерах был информирован начальник генштаба Франции генерал Гамелен **.

Однако чехословацкое правительство удовлетворило англо-французский ультиматум. 22 сентября Чемберлен снова прибыл в Германию (Бад-Годесберг), чтобы сообщить Гитлеру, что ему удалось получить согласие не только своего, но и французского и чехословацкого правительств на передачу Германии Судетской области. При этом Чемберлен заявил, что «фюрер получил от него то, что он требовал. Чтобы достичь этого, он (Чемберлен) поставил на карту всю свою политическую карьеру».

Учитывая позицию Чемберлена, Гитлер немедленно потребовал, чтобы передача Судетской области Германии была закончена до 1 октября 1938 г. и чтобы буржуазно-помещичьей Польше и хортистской Венгрии также были переданы некоторые районы Чехословакии (т. 1, док. 83).

В этот же день 22 сентября посол Франции в Берлине сообщал своему министру иностранных дел, что демарши, предпринятые в Праге Францией и Англией, были истолкованы в Германии как доказательство того, что Лондон и Париж не хотят войны из-за Чехословакии (т. 1, док. 82).

27 сентября 1938 г. министр иностранных дел Франции Ж. Боннэ записал в своем дневнике: «Я против всеобщей мобилизации. Нужно любой ценой стремиться к соглашению» (т. 1, док. 94).

29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене собралась конференция глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии, на которой состоялась сделка западных государств с фашистскими аггрессорами о расчленении Чехословакии (т. 1, док. 100).

США хотя формально и не участвовали в мюнхенской конференции, однако полностью одобрили ее итоги и действия Чемберлена — Даладье.

Большинство органов буржуазной печати хором воспевали мюнхенское соглашение как якобы открывавшее эпоху длительного мира на европейском континенте, хотя каждому мыслящему политику было видно, что мюнхенский договор представлял гитлеровской Германии «свободу рук» для дальнейших актов агрессии, ч первую очередь на востоке Европы. Такое признание, в частности, содержалось в письме посла Франции в Берлине своему министру от 19 марта 1939 г. «После конференции в Мюнхене,— общал посол,— сразу стало ясно, что за Рейном подписанные со-

* См.: Документы по истории мюнхенскогоговора. 1937—1939. М., 1979, с. 254—256, 312—315.

** См. там же, с. 293.

глашения истолковывают как предоставление Германии свободы действий в Центральной и Восточной Европе...» (т. 2, док. 23). Так же расценил «Мюнхен» и польский посол в Англии в своем донесении в Варшаву от 16 декабря 1938 г. (т. 1, док. 122). Подписанные гитлеровцами после «Мюнхена» германо-английская и германо-французская декларации о ненападении (т. 1, док. 102, 117) лишь вводили общественное мнение в заблуждение по поводу подлинных намерений фашистской Германии. Истинной целью Англии и Франции при подписании этих документов с Германией было стремление направить ее агрессию на Восток, против СССР и других стран этого региона.

Мюнхенское соглашение коренным образом меняло положение в Центральной Европе. Захватив Австрию и часть Чехословакии, Германия значительно укрепила свои стратегические позиции. В результате отказа от сотрудничества с Советским Союзом военные и политические позиции Франции и Англии оказались резко ослабленными. Была окончательно ликвидирована англо-французская гегемония в Европе, основывавшаяся на Версальском договоре. В Мюнхене, по существу, была уничтожена система военных союзов, заключенных Францией с государствами на востоке Европы. Фактически был обесценен и советско-французский договор о взаимопомощи против агрессии как средство обеспечения мира и безопасности в Европе. Был нанесен смертельный удар по Лиге наций. Слепленные антисоветизмом, правящие круги западных держав фактически расчистили гитлеровской Германии путь к развязыванию второй мировой войны и оказались сами перед лицом фашистской агрессии.

В советской прессе в те дни отмечалось, что за короткий срок Эфиопия (Абиссиния), Испания, Китай, Австрия, Чехословакия стали жертвами «прожорливых фашистских людоедов». Наряду с осуждением действий агрессоров в печати критиковалась и проводившаяся в Лондоне и Париже политика попустительства агрессии. «...Капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором,— писала газета «Известия»,— по ВИДИМОСТИ отдалив войну, в действительности ее приближает...» *.

Смысл так называемой мюнхенской политики Англии и Франции был раскрыт в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. «В политике невмешательства,— говорилось в докладе,— сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,— выступить на сцену со свежими силами, вы-

* Известия, 1938, 4 октября.

ступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия» *.

Правильно оценив политику «умиротворения», проводившуюся правящими кругами Англии, Франции и США, фашистские агрессоры и после «Мюнхена» продолжали осуществлять свои агрессивные замыслы. 15 марта 1939 г. германские войска вступили в Прагу, и Чехословакия была ликвидирована как самостоятельное государство.

СССР решительно осудил гитлеровскую агрессию против Чехословакии. В ноте Наркомаиндела СССР 18 марта 1939 г. говорилось, что «оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными» (т. 2, док. 20).

21 марта 1939 г. нацисты потребовали от польского правительства согласия на присоединение к Германии Данцига и на строительство через территорию Польши экстерриториальной автострады в Восточную Пруссию.

Готовившийся захват Польши нацистами вызвал тревогу в Англии, увидевшей в этом подготовку к возможному последующему нападению Германии на Францию и Англию. В таких условиях Англия 31 марта 1939 г. заявила о готовности оказать помощь Польше, если она подвергнется агрессии (т. 2, док. 33).

Это не остановило фашистскую Германию. 3 апреля 1939 г. начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтель подписал распоряжение, в котором от имени фюрера указывалось, в частности, что подготовка вооруженных сил должна проводиться таким образом, чтобы осуществление плана «Вейс» (план захвата Польши) «было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.» (т. 2, док. 35).

27 апреля 1939 г. гитлеровская Германия денонсировала польско-германский пакт о ненападении от 1934 г.** 28 апреля 1939 г. в Берлине было объявлено о денонсации англо-германского морского соглашения 1935 г. 7 апреля 1939 г. итальянские войска вторглись в Албанию и вскоре захватили ее.

В такой предельно напряженной и сложной международной обстановке Советский Союз продолжал проводить свою миролюбивую внешнюю политику, мобилизацию сил на борьбу против военной опасности. 17 апреля 1939 г. Советское правительство направило правительствам Англии и Франции проект пакта о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, основанного на принципе равных прав и обязанностей для всех его участников. Важнейшие статьи пакта гласили:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг

* XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 13.

** ADAP. Ser. D, Bd. VI, S. 288—291.

другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2».

Советские предложения предусматривали заключение одновременно с политическим соглашением и военной конвенции (т. 2, док. 43).

Эти предложения представляли собой четкую программу создания в Европе надежного фронта защиты мира, основанного на тесном сотрудничестве СССР, Англии и Франции. Их осуществление могло бы создать надежную преграду на пути агрессоров.

Английское правительство неоднократно обсуждало советские предложения. Большинство министров было против «всеобъемлющего» соглашения с СССР, поскольку заключение Англией и Францией союза с СССР сделало бы невозможным новое англо-германское соглашение, а английское правительство считало это своей главной целью, надеясь, что все же удастся договориться с Гитлером, предоставив ему свободу рук на востоке, т. е. направив фашистскую агрессию против СССР. Именно поэтому Галифакс и другие члены правительства высказывали мнение, что не следует менять английской политики. Имелись лишь опасения, как бы в результате позиции Англии Советское правительство не оказалось вынужденным пойти на нормализацию отношений с Германией. Это считалось маловероятным, но все же в целях предотвращения нормализации советско-германских отношений было признано целесообразным «в течение какого-то времени продолжать поддерживать переговоры» с СССР*.

Только по прошествии трех недель правительство Чемберлена 8 мая 1939 г. передало правительству СССР свой ответ, в котором, игнорируя советские предложения от 17 апреля, предлагало, чтобы Советское правительство «обязалось бы в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия во исполнение принятых ими обязательств (т. е. гарантий Польше и Румынии.— *Ред.*) оказать немедленно содействие, если оно будет желательным...»**.

Советский Союз, естественно, не счел возможным брать на себя такие односторонние обязательства, поскольку они не могли «послужить основой для организации фронта сопротивления миро-

* Public Record Office, Cab. 23/99, p. 58—61, 128—130.

** СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, с. 383. (Далее: СССР в борьбе за мир...)

любивых государств против дальнейшего развертывания агрессии в Европе» и, в частности, не предусматривали «обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров...» *.

В связи с явным усилением угрозы германской агрессии ** правительство Чемберлена оказалось вынужденным согласиться на продолжение переговоров о заключении предложенного советской стороной англо-франко-советского соглашения. Однако это согласие было обставлено 24 мая 1939 г. на заседании английского правительства целым рядом оговорок, которые фактически сводили на нет значение возможного соглашения как основы для организации сопротивления агрессорам в Европе ***.

В середине июня в Москве начались затяжные переговоры представителей СССР, Англии и Франции, в ходе которых англо-французская дипломатия всеми способами старалась разорвать советский проект соглашения на две части, чтобы исключить из него военные статьи, т. е. не брать на себя никаких военных обязательств по отношению к СССР. Оценка этой позиции представителей Англии и Франции на переговорах была дана в информации наркома иностранных дел СССР от 17 июля, направленной полпредам СССР в Лондоне и Париже ****.

Документы германских и английских архивов дают ясный ответ на вопрос о причинах, по которым правительство Франции и особенно Англии не имели ни малейшего желания оказывать СССР какую бы то ни было помощь в случае, если он подвергнется нападению агрессора. Их ненависть к первому социалистическому государству проявилась здесь в полной мере. В июне 1939 г. в глубокой тайне были начаты англо-германские переговоры. Английское правительство считало, что, укрепив связи с Польшей и некоторыми другими государствами Восточной Европы и вступив в переговоры с СССР, оно до некоторой степени упрочило свои позиции и наступил черед снова попытаться сторговаться с фашистским рейхом, имея в виду предоставить ему свободу агрессивных действий в направлении восточноевропейских стран, и в первую очередь СССР.

В этих секретных переговорах с английской стороны участвовали главный советник правительства по вопросам промышленности Х. Вильсон, влиятельный деятель консервативной партии Дж. Болл, министр внешней торговли Великобритании Р. Хадсон, лорд Галифакс, а также видный деятель лейбористской партии Ч. Р. Бакстон (т. 2, док. 84, 87, 88, 89, 93, 94, 96, 100, 105). Форин оффис организовал переговоры с Германией через посредство анг-

* СССР в борьбе за мир..., с. 395.

** 22 мая 1939 г. был подписан германо-итальянский союзный договор («стальной пакт»), а 23 мая Гитлер на совещании руководящего состава вермахта поставил задачу эффективной подготовки к войне (т. II, док. 59).

*** Public Record Office, Cab. 23/89, p. 272-275, 278, 284.

**** См.: СССР в борьбе за мир..., с. 195—496.

лийских промышленников, которые 7 и 8 августа встречались с Герингом (т. 2, док. 107).

Как подтвердил в своем сообщении из Лондона германский посол Г. Дирксен, Англия на переговорах была готова отказаться «от гарантий, данных ею некоторым государствам, находящимся в германской сфере интересов. Далее, Великобритания воздерживалась бы на Францию в том смысле, чтобы Франция уничтожила свой союз с Советским Союзом и свои обязательства в Юго-Восточной Европе. Свои переговоры о пакте с Советским Союзом Англия также прекратила бы» (т. 2, док. 121).

Поскольку, однако, нацистская Германия не проявляла явного стремления к соглашению с Англией, правительство Чемберлена в целях нажима на нее согласилось начать с Советским Союзом переговоры о заключении одновременно с союзным договором также и военного соглашения. Однако оно по-прежнему не собиралось связывать себя какими-либо обязательствами по отношению к СССР. Это совершенно очевидно из пункта 15 секретной директивы, утвержденной для английской военной миссии на переговорах в Москве. В нем указывалось, что «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство...» (т. 2, док. 99).

На советско-англо-французских военных переговорах, начавшихся в Москве 12 августа 1939 г., глава советской военной миссии нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов предложил огласить полномочия делегаций. Полномочия советских представителей были полными и исчерпывающими (т. 2, док. 102). Глава французской делегации Ж. Думенк имел полномочия лишь на ведение переговоров, но не на подписание конвенции. Глава же английской делегации П. Драке прибыл в Москву вообще без каких-либо полномочий.

Когда начались переговоры по существу, выяснилось, что английская и французская делегации приехали в Москву без каких-либо разработанных конкретных планов военного сотрудничества трех держав. Только советская сторона представила подробный план совместных действий вооруженных сил СССР, Англии и Франции на все возможные случаи агрессии. Этот план исходил из того, что нельзя было позволить фашистскому рейху беспрепятственно захватить Польшу и Румынию, а предотвратить это можно было, лишь предоставив советским войскам возможность встретить агрессора, как только он попытается вторгнуться в эти страны. Для этого необходимо было предоставить советским войскам право прохода через согласованные коридоры на польской и румынской территориях. Советская делегация сразу же поставила этот главный вопрос, без решения которого переговоры теряли всякий смысл. Это вызвало замешательство у английской и французской делегаций.

15 августа Драке сообщил, что английская и французская военные миссии передали советское заявление своим правительствам

и теперь ожидают ответа. В связи с этим советская делегация согласилась продолжить переговоры.

Ответ на вопрос о проходе советских войск через территории Польши и Румынии не был получен ни 16, ни 17 августа, после чего по предложению Дракса переговоры были прерваны до 21 августа.

Английская и французская миссии продолжали прибегать к самым различным ухищрениям, чтобы создать видимость продолжения переговоров. Разоблачая маневры английской и французской делегаций, К. Е. Ворошилов заявил на заседании 21 августа, что он не согласен устраивать еще один перерыв в заседаниях и что ввиду отсутствия ответа Англии и Франции на поставленный им кардинальный вопрос «есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР».

Ввиду изложенного, ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны». Если будут получены положительные ответы, заявил он, «тогда придется наше совещание собрать как можно раньше» *.

Это было последним заседанием, поскольку английская и французская миссии так и не получили от своих правительств положительного ответа на вопрос советской стороны. Таким образом, правительства Англии и Франции несут всю ответственность за провал военных переговоров в Москве.

Отказавшись заключить оборонительный союз с СССР, Англия и Франция фактически сделали неизбежным развязывание новой мировой войны и обрекли Польшу на поражение. Американский историк Шуман подтверждает, что на Западе «все предпочитали гибель Польши защите ее Советским Союзом. И все надеялись, что в результате этого начнется война между Германией и СССР» **.

Ответственность за сентябрьскую трагедию Польши, т. е. за ее поражение в войне с фашистской Германией, падает и на реакционное польское правительство, которое даже перед лицом смертельной угрозы нападения гитлеровских войск, о подготовке которого оно имело точные сведения, оказалось неспособным порвать со своей антинациональной, враждебной СССР политикой и предпочло поражение своей страны и ее порабощение фашистской Германией защите Польши совместно с Советским Союзом. Об этом убедительно говорят многие включенные в сборник документы (т. 2, док. 129-133).

Советская дипломатия делала все возможное, чтобы создать надежный фронт защиты мира против агрессии. Она считала, что совместными усилиями всех государств, заинтересованных в предотвращении гитлеровской агрессии, мир в Европе в то время еще

* СССР в борьбе за мир..., с. 624, 627.

** *Shuman F. Soviet Politics at Home and Abroad.* N. Y., 1946, p. 376.

мог бы быть сохранен. К сожалению, эти усилия Советского правительства из-за политики Англии и Франции не увенчались успехом.

Советское правительство трезво оценивало международную обстановку, отчетливо понимало опасность надвигавшейся мировой войны. Оно учитывало мюнхенское предательство, фактическое нарушение Францией ее союзнических обязательств перед Чехословакией, а по существу, и перед СССР. После того как переговоры с Англией и Францией зашли в тупик вследствие их нежелания сотрудничать с СССР, после поступления сведений о тайных переговорах между Германией и Англией Советское правительство убедилось в полной невозможности добиться сотрудничества с западными державами. И тем не менее оно не отвечало согласием на неоднократно повторенное германское предложение начать переговоры о соглашении между Германией и СССР. Оно не реагировало и на телеграмму германского правительства от 15 августа 1939 г. с предложением принять в Москве министра иностранных дел для переговоров. Ход переговоров с военными делегациями Англии и Франции 15—17 августа окончательно подтвердил безнадежность попыток добиться соглашения с ними. 20 августа последовал новый запрос из Берлина о приезде Риббентропа. И тогда в сложившейся обстановке правительство СССР приняло единственно правильное решение — дать согласие на его приезд и переговоры, которые завершились 23 августа 1939 г. подписанием советско-германского договора о ненападении. Советское правительство учитывало при этом и то, что на Дальнем Востоке, в районе реки Халхин-Гол, уже с мая 1939 г. шли упорные бои между советскими и монгольскими войсками, с одной стороны, и японскими агрессорами — с другой.

Ясный ответ на вопрос о причинах заключения договора с Германией дал в интервью 27 августа 1939 г. К. Е. Ворошилов: «Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий» (т. 2, док. 143).

Советское правительство не отказалось от идеи организации коллективной безопасности и после подписания договора с Германией. Именно поэтому оно заявляло о своей готовности продолжить с Англией и Францией переговоры о заключении пакта о взаимной помощи. Однако правительства Чемберлена и Даладье немедленно отзывали свои делегации из Москвы, продемонстрировав таким образом свое нежелание продолжить переговоры с СССР. Советское правительство предпочитало коллективную безопасность, в основе которой лежало бы сотрудничество СССР с Англией и Францией против фашистской агрессии. Такое сотрудничество, если бы оно и не предотвратило войну, позволило бы

вести ее в наиболее благоприятной стратегической обстановке, заставив Германию воевать сразу на два фронта — на Западе и на Востоке. Англо-франко-советское военное сотрудничество могло бы помочь избежать падения Польши и Франции, захват которых усиливал Германию.

У Советского правительства не было никаких иллюзий относительно антисоветских планов гитлеровцев и их союзников по агрессивному антикоминтерновскому пакту. Подписав с фашистской Германией договор о ненападении, Советское государство получало, однако, известный выигрыш во времени, позволявший осуществить дополнительные мероприятия по укреплению обороны страны. Даже временное продление мира было чрезвычайно важным для СССР, принимая во внимание крайне острую обстановку, сложившуюся летом 1939 г., когда война началась бы в самых невыгодных для СССР обстоятельствах — в состоянии изоляции и сразу на двух фронтах: против Германии и против Японии.

Как убедительно свидетельствуют документы настоящего сборника, проводившаяся Лондоном и Парижем в канун второй мировой войны политика («умиротворения») и сговора с агрессивными фашистскими государствами, порожденная их классовой ненавистью к стране социализма, полностью обанкротилась, обернулась тяжелыми последствиями для дела мира и для них самих. Как показала история, она явилась верхом политической близорукости и авантюризма. Поощряя и вооружая агрессоров в надежде, что они затем двинутся против Советского Союза, правительства западных держав тем самым поставили под угрозу жизненные интересы собственных стран и народов. Эта политика привела к разгрому Франции в 1940 г., поставила Англию на грань катастрофы, стоила больших жертв и лишений американскому народу. Вторая мировая война возникла внутри капиталистической системы в результате крайнего обострения противоречий между двумя империалистическими группировками в борьбе за мировое господство.

Более 40 лет отделяют нас от события кануна второй мировой войны. В международном положении СССР произошли существенные качественные изменения. Нет больше капиталистического окружения Советского Союза. Образовалось мировое социалистическое содружество. Неизмеримо вырос международный авторитет, укрепились международные позиции СССР. Изменилось соотношение сил на международной арене в пользу мира, демократии и социализма.

Однако нельзя не видеть, что в современных условиях политика мира прокладывает себе дорогу в остром противоборстве с силами войны и реакции. Эти силы — от империалистов до маоистов — отнюдь не сложили оружия.

Советский Союз, учитывая уроки второй мировой войны, не жалеет усилий в борьбе за то, чтобы не повторилась трагедия прошлого. Советский Союз полон решимости идти дальше по пути

мира, сделать все, чтобы навсегда исключить мировую войну из жизни человечества.

«Мы — за выдержку, за взвешенный подход,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.— Но мы и за твердое противодействие агрессии, если это оказывается необходимым. Такую позицию Советский Союз отстаивал в период, когда нарастала угроза мировой войны. Эту же позицию мы занимаем сегодня» *.

В своей политике на международной арене Советский Союз сочетает курс на мирное сосуществование, на сохранение и углубление разрядки с твердым отпором силам агрессии. Начиная с первого внешнеполитического акта Советской России — ленинского Декрета о мире, борьба за мир и обуздание сил агрессии является краеугольным камнем деятельности СССР на международной арене. Как свидетельствуют документы и материалы XXVI съезда КПСС, империалистической доктрине агрессии и войн наша партия, Советское государство противопоставляют испытанную доктрину мира, мирного сосуществования и равноправия всех государств — больших и малых.

«Отстоять мир,— заявил с трибуны XXVI съезда КПСС товарищ Л. И. Брежнев,— нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты» **.

* *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. М., 1981, т. 8, с. 34.

** Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 31.

1. Запись совещания политических и военных руководителей Германии

*5 ноября 1937 г.**

Присутствуют: фюрер и рейхсканцлер, военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками барон фон Фрич, главнокомандующий военно-морским флотом адмирал флота доктор honoris causa ** Редер, главнокомандующий военно-воздушными силами генерал-полковник Геринг, министр иностранных дел барон фон Нейрат, полковник Хосбах.

Вначале фюрер указал на то, что предмет сегодняшней беседы имеет такое значение, что в других государствах он, пожалуй, обсуждался бы форумом правительственного кабинета; он, фюрер, именно учитывая значение предмета, отказался от его обсуждения в широком кругу правительственного кабинета. Его последующее выступление является результатом глубоких размышлений и опыта, накопленного им за четыре с половиной года пребывания у власти; он хочет разъяснить присутствующим господам свои принципиальные соображения относительно возможностей и неизбежных моментов развития нашего внешнеполитического положения, причем, в интересах проведения германской политики в будущем, он просит рассматривать свое выступление как завещание на случай, если его постигнет смерть.

Затем фюрер сказал следующее.

Целью германской политики является обеспечение безопасности и сохранения народа и обеспечение его численного роста. Таким образом, речь идет о проблеме пространства.

Свыше 85 миллионов человек насчитывает германский народ, который по количеству людей и по компактности территории, занятой им в Европе, представляет собой такое монолитное расовое ядро, какого нет ни в одной другой стране; он имеет большее пра-

* Составлена 10 ноября 1937 г.

** Ученая степень, присуждаемая за научные заслуги без защиты диссертации.

во, нежели другие народы, на более обширное жизненное пространство. Если в расширении пространства не удалось добиться политического результата, подобающего германской расе, то это является следствием многовекового исторического развития. Дальнейшее пребывание в таком политическом состоянии представляет собой величайшую опасность для сохранения германской нации на ее сегодняшнем уровне. Остановить сокращение немецкого населения в Австрии и Чехословакии так же невозможно, как и сохранить его на нынешнем уровне в самой Германии. Вместо роста начнется стерилизация, в результате которой через несколько лет неизбежно возникнут трудности социального характера. Политические и философские идеи имеют силу лишь до тех пор, пока они составляют основу для осуществления реальных жизненных потребностей народа. Будущее германского народа зависит поэтому исключительно от решения проблемы пространства. Такое решение можно, естественно, искать лишь в течение ближайшего времени, охватывающего продолжительность жизни примерно трех поколений.

Но прежде чем коснуться решения проблемы пространства, следует детально рассмотреть, можно ли достичь перспективного улучшения положения Германии путем автаркии или путем увеличения доли участия в мировом хозяйстве.

А в т а р к и я *

Ее осуществление возможно только при одном условии — строгом руководстве государством со стороны национал-социалистской партии. При ее осуществлении можно достичь следующих результатов.

А. По части сырья лишь условной, но не тотальной автаркии.

1. Если уголь будет использоваться для получения сырьевых продуктов, то автаркии можно достичь.

2. Но с рудами положение уже намного сложнее. Потребность в железе можно покрыть собственной добычей. Это же можно сказать и о легких металлах. Потребность же в других металлах — меди, олове — за свой счет покрыть невозможно.

3. Волокно — потребность можно покрыть из собственного производства, если хватит запасов леса. Но длительное время это невозможно.

4. По пищевым жирам — возможно.

Б. Что касается автаркии по части продовольствия, то на этот вопрос следует ответить категорическим «нет».

Одновременно с общим повышением жизненного уровня возросли по сравнению с периодом, отстоящим от нас на 30—40 лет, потребности, а также увеличилось собственное потребление производителей — крестьян. Дополнительная продукция, полученная

* «Самоудовлетворение» — экономическая политика империалистических государств, направленная к обособлению национального хозяйства для подготовки агрессивных войн.

путем увеличения сельскохозяйственного производства, пошла на покрытие возросших потребностей, поэтому она не означала абсолютного увеличения производства. Дальнейшее увеличение производства посредством интенсификации обработки земли, которая в связи с использованием искусственного удобрения обнаруживает уже признаки усталости, вряд ли возможно. Поэтому совершенно очевидно, что даже при самом максимальном увеличении производства нельзя будет обойтись без мирового рынка. Валютные расходы для обеспечения продовольственного снабжения путем импорта возрастают в неурожайные годы до катастрофических размеров. Вероятность катастрофы увеличивается по мере роста численности населения, причем превышение рождаемости над смертностью, составляющее 560 тысяч человек ежегодно, означает увеличение потребления хлеба, так как ребенок потребляет больше хлеба, чем взрослый *. Решить же продовольственную проблему на длительное время путем понижения жизненного уровня и введения карточной системы невозможно в нашей стране, учитывая, что в соседних странах имеется примерно такой же уровень жизни. После того как в результате решения проблемы безработицы в полную силу начнет действовать покупательная способность, пожалуй, возможно еще некоторое увеличение собственного сельскохозяйственного производства, однако действительно изменить продовольственную базу не удастся. Таким образом, автаркия оказывается несостоятельной как по отношению к продовольственному снабжению, так и в целом.

Участие в мировом хозяйстве

Этому участию поставлены границы, которые мы не в состоянии устранить. Надежное укрепление положения Германии невозможно из-за конъюнктурных колебаний. Его нельзя добиться с помощью торговых договоров. При этом нужно принять во внимание одно принципиальное обстоятельство, а именно: что со времени мировой войны произошла индустриализация как раз тех стран, которые ранее были экспортёрами продовольствия. Мы живем в эпоху экономических империй, когда тяга к колонизации возвращает нас к первобытному состоянию. В некоторых случаях, как, например, в Японии и Италии, стремление к экспансии имеет экономические мотивы, точно так же как и для Германии побудительным фактором будет являться экономическая нужда. Для стран, находящихся за пределами больших экономических областей, возможности экономической экспансии особенно ограничены.

Подъем мировой экономики, обусловленный конъюнктурой военной промышленности, ни в коей мере не может являться основой для урегулирования экономических вопросов на длительное время. Этому также противодействует в первую очередь дезорга-

* Так в тексте.

низация экономики, исходящая от большевизма *. Те государства, которые основывают свое существование на внешней торговле, совершенно очевидно являются очень уязвимыми с военной точки зрения. Так как наши внешние торговые пути проходят по морским коммуникациям, контролируемым Англией, то речь скорее идет о безопасности перевозок, чем о валюте. А отсюда становится очевидной наша уязвимость в продовольственном снабжении в случае войны. Единственным выходом, быть может кажущимся нам мечтой, является приобретение обширного жизненного пространства — стремление, которое во все времена было причиной создания государств и перемещения народов. Понятно, что это стремление не встречает интереса в Женеве и со стороны насытившихся государств. Если обеспечение продовольственного снабжения стоит у нас на первом плане, то необходимое для этого пространстве можно искать только в Европе, а не в эксплуатации колоний, если не исходить из либеральных капиталистических воззрений. Речь идет не о приобретении людей, а о приобретении пространства, пригодного для сельского хозяйства. Целесообразнее также искать сырьевые районы непосредственно по соседству с Германией, в Европе, а не за океаном, причем решение должно дать результат для одного-двух последующих поколений. А что предстоит сделать позже, после этого срока, это надо предоставить решить самим последующим поколениям. Развитие обширных областей мира происходит очень медленно. Немецкий народ со своим мощным расовым ядром находит для этого благоприятнейшие предпосылки в центре европейского континента. А что всякое расширение пространства может происходить только путем преодоления сопротивления, и причем с риском, это доказано историей всех времен, в том числе Римской империей, Английской империей. Неизбежны также и неудачи. Ни раньше, ни сейчас не было и нет территории без хозяина; наступающий всегда наталкивается па владельца.

Для Германии вопрос стоит так: где можно добиться максимального выигрыша путем минимальных усилий.

Германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов — Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу, причем оба государства заняли отрицательную позицию в вопросе дальнейшего усиления Германии как в Европе, так и в других частях света и могут опереться в этой своей отрицательной позиции на поддержку всех политических партий. В создании германских военных баз в других частях света обе эти страны видят угрозу их морским коммуникациям, обеспечение германской торговли и, как следствие этого, укрепление германских позиций в Европе. Англия

* Это был широко применявшийся в то время тезис империалистической пропаганды. Экономические трудности и противоречия капиталистической системы гитлеровцы пытались приписать «подрывной» деятельности коммунистов.

не может ничего уступить нам из своих колониальных владений вследствие сопротивления доминионов. После того как переход Абиссинии во владение Италии нанес ущерб престижу Англии, невозможно рассчитывать на возвращение Восточной Африки. Положительная позиция Англии в лучшем случае может выразиться в том, что она даст нам понять, чтобы мы удовлетворили наши колониальные интересы путем захвата таких колоний, которые в настоящее время не находятся во владении Англии, таких, например, как Ангола. В том же смысле может выразиться и положительная позиция Франции. Серьезный разговор о возвращении нам колоний может состояться лишь в такой момент, когда Англия будет находиться в бедственном положении, а Германская империя будет сильной и вооруженной. Фюрер не разделяет мнения, что (Британская) империя несокрушима. Сопротивление Британской империи оказывают скорее не завоеванные страны, а конкуренты. Невозможно сравнить в смысле прочности Британскую империю с Римской. Последней не противостоял со времени Пунических войн¹ сколько-нибудь серьезный политический противник. Лишь в результате ослабляющего воздействия христианства и явлений старения, появляющихся в каждом государстве, Древний Рим не смог устоять перед натиском германцев.

А рядом с Британской империей уже сегодня существует несколько государств, превосходящих ее по мощи. Английская метрополия в состоянии защищать свои колониальные владения только в союзе с другими государствами, но никак не своими силами. Как может, например, Англия защитить одна, скажем, Канаду, если на нее нападет Америка, или же свои владения в Восточной Азии, если на них посягнет Япония! Выпячивание английской короны как носителя сплоченности империи уже является признанием того, что империю невозможно сохранить в течение длительного времени. На это указывают следующие значительные факты:

- а) стремление Ирландии к самостоятельности;
- б) конституционная борьба в Индии, где Англия в результате проведения полумера дала индусам возможность использовать с течением времени невыполнение ею своих обещаний конституционных прав как средство борьбы против ее владычества;
- в) ослабление английских позиций в Восточной Азии в результате действий Японии;
- г) противоречия в районе Средиземного моря с Италией, которая — призванная своей историей, подталкиваемая необходимостью и руководимая гением — укрепляет свои позиции и в связи с этим все больше и больше вынуждена выступать против английских интересов. Исход абиссинской войны² — это удар по престижу Англии; этот удар Италия стремится усилить с помощью подстрекательства магометанских стран. В итоге следует констатировать, что, несмотря на всю идейную прочность, политически

невозможно в течение значительного времени сохранить империю силами 45 миллионов англичан. Соотношение численности населения империи и метрополии — 9:1 — является для нас предостережением, указывающим, чтобы мы при расширении пространства не сужали нашу базу — численность нашего народа.

Положение Франции более благоприятно, чем положение Англии. Французская империя территориально расположена лучше, жители ее колониальных владений используются для несения военной службы. Но Франция переживает внутривластные трудности. В жизни народов парламентская форма правления занимает примерно 10 процентов, а авторитарная — около 90 процентов. Во всяком случае, в наших политических расчетах следует учитывать следующие факторы силы: Англия, Франция, Россия и соседние более мелкие государства.

Для решения германского вопроса может быть только один путь — путь насилия, а он всегда связан с риском. Борьба Фридриха Великого за Силезию и войны Бисмарка против Австрии и Франции были связаны с величайшим риском, а быстрота, с какой действовала Пруссия в 1870 г., не позволила Австрии вступить в войну. Если при дальнейшем рассуждении исходить из решения применить силу, связанную с риском, то тогда остается еще дать ответ на вопросы: «когда?» и «как?». При этом необходимо решить три варианта.

Первый вариант:

время осуществления с 1943 по 1945 г.

После этого периода можно ожидать лишь изменения обстановки не в нашу пользу.

Вооружение армии, военно-морского флота и военно-воздушных сил, а также формирование офицерского корпуса в общих чертах закончено. Материально-техническое оснащение и вооружение являются современными, и если продолжать ждать, то имеется опасность, что они устареют. В первую очередь невозможно все время сохранять в секрете «специальные виды оружия». Пополнение резервов ограничивается лишь очередными призывами рекрутов. Дополнительных возможностей пополнения путем призыва старших возрастов, не прошедших боевой подготовки, больше не будет.

Если учесть вооружение, которое к тому времени произведут другие страны, мы станем относительно слабее. Если мы не выступим до 1943—1945 гг., то вследствие отсутствия запасов каждый год может наступить продовольственный кризис, для преодоления которого нет достаточных валютных средств. В этом следует усматривать «слабую сторону режима». К тому же мир ожидает нашего удара и из года в год предпринимает все более решительные контрмеры. Поскольку мир отгородился, мы вынуждены наступать. Какова будет в действительности обстановка в 1943—1945 гг., сегодня никто не знает. Определенно лишь одно, а именно, что мы не можем дольше ждать.

Таким образом, с одной стороны, имеются мощные вооруженные силы, которые необходимо поддержать на должном уровне, и происходит процесс старения движения * и его вождей. С другой стороны, у нас в перспективе снижение жизненного уровня и ограничение рождаемости. Все это не оставляет иного выбора, как действовать. Если фюрер будет еще жив, то не позже 1943—1945 г. он намерен обязательно решить проблему пространства для Германии. Необходимость действовать раньше 1943—1945 г. может появиться при втором и третьем вариантах.

Второй вариант

Если социальные противоречия во Франции приведут к такому внутривластительному кризису, который охватит и французскую армию и ее нельзя будет использовать для войны против Германии, то это будет означать, что наступил момент для выступления против Чехии.

Третий вариант

Если Франция окажется настолько скованной в результате войны с каким-либо другим государством, что она не сможет «выступить» против Германии.

В целях улучшения нашего военно-политического положения в любом случае военных осложнений нашей первой задачей должен быть разгром Чехии и одновременно Австрии, чтобы снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад. В случае конфликта с Францией, пожалуй, нельзя будет ожидать, что Чехия объявит нам войну в один и тот же день, что и Франция. По мере нашего ослабления, однако, в Чехии будет возрастать желание принять участие в войне, причем ее вмешательство может выразиться в наступлении на Силезию, на север или на запад.

Если же Чехия будет разгромлена будет установлена граница Германии с Венгрией, то в случае нашего конфликта с Францией можно будет скорее ожидать, что Польша займет нейтральную позицию. Наши соглашения с Польшей³ сохраняют силу до тех пор, пока мощь Германии несокрушима. Если Германию постигнут неудачи, то надо ожидать, что Польша выступит против Восточной Пруссии, а возможно, также против Померании и Силезии.

Если представить себе такое развитие ситуации, которое приведет к планомерным действиям с нашей стороны в 1943—1945 г., то позицию Франции, Англии, Италии, Польши, России можно оценить предположительно следующим образом.

Вообще фюрер полагает весьма вероятным, что Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решен Германией. Трудности, переживаемые империей, а также перспектива вновь быть втянутой в длительную европейскую войну являются решающими для неучастия Англии в вой-

* Имеется в виду фашистское движение.

не против Германии. Английская позиция наверняка не останется без влияния на позицию Франции. Выступление Франции без поддержки Англии с перспективой, что наступление захлебнется перед нашими западными укреплениями, является маловероятным. Без участия Англии нельзя ожидать также, чтобы Франция прошла через Бельгию и Голландию, от чего и мы должны отказаться в случае конфликта с Францией, так как это неизбежно будет иметь следствием враждебное отношение Англии. Естественно, во всяком случае при осуществлении нами нападения на Чехию и Австрию, обеспечить прикрытие на западе. При этом следует учесть, что оборонные мероприятия Чехии из года в год будут усиливаться и что с течением времени будет происходить внутренняя консолидация австрийской армии. Хотя плотность населения, в частности в Чехии, и незначительна, все же присоединение Чехии и Австрии позволит получить продовольствие, достаточное для 5—6 миллионов человек при условии, что из Чехии будут в принудительном порядке выслены два, а из Австрии один миллион человек. Присоединение обоих государств к Германии означает с военно-политической точки зрения значительное облегчение положения вследствие сокращения протяженности и улучшения начертания границ, высвобождения вооруженных сил для других целей и возможности формирования новых соединений в количестве примерно 12 дивизий, причем на каждый миллион жителей приходится одна новая дивизия.

Со стороны Италии нельзя ожидать никаких возражений против устранения Чехии, однако, какую позицию она займет в австрийском вопросе, оценить сегодня невозможно; эта позиция будет во многом зависеть от того, будет ли к тому моменту еще жив дуче.

Степень внезапности и быстрота наших действий являются решающими для позиции Польши. Польша, имея с тыла Россию, вряд ли будет склонна вступить в войну против Германии, если последняя будет одерживать победы.

Военное вмешательство России необходимо предотвратить быстротой действий наших войск. Оно вообще является более чем сомнительным ввиду позиции Японии.

Если события будут развиваться по второму варианту — парализация Франции в результате гражданской войны,— то вследствие выхода из строя опаснейшего противника необходимо использовать обстановку для нанесения удара против Чехии в любое время.

Фюрер считает, что определенным образом приблизилась возможность третьего варианта, который может наступить как результат существующих в настоящее время противоречий в районе Средиземного моря и который он намерен использовать, если появится возможность, в любое время, даже и в 1938 г.

Учитывая ход событий, фюрер считает, что не предвидится скорое окончание военных действий в Испании. Если учесть вре-

мя, которое затрачивал Франко для проведения своих наступательных операций до сих пор, то возможно, что война продлится еще примерно три года. С другой стороны, с точки зрения Германиа стопроцентная победа Франко является нежелательной. Напротив, мы заинтересованы в продолжении войны и в сохранении напряженности в районе Средиземного моря. Франко, безраздельно владея Пиренейским полуостровом, исключит возможность дальнейшего итальянского вмешательства и пребывания итальянцев на Балеарских островах. Поскольку наши интересы направлены на продолжение войны, задача нашей политики в ближайшее время будет состоять в том, чтобы обеспечить тыл Италии для дальнейшего пребывания на Балеарских островах. Но ни Франция, ни Англия не могут согласиться с тем, что итальянцы закрепятся на Балеарских островах. Это может привести к войне Франции и Англии против Италии, причем Испания — если она будет целиком находиться в руках белых (Франко) — может выступить на стороне противников Италии. В такой войне поражение Италии является маловероятным. Для пополнения ее сырьевых ресурсов открыт путь через Германию. Ведение войны со стороны Италии фюрер представляет себе таким образом, что она будет обороняться на своей западной границе против Франции и вести борьбу из Ливии против североафриканских французских колониальных владений.

Поскольку высадка франко-английских войск на побережье Италии, очевидно, отпадает, а наступление французов через Альпы в Верхнюю Италию является затруднительным и может захлебнуться перед сильными итальянскими укреплениями, основные действия будут происходить в Северной Африке. В результате угрозы, которая возникнет для французских транспортных коммуникаций со стороны итальянского флота, в значительной степени окажется парализованной транспортировка войск из Северной Африки во Францию, так что на границах против Италии и Германии она будет располагать только войсками, находящимися в собственно Франции.

Если Германия воспользуется этой войной для решения чешского и австрийского вопросов, то с большей вероятностью можно предположить, что Англия, находясь в состоянии войны против Италии, также не решится выступить против Германии. А без поддержки Англии нельзя ожидать, чтобы Франция начала войну против Германии.

Момент для нашего нападения на Чехию и Австрию должен быть поставлен в зависимость от хода итало-англо-французской войны и не должен, скажем, совпадать с началом военных действий этих трех государств. Фюрер не думает также заключать военных соглашений с Италией, а намерен, используя эту благоприятную возможность, которая может представиться лишь один раз, самостоятельно начать и провести кампанию против Чехии, причем нападение на Чехию должно быть осуществлено «молниеносно».

Фельдмаршал фон Бломберг и генерал-полковник фон Фрич при оценке обстановки неоднократно указывали на необходимость, чтобы Англия и Франция не выступили как наши враги, и констатировали, что в результате войны против Италии французская армия окажется не в такой мере связанной, чтобы она не смогла выступать превосходящими силами на нашей западной границе. Французские силы, которые предположительно могут быть использованы на альпийской границе против Италии, генерал-полковник фон Фрич оценивает примерно в 20 дивизий. Так что французы все еще будут иметь превосходящие силы на нашей западной границе, которые, по немецким предположениям, будут в состоянии вторгнуться в Рейнскую область. Причем необходимо принять еще в расчет, что французы будут опережать нас в мобилизации, а также учесть, что, не говоря уже о совсем низком качестве наших укреплений, на что особо указывал фельдмаршал фон Бломберг, четыре моторизованные дивизии, предусмотренные для запада, в той или иной степени малоподвижны. По вопросу о нашем наступлении на юго-восток фельдмаршал фон Бломберг со всей серьезностью обратил внимание на прочность чешских укреплений, которые по своему оборудованию приобрели характер линии Мажино⁴ и крайне затруднят наше наступление.

Генерал-полковник Фрич упомянул, что целью одной проводящейся по его распоряжению зимой этого года разработки является как раз изучение возможности ведения операций против Чехии с учетом в первую очередь преодоления системы чешских укреплений. Далее генерал-полковник заявил, что он при сложившихся условиях вынужден отказаться от поездки за границу в отпуск, который должен начаться 10 ноября. Это намерение фюрер отклонил, ссылаясь на то, что возможность конфликта нельзя считать столь уж близкой. Касаясь возражения министра иностранных дел относительно того, что итало-англо-французский конфликт нельзя считать еще делом столь близкого будущего, как это предполагает фюрер, фюрер сказал, что ему кажется возможным, что такой момент наступит летом 1938 г. Касаясь соображений, высказанных фельдмаршалом фон Бломбергом и генерал-полковником фон Фричем относительно позиций Англии и Франции, фюрер, повторяя свое прежнее высказывание, заявил, что он убежден в неучастии Англии и поэтому не верит в возможность выступления Франции с войной против Германии. Если конфликт в районе Средиземного моря, о котором шла речь, приведет ко всеобщей мобилизации в Европе, то тогда мы должны немедленно выступить против Чехии; если же, напротив, державы, не участвующие в войне, заявят о своей незаинтересованности, то Германия должна на первое время присоединиться к этой позиции.

Генерал-полковник Геринг, исходя из соображений, высказанных фюрером, полагает, что следует подумать о сокращении нашей военной помощи Испании. Фюрер соглашается с этим лишь в

том смысле, что считает необходимым отложить такое решение до соответствующего подходящего момента.

Вторая часть беседы касалась технических вопросов вооружения.

С подлинным верно:

Полковник службы генерального штаба

Хосбах

Печат. по изд.: «Совершенно секретно, только для Командования». М., 1967, с. 52—62.

2. Телеграмма посла Германии в Великобритании И. Риббентропа в министерство иностранных дел Германии

15 ноября 1937 г.

Фюреру, рейхсканцлеру и рейхсминистру иностранных дел

- В начале сегодняшней беседы с Галифаксом я сказал, что не имею инструкций относительно его визита в Берлин, но приветственную возможность по-дружески и неофициально побеседовать с ним перед отъездом. Галифакс ответил, что он рад совершить наконец-то поездку в Берлин, о которой мы уже говорили в свое время. Далее он сообщил мне, что уедет в Германию на день раньше, а именно во вторник, так как до переговоров с фюрером и рейхсканцлером в Берхтесгадене * он хочет сделать остановку в Берлине. По сообщению из окружения Галифакса, срок отъезда был передвинут из-за желания не рисковать поездкой ввиду новых маневров прессы.

Галифакс выразил свою радость по поводу представившейся возможности лично познакомиться с фюрером и рейхсканцлером, которым он восхищается, и провести с ним открытую беседу информационного характера. Он изложил фюреру британскую точку зрения на политические проблемы и надеется, что фюрер поделится с ним своей точкой зрения о европейском и общем положении. В частности, он упомянул австрийский и чешский вопросы. Далее Галифакс высказал предположение, что фюрер обсудит с ним колониальный вопрос, который я затронул в свое время в беседе с ним. Тогда этот вопрос еще не назрел. Сегодня уже можно об этом говорить. Затем Галифакс подтвердил, что рассматривает ось Рим — Берлин⁵ и отношения между Лондоном и Парижем как реально существующие. Развитие германо-английских отношений в этом направлении он представляет себе следующим образом: предстоящая беседа будет началом, за которым, возможно, последуют дальнейшие переговоры. Он надеется, что тогда будет возможным подключить и наших друзей**. (Имеются в виду Франция и Италия.) Если удастся достичь соглашения между четырьмя державами, будет сделан большой вклад в дело обеспечения мира в Европе.

* Резиденция Л. Гитлера в Баварских Альпах.

** В оригинале: «to bring our Friends along».

В конце беседы, в которой я ограничился в основном тем, что принимал к сведению высказывания Галифакса, не вдаваясь в подробности, Галифакс подчеркнул, что Англия и Германия не должны противостоять друг другу. Конфликт между обеими странами, независимо от его исхода, означал бы конец цивилизации. Я ответил, что я, как ему известно, в течение многих лет разделяю эту точку зрения и что, вне всякого сомнения, нет ни одного немца, который хотел бы такого конфликта.

Риббентроп

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Baden-Baden, 1951, Bd. I, S. 39.

3. Запись беседы А. Гитлера с лордом-председателем совета Великобритании Э. Галифаксом

19 ноября 1937 г.

Лорд Галифакс, начиная разговор, подчеркнул, что он приветствует возможность достижения путем личного объяснения с фюрером лучшего взаимопонимания между Англией и Германией. Это имело бы величайшее значение не только для обеих стран, но и для всей европейской цивилизации. Перед своим отъездом из Англии он разговаривал об этом визите с премьер-министром и английским министром иностранных дел, и они были абсолютно согласны в определении его цели. Дело теперь за выяснением, каким образом можно создать возможность всестороннего и открытого обсуждения всех вопросов, интересующих обе страны. В Англии придерживаются мнения, что имеющиеся в настоящее время недоразумения могут быть полностью устранены. Целиком и полностью признаются великие заслуги фюрера в деле восстановления Германии, и если английское общественное мнение занимает иногда критическую позицию по отношению к известным германским проблемам, то это отчасти объясняется тем, что в Англии не полностью осведомлены о мотивах и обстановке известных германских мероприятий. Так, английская церковь с глубокой озабоченностью и беспокойством следит за развитием церковного вопроса в Германии. В кругах рабочей партии также критически относятся к известным вещам в Германии. Несмотря на эти трудности, он (лорд Галифакс) и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер достиг многого не только в самой Германии, но что в результате уничтожения коммунизма в своей стране он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма. Английский премьер-министр придерживается мнения, что имеется полная возможность найти решение путем открытого обмена мнениями*. Решение

* Параллельная запись двух предыдущих фраз вынесена на поля на английском языке: «Несмотря на эти трудности, он (лорд Галифакс) при

даже трудных проблем может быть облегчено взаимным доверием. Если бы Германии и Англии удалось достигнуть согласия или хотя бы к нему приблизиться, то, по мнению англичан, было бы необходимо привлечь к обсуждению те страны, которые в политическом отношении близко стоят к Германии и Англии. Здесь имеются в виду Италия и Франция, которым с самого начала надо дать понять, что англо-германское сотрудничество ни в коем случае не означает враждебных махинаций против Италии или Франции. Не должно быть такого впечатления, что ось Берлин — Рим⁵ или хорошие отношения между Лондоном и Парижем пострадают в результате германо-английского сближения⁶. После того как в результате германо-английского сближения будет подготовлена почва, четыре великие западноевропейские державы должны совместно создать основу, на которой может быть установлен продолжительный мир в Европе. Ни одна из четырех держав ни в коем случае не должна остаться вне этого сотрудничества, так как в противном случае не будет положен конец теперешнему неустойчивому положению.

Фюрер ответил, что соглашение между четырьмя западноевропейскими державами ему кажется очень легким, если речь идет только о доброй воле и о любезном отношении друг к другу.

Дело усложняется, если будут подняты существенные деловые вопросы. Если хотят обеспечить сотрудничество Германии, то следует спросить, как будут рассматривать Германию другие партнеры: как государство в смысле Версальского договора⁷, — тогда вряд ли будет возможно выйти за рамки установления чисто формальных отношений между европейскими странами, — или же Германия будет рассматриваться как государство, не несущее больше на себе морального или материального клейма Версальского договора. В этом случае из изменившейся обстановки следует сделать логический вывод, ибо нельзя требовать активного сотрудничества в европейской политике от государства, за которым не признают законного права великой державы активно действовать. Трагедия состоит в том, что в Англии и Франции все еще не могут примириться с мыслью, что Германия, которая после Вестфальского мира⁸ в течение 250 лет была не более как теоретическим понятием, в последние 50 лет стала реальностью.

Задача разумного государственного руководства состоит в том, чтобы примириться с этой действительностью, если даже это, быть может, и имеет некоторые неприятные стороны. То же самое относится к Италии и в известном смысле к Японии. История создает часто реальности, которые не всегда приятны, и Германия должна была претерпеть реальность такого рода, ибо Польша не

знает, что канцлер не только оказал большие услуги Германии, но, как он сам, несомненно, сознает, воспрепятствовав проникновению коммунизма в собственную страну, сумел преградить путь коммунизму на Запад. Премьер-министр придерживается мнения, что можно найти решение существующих между нами расхождений путем открытого обмена мнениями».

существовала, так сказать, более 150 лет и теперь снова возвращена к жизни. Он (фюрер) считает своей главной задачей воспитать германский народ так, чтобы он научился терпеть неприятные политические реальности. Поэтому зерном обсуждаемой проблемы является вопрос, что может дать в смысле активного политического сотрудничества страна, за которой в другом отношении не признаются даже самые настоятельные жизненные потребности.

Имеются две возможности оформления отношений между народами.

Игра свободных сил, которая во многих случаях означала бы активное вмешательство в жизнь народов и могла бы вызвать серьезные потрясения нашей культуры, созданной с таким трудом. Вторая возможность состоит в том, чтобы вместо игры свободных сил допустить господство «высшего разума»; при этом нужно, однако, отдать себе отчет в том, что этот высший разум должен привести примерно к таким же результатам, какие были бы произведены действием свободных сил. Он (фюрер) последние годы часто задавал себе вопрос, достаточно ли разумно современное человечество, чтобы заменить игру свободных сил методом высшего разума.

В 1919 г. была упущена великая возможность применения этого нового метода. Тогда предпочли метод безрассудства. Тем самым Германию толкнули на путь игры свободных сил, так как это, в конце концов, было единственной возможностью обеспечить себе элементарные человеческие права. Будущее зависит от того, который из этих двух методов будет избран.

Оценивая жертвы, которых, несомненно, кое-где может потребовать метод разума, следует представить себе, каковы будут жертвы, если возвратиться к старому методу игры свободных сил. Тогда будет ясно, что первый путь дешевле второго.

Лорд Галифакс согласился с фюрером в том, что чисто формальные отношения представляют небольшую ценность и что далеко идущее сближение может быть достигнуто только тогда, когда все стороны станут исходить из одинаковых предпосылок и будет достигнуто единство взглядов. Он, со своей стороны, также убежден в том, что нечто длительное может быть создано только на реальной основе, если даже реальности, о которых идет речь, для того или иного партнера будут неприятны. Он подчеркнул, что в Англии все смотрят на Германию как на великую и суверенную страну и что переговоры с ней должны вестись только на этой основе. Англичане являются реалистами и, может быть, больше, чем другие, убеждены в том, что ошибки Версальского диктата должны быть исправлены. Англия и в прошлом всегда оказывала свое влияние в этом реалистическом смысле. Он указал на роль Англии при досрочной эвакуации Рейнской области, при разрешении репарационного вопроса, а также при реокупации Рейнской области. Следует попытаться разговаривать на одном и том

же языке, избегая при этом громко говорить о слишком далеких перспективах, потому что это приводит только к недоразумениям и не облегчает решение проблемы.

С английской стороны не думают, что статус-кво должен при всех условиях оставаться в силе. Там признают, что надо приспособляться к новым условиям, исправлять старые ошибки, иметь в виду ставшее необходимым изменение существующего положения. При этом Англия будет оказывать свое влияние лишь в том направлении, чтобы эти изменения не происходили путем неразумных решений, о которых упоминал фюрер, а именно: путем игры свободных сил, которая в конечном счете означает войну. Он должен еще раз подчеркнуть от имени английского правительства, что не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения, но что изменения надо производить только на основе разумного урегулирования. Если обе стороны согласны с тем, что мир не статичен, то следует попытаться на основе общих идеалов отдать должное этому признанию, направив всю имеющуюся энергию на достижение общей цели в условиях взаимного доверия.

Фюрер ответил, что у него, к сожалению, создалось впечатление, что хотя и имеется желание действовать в разумном направлении, однако разумные решения встретят на своем пути большие трудности, главным образом в демократических странах, где политические партии имеют возможность оказывать решающее влияние на действия правительства. Он сам в 1933—1934 гг. внес ряд практических предложений об ограничении вооружений, принятие которых дало бы Европе и миру большую экономию средств. Эти предложения отклонялись одно за другим, несмотря на то что иной государственный деятель и понимал, что Германия не будет долго оставаться в положении, установленном Версальским договором. Но так как политические партии и прежде всего безответственная пресса имели решающее влияние на решения правительства, то такие предложения, как об армии численностью в 200 тыс. и 300 тыс., об ограничении воздушных вооружений, — все были отклонены. Единственным результатом всех его усилий урегулировать эти вопросы осталось морское соглашение⁹.

Аналогичное положение существует и сейчас. Необходимые разумные решения заменены демагогическими установками политических партий. Это, естественно, является большим затруднением. В противоположность этому он указывает на хорошие отношения с Польшей, несмотря на весьма тяжелое прошлое. Германия, со своей стороны, не может ожидать от других стран ни малейших уступок в удовлетворении ее самых естественных жизненных потребностей, потому что в этих странах господствуют партии. Германия знает позицию английских партий по колониальному вопросу, и в частности абсолютно отрицательную позицию консерваторов. То же самое имеет место во Франции. Германия может эту позицию принять только к сведению и исходить из того, что при

этих условиях разрешение колониальной проблемы невозможно. Следует несколько обождать. Имеются еще другие случаи, в которых решающее значение имело не политическое искусство отдельных государственных деятелей, а демагогическая позиция партий. Наглядным примером служат захват Мемельской* области Литвой в 1923 г.¹⁰ и последующее отношение к германским протестам по этому вопросу. Этим объясняется то, что большинство его предложений отклонено. В демократических странах партии смотрели па него в известной мере как на белую ворону. Было достаточно одного факта, что то или иное предложение исходило от него, чтобы оно было отклонено. В настоящее время влияние партий проявляется снова в аналогичной форме. Факт, что некоторые народы имеют недостаточное жизненное пространство. Если бы Англии с ее 46-миллионным населением пришлось жить только метрополией, то ей, возможно, понять это было бы легче. Все предубеждение в колониальном вопросе происходит от того, что считают само собой разумеющимся, что Америка и Россия располагают большими территориями, что Англия владеет четвертой частью мира, что Франция имеет колониальную империю и что Японии, по крайней мере, нельзя воспрепятствовать расширить свою территорию. Вполне понятно также, что у малых государств, как у Бельгии, Испании и Португалии, есть колонии. Одной лишь Германии заявляют, что она ни при каких условиях не может иметь колонии. Это характеризует позицию партий, которые, как, например, консерваторы в Англии, приняли по колониальному вопросу абсолютно отрицательные решения. Какой же смысл приглашать для положительного сотрудничества страну, если у нее в некоторых вопросах отняты самые примитивные права? Критиковали поведение немцев в Восточной Азии: оно, мол, было изменой белой расе. Однако Германия дольше всех поддерживала солидарность белых в отношении других рас, а ее критиковали по поводу ее расовой политики как раз демократические страны. Теперь она не преследует никаких интересов в Восточной Азии. Она может поддерживать с той или другой страной деловые отношения. Но так как германский флаг исчез из Восточной Азии, а торговля следует за флагом, то деловые возможности так или иначе слишком невелики.

Возможности разрешения международных проблем будет трудно найти до тех пор, пока либо не поумнеют политические партии, либо не будут введены такие правительственные формы, которые не позволят партиям оказывать столь значительное влияние на правительство.

Фюрер в этой связи указал еще и на помехи со стороны прессы в связи с поездкой лорда Галифакса в Германию. Он не сомневается в том, что в некоторых кругах в Англии думают реалистически. Морское соглашение является доказательством этому. Однако

* Ныне Клайпедская область.

определяющие политические факторы, как ему кажется, характеризуются иной позицией. Во всяком случае, таково его впечатление после пятилетнего пребывания в правительстве. Он знает, что любое его предложение тотчас же было бы встречено в штыки, а принимая его, каждое правительство поставило бы себя в очень трудное положение перед оппозицией.

Лорд Галифакс ответил, что если фюрер придерживается мнения, что не может быть достигнуто никакого прогресса на пути к соглашению, пока Англия является демократической страной, то дальнейшая беседа, собственно, будет излишней, ибо Англия не изменит так скоро существующую форму своего правления. Неправильно думать, что из-за влияния политических партий упускались возможности и отклонялись предложения. Это определенно неверно по отношению к Англии. Предложения отклонялись потому, что известные страны, но праву или без права, не видели в этих предложениях достаточной гарантии безопасности. Непринятие таких предложений является доказательством того принципа, что разоружение должно следовать за безопасностью, а не наоборот. То, что Англия заключила с Германией морское соглашение, несмотря на то что с партийной точки зрения кое-что вызвало критику, как раз доказывает, что английское правительство действует также независимо от партий. Оно никак не является рабом демагогических интриг партий. По мнению англичан, никакое правительство, которое достойно этого названия, не должно находиться на поводу у партий. Неправильно также то, что предложения были отклонены, потому что их делал фюрер — «белая ворона». Некоторые страны видели, как Германия нарушала договорные обязательства по соображениям, которые, возможно, казались Германии убедительными, но которые мало убедительными были для других стран. Вполне естественно поэтому, что эти страны более критически относились к германским предложениям, чем это имело бы место в ином случае.

Английское правительство не придерживается решения ни при каких условиях не обсуждать с Германией колониальный вопрос¹¹. Оно знает, что это трудная проблема. Однако ясно, что никакое английское правительство не может обсуждать изолированно с Германией колониальный вопрос. Последний может рассматриваться только как часть общего урегулирования, в результате которого будут установлены спокойствие и безопасность в Европе.

К этому обсуждению общего урегулирования должны быть, конечно, привлечены и другие заинтересованные государства. Фюрер говорил о кругах в Англии, которые враждебно относятся к визиту лорда Галифакса. И в других странах имеются такие, отрицательно настроенные круги, но, однако, это не должно отпугнуть тех, кто хочет создать лучшую политическую систему в мире.

Фюрер ответил, что лорд Галифакс неправильно понял его. Лорд Галифакс поставил конечной целью германо-английского сотрудничества соглашение между четырьмя западными держава-

ми. Среди них находится Франция, а его замечания о демагогии политических партий относились прежде всего к Франции, где они, пожалуй, на 100% верны, Англию он исключил, упомянув о морском соглашении.

По поводу несоблюдения договорных обязательств он заметил, что другие державы нарушили свои договорные обязательства раньше Германии, а Германия вернула себе свободу действий лишь после того, как были отклонены все ее предложения. Даже по мнению английских правоведов с мировыми именами, Германия имела право претендовать на разоружение других стран, после того как она сама в этой области выполнила свои обязательства по договору на 100%. Она приняла также предложение покойного премьер-министра Макдональда в отношении 200 000-ной армии. Оно потерпело крах из-за Франции.

В колониальном вопросе другие страны нарушили акт о Конго¹², который запрещал перенесение войны на африканскую землю. Германия, веря в выполнение договора другими государствами, держала в Африке только незначительные войсковые контингенты.

Между Англией и Германией имеется, по существу, только одно разногласие: колониальный вопрос. Это — различие в точках зрения. Если его можно устранить, то это будет весьма отраднo; если невозможно, то он (фюрер) может лишь с прискорбием принять это к сведению. Имеется много вопросов, по которым Германия и Англия придерживаются различных взглядов. Однако при этом речь никогда не идет о вещах, которые имеют какое-либо прямое отношение к германо-английскому сотрудничеству. В колониальном вопросе с английской стороны заявляются два мнения. Английское правительство заявляет, что этот вопрос подлежит дискуссии. Партии же, PI особенно консервативная партия, отклоняют все огулом. Других же затруднений между Германией и Англией нет.

Лорд Галифакс спросил фюрера, считает ли он возможным, в случае удовлетворительного разрешения спорных вопросов, для более тесного сотрудничества с другими народами вернуть Германию в Лигу наций и в какой части, по его мнению, должен быть изменен статут Лиги наций раньше, чем Германия могла бы снова в нее вступить. Несомненно, хорошие стороны Лиги наций преувеличены ее слишком восторженными приверженцами. Но все же надо признать, что Лига наций выступает за мирный метод разрешения международных затруднений. Если бы удалось этот метод осуществить на практике, то это означало бы приближение ко второй альтернативе, которую фюрер назвал выше, в противоположность игре свободных сил, «разумным методом». Если бы использовать в этом смысле Лигу наций (которая является, по существу, не чем иным, как международным методом), отдельные стороны которой можно было бы изменить, то этим путем доверие между народами было бы снова восстановлено. Поэтому он спрашивает

фюрера об его отношении к Лиге наций, точно так же как об отношении к разоружению. Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны.

Колониальный вопрос, без сомнения, труден. Английский премьер-министр стоит на той точке зрения, что он может быть разрешен как часть нового курса и генерального разрешения всех трудностей. Он спрашивает фюрера, не может ли он дать ему в общих чертах представление о решении колониальной проблемы, как он его представляет себе.

Фюрер ответил на это, что, по его мнению, невхождение Германии в Лигу наций не представляет англо-германской проблемы, ибо Америка тоже не состоит в Лиге наций, и, несмотря на это, никто не может сказать, что по этой причине между Англией и Америкой имеются глубокие противоречия во взглядах. Кроме того, Лига наций, вследствие отсутствия Японии и бездеятельности Италии, не является больше действительной Лигой наций. Возвратится ли Германия когда-нибудь снова в Женеву — в настоящий момент вообще нельзя сказать. Она определенно не возвратится в рудиментарную * Лигу наций, а также навряд ли войдет в такую Лигу наций, которая свою задачу видит в том, чтобы противиться естественному развитию политических событий и выступать за увековечение существующего положения.

Разрешения вопроса о разоружении раньше можно было достигнуть значительно легче, потому что тогда речь шла только об ограничении вооружений. Сейчас Англия сама вооружается в таких размерах, каких еще никогда не было в истории Англии. Готова ли Англия отказаться от своего вооружения? Он, фюрер, знает, что с английской стороны на этот вопрос ответят объяснением, что английское вооружение является лишь наверстыванием прошлых упущений. Германия находится в таком же положении. Надо наверстать то, что было упущено в прошлом в результате слишком большой верности договору. Кроме того, он убедился, что народы оцениваются по мощи своих вооружений и что теперь вес Германии с ее вооружениями в международной жизни увеличился. Проблема разоружения стала исключительно сложной в результате союза Фракции с Россией, последовавшего в ответ на известные германские мероприятия. В результате этого Россия перенесена в Европу не только как моральный, но и как довольно весомый материальный фактор, особенно в результате союза с Чехословакией. Кто может взяться при этих условиях за вопрос о

* Устаревшая, утратившая свое значение.

разоружении и как должно оно произойти? Поэтому он фактически не знает, как должно начаться разрешение проблемы о разоружении. Во всяком случае, он является фанатическим противником конференций, безрезультатность которых с самого начала неоспорима. Он ни в коем случае не позволит государственным деятелям, которые хотели бы созывать конференции каждый квартал, убедить себя принимать участие в подобных мероприятиях. Если вообще заниматься разоружением, то надо сначала точно установить, что подлежит разоружению. При этом он сослался на свое старое предложение об отказе от бомбардировок. Поскольку колониальные державы смотрят на бомбардировщик как на хорошее средство для устранения сопротивления строптивых туземцев, они это предложение отклонили как противоречащее их интересам. В результате новейших военных опытов в различных местах мира они теперь склонны даже увеличивать число своих бомбардировщиков.

Германия вооружается и не будет жаловаться. Она будет придерживаться обязательств, вытекающих из морского соглашения, правда, с оговоркой, которая была сделана с германской стороны еще при его заключении, что Россия не будет неограниченно вооружаться на море. В этом случае необходим был бы пересмотр морского соглашения. Он, однако, не такого высокого мнения о способности русских, чтобы думать, что такой пересмотр состоится в ближайшее время.

С Чехословакией и Австрией тоже было бы разумно произвести урегулирование. С Австрией был заключен договор от 11 июля¹³, который, надо надеяться, поведет к устранению всяких трудностей. От Чехословакии зависит убрать с пути имеющиеся трудности. Она должна лишь хорошо обращаться с немцами, проживающими в ее границах, и они будут тогда вполне довольны. Для Германии самое важное — быть в хороших отношениях со всеми ее соседями.

Что касается колониального вопроса, то не дело Германии высказывать свои пожелания. Имеются две возможности: во-первых, игра свободных сил. Что именно Германия в этом случае возьмет себе из колоний, этого нельзя сказать. Второй возможностью было бы разумное решение. Разумные решения должны строиться на праве, то есть Германия может иметь притязания на свои прежние владения. Когда со всех сторон заявляют, что международный порядок следует строить не на силе, а на праве, то он, Фюрер, полностью с этим согласен. Он был бы даже рад, если бы срок, с которого этот новый порядок должен начать действовать, начался с 1914 г. При новом порядке вещей Германия оказалась бы в исключительно выгодном положении. Он повторяет, что в колониальном вопросе Германии нет надобности заявлять какие-либо пожелания, надо только лишь стать на почву права. Англия и Франция должны сами сделать предложения, если им по каким-либо причинам кажется возвращение тех или иных немецких ко-

лоний неудобным. Своими колониальными требованиями Германия не преследует великодержавных или честолюбивых военных целей. Она не имеет намерения вклиниться в какие-либо стратегические пути, а хочет колоний только по экономическим причинам для снабжения сельскохозяйственными продуктами и сырьем. Она не стремится к тому, чтобы колонии были на территории, где происходили бы военные действия и где имеется большая опасность международных осложнений. Если Англия не считает возможным возратить Германии определенные области по стратегическим соображениям, то она может предложить замену в других местах.

Во всяком случае Германия не возьмет в качестве колонии ни Сахару, ни территории в Средиземном море, так как положение между двумя мировыми империями ей кажется слишком опасным. Также Циндао и Киаочао слишком опасные пункты.

Рейхсминистр иностранных дел барон фон Нейрат указал в связи с вопросом о Лиге наций, что Германия после выхода из Лиги наций никогда не уклонялась от международного сотрудничества, когда в перспективе были не только слова, но и практическая работа. Примером к тому служит участие Германии в вопросе невмешательства в испанские дела¹⁴.

Фюрер со своей стороны указал еще на урегулирование германо-польского и германо-австрийского вопросов и выразил надежду на то, что и с Чехословакией может быть найдено разумное решение.

Лорд Галифакс ответил на это, что он по некоторым пунктам не совсем согласен с фюрером, однако он не намеревается останавливаться на этом подробнее, потому что речь идет о вещах, которые не являются решающими в ходе настоящей беседы.

Чемберлен и английское правительство будут приветствовать, если после подробных и откровенных высказываний сегодня между представителями обоих правительств можно будет продолжать беседу по отдельным вопросам. Очень жаль, что за визитом Саймона и Идена в свое время ничего больше не последовало. И если теперь за этой беседой последуют дальнейшие переговоры, то это произведет исключительно благоприятное впечатление на общественное мнение.

Фюрер ответил, что для продолжения германо-английского контакта он прежде всего имеет в виду дипломатический путь, ибо если имеется намерение вести переговоры по конкретным вопросам, то они должны быть хорошо подготовлены. Главной причиной неудач многих подобных переговоров была недостаточная подготовка. Конференция может быть лишь последним завершением предшествующих подготовительных переговоров. Ему ясно, что сложным вопросом является колониальная проблема, по которой обе стороны еще отстоят далеко друг от друга. Англия и Франция должны уяснить себе, хотят ли они вообще и в каком направлении принять германские требования. Германия может лишь заявить о

своих требованиях и надеяться на то, что они встретят благоразумный прием.

После обеденного перерыва лорд Галифакс еще раз возвратился к вопросу о продолжении англо-германского контакта и снова предложил прямые переговоры между представителями правительств. Подобные переговоры будут ценны не только по существу, но они произведут большое впечатление на общественное мнение. Вызовет разочарование, если эти прямые переговоры будут намечены на очень поздний срок. В Англии очень много ожидали от визита г-на рейхсминистра иностранных дел и были весьма разочарованы, когда этот визит не мог состояться вследствие инцидента с «Лейпцигом» и «Дойчланд». Поэтому было бы хорошо, если бы состоялись дальнейшие переговоры между германскими и английскими представителями. При этом можно обсудить колониальный вопрос. Он повторил, что английское правительство вполне готово к обсуждению этого вопроса. Правда, он должен снова добавить, что всякое английское правительство может рассматривать колониальную проблему только как часть общего решения. Следует одновременно широким фронтом взяться за решение всех подлежащих урегулированию вопросов.

Фюрер ответил, что действия широким фронтом как раз требуют хорошей подготовки. По его мнению, лучше вовсе не вести пока переговоров, чем попасть в такое положение, что после придется признать результат неудовлетворительным. Надо подождать. Два реалистических народа, германский и английский, не должны поддаваться влиянию страха перед катастрофой. Всегда говорят, что если не произойдет того или другого, то Европа пойдет навстречу катастрофе. Единственной катастрофой является большевизм. Все остальное поддается урегулированию. Катастрофическое настроение является делом возбужденной знаменерной прессы. Было бы неправильно утверждать, что сейчас международное положение точно такое, каким оно было в 1912—1914 гг. Возможно, что оно и оказалось бы таким, если бы в промежутке не было войны с ее уроками; то же самое относится к политической нервозности. Через несколько лет сегодняшние проблемы, возможно, будут выглядеть совсем иначе. Если обстановка в Восточной Азии и в Испании будет урегулирована, то многое, возможно, разрешится легче. Поэтому можно спокойно переждать два-три года, если в настоящее время тот или иной вопрос является слишком сложным.

Роковую роль играет только пресса. Девять десятых всего напряжения вызвано исключительно ею. Испанский кризис и мнимая оккупация Марокко германскими войсками являются примерами, которые ярко иллюстрируют опасность безответственного журнализма. Прямой предпосылкой для успокоения международных отношений было бы поэтому сотрудничество всех народов с целью покончить с журналистским флибустьерством.

Лорд Галифакс согласился с мнением фюрера об опасности со

стороны прессы. Он также полагает, что англо-германские переговоры должны быть хорошо подготовлены. Чемберлен заявил ему при его отъезде, что он охотно возьмет на себя риск неправильной трактовки в прессе визита лорда Галифакса в Германию, если этим визитом будет сделан по крайней мере один шаг в правильном направлении. Надо только, чтобы обе стороны имели в виду одну цель, а именно: установление и укрепление мира в Европе.

В связи с этим лорд Галифакс поблагодарил за беседу и заявил, что он представит английскому премьер-министру обо всем точный доклад. Фюрер также выразил удовлетворение тем, что он имел откровенную и подробную беседу с лордом Галифаксом, и заявил, что он полностью может принять для Германии только что названную лордом Галифаксом цель. Тот, кто был, как он, солдатом в мировую войну, не хочет больше войны. В Англии и во всех других странах господствуют одинаковые стремления. Лишь одна страна — Советская Россия — может в случае общего конфликта выиграть. Все другие в глубине души стоят за укрепление мира.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны». М., 1948, т. 1. Ноябрь 1937—1938 гг., с. 9—48.

4. Телеграмма министра иностранных дел Германии К. Нейрата посольствам Германии в Италии, Великобритании, Франции и США

22 ноября 1937 г.

Только 1-му:

После того как итальянский посол 20-го числа этого месяца был информирован в общих чертах о ходе переговоров фюрера и министра иностранных дел Галифакса для того, чтобы противодействовать появляющейся склонности у итальянской прессы к превратным толкованиям, я привожу ниже подробное изложение беседы, на основе которой прошу Вас проинформировать Муссолини, сказав, что это делается по моему поручению.

1 - 4 :

Беседа между фюрером и Галифаксом, в которой я принимал участие, проходила в непринужденной обстановке, была чисто информационной и без каких-либо сенсаций *. Фюрер не преминул сказать своему посетителю горькую правду об английской и французской политике. Хотя встреча и не дала конкретных материальных результатов и не выявила новых мнений, можно считать визит Галифакса удовлетворительным.

* См. док. № 3.

Необходимо также отметить, что как со стороны Галифакса, так, конечно, и с нашей стороны ось Рим — Берлин⁵ и тесная связь между Лондоном и Парижем рассматривались как реально существующие.

Во время беседы были обсуждены следующие проблемы:

1. Колониальный вопрос

Фюрер выразил уже известную мысль, что Германия имеет право на свои прежние колонии и, ссылаясь на это, предоставляет Франции и Англии право делать предложения о замене, если возвращение той или иной германской колонии окажется для них невозможным. Требуя колонии, Германия не преследует военных целей и усиления своего политического влияния. Она заинтересована в сельскохозяйственном и другом сырье, но не стремится обладать колониями в тех местах, где могут возникнуть международные конфликты.

Галифакс ответил, что в процессе дальнейших германо-английских переговоров можно будет обсудить колониальный вопрос. Английское правительство вполне готово к его рассмотрению, однако только как части общего решения.

2. Восточный вопрос

Галифакс сам признал, что в дальнейшем нельзя будет обойтись без определенных перемен в Европе. Английская сторона не считает, что статус-кво должен сохраняться при любых условиях. К проблемам, которые рано или поздно потребуют изменений, относятся Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия будет заинтересована только в том, чтобы такие изменения осуществлялись мирным путем. Подробно на этом вопросе Галифакс не останавливался.

Фюрер также не углублялся в эту проблему, однако заметил, что при разумной позиции участвующих с Чехословакией и Австрией вполне можно договориться. В отношении Австрии фюрер указал на соглашение от 11 июля 1936 г.¹³, которое, он надеется, поможет в преодолении всех трудностей. Решение проблемы Чехословакии зависит от нее самой — пусть наладит отношения с судетскими немцами. Указывая на германо-польское и германо-австрийское урегулирование, фюрер выразил надежду, что и проблеме Чехословакии можно будет найти разумное решение. Данцига фюрер не коснулся.

3. Лига наций

Галифакс спросил, видит ли фюрер возможность, при условии удовлетворительного решения стоящих вопросов, вернуть Германию к более тесному сотрудничеству с другими народами в Лиге

наций и какие изменения нужно внести в Устав Лиги, чтобы Германия возвратилась в Лигу наций.

На это фюрер возразил, что этот вопрос не является германо-английской проблемой. Он указал на отдаленность от Лиги наций Америки, неучастие в ней Японии и пассивность Италии. Германия никогда не возвратится в отжившую свой век Лигу наций, которая преграждает путь естественному развитию политических событий.

4. Вопрос вооружений

Этот вопрос был поставлен также Галифаксом, но в общем серьезно не рассматривался. Фюрер указал главным образом на историческое развитие и упущенные при этом возможности. Он вскрыл трудности, возникшие в регулировании вооружений из-за франко-русских и франко-чешских союзнических отношений, но тем не менее напомнил о предложенном им ранее запрете бомбардировок.

Германо-английское соглашение о флоте⁹ фюрер упомянул как единственное, чего удалось достигнуть после безрезультатных в остальном переговоров.

5. Дальневосточный конфликт

О дальневосточном конфликте фюрер сказал только, что мы утратили политические интересы в Восточной Азии после того, как оттуда исчезли германские корабли. Будем ли мы поддерживать экономические контакты с обеими странами, между которыми возник конфликт, зависит только от нас.

6. Средиземноморский и испанский вопросы

Испанский вопрос был затронут только в связи с интригами журналистов.

Средиземноморский вопрос рассмотрен не был. .

7. Локарно

Переговоры о западном пакте и бельгийская проблема¹⁵ не рассматривались. Слово «Локарно» произнесено не было. Однако в ходе беседы Галифакс неоднократно обрисовывал контуры возможных переговоров четырех западных великих держав. Он также сказал, что, после того как между Англией и Германией почва будет достаточно подготовлена, четыре крупные западноевропейские державы должны вместе создать основу, на которой сможет базироваться прочный мир в Европе. Из этого сотрудничества ни в коем случае нельзя исключать ни одну из великих держав, иначе сохранится состояние неопределенности.

Необходимо также отметить, что Галифакс уже в начале беседы назвал Германию оплотом Запада в борьбе с большевизмом. Проблема России в разговоре более не упоминалась.

Касаясь вопроса о церкви, Галифакс сказал, что английская церковь следит за этим вопросом с озабоченностью и беспокойством.

Хотя беседа носила информационный характер и за ней не последовало принятия каких-либо документов, нужно отметить, что определенные вопросы, имеющие большое значение, будут в дальнейшем обсуждаться германским и английским правительствами. Для этого Галифакс предложил вести прямые переговоры между представителями правительств. Фюрер предостерег при этом от слишком большой поспешности и особенно от официальных встреч до того, как будет найдена и тщательно изучена их конкретная основа. Неоднократно появлявшиеся в прессе сообщения о предстоящей поездке рейхсминистра иностранных дел в Лондон будут до тех пор преждевременными, пока не будет проведена предварительная дипломатическая работа для создания предпосылки, о которой говорил фюрер.

Обобщая, можно сказать, что визит члена английского кабинета фюреру явился как для германо-английских отношений, так и в общем плане полезным и отрадным событием. Этот визит, при последовательном и в то же время осторожном ведении дела, может послужить началом прогресса европейской политики; при этом, однако, необходимо иметь в виду, что английская сторона, как неоднократно заявлял Галифакс, предусматривает только более урегулирование.

Поскольку визит Галифакса носил частный характер, о содержании беседы мы информируем только итальянское правительство и полагаем, что Париж также получит информацию из Лондона. В целом содержание беседы не подлежит разглашению, о чем **прошу** Вас сообщить в стране Вашего пребывания.

Найрат

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. I, S. 56—59.

**б. Письмо посланника Германии в Австрии Ф. Папена
начальнику политического отдела министерства иностранных
дел Германии Э. Вейцекеру**

4 декабря 1937 г.

Дорогой г-н фон Вейцекер!

Большое спасибо за Ваше письмо от 23.XI *, которое я получил, к сожалению, только вчера, а то я обсудил бы его с Вами в Берлине.

* В данном сборнике не публикуется.

В Вашем письме затрагивается весьма важный вопрос. Во время бесед в Париже у меня создалось впечатление, что нынешнее правительство сделает все для того, чтобы достичь «всеобщего урегулирования» с Германией, потому что считает, что только так можно вернуть экономическое равновесие страны. Мне показалось, что довольно мягкого по характеру г-на Шотана подгонял более активный Жорж Боннэ. В парижских беседах я в основном ограничился более близкой мне темой и попытался установить, до какой степени французы будут согласны отказаться от своей традиционной политики равновесия в Центральной Европе. Поэтому я дал понять, что этот вопрос является для нас в германо-французском урегулировании решающим, а колониальный вопрос — второстепенным. К своему удивлению, я установил, что мои партнеры считают колониальный вопрос проблемой, которую, вероятно, будет легко разрешить. Однако решение, будут ли они продолжать свою средневропейскую политику или смогут в корне изменить ее в рамках своих сегодняшних союзов, они поставили в зависимость от того, каковы будут наши устремления в районе Дуная. Мне показалось очень интересным, что ни Боннэ, ни Шотан не имели возражений против постепенного расширения германского влияния, будь то в Австрии — на основе соглашения от 11 июля¹³ — или в Чехии — на основе преобразования в многонациональное государство. У меня сложилось мнение, что, ведя с этим правительством доверительные переговоры и используя его стесненное положение, вероятно, можно продвинуться вперед. Что касается Австрии, я думаю, будет вполне достаточно при аннулировании Версальского договора потребовать также и отмены знаменитой ст. 88 Сен-Жерменского договора¹⁶ (конечно, по возможности, со стороны Австрии) при постоянном условии постепенного расширения германского влияния мирным путем. Согласятся ли на Бальхаузплац с желанием германской стороны действительного сближения в духе соглашения от 11 июля, зависит от поведения французов и англичан. Мы, вероятно, очень скоро пришли бы к заметным успехам, если бы на Кэ д'Орсэ решились дать австрийцам в этом отношении хороший совет. То, что для Лондона австро-германский вопрос представляет весьма малый интерес, здесь всем ясно. Значит, решающим фактором в нашем продвижении вперед являются переговоры с Францией.

Итак, если после лондонских бесед будет, как это кажется, предпринята попытка поставить решение колониального вопроса в зависимость от «всеобщего урегулирования» *, то тогда, по моему мнению, надо открыто обсудить с французами этот комплекс вопросов.

Ваш Папен

* В оригинале: «arrangement general».

Р. С. Я пришлю Вам на следующей неделе предложение о дальнейшей разработке германо-австрийского вопроса на ближайшее время. Необходимо принять новое решение.

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. I, S. 83—84.

6. Письмо министра иностранных дел Германии К. Нейрата посланнику Германии в Чехословакии Э. Эйзенлору

5 февраля 1938 г.

В последнее время здесь размышляют о том, может ли играть какую-либо роль (и какую именно) в предстоящем развитии германо-чехословацких отношений арбитражный договор, заключенный обеими странами в Локарно. Особый повод к таким размышлениям дали Ваши беседы с г-ми Бенешем и Крофтой, о которых Вы сообщали 21 декабря прошлого года *. Я хотел бы заметить по этому поводу следующее:

Когда мы при реокупации Рейнской области в марте 1936 года отказались от Рейнского пакта, подписанного в Локарно, возник вопрос, какое значение мы хотим придать этому акту по отношению к остальным частям Локарнского договора¹⁵, связанным с Рейнским пактом, а именно к арбитражным договорам с Францией, Бельгией, Польшей и Чехословакией. Тогда в узком кругу было принято решение, что германо-французский и германо-бельгийский арбитражные договоры следует рассматривать как утратившие силу одновременно с Рейнским пактом, потому что оба эти арбитражные договоры так тесно связаны с Рейнским пактом, что всякое иное отношение к ним было бы внутренне противоречивым. В отношении же арбитражных договоров с Польшей и Чехословакией, которые не находятся в такой тесной связи с Рейнским пактом, было, напротив, в то время решено рассматривать их как не затрагиваемые акцией на Рейне, т. е. как остающиеся в силе. Основанием для такого решения явилось то соображение, что нецелесообразно расширять излишне круг проблем, возникших в связи с нашей акцией в Рейнской области. Перед границей, т. е. Польшей и Чехословакией, эта германская точка зрения была выражена не путем особой нотификации, а в связи с разрешением технических вопросов, связанных с обоими арбитражными договорами. Дело в том, что в апреле 1936 г. истек срок выдаваемого на каждые три года мандата нейтральных членов согласительной комиссии, созданной согласно германо-чехословацкому арбитражному договору. Чехословацкая миссия уже в вербальной ноте от 18 февраля 1936 г., предложила продлить эти мандаты еще на три года. На это мы в вербальной ноте от 31 марта 1936 г., т. е. уже после акций на Рейне, ответили, что мы согласны с предложенным

* В данном сборнике не публикуются.

продлением мандата. Точно так же в августе 1937 г. мы довели до сведения польского правительства о назначении нового немецкого члена германо-польской согласительной комиссии, а кроме того, во время германо-польских переговоров по вопросу о Верхней Силезии, еще недавно прямо сослались на Локарнский арбитражный договор.

Но, напротив, когда французское посольство вербальной нотой в мае 1936 года поставило перед нами вопрос о возобновлении мандатов членов германо-французской согласительной комиссии, французскому послу было устно заявлено, что, по нашему мнению, германо-французский, а также германо-бельгийский арбитражные договоры, с расторжением Рейнского пакта, «постигла та же самая участь и что мы поэтому пока не можем согласиться на предложенное возобновление мандатов». Французское посольство опротестовало эту точку зрения в письменной форме; несмотря на это, мы остались при своем мнении. В отношении Бельгии вопрос до сего времени в прямой форме не обсуждался. Поэтому совершенно несомненно, что Чехословакия может сослаться на то, что мы в свое время признали действующим германо-чехословацкий арбитражный договор, даже после рейнской акции.

Следует принять во внимание, что арбитражные договоры с Чехословакией и Польшей содержат в себе строгое обязательство передавать всякого рода спорные вопросы третейскому суду или согласительному разбирательству. Политическое значение этого обязательства усугубляется тем, что Франция, Чехословакия и Польша в сепаратных договорах, заключенных между ними в Локарно, приняли решение рассматривать нарушение Германией своих обязательств, вытекающих из арбитражных договоров, как *casus foederis* *.

При этих обстоятельствах нельзя упускать из виду, что если отношения между Германией и Чехословакией осложнятся, то арбитражный договор, возможно, станет нежелательной помехой для пашей свободы действий.

Поэтому стоило бы подумать о том, чтобы заново рассмотреть вопрос о дальнейшем действии чехословацкого, а потом, конечно, и германо-польского арбитражных договоров. Известный аргумент в пользу этого можно было бы извлечь из того факта, что эти договоры в отдельных, правда несущественных, пунктах связаны с Лигой наций и что Германия недавно своим заявлением от 12 декабря прошлого года окончательно отклонила свое возвращение в Лигу наций. С Польшей мы, вероятно, могли бы достигнуть соглашения в этом вопросе без особых затруднений. Напротив, совершенно ясно, что в отношении Чехословакии сообщение о расторжении арбитражного договора при настоящей ситуации явилось

* Буквально: «случай союза» — обстоятельства, которые обязывают государство согласно договору о военном союзе вступить в войну, которую ведет другая сторона, или начать войну в защиту союзника (лат.).

бы международной сенсацией и было бы расценено как подготовка активных планов против Чехословакии, особенно если мы при этом сообщении о расторжении договора дали бы понять, что мы не намерены заключать с Чехословакией новый арбитражный договор, очищенный от всякой связи с пунктами Устава Лиги наций. По этой причине подобный шаг в настоящее время не предусматривается.

Однако я считаю желательным, чтобы Вы, если в Ваших беседах будет затрагиваться с чехословацкой стороны тема об арбитражном договоре, избегали вновь признавать, что этот договор остается в силе, и чтобы Вы вообще не расценивали его как существенный фактор в отношениях менаду обеими странами. Не вредно было бы невзначай заметить при удобном случае, что, по Вашему личному мнению, договоры, подобные, например, германо-чехословацкому арбитражному договору, вследствие крушения Локарнской системы и окончательного ухода Германии из Лиги наций потеряли свою политическую основу.

Я намерен обсудить с Вами устно дальнейшую нашу позицию в этом вопросе во время Вашего следующего визита в Берлин.

Найрат

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, с. 49—53.

7. Запись беседы А. Гитлера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном *

3 марта 1938 г.

Начиная беседу, британский посол подчеркнул доверительный характер разговора. О содержании беседы не будет сообщено ни французам, ни тем более бельгийцам, португальцам или итальянцам. Им будет только сказано, что эта беседа состоялась как продолжение переговоров между лордом Галифаксом и фюрером и посвящена вопросам, касающимся Германии и Англии.

Он, Гендерсон, хочет, с одной стороны, в общих чертах доложить о попытке английского правительства разрешить проблемы и, если возможно, выслушать со стороны фюрера германскую точку зрения, причем он указывает на то, что он говорит только от имени британского правительства, которое хочет уяснить себе положение, прежде чем оно для осуществления своих предложений вступит в контакт с другими державами. Поэтому по отношению к третьим державам эта беседа должна быть сохранена в тайне.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что дело идет не о торговой сделке, а о попытке установить основу для истинной и

* На беседе присутствовал министр иностранных дел Германии И. Риббентроп.

сердечной дружбы с Германией, начиная с улучшения обстановки и кончая созданием нового духа дружественного понимания. Не недооценивая тех трудностей, которые придется преодолеть, английское правительство, однако, считает, что настоящий момент является благоприятным для подобной попытки улучшить обоюдные отношения. Такая попытка должна, однако, потерпеть крах, если обе стороны не внесут своего вклада в дело примирения, т. е. если такое согласие осуществится, то это может произойти только на основе взаимности. Необходимо положительное участие Германии для установления в Европе спокойствия и безопасности. Необходимо, как это уже выяснилось во время беседы с Галифаксом, вместо свободной игры сил найти решение, продиктованное высшим разумом. Лорд Галифакс уже согласился с тем, что перемены в Европе вполне возможны, но только эти изменения должны происходить в духе вышеназванного высшего разума. Целью английского предложения является участие в таком разумном урегулировании.

После того как британский посол сделал эти личные замечания, он перешел к изложению полученных им указаний. Он упомянул, что по указанию своего правительства в Лондоне он рассмотрел в беседах с премьер-министром Чемберленом и с другими заинтересованными членами кабинета все вопросы, которые возникли в связи с визитом Галифакса в Германию. Он подчеркнул в связи с этим важность германского сотрудничества для успокоения Европы, на что он уже указывал в прежних беседах с г-ном фон Нейратом и с г-ном фон Риббентропом. Подобному успокоению может содействовать ограничение вооружений и умиротворение в Чехословакии и Австрии. В связи с этим британский посол зачитал дословно следующие указания, которые он потом передал в письменном виде:

«Общее умиротворение зависело бы, по мнению британского правительства, между прочим, от мер, проводимых с целью создать доверие в Австрии и Чехословакии. Британское правительство еще не в состоянии правильно оценить последствия соглашения, достигнутого недавно между Австрией и Германской империей, и эти последствия должны будут, безусловно, зависеть от того, как обе стороны начнут осуществлять различные обязательства и постановления. Британское правительство, таким образом, все еще сомневается насчет того, какое влияние окажут эти соглашения на положение в Центральной Европе, и оно не может обойти тот факт, что последние события вызвали во многих кругах опасения, которые неизбежно усложнят достижение всеобщего решения».

Какаясь ограничения вооружений, Гендерсон заметил, что британскому правительству, конечно, известны трудности, и он напомнил о предложении фюрера о запрещении воздушных бомбардировок. Английское правительство очень приветствовало бы подобное предложение. Еще важнее ему кажется, однако, вообще ограничение количества бомбардировщиков. Принимая во внима-

ние сделанные два года тому назад германские предложения, английское правительство еще раз изучает этот комплекс вопросов и надеется прийти к приемлемым предложениям. Было бы интересно выслушать германскую точку зрения по этому вопросу.

Что касается колоний, то английский посол заявил о серьезной готовности английского правительства не только рассмотреть колониальный вопрос, но и продвинуться на пути к его разрешению. Премьер-министр Чемберлен лично посвятил этому вопросу все свое внимание. И здесь трудности, конечно, велики, так как после последнего передела колониальных владений прошло 20 лет. Кроме того, общественное мнение Англии как раз к этому вопросу относится особенно чувствительно. Затем английский посол зачитал следующее предложение по колониальному вопросу, которое он по окончании беседы передал в письменном виде:

«Решение, которое, по мнению британского правительства, предоставляло бы много преимуществ, заключалось бы в разработке плана на основе нового режима колониального управления в какой-либо определенной области Африки: этот план распространялся бы на территорию, приблизительно равную бассейну Конго, и был бы принят и применен всеми заинтересованными державами. Каждая из этих держав хотя и отвечала бы сама за управление принадлежащими ей территориями, но от нее требовали бы, чтобы она руководствовалась известными принципами, которые имели бы своей целью способствовать всеобщему благу.

Здесь, например, возник бы вопрос о демилитаризации как для блага туземцев, так и для свободы торговли и передвижения. Возможно также, что была бы создана комиссия из представителей всех тех держав, которым принадлежат части данной территории».

При зачитывании он упомянул о том, что данная территория будет ограничена с севера примерно 5° широты, а с юга примерно рекой Замбези, и добавил, что, возможно, будет создана комиссия из тех держав, колониальные владения которых находятся в рамках этого пространства. В заключение он поставил фюреру вопросы:

1) готова ли Германия в принципе принимать участие в новом колониальном режиме, как он предусмотрен в английском предложении, и

2) какой вклад она готова внести для обеспечения в Европе всеобщего спокойствия и безопасности.

Фюрер возразил, что самым главным вкладом для установления в Европе спокойствия и безопасности будет запрещение международной прессы, занимающейся натравливанием, так как ничто так не угрожает безопасности, как интриги этой прессы, которая, к сожалению, очень широко представлена и в Англии. Он указал на то, что он лично известен как один из самых искренних друзей Англии, но что за эту дружбу ему отплатили злом. Никому, вероятно, не доставалось так часто и так крепко от Англии, как

ему. Следует поэтому понять, что он теперь придерживается некоторой изоляции, которую он все же считает достойнее, чем предлагать себя тому, кто его знать не хочет и кто ему постоянно отказывает.

На возражение британского посла, что этот отказ исходил в Англии только от некоторых кругов, фюрер возразил, что британское правительство уже, наверно, было бы в состоянии воздействовать на прессу в ином духе. В Германии имеются сведения, полученные от друзей из Англии, из которых вытекает, что в известном направлении на прессу воздействовали самые влиятельные английские круги, поэтому в первую очередь должна прекратиться травля.

В отношении Центральной Европы следует заметить, что в урегулирование своих отношений с родственными странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам, так же как Германии не пришло бы в голову вмешиваться в урегулирование отношений между Англией и Ирландией. Речь идет о том, чтобы воспрепятствовать продолжению или возобновлению несправедливости, совершаемой по отношению к миллионам немцев. При этой попытке урегулирования Германия должна будет самым серьезным образом заявить, что она не согласна допустить, чтобы на урегулирование каким-либо образом оказывалось влияние со стороны. Невозможно, чтобы одна сторона все время выставляла свободу наций и демократические права как элементы европейского порядка и чтобы утверждалось как раз обратное, когда речь идет о том, чтобы улучшить судьбу немцев в Австрии, где правительство, которое образовалось не так, как немецкое правительство, возникшее легальным путем, и которое поддерживается лишь 15% населения, угнетает остальных немцев. Такое положение не может долго продолжаться, и если Англия и в дальнейшем будет противодействовать германским попыткам произвести здесь справедливое и разумное урегулирование, то тогда наступит момент, когда придется воевать. Если он, фюрер, стремится, как он это делал в Берхтесгадене, провести мирным путем облегчения для угнетенных немцев, а Париж и Лондон не только скептически следят за его усилиями, но и дают своим дипломатам указание препятствовать проведению этой мирной попытки (британский посол здесь заметил, что Англия этого никогда не делала), то этим они оказывают делу мира очень плохую услугу. В конце концов, для того, чтобы прийти к удовлетворительному решению, в Австрии должен быть опрошен сам народ, а в Чехословакии немцам должна быть предоставлена соответствующая автономия как в культурном, так и в других отношениях. Это является простейшим применением того нрава самоопределения народов, которое играло большую роль в 14 пунктах Вильсона¹⁷. Теперешнее состояние во всяком случае долго продолжаться не может, оно привело бы к взрыву, и во избежание этого были заключены соглашения в Берхтесгадене,

причем можно сказать, что трудности можно считать устраненными, если австрийское правительство выполнит свои обещания. Кто же в противоположность этому применяет силу против разума и права, тот вызывает силу на арену борьбы, о чем он (Фюрер) говорил также и в своей речи в рейхстаге.

На вопрос британского посла, требует ли Германия плебисцита в Австрии, Фюрер ответил, что требуется путем эволюции обеспечить обоснованные интересы немецких австрийцев и положить конец угнетению.

Британский посол указал на то, что теперешнее английское правительство обладает развитым чувством реальности. Чемберлен сам взял на себя руководство народом вместо того, чтобы идти на поводу у народа. Он выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность и т. п. В истории иногда самое трудное найти двух людей, которые не только хотели бы одного и того же, но и прежде всего намеревались бы это осуществить в один и тот же момент. Поэтому Англия заявляет о своей готовности устранить все трудности и спрашивает Германию, готова ли она со своей стороны сделать то же самое.

Фюрер указал на свои предложения, сделанные несколько лет тому назад. Ответом явился франко-русский пакт¹⁸, который после присоединения Чехословакии сделался для Германии особенно опасным, так как тем самым оказались под угрозой промышленные районы, размещенные на границах рейха, в Рурской области и в Саксонии, и враг всегда был в состоянии поразить Германию в самое сердце. Поэтому с германской стороны необходимо было основательно защитить себя от этого окружения. Ограничение вооружений ввиду этого в значительной степени обусловлено Советской Россией. Чего здесь следует ожидать, об этом было недавно снова ясно сказано в речи Ворошилова, в которой оповещалось, что Советские Вооруженные Силы, невзирая ни на что, будут применять отравляющие газы. Против этого Германия должна быть вооружена. Особенно сложной эта проблема сделалась благодаря тому факту, что положиться на верность договорам такой варварской формации, как Советский Союз, можно приблизительно так же, как на понимание дикарем математических формул. Поэтому соглашения с этой страной, собственно говоря, не имели бы никакой цены. Не надо было впускать Советскую Россию в Европу. Он, Фюрер, в свое время в своих предложениях имел в виду объединение Европы без России.

На вопрос британского посла, готова ли Германия присоединиться к запрещению воздушных бомбардировок, Фюрер возразил, что он уже давно опубликовал свою точку зрения по этому вопросу и сейчас может только добавить, что Германия не даст себя больше обмануть пустыми обещаниями, как это было в свое время с 14 пунктами Вильсона. Если бы даже Советский Союз сегодня заявил, что он больше не имеет намерения сбрасывать бомбы с

отравляющими газами, то такому заявлению нельзя было бы поверить.

На возражение британского посла, что в данный момент речь идет исключительно об отношениях между Англией и Германией, фюрер возразил, что с германской стороны Англии не следует опасаться каких-либо помех. Германия не вмешивается в дела империи. Но она вынуждена была убедиться в том, что Англия отрицательно реагирует на все попытки Германии разрешить свои затруднения. При попытке решения вопроса на Востоке раздается со стороны англичан такое же «нет», как и при требованиях колоний, и па пути Германии всюду становится английская пресса и ведет против нее клеветническую кампанию.

Британский посол возразил, что вина за возникновение ложных известий в прессе лежит не только на английской стороне, германская цензура печати вызывает своими действиями много ложных известий, а кроме того, и в германской прессе, в особенности во время его вступления в должность, были в ходу сильные нападки на Англию.

Возражая на это, фюрер указал па то, что в течение трех лет, с 1933 до 1936 г., в Германии хранили абсолютное молчание в ответ на все английские нападки. Но в то время как Германия никогда не вмешивалась во внутренние английские дела, как отношения с Ирландией и т. п., с английской стороны беспрестанно повторялись попытки вмешательства — со стороны епископов, некоторых членов парламента и других кругов.

В связи с этим британский посол упомянул доверительно о том, что сегодня лорд Галифакс созвал пресс-конференцию ответственных газетных издателей и что он имел также беседу с президентом объединения газетных издателей и руководящих сотрудников английского радио, в ходе которой он еще раз подчеркнул ответственность этих органов за мир. При английской свободе печати ничего большего сделать нельзя. Следует, однако, отметить, что новый британский министр иностранных дел, который, основываясь на своих переговорах в Германии, полностью осведомлен о германской точке зрения, в значительной степени здесь, как и в других вопросах, уже оказал свое влияние посредством личного контакта, который является наиболее подходящим путем для Англии. В качестве примера того, что и с германской стороны встречались заблуждения относительно обстановки в Англии, британский посол привел ошибочное германское мнение, что за волной антигерманской пропаганды стоит комитет Ванситтарта. Он может заверить честным словом, что этот комитет ничего обшего не имеет с этими ложными сообщениями. Он вообще не является орудием пропаганды против каких-либо других стран, а должен скорее служить делу привлечения симпатий к Англии и Британской мировой империи.

Рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп указал в связи с этим па 14-дневную клеветническую кампанию, проводимую

агентством Рейтер. Никто из ответственных лиц не был уволен и даже не получил выговора. Так что за всем этим, по-видимому, скрывается система.

Фюрер принял к сведению повторное заверение британского посла (последний заявил, что комитет еще не приступил к выполнению своих основных работ) относительно комитета Ванситтарт-та и, подводя итоги, заявил, что для разрежения атмосферы решающим будет лучшее структурирование прессы и прекращение клеветнических сообщений, а также переход к большей объективности.

На вопрос фюрера о новом колониальном режиме британский посол заявил, указывая на карту, что английское правительство имеет в виду систему с принципами, подобными Берлинскому соглашению 1885 года¹² (по-видимому, имеется в виду соглашение о Конго). В указанном выше районе Африки колонии были бы заново распределены. При этом распределении Германия также учитывалась бы и имела бы в этом случае под своей верховной властью колониальную территорию. Все державы, владеющие колониями на этой территории Центральной Африки, должны были бы, однако, принять на себя известные обязательства в отношении демилитаризации, свободы торговли и обращения с туземцами.

Фюрер возразил, что Германию, естественно, прежде всего интересует вопрос, что произойдет с ее бывшими колониями. Почему вместо создания сложной новой системы не хотят разрешить колониальный вопрос наиболее простым и естественным образом, а именно вернуть бывшие германские колонии? Он, фюрер, должен здесь, правда, открыто признать, что он не считает колониальный вопрос уже созревшим для разрешения, так как в Париже и в Лондоне слишком далеко зашли в своих возражениях против возвращения колоний. Поэтому он и не хочет настаивать. Можно спокойно подождать 4, 6, 8 или 10 лет. Возможно, что к тому времени в Париже и в Лондоне изменится точка зрения и там поймут, что лучшее решение заключается в том, чтобы отдать Германии то, что является ее законной собственностью, приобретенной посредством покупки и договора. Предпосылкой для участия Германии в новом колониальном режиме является поэтому возвращение ее бывших колоний, приобретенных законным путем и отнятых по договору. Германия не хочет обременять решением колониального вопроса другие страны, которые в этом не участвовали. Возможно, что и Бельгия, и Португалия совершенно не были бы согласны, и, возможно, они подумали бы, что Германия требует от них чего-то, что ей не полагается.

Британский посол еще раз, указывая на глобус, разъяснил английский колониальный план, причем на вопрос фюрера сэр Невиль Гендерсон заявил, что он считает, что в разрешении вопроса примут участие Португалия и Бельгия и, наконец, вероятно, Франция и Италия.

Беседа перешла затем снова на проблемы Центральной Европы, и на замечание британского посла, что Чемберлен только тогда может чего-нибудь добиться, если и Германия сделает свой вклад в этой области, фюрер возразил, что по этим вопросам его вклад надо видеть в Берхтесгаденском соглашении с Австрией¹⁹, но что он должен со всей твердостью заявить, что если когда-либо в Австрии или Чехословакии будут стрелять в немцев, то Германская империя немедленно вступится*. Он, фюрер, должен был много говорить в течение своей политической деятельности, и поэтому в некоторых кругах, может быть, полагают, что его слова не следует принимать слишком всерьез. Но это будет жестокой ошибкой, если его высказывания по вопросам Центральной Европы примут за чистую риторiku. Если в Австрии или Чехословакии произойдут взрывы изнутри, то Германия не останется нейтральной, а будет действовать молниеносно. Поэтому неверно, когда со стороны некоторых дипломатов и некоторых кругов венского правительства говорится, что им нечего бояться и нет необходимости точно выполнять свои обязательства.

Рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп указал здесь на драматическую беседу между английским посланником в Вене и г-ном фон Папеном, в течение которой посланник горячо жаловался на то давление, которое Германия якобы оказывает на Австрию. Все давление в Берхтесгадене состояло в том, чтобы обратить внимание Австрии на некоторые опасности и предусмотреть возможность их устранения. Если британский посланник заявил в такой драматической форме свой протест г-ну фон Папену, то как же разговаривал он тогда с австрийским министром иностранных дел Шмидтом.

Британский посол указал на то, что совсем не обязательно, что эти высказывания посланника представляют мнение британского правительства, и заявил о том, как часто он сам, сэр Невиль Гендерсон, высказывался за аншлюс.

Фюрер ответил на это, что некоторые факты являются просто нестерпимыми для великой державы. Англия заявляет, что она не стерпела бы нападения на Бельгию или Голландию. На это он, фюрер, заявляет также убедительно, что если немцев в Центральной Европе будут и в дальнейшем угнетать тем же образом или другими методами, то Германия должна вмешаться, и она вмешается.

Британский посол повторил германскую точку зрения в отношении Австрии и Чехословакии в том смысле, что при дальнейшем угнетении местных немцев произошел бы взрыв, а что, напротив, при предоставлении полного равноправия не приходится ожидать никакого конфликта.

По вопросу ограничения военно-воздушных вооружений фюрер заметил, что здесь, конечно, нельзя проводить разоружение в оп-

* В оригинале: «das Deutsche Reich dann zur Stelle sein wurde».

ределенных областях земного шара, так как воздушные силы чрезвычайно подвижны. Военно-воздушные силы Дальнего Востока могут быть, например, с легкостью использованы в Европе. Поэтому здесь нельзя исходить из каких-либо территориальных ограничений. Он, фюрер, высказал в свое время свои предложения, исходя из той мысли, что Женевской конвенцией²⁰ была запрещена война против некомбатантов. К сожалению, его предложения не были приняты. Британский посол возразил, что английское правительство хотя раньше, правда, и слышать не хотело о запрещении воздушных бомбардировок, но сейчас оно стоит на другой точке зрения, и в заключение он добавил, что настоящий момент является по многим причинам благоприятным для переговоров о вооружениях. Германия сильна, но и Англия снова стала сильной. Германия пробудила Англию из дремоты, так что ни один из партнеров, ведущих переговоры, не может предположить, что эти переговоры происходят в результате страха или слабости. Он, посол, придерживается вместе с генерал-фельдмаршалом Герингом того мнения, что многообещающими бывают только переговоры между сильными. С другой стороны, на вооружение тратилось бы много денег, так что и в этом отношении имеется заинтересованность в их ограничении.

Фюрер возразил, что вооружение Германии обусловлено Россией. Для Германии защита ее позиций в Центральной Европе является жизненно важным вопросом, и она должна вооружаться на случай нападения со стороны Советской России, которое, конечно, никогда не может быть задержано ни лимитрофами*, ни Польшей. Ведя разговор о вооружениях, англичане должны были бы поэтому прежде всего начать с России.

На повторный вопрос британского посла о германском отношении к английскому предложению по колониальному вопросу фюрер, учитывая важность этого вопроса, обещал дать письменный ответ.

На вопрос рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа, может ли быть английским правительством предусмотрено возвращение *всех*** бывших колоний, включая и те, которые находятся сейчас во владении британских доминионов, британский посол возразил, что он может говорить только от имени Великобритании и что его высказывания не касаются доминионов.

Д-р Шмидт,
легационный советник ***

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, с. 54—74.

* Термин, означающий пограничные государства и применявшийся после первой мировой войны к Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польше.

** Подчеркнуто в оригинале.

*** В конце документа в оригинале имеется пометка: «Согласно указано представлено рейхсминистру фон Риббентропу. Берлин, 3 марта 1938 года».

8. Письмо посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте

4 марта 1938 г.

Г-н министр!

Борьба двух политических течений

Я выжидал, пока состоится заседание сенатской комиссии по иностранным делам, которое было назначено на среду 2 марта, для того чтобы дать Вам общую оценку выступлений во французской палате депутатов по вопросам внешней политики. Я хотел выждать, будут ли выступления в сенатской комиссии по иностранным делам дополнять или уточнять заявления, сделанные 26 февраля в палате депутатов, и если будут, то в каком духе.

После событий в Австрии в связи со свиданием в Берхтесгадене чехословацкий вопрос* выдвинулся на первый план. Я не хочу скрывать от Вас, что в Париже люди различных профессий и различного общественного положения, не исключая журналистов и членов парламента, начали облекать в определенную форму свое противодействие мысли о том, что Франция ради Чехословакии должна вести войну с Германией. Под влиянием отставки Идена как сторонники соглашения с Германией, так и сторонники соглашения с Италией и, наконец, противники политики Франции в Центральной Европе и ее политики по отношению к России хотели попытаться произвести переориентацию французской политики. Нужно осознать, что отставка Идена вызвала в Париже такое впечатление, что и общественное мнение, и само правительство были потрясены. Бывший премьер-министр и министр иностранных дел Пьер Этьен Фланден поднял знамя за переориентацию французской политики, С другой стороны, коммунисты, приверженцы военного союза с Советской Россией, и все лица, убежденные в том, что война неизбежна и что надо организовать все силы нации,— все они хотели использовать удобный случай и окончательно уничтожить возможность договориться с Берлином и Римом. Наряду, с коммунистами эту политику проводил и Поль Рейно. Он отстаивал перед общественностью всеобъемлющий военный союз** с Россией; поэтому он требовал участия коммунистов в правительстве. Эффективность своей политики он значительно ослабил следующими двумя моментами:

1. Он исходил из предпосылки и утверждения, что война неизбежна, и

2. Он говорил, что нужно заключить военный союз с Советской Россией.

Французский народ едва ли мог увлечься политикой, исходящей из предпосылки, что война неизбежна; кроме того, правые,

* Слово «вопрос» (Frage) в немецком тексте вставлено от руки над строкой.

** В оригинале: «absolutes wie militarisches Bündnis».

центр, а также значительная часть радикалов считают вступление коммунистов в правительство неприемлемым. При таких обстоятельствах сторонники Фландена и сам Фланден полагали, что для политической переориентации Франции настал психологически благоприятный момент. Фланден проехал по своей области и своему избирательному округу, беседовал на базарах с крестьянами, причем он настойчиво задавал им вопрос, готовы ли они воевать за Чехословакию. На вопрос, поставленный в такой форме, он, конечно, получал отрицательный ответ. Это подкрепило его убеждение, что ситуация созрела. Поль Рейно, с другой стороны, не думал о крестьянах и оценивал положение по настроению рабочих. Поэтому он и заблуждался, выступая так рьяно за участие коммунистов в правительстве.

Душевное состояние министра Дельбоса

Министр Дельбос ужасно устал и крайне боязлив. Он охотнее всего не только ушел бы со своего поста, но просто сбежал бы, если бы знал, как это сделать. Он боится каждой мысли, имеющей определенную окраску; любая окраска режет ему глаза и оскорбляет его чувства. Свою речь он подготовил собственноручно, но приготовленное было совершенно бесцветно. Его душевное настроение старались приподнять его сотрудники Леже, Массигли и Роша: они заставили его говорить несколько ярче. Что касается Чехословакии, то наиболее существенное я сообщил Вам в шифровке № 13 в ответ на Вашу шифровку № 8. К этому я замечу еще, что для самой Франции и для границы было бы важно, чтобы Чехословакия в сфере деятельности французской политики рассматривалась как самостоятельная величина. Если бы французское правительство сделало заявление касательно всей Центральной Европы, т. е. Австрии и Малой антанты²¹, гласящее, что она будет сражаться ради Центральной Европы, то за границей создалось бы впечатление, что Франция вообще воевать всерьез не собирается и что, следовательно, она не будет драться и за Чехословакию, ибо ясно, что Франция не станет воевать ради любого государства Центральной Европы. В самой Франции такое заявление в общих тонах лишь оживило бы политику, пропагандируемую Фланденом и ему подобными. Если бы после Берхтесгадена и после кризиса в Англии Дельбос сделал бы только заявление совсем общего характера, это создало бы впечатление, будто Франция отказывается от своей нынешней политики. Поэтому я полностью сознавал, что твердое заявление относительно одной только Чехословакии в противоположность чисто теоретическому и данному в общей форме заявлению о французской политике в Центральной Европе не принесло бы особой пользы Австрии*. Для меня важнее всего было то, чтобы в вопросе относительно Чехословакии не было никаких неясностей, тем более что с самого начала мы натолкнулись на нежелание французов воевать

* Так в тексте.

ради Чехословакии. Я упомяну здесь лишь в нескольких словах о крайне важном и в то же время секретном деле. 17 февраля Дельбос обратился к английскому правительству с просьбой определить свою позицию по отношению к дальнейшим мерам нажима Германии на Австрию, к чехословацкой проблеме и к переговорам с Италией и Германией. Дельбос хотел получить ответ до своей речи в палате депутатов. Англия молчала. Вечером 25 февраля она сообщила свой ответ, который поступил в Париж утром 26 февраля, но не попал в руки министра Дельбоса до его речи, произнесенной в палате депутатов в 11 часов. Не подлежит никакому сомнению, что этот ответ — если иметь в виду подавленное душевное состояние Дельбоса — оказал бы на него очень дурное влияние. Это влияние было бы весьма вредным, ибо в вопросе о Чехословакии Дельбос и до того уже много раз изменял текст своего заявления и не раз возвращался к бесцветному заявлению общего характера, пока не остановился на том заявлении, о котором я уже Вам сообщал. Вам наверняка будет интересно узнать, что заявление Дельбоса о Чехословакии вся палата депутатов встретила одобрением. Аплодировали все, за исключением одного депутата — Пьера Этьена Фландена, который продолжал сидеть и не пошевелился. По моей просьбе, поддержанной нашими друзьями из Кэ д'Орсэ, премьер-министр Шотан определенно солидаризировался с заявлением Дельбоса, сделанным им по поводу Чехословакии.

Сенатская комиссия по иностранным делам и Чехословакия

23 февраля состоялось пленарное заседание сенатской комиссии по делам национальной обороны (армия, флот, авиация) под председательством Жозефа Кайо — председателя финансовой комиссии и в присутствии Анри Беранже — председателя комиссии по иностранным делам. 25 февраля (в пятницу) состоялось заседание комиссии по иностранным делам, на котором председатель Беранже сделал свой отчет. По этому поводу он сообщил также и о своих беседах с министром Дельбосом о результатах совещания в Берхтесгадене и о французском демарше в Лондоне по поводу Австрии и Чехословакии. Беранже сообщил своим коллегам, что министр Дельбос и правительство энергично потребовали, чтобы Англия высказалась, как она будет вести себя в том случае, если Берхтесгаден повторится, и в том случае, если он будет распространен на Чехословакию. Председатель Беранже заявил, что Англия до пятницы еще не высказалась. В субботу я обедал вместе с сенатором Беранже, который сказал мне совершенно откровенно, что как в сенатской комиссии по иностранным делам, так и на объединенном заседании комиссии по делам обороны были поставлены два вопроса о Чехословакии: имеет ли Франция твердое юридическое обязательство в отношении Чехословакии и 2) * имеет ли Франция возможность прийти Чехословакии на по-

* Цифра «1» пропущена в немецком оригинале,»,

мощь. Что касается вопроса о твердом юридическом обязательстве в отношении Чехословакии, то сенатор Беранже заявил, что в его комиссии был выставлен тезис, что франко-чехословацкий договор о дружбе являлся составной частью Локарнского пакта¹⁵, и так как последний перестал действовать, то как следствие этого франко-чехословацкий договор более не имеет обязательной силы. На это я возразил, сказав, что это более чем странный аргумент. Когда в первое время после заключения Локарнского договора Чехословакия добивалась участия в Локарнских совещаниях великих держав и Бельгии, нам был дан ответ, что чехословацкий договор не является составной частью Локарнского соглашения и вследствие этого Чехословакия не имеет права участвовать в совещаниях. Теперь же нам начинают заявлять, что франко-чехословацкий договор как составная часть прекратившего свое действие Локарнского соглашения тоже потерял свою силу. Ведь прямо-таки невозможно говорить прямо противоположное тому, что нам говорили в течение нескольких лет после подписания Локарнского соглашения. Кроме того, франко-чехословацкий договор о дружбе существует самостоятельно, ибо он был заключен в 1924 г., и если даже Локарно уже не существовало бы, что является сомнительным утверждением, то франко-чехословацкий договор о дружбе продолжал бы все-таки существовать как самостоятельный договор. Сенатор Беранже выразил мне большую благодарность за такое изложение вопроса, ибо это дело было представлено у них совершенно иначе. Что касается второго вопроса, т. е. обязана ли Франция и имеет ли она возможность оказать Чехословакии военную помощь, то сенатор Беранже мне сказал, что в их комиссии развивали теорию о том, что Франция вообще не может прийти на помощь Чехословакии ввиду наличия линии Мажино⁴ и, чтобы иметь возможность оказать помощь, Франция должна иметь возможность пройти через Италию. Я ответил, что в такой формулировке вопрос поставлен неправильно. Речь идет вовсе не о том, чтобы заниматься техническими изысканиями, каким именно образом Франция придет на помощь Чехословакии, а о том, готова ли Франция объявить войну Германии в случае нападения на Чехословакию. Чехословакия делает приготовления, чтобы иметь возможность выполнить свой долг, и она готова его выполнить. Если Франция не захочет защищаться в Европе* в случае нападения на Чехословакию, то ни сама Чехословакия, ни Центральная Европа не смогут, конечно, защититься от Германии. Взаимная помощь, которую Франция и Чехословакия обещали друг другу, основана на том, что если одна договаривающаяся сторона подвергнется нападению, то другая будет вести войну против агрессора. Какая кроме этого будет технически оказана помощь — это дело солдат и будущего, ибо сейчас никто не может сказать, где и каким образом будет вестись война. Сенатор

* Так в тексте.

Беранже мне возразил, что эта точка зрения является для него новой и он усматривает в ней возможность достигнуть единодушия среди членов своей комиссии. Тем не менее он считает своей обязанностью обратить мое внимание на то, что в обоих названных и нами обсуждаемых вопросах члены французской комиссии по иностранным делам придерживаются того убеждения, что Франция без Англии ничего не могла бы сделать в Центральной Европе. Я ответил: я знаю, что в вопросах самообороны Франция и Англия завязят друг от друга. Однако если мне известно, что Франция нуждается в Англии, то я знаю также, что и Англия нуждается во Франции. Я также знаю, например, что если бы речь зашла о самостоятельности Египта, то Англия не скажет, что она не может и не будет ничего делать для Египта без помощи Фракции; Англия просто займет нужную ей позицию и будет действовать в убеждении, что Франция должна ей помочь. Подобно этому на европейском континенте, где жизненные интересы имеются не у Англии, а у Франции, руководство и решение принадлежат Франции, а ни в коем случае не Англии. Если Франция заявит, что прямое или замаскированное нападение на Чехословакию означает войну с Францией, то Англия поддержит Францию как дипломатически, так и политически, ибо она заинтересована в том, чтобы Франция не была ввергнута в войну с Германией. Одного этого было бы достаточно, чтобы избежать войны. Беранже не скрыл, что мои соображения с политической и дипломатической точек зрения являются совершенно правильными.

Второго марта (в среду) Дельбос сделал доклад в комиссии сената по иностранным делам. Снова имело место обсуждение франко-чехословацкого договора о дружбе. Бывший премьер-министр Лаваль задал вопрос: обязана ли Франция в случае нападения на Чехословакию прийти к ней на помощь. Председатель Беранже повторил при этом тот тезис, который он мне изложил 26 февраля. Что касается вопроса о помощи Чехословакии, сказал председательствующий Беранже, то он для Чехословакии и Франции заключается в том, хотят ли они защищать свою самостоятельность или нет. Если — да, то тогда, поскольку они взаимно связаны, они объявят войну тому агрессору, который напал бы на одну из них.

Интересно, что Дельбос не хотел, чтобы в коммюнике комиссии снова шла речь о верности Франции своим обязательствам; он хотел в коммюнике ограничиться указанием, что Франция в союзе с Англией будет проводить политику национальной безопасности и европейского мира. По настоянию председателя Беранже в коммюнике ясно разграничены два вопроса: продолжение тесного сотрудничества с Англией в проведении политики национальной безопасности и европейского мира и указание на то, что французское правительство останется верным подписанным им обязательствам.

Я хотел бы упомянуть, что бывший президент республики и член сенатской комиссии по иностранным делам Мильеран весьма сердечно и решительно выступил за безоговорочную защиту Чехословакии. Он сказал, что Франция еще никогда не нарушала данного ею слова и что, кроме того, для Франции является жизненным интересом, чтобы никто не сомневался в том, что Франция будет защищать самостоятельность Чехословакии с оружием в руках. В течение всей продолжительной дискуссии ни один сенатор ни прямо, ни косвенно не намекнул на то, что Франция не должна оставаться верной своим обязательствам в отношении Чехословакии.

С сердечным приветом Ваш

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 78–90.

9. Записка, составленная в министерстве иностранных дел Германии *

Не позднее 5 марта 1938 г.

Германское правительство снова публично заявило о своей принципиальной точке зрения по колониальному вопросу. Коротко она может быть сформулирована следующим образом:

Германия мирным путем создала и, принеся большие жертвы, развила колониальную империю. Эта колониальная империя была у нее отнята силой в Версале⁷. Причины, выдвинутые для обоснования этого, не являются состоятельными.

Германия поэтому выдвигает требование, чтобы ее бывшие колониальные владения были ей возвращены. Она выдвигает это требование, преследуя не военные цели, а исходя из того, что бывшие колониальные владения, безусловно, необходимы немецкому народу как жизненная экономическая основа.

Германское правительство обращается с этим требованием исключительно к тем державам, которые завладели германскими колониями, и не претендует на другие территории.

Из последних сообщений британского королевского посла германское правительство заключает, что британское королевское правительство в настоящее время обдумывает шаги, направленные на то, чтобы приступить к удовлетворению колониальных претензий Германии таким образом, чтобы заново урегулировать нынешнее положение с колониями в Центральной Африке и чтобы в этом урегулировании участвовала также и Германия. Относительно конкретных форм подобного плана британское королевское правительство еще не высказалось. Другие заинтересованные державы также еще не высказали своего отношения к этому вопросу.

* Проект ответа послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону,

При таком положении вещей германское правительство в настоящее время вынуждено ограничиться заявлением о том, что оно, как и прежде, придерживается своей принципиальной точки зрения, сжато сформулированной выше. Если державы, владеющие бывшими германскими колониями, по каким-либо причинам сочтут целесообразным при урегулировании колониального вопроса обменять части германских колониальных владений на другие территории, то германское правительство, естественно, сможет высказать свое отношение к таким планам лишь в том случае, если державы-участницы представят ему конкретные предложения на этот счет.

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtiger Politik, 1918—1945». Serie D, Bd. I, S. 195—196.

10. Из записи беседы советника посольства Германии в Великобритании Э. Кордта с советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном

10 марта 1988 г.

[...] По словам Вильсона, в кругах, близких к Идену, к левым организациям, и в совете Лиги наций упрекают премьер-министра Великобритании в том, что он предаёт демократию и добивается соглашения с фашизмом. В этой связи утверждают даже, продолжал Вильсон, что премьер-министр стремится к установлению диктаторского режима в Англии. Как заявил Вильсон, премьер-министр справится с подобными нападками и будет проводить свою линию на осуществление соглашения с Германией и Италией. В прошлый понедельник премьер-министр, по словам Вильсона, еще раз разъяснил, что в проведении этой политики его не интересует вопрос внутренних режимов. Вильсон сослался на сравнение, к которому якобы недавно прибегнул фюрер — как ему кажется, в беседе с лордом Лотианом, — назвавший Германию и Англию двумя колоннами, на которых может покоиться европейский порядок. Этот пример особенно понравился премьер-министру. Если, продолжал Вильсон, всегда иметь перед собой эту цель и проявить широту в подходе к этим вопросам, то необходимо научиться не обращать внимания на менее значительные трудности. Ведь в конечном счете речь идет лишь о том, чтобы на этих двух опорах воздвигнуть здание сотрудничества. Необходимо, разумеется, как подчеркнул Вильсон, действовать осторожно, ведь, когда не упускают из виду определенные цели, вовсе не всегда нужно о них говорить. По утверждению Вильсона, премьер-министр выступил с мужественной инициативой, которая исходит от него лично. Он в свое время послал Галифакса в Берхтесгаден. К сожалению, сам премьер-министр не может так легко отправиться в поездку, и это столь же нелегко и для фюрера. Но

он, Вильсон, надеется, что сегодняшние переговоры продвинулись дальше или, по крайней мере, была достигнута ясность относительно метода их продолжения. Чемберлен, по словам Вильсона, также готов при случае снова послать Галифакса в Берлин для устранения недоразумений, но, пожалуй, лучше действовать сначала через третье лицо, т. е. через английского посла. Премьер-министр придает, по утверждению Вильсона, величайшее значение тому обстоятельству, чтобы переговоры с нами велись одновременно с переговорами с Италией. Целью этой политики является достижение умиротворения (appeasement). Он намеренно не хочет употреблять слово «settlement» *, так как в некоторых кругах это готовы истолковать как отказ от национальных притязаний Германии.

От Германии вовсе не требуют, сказал Вильсон, отказа от работы о немцах за пределами ее границ. Но если мы приступим к решению подобных вопросов, то, как заметил Вильсон, было бы хорошо не слишком тревожить при этом другие народы (to upset other peoples). Лорд Галифакс в ходе своей беседы с фюрером ознаякомился с его точкой зрения на возможности решения этих проблем. Он надеется, что нам, немцам, удастся, насколько это возможно, обойтись без применения силы в отношении Чехословакии и Австрии. При условии, разумеется, что и другая сторона поведет честную игру. Я возразил, что план плебисцита, выдвинутый австрийским правительством, мне не представляется честным. В ответ сэр Хорас сказал, что, и по его мнению, этот план создает трудности.

Его, сэра Хораса, интересуют прежде всего наряду с политической стороной и экономические последствия умиротворения. Он лично не верит в надвигающуюся войну. Но это факт, как заявил Вильсон, что налицо всеобщее беспокойство, и поэтому в экономических кругах ограничивают как только можно предпринимательство. Это, по мнению Вильсона, неправильно, так как нужно стараться предпринимать как можно больше в области производства.

Вряд ли можно переоценить то влияние, которое окажет соглашение между Германией, Англией и Италией (Францию Вильсон не упомянул — по-видимому, непреднамеренно) на экономическую политику. Россию в настоящее время следует, как считает Вильсон, совсем оставить в стороне. Существующая там система, по его мнению, неизбежно однажды распадется (to melt away).

В заключение сэр Хорас заявил мне: пусть Германия ради всего святого не прерывает переговоры и не упускает из виду великую цель, о которой он, Вильсон, говорил раньше и которую упомянул фюрер в беседе с лордом Лотианом, если даже иногда и могут быть разочарования. Он может только сказать, что премьер-министр и он сам, не будучи политиком, а только чиновни-

* — урегулирование (англ.).

ком, сделает все, что входит в его скромную компетенцию, для осуществления умиротворения.

Вильсон выразил надежду, что этому будут содействовать и с германской стороны.

Д-р Эрих Кордт

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945». Serie D, Bd. I, S. 223—224.

11. Запись беседы министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом

10 марта 1938 г.

Сегодня утром между британским министром иностранных дел лордом Галифаксом и германским министром иностранных дел фон Риббентропом состоялась продолжительная беседа, на первой части которой лорд Галифакс и фон Риббентроп были одни — с глазу на глаз.

В начале беседы фон Риббентроп сказал, что он рад представившейся возможности лично попрощаться и охотно использует ее для проведения беседы по общим политическим вопросам, если лорд Галифакс этого пожелает. Германия с симпатией относится к реалистической политике, проводимой британским премьер-министром Чемберленом и лордом Галифаксом. Ряд моментов, как, например, идеология Лиги наций и т. д., наносили в прошлом ущерб германо-английским отношениям. Но было бы ошибочно по идеологическим мотивам пренебрегать подлинными интересами обеих стран. Поэтому мы приветствуем, что английская внешняя политика сделала шаг на пути к более реалистическому рассмотрению вопросов. Так, например, английский премьер-министр Чемберлен заявил, что он рассматривает ось Берлин — Рим⁵ как реальность и не имеет намерения на нынешних переговорах с Италией каким-либо образом помешать развитию тесных отношений между Германией и Италией. Германия, со своей стороны, приветствовала бы урегулирование отношений между Англией и Италией, и он, Риббентроп, надеется, что между Англией и Германией также постепенно будет достигнуто большее взаимопонимание и длительное примирение. Он приветствует, например, конструктивный аспект последней речи Чемберлена относительно австрийской проблемы и может с удовлетворением констатировать, что английское правительство с полным пониманием относится к необходимости самых тесных связей между Германией и Австрией. С германской точки зрения в отношении этой проблемы лорд Галифакс мог ознакомиться из сообщения сэра Невилля Гендерсона о его беседе с фюрером* и германским министром иностранных дел.

* См. док. № 7.

Затем разговор очень быстро перешел к вопросу о предстоящем плебисците в Австрии. Фон Риббентроп заявил лорду Галифаксу, что он на основе ставших уже известными подробностей дела — если они подтвердятся — должен охарактеризовать запланированный Шушником плебисцит как вводящий в заблуждение маневр, который направлен против духа и буквы соглашения в Берхтесгадене¹⁹. Прежде всего бессмысленна сама постановка вопроса, которая не допускает никакой альтернативы. Это сплошное надувательство. Основной пункт — а именно: должна ли Австрия в какой-либо форме еще теснее присоединиться к германскому рейху — оказался обойденным. Шушник очень хорошо знает, что на прошлых плебисцитах австрийский народ в своем подавляющем большинстве голосовал за более тесное присоединение к Германии. Фон Риббентроп упомянул в этой связи решение Национального собрания Австрии в 1918 г., которое единогласно объявило Австрию частью германского рейха, затем плебисцит в Штайермарке и других частях Австрии в более поздние годы, когда от 90 до 100% голосовавших высказались за присоединение к Германии, пока великие державы путем угроз не воспрепятствовали дальнейшему проведению всеобщих опросов. Далее фон Риббентроп указал на невозможность согласиться с объявленными методами проведения голосования: увеличение возрастного ценза участвующих в голосовании до 24 лет, очень короткий срок для подготовки, отсутствие тайны голосования, избирательный бюллетень, который открыто допускает только «да» в пользу Шушника; далее, из-за недостатка свободы выбора отсутствует гарантия справедливого обеспечения самого избирательного акта и итогов голосования, так как над ними довлеет террор со стороны исполнительных органов шушниковского режима. Создается также впечатление, что Шушник вообще не информировал некоторых своих коллег о своих намерениях. Это тоже противоречит достигнутым договоренностям. Все эти маневры можно квалифицировать как последнюю попытку с негодными средствами, направленную на то, чтобы затормозить естественное развитие с помощью насилия и обмана. Он надеется, что Шушник все же образумится.

Лорд Галифакс ответил, что он не информирован о деталях этого австрийского плебисцита. Он подчеркнул, что Англия не имеет намерения «блокировать Австрию». Англия признает, что здесь речь идет о проблеме, которая касается в первую очередь Германии. Но Англии небезразличны те последствия, которые эта проблема может иметь для других государств Европы, и он продолжает надеяться, что эта проблема может быть решена мирным путем.

Фон Риббентроп перешел затем к обсуждению вопросов германо-английских отношений и указал на важность соблюдения мира в области прессы.

Лорд Галифакс ответил, что он хочет доверительно сообщить фон Риббентропу, что он (Галифакс) несколько дней назад собрал

у себя приблизительно 80 представителей печати и издателей газет и со всей серьезностью указал им на то значение, которое придается деятельности печати в области внешней политики. Лорд Галифакс полагает, что его усилия уже принесли определенный успех. Он сказал, что очень важно, чтобы мы ясно понимали британскую позицию в этом вопросе. Он уже говорил канцлеру в Берхтесгадене, что нельзя добиться прогресса, если Германия будет настаивать на том, что достижение взаимного согласия невозможно, пока в Англии существует свобода печати. Англия не может применять какие-либо меры контроля за прессой, как это практикуется в Германии. Лорд Галифакс упомянул при этом принятые британским радиообществом меры, в соответствии с которыми из радиопрограммы были вычеркнуты передачи о колониях. Он добавил, что считает просто вредным, если слишком много значения придается газетной полемике, так как в конечном счете самое важное — это позиция обоих правительств по отношению друг к другу. Английское правительство не уделяет собственной прессе чрезмерного внимания. Если Германия и Англия действительно договорятся друг с другом, то исчезнет сам предмет газетной полемики. Он во время дебатов, как фон Риббентропу известно, также настаивал на том, чтобы сделать прекращение итальянской пропаганды предварительным условием начала переговоров. Но потом пришли к выводу, что вопрос о пропаганде сам по себе будет исчерпан, если переговоры приведут к улучшению отношений. В области прессы дело обстоит аналогичным образом. Чемберлен и он, лорд Галифакс, полны решимости достигнуть договоренности с Германией, и Чемберлен, проводя эту политику соглашения по отношению к Германии и Италии, взял на себя огромную ответственность перед английским народом и одновременно пошел на большой риск.

Фон Риббентроп сказал затем примерно следующее: очень часто спрашивают, в чем состоят действительные цели германской политики. Он может дать на этот вопрос совершенно ясный ответ:

1) Германия хочет и должна быть сильной. Эта цель сегодня уже достигнута благодаря возрождению германской армии. Германия обеспечила свои границы настолько, что миллионы людей истекут кровью, прежде чем хотя бы одному чужеземному солдату удастся ступить на германскую землю. Но фюрер не имеет намерения использовать вновь обретенную германскую мощь для завоевательных войн. Германия должна быть готова для отпора в случае нападения со стороны Советского Союза. Сталин и его военный министр Ворошилов в своих последних речах снова недвусмысленно заявили о военных целях России. Германия может только надеяться, что подобного нападения со стороны Советской России не последует; но она в течение минувших лет стала осторожнее. Фюрер не хотел бы обращаться за помощью к западным державам, если случится, что революционная лавина придет в движение против Германии.

Лорд Галифакс сказал, что Англия хорошо знает силу Германии и не имеет никаких возражений против нее.

2) Германия желает добиться права на самоопределение для 10 миллионов немцев, проживающих на ее восточной границе, т. е. в Австрии и Чехословакии. Никакая сила в мире не в состоянии затормозить этого неизбежного развития. В этой связи фон Риббентроп напомнил, что фюрер приветствовал проявленное лордом Галифаксом в Берхтесгадене понимание этого положения и его (Галифакса) заявление о том, что статус-кво в Восточной Европе не обязательно будет поддерживаться вечно. Германия всегда пыталась решать эти проблемы мирным путем, она будет это делать и впредь. Лучшим доказательством этого являются берхтесгаденские договоренности с Шушнигом. Здесь много говорили о каком-то давлении на австрийского федерального канцлера. Он, Риббентроп, сам присутствовавший на этой беседе, может заверить лорда Галифакса, что это «давление» состояло только в том, что фюрер четко разъяснил Шушнигу неизбежность развития в направлении тесного объединения Германии с Австрией.

Результат этого откровенного обмена мнениями в Берхтесгадене состоял в том, что Шушниг в присутствии фон Риббентропа сам заявил, что и он рассматривает тесное объединение Германии с Австрией в качестве единственно возможного решения вопроса. Между Германией и Австрией поэтому нет, собственно, никаких проблем. Итак, если австрийский вопрос и вопрос о судето-немецком меньшинстве в Чехословакии будут удовлетворительно урегулированы в духе права на самоопределение, то проблема немецкой нации на Востоке будет решена. Что же касается немецких меньшинств в Польше, то надо учитывать, что в Польше проживает большое количество немцев, а с другой стороны, значительное количество поляков рассредоточено живет в Германии. Поэтому проблема стоит здесь совершенно по-другому, чем в Австрии и Чехословакии; с Польшей Германия достигла в этом вопросе сбалансированного урегулирования.

3) Германия хочет обратно получить свои бывшие колониальные владения и надеется, что однажды эта проблема будет решена благоприятным образом. С удовлетворением Германия констатировала, что, как кажется, британское правительство в этом вопросе хочет, по всей вероятности, проявить большую инициативу. Решение этого вопроса в соответствующей форме, которая даст возможность 68-миллионному народу заняться подобающей ему колониальной деятельностью, будет соответствовать также и интересам самой Великобритании.

Подводя итоги, фон Риббентроп сказал, что он сегодня только в общих чертах изложил лорду Галифаксу свои мысли по этим проблемам. Фюрер намеревается дать по колониальному вопросу еще письменный ответ, и, можно предположить, он при этом затронет также и другие вопросы. Он, Риббентроп, не хотел бы

предвосхищать окончательного ответа фюрера, но ему, однако, кажется, правильным, чтобы лорд Галифакс был в курсе этих соображений.

При упоминании вопроса о воздушных бомбардировках фон Риббентроп повторил то, что фюрер уже сказал сэру Гендерсону об отсутствии доброй воли со стороны советского руководства: если Англии все же удастся достигнуть соглашения между державами о необходимых гарантиях, то Германия не откажется дать свое одобрение подобному соглашению и будет готова сотрудничать.

Затем в беседе были затронуты вопросы, непосредственно касающиеся германо-английских отношений. Фон Риббентроп обратил внимание лорда Галифакса на последовательную политику выравнивания интересов, которую фюрер доказал не словами, а делами. На протяжении почти 19 лет фюрер постоянно выступал за англо-германское согласие, и он, Риббентроп, как об этом знает лорд Галифакс, также в течение восьми лет непрерывно работал на пользу этого согласия. Доказательством этого является германо-английское морское соглашение⁹, затем — германская позиция в вопросе гарантий западных границ, т. е. заявление фюрера о том, что между Германией и Францией больше не имеется никаких территориальных вопросов, и, наконец, соглашение Германии с Бельгией.

Дальнейшим примером конструктивной германской политики мира является то, что данцигский вопрос полностью исчез из международной дискуссии. Данцигский вопрос, так же как и австрийский, искусственно муссировался некоторыми державами таким образом, что из-за этого возникла угроза миру. Политика теперешнего Верховного комиссара в Данциге показывает в сравнении с политической господина Лестера, какими искусственными и привнесенными извне были данцигские трудности.

Во всяком случае, после решения колониального вопроса вообще больше не остается никаких проблем в отношениях между Германией и Англией, которые представляли бы какие-либо трудности. Он, фон Риббентроп, полагает, что при разумном подходе с обеих сторон вполне возможно достижение окончательного и долговременного согласия между обеими странами. Германия после решения вопроса о немцах на Востоке и после удовлетворения своих колониальных потребностей станет удовлетворенной нацией и тем самым лучшим гарантом мира в Европе. Фюрер действительно располагает огромной мощью, но он, вопреки утверждениям большевистской прессы, никогда не употребит ее для порабощения чужих народов. Это противоречило бы основным принципам национал-социалистского мировоззрения. Другое дело, когда речь идет об обороне Германии или об оборонительной борьбе против угнетения немецкого народного духа на Востоке. Здесь фюрер, если это будет нужно, приведет в движение всю немецкую нацию, которая, как знает лорд Галифакс, никогда еще

не была такой единой и сплоченной под руководством своего вождя, как сейчас.

Фон Риббентроп резюмировал эту основную точку зрения фюрера так: для порабощения чужих народов не будет пролита кровь даже одного немецкого солдата, но для сохранения немецкого народного духа в Европе будет мобилизована вся немецкая нация.

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945». Serie D, Bd. I, S. 218—222.

12. Запись беседы посланника Чехословакии в Великобритании Я. Масарика с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом

12 марта 1938 г.

Беседу начал я: В связи с событиями последних дней и Вашим ноябрьским визитом к Гитлеру*, а также в связи с нынешними переговорами с Риббентропом скажите мне, пожалуйста, если можно, что Вы говорили о ЧСР. Мое правительство обеспокоено развитием событий.

Галифакс. Когда я беседовал с Гитлером, не было и речи о нападении на Австрию. С Риббентропом я имел уже три встречи. Я разговаривал с ним чрезвычайно резко, я еще никогда так не говорил, однако, боюсь, это не имело соответствующего результата. Риббентроп утверждал, что происшедшее в Австрии было исторической необходимостью, это случилось бы, даже если бы не существовало Гитлера, и он очень удивлен, что такие трезвомыслящие люди, как англичане, не видят реальности германских действий. Он твердо надеется, что это не повлияет на дружественные англо-германские отношения. Я заявил, что это окажет очень глубокое воздействие и чрезвычайно затруднит переговоры и что для английского понимания крайне неприятен и неприемлем главным образом способ, посредством которого все было осуществлено. Есть у нас какие-либо гарантии, спросил я, что то же самое вы не осуществите завтра в Чехословакии, Дании или Литве?

Риббентроп ответил очень уклончиво, подчеркнув, что Австрию ни в каком отношении нельзя сравнивать с ЧСР, Данией, Литвой и т. д. Я, как и премьер-министр, заявил, что мы избавились от иллюзий, разочарованы и обмануты. Кроме объявления войны — а на это, как Вы знаете, я не имел ни права, ни желания, ни возможности, — я сделал все, что возможно в человеческих силах, чтобы убедить Риббентропа, но результатами своих уговоров я не удовлетворен. Риббентроп заверял меня лишь в том, что Берлин не имеет агрессивных намерений в отношении ЧСР, и это заверение он повторил несколько раз.

* См. док. № 3.

Масарик. Я абсолютно не верю заверениям Берлина. Он будет соблюдать их до тех пор, пока ему это выгодно, и ни минутой дольше.

Галифакс. К сожалению, я согласен с Вами. Однако у меня есть основания полагать, что в обозримом будущем Берлину невыгодно нападать на вас. Заверяю Вас, что наши симпатии на вашей стороне, но сегодня я не могу дать Вам никаких твердых обещаний.

Масарик. Я о них не просил, зная, что Вы их дать мне не можете, но настало время, когда вы должны каким-нибудь жестом показать, что вы на нашей стороне и признаете, что в течение 20 лет мы полностью соблюдаем все свои финансовые, политические и моральные обязательства. У меня, как и у всего нашего народа, сложилось впечатление, что вы всегда поддерживали Генлейна, был ли он прав или не прав, и мы это тяжело переживаем. Сегодня вы, может быть, поймете, что уступки Генлейну не изменят политики Берлина, которая направлена на достижение того же, что и накануне 1914 г.: Берлин — Багдад через Вену — Прагу — Бухарест и т. д. Если он захватит ЧСР, вы окажетесь в очень трудном положении, а многие государственные деятели у вас еще не сознают этого.

Галифакс. За последние дни я очень многому научился, но не хочу полностью отказаться от всякой надежды на то, что когда-нибудь у нас с Германией все же состоится разговор.

Масарик. Когда она овладеет Европой, тогда — да, а до этого с ней можно говорить лишь военным языком.

Галифакс. Вы полагаете?

Масарик. Я уверен.

Галифакс. Я новичок на своем посту, раньше на это смотрел лишь издали и еще тогда, когда ехал в Берхтесгаден, не понимал сложности положения, как понимаю его сегодня. Как мне стало известно, Геринг заверил Мастного в том, что Германия ничего не имеет и не планирует против ЧСР. Какое значение Вы придаете этому заявлению?

Масарик. В настоящий момент это правда. Даже *voa constricto* *, когда он наестся, необходимо несколько недель для того, чтобы переварить съеденное, а вчерашний день можно назвать луккуловым пиром.

Галифакс. К сожалению, Вы, по-видимому, правы. Вы говорили, что нуждаетесь в каком-либо жесте или моральной поддержке. Я с большим удовольствием помог бы вам, но только не знаю как.

(В этот момент я подумал, что можно было бы каким-нибудь образом соединить заявление Геринга и заверения Эйзенлора.)

Масарик. Делаю Вам конкретное предложение. Завтра я официально извещу Вас о заверениях Геринга и Эйзенлора, и одновре-

* — удав королевский (лат.).

менно наш посланник в Париже предпримет то же в отношении французского правительства. Вы мне официально сообщите, что выражаете удовлетворение по поводу этих заверений и вместе с французами осуществите в Берлине торжественный демарш Гитлеру или Герингу в том смысле, что вы принимаете к сведению заявления, сделанные немцами в наш адрес, принимаете их в качестве обязательств и что нарушение их в любом направлении имело бы громадные последствия.

Галифакс. Считаю Вашу идею превосходной, и лично я уже сейчас с Вами согласен. Конечно, мне еще необходимо переговорить с Чемберленом, но я жду от Вас официального сообщения о заверениях Геринга.

И еще один вопрос. Я с большим интересом прочитал интервью Бенеша²² и заявление Годжи²³. Если бы немцы спровоцировали у вас беспорядки и затем направили к вам одну дивизию «для наведения порядка», если бы у них был примерно такой план, что бы вы делали?

Масарик. Стреляли бы.

На этом мы очень сердечно расстались.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора. 1937—1939». М., 1979, с. 46—49.

18. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании И. М. Майскому, во Франции Я. З. Сурицу, в Чехословакии С. С. Александровскому, в США А. А. Трояновскому

17 марта 1938 г.

Отдельной телеграммой Вам передается интервью, которое я даю сегодня представителям печати*. Вручите немедленно текст интервью МИДу с сопроводительной нотой приблизительно следующего содержания:

Имею честь обратить Ваше внимание на приложенный при сем аутентичный текст заявления, сделанного сегодня представителям печати народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым, и сообщить, что изложенные в интервью взгляды определяют позицию Советского правительства в отношении актуальных международных проблем.

Литвинов

Печат. по изд. «Документы внешней политики СССР». М., 1977, т. XXI. 1 января—31 декабря 1938 г., с. 127—128.

* См. док. № 14.

14. Интервью народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям печати

17 марта 1938 г.

Вступив в Лигу наций в целях организованного сотрудничества с другими миролюбивыми государствами, Советское правительство не упускало ни одного подходящего случая для рекомендации наиболее эффективных гарантий мира, каковые оно видело в организации системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций, а также региональных пактов о взаимной помощи против агрессоров. Советское правительство практически вступило на этот путь, заключив такой пакт с Францией и Чехословакией, пакт, не угрожающий при отсутствии агрессии ни одному государству.

Имевшие место в течение последних четырех лет нарушения международных обязательств по пакту Лиги и по Парижскому договору Бриана — Келлога²⁴, нападения одних государств на другие давали повод Советскому правительству заявлять не только его отрицательное отношение к этим международным преступлениям, но и его готовность принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором. Советское правительство при этом предостерегало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев. События международной жизни, к сожалению, подтверждают правильность этих предостережений. Новое подтверждение они получили в совершенном военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках или на окраине Европы, где, наряду с интересами жертвы агрессии, были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза пока территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное порабощение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается в создавшемся тревожном положении на польско-литовской границе.

Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами, и в особенности великими державами.

вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы. В сознании Советским правительством его доли этой ответственности, в сознании им также обязательств, вытекающих для него из Устава Лиги, из пакта Бриана — Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключенных им с Францией¹⁸ и Чехословакией²⁵, я могу от его имени заявить, что оно со своей стороны по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира.

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 128—129.

15. Телеграмма посланника Германии в Чехословакии Э. Эйзенлора статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцекеру

18 марта 1938 г.

Согласие Генлейна и Франка от 15 марта передано телеграммой № 37 от 16 марта*. Оба они поодиночке заявили о полном и безоговорочном согласии. На следующей неделе по желанию Франка назначена встреча с тремя представителями судетской партии для того, чтобы согласовать детали тактических действий.

Я ни в коем случае не требовал, чтобы партия судетских немцев вышла из оппозиции и заняла бы активно дружественную позицию по отношению к государству и правительству. Напротив, я прямо подчеркнул, что партия до вступления в правительство после выборов должна оставаться оппозиционной, не должна в речах выражать доверия обещаниям *правительства***, но должна несколько обнадежить население указанием на защиту со стороны Германии, чтобы уменьшить опасность инцидентов.

В качестве ближайшей цели я назвал осуществление известных заверений Годжи, а именно возможно более широкую амнистию, перевод немецких чиновников и семей немецких чиновников на территорию Судето-немецкой области, развитие самоуправления такого рода, чтобы *впоследствии*** там были заняты только немецкие чиновники — государственные и органов самоуправления; кроме того, прекращение строительства школ, распространяющих

* В данном сборнике не публикуется.

** Подчеркнуто в оригинале.

чешское влияние *, проведение государственных или муниципальных выборов или же и тех, и других и далее *участие судето-германской партии в правительстве* ** в целях приобретения больших прав и постепенный отход Чехословакии от системы пактов. В качестве других важнейших целей упоминались упразднение государственной полиции в пограничной области и создание возможности свободно придерживаться национал-социалистского мировоззрения. Условия участия в правительстве не обсуждались, так как это на ближайшие месяцы не актуально.

Напротив, я выразил мое недовольство по поводу того, что партийная организация хотела отклонить постоянный контакт с Гоффом, который находился под моим воздействием, а также по поводу того, что делаются попытки сыграть на якобы имеющих место в Германии расхождениях во мнениях и течениях по вопросу внешней политики и подвергнуть сомнению мой авторитет как официального представителя имперской политики. Упрямое настаивание на нынешних агитационных требованиях судето-немецкой партии, а именно на законе о защите народа и «территориальной автономии», которые практически невыполнимы и неприемлемы для любого *чехословацкого правительства* **, таит в себе опасность, что мы в конце концов или будем вынуждены оставить партию судетских немцев на произвол судьбы, или будем вовлечены в вооруженный конфликт.

Имеющиеся в Вашем распоряжении устные и письменные высказывания Франка сделаны им до первой беседы со мной 15 марта; по своему содержанию они в основном соответствуют первой беседе. Следует выждать, сдержит ли он теперь свое слово.

Эйзенлоп

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», Т. I. с. 99—101.

16. Нота министерства иностранных дел Великобритании полномочному представительству СССР в Великобритании

24 марта 1938 г.

Ваше Превосходительство,

В дополнение к моей ноте от 22 марта имею честь поставить Ваше Превосходительство в известность о том, что я уже прочел и рассмотрел с большим вниманием текст заявления, сделанного М. Литвиновым для представителей печати в Москве ***, перевод которого Вы столь любезно сообщили мне в Вашей ноте от 17 марта.

2. Отмечаю, что данное заявление может считаться представляющим точку зрения Советского правительства относительно на-

* В оригинале: «Tschechisierungsschulen».

** Подчеркнуто в оригинале.

*** См. док. № 14.

стоящих международных проблем. Я полагаю, что существо предложения Советского правительства состоит в том, чтобы безотлагательно принять меры для проведения между заинтересованными правительствами обсуждения в целях определения практических мер, необходимых для того, чтобы приостановить дальнейшее развитие агрессии и противодействовать, насколько это возможно, возрастанию угрозы войны.

3. Правительство Его Величества тепло приветствовало бы созыв международной конференции, на которую, как это можно было бы ожидать, все европейские государства согласились бы послать своих представителей и на которой, следовательно, можно было бы обсудить дружеским образом и, возможно, окончательно урегулировать такие вопросы, которые, как это полагают, могли бы более всего представлять угрозу миру. Однако при существующих обстоятельствах такую конференцию, по-видимому, не представляется возможным организовать. Конференция, па которой присутствовали бы лишь некоторые из европейских держав и которая имела бы целью не столько обеспечение урегулирования неразрешенных проблем, сколько принятие согласованных действий против агрессии, не обязательно окажет, по мнению правительства Его Величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира.

4. При этих обстоятельствах, будучи искренне признателен Советскому правительству за сообщение мне его взглядов относительно наилучшего метода обеспечения сохранения мира, я сожалею, что правительство Его Величества не может согласиться во всем объеме с предложениями, выдвинутыми М. Литвиновым в своем заявлении, о котором идет речь. Взгляды правительства Его Величества дополнительно обсуждаются в парламенте, и Вы сможете заметить из соответствующих заявлений министров Его Величества, что если и могут существовать различные взгляды на методы, которых надлежит придерживаться, тем не менее правительство Его Величества не в меньшей степени, чем Советское правительство, озабочено тем, чтобы отыскать эффективные средства укрепления дела мира.

Имею честь быть с высоким уважением
покорный слуга Вашего Превосходительства
за государственного секретаря
К. У. Бакстер

17. Запись совещания в министерстве иностранных дел Германии²⁶

29 марта 1938 г.

В совещании принимали участие лица, перечисленные в прилагаемом списке.

Г-н рейхсминистр во вступительном слове подчеркнул необходимость сохранения в строгой тайне этого совещания; после этого, сославшись на указания, которые фюрер дал лично вчера днем Конраду Генлейну, заявил, что прежде всего имеются два вопроса, представляющие чрезвычайную важность для руководства политикой судето-немецкой партии:

1. Судетские немцы должны знать, что за их спиной стоит 75-миллионный народ, который не потерпит дальнейшего угнетения судетских немцев чехословацким правительством.

2. Делом судето-немецкой партии является предъявление чехословацкому правительству таких требований, выполнение которых она считает необходимым для достижения желаемых привилегий.

Г-н рейхсминистр добавил к этому, что в задачу имперского правительства не входит выработать для Конрада Генлейна, являющегося признанным вождем судетских немцев, что снова подтверждено фюрером, требования, которые должны быть предъявлены чехословацкому правительству. Следовало бы составить программу-максимум, которая в качестве конечной цели гарантировала бы судетским немцам полную свободу. Было бы опасным удовлетвориться преждевременно обещаниями чехословацкого правительства, которое, с одной стороны, в отношении заграницы смогло бы создать впечатление, будто бы найдено решение, а с другой стороны, судетские немцы были бы удовлетворены только частично. Предосторожность уместна прежде всего потому, что, исходя из имевшегося до сего времени опыта, нельзя доверять заверениям Бенеша и Гаджи. Конечная цель предстоящих переговоров судето-немецкой партии с чехословацким правительством — это избежать вступления в правительство, увеличивая объем и постепенно конкретизируя предъявляемые требования. При переговорах должно быть ясно подчеркнуто, что единственным партнером по переговорам с чехословацким правительством является судето-немецкая партия, а не имперское правительство. Имперское правительство со своей стороны должно отказаться выступать в качестве представителя или защитника судето-немецких требований перед пражским правительством или перед Лондоном и Парижем. Само собой разумеется, предполагается, что судетские немцы при вышеуказанных переговорах с чехословацким правительством должны полностью подчиняться Конраду Генлейну, сохранять спокойствие и дисциплину и избегать неосторожностей. По этому поводу Конрад Генлейн уже дал удовлетворяющие заверения.

Вслед за этими принципиальными указаниями г-на рейхсминистра были обсуждены и в принципе одобрены приведенные в приложении требования, которые должны быть предъявлены суде-то-немецкой партией чехословацкому правительству.

Для дальнейшей совместной работы Конраду Генлейну было дано указание поддерживать по возможности самый тесный контакт с г-ном рейхсминистром и с руководителем Центрального бюро фольксдойче (Volksdeutsche Mittelstelle), а также с немецким посланником в Праге, являющимся тамошним представителем г-на рейхсминистра. Задача немецкого посланника в Праге будет состоять в том, чтобы не официально, а в частных разговорах с чехословацкими государственными деятелями поддерживать требования суде-то-немецкой партии, доказывая их разумность, не оказывая непосредственного влияния на объем требований партии.

В заключение был обсужден вопрос о целесообразности сотрудничества суде-то-немецкой партии с остальными национальными меньшинствами в Чехословакии и особенно со словаками. Г-н рейхсминистр решил, что партии нужно предоставить свободу входить в контакт с другими национальными группами, параллельные действия которых могут оказаться целесообразными.

*P**

ПРИЛОЖЕНИЕ I
к записи совещания

29 марта 1938 г.

I. Немедленные требования:

Цель: Успокоение судетских немцев.

1. Общинные выборы, политические выборы, выборы в социальные учреждения (переключение настроения масс на позитивное действие).
2. Широкая амнистия.
3. Правительственное постановление:

Принадлежность к суде-то-немецкой партии не должна служить поводом к преследованию и социально-экономическому притеснению.

Должен быть возмещен ущерб, причиненный в свое время за членство в DNSAP ** и DNP ***.

II. Требования, которые должны быть выполнены *прежде*, чем суде-то-немецкая партия вступит в конкретные переговоры с правительством:

* Виза И. Риббентропа.

** Германская национал-социалистская рабочая партия, предшественница суде-то-немецкой партии в Чехословакии.

*** Немецкая национальная партия.

1. Обратный перевод в районы с немецким населением государственных чиновников немецкой национальности из чешской области и из Словакии.

2. Государственные должности в районах с немецким населением впредь занимают только немцами.

Новые назначения в ведомствах и официальных учреждениях в областях со смешанным населением и в центральных учреждениях производятся только из немцев до тех пор, пока не будет достигнуто соответствия с национальным составом населения.

3. Упразднение системы государственной полиции и передача местной полицейской власти в компетенцию органов самоуправления (общинам).

III. Требования, которые должны быть удовлетворены в ходе переговоров судето-немецкой партии с правительством:

1. «Законы о защите народа», внесенные уже судето-немецкой партией.

2. Ревизия закона об обороне государства в тех его частях, которые с самого начала были направлены против судетских немцев.

3. Полное восстановление общинного самоуправления.

4. Немецкий язык — равноправный государственный язык.

5. Выяснение будущей внешней политики.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

к записи совещания

29 марта 1938 г.

Явочный лист присутствующих на совещании по судето-немецким вопросам

во вторник, 29 марта 1938 г.,
в 12 часов дня

Присутствуют:

из министерства иностранных дел:

г-н рейхсминистр фон Риббентроп, г-н статс-секретарь фон Макензен, г-н министриаль-директор Вейцзекер, г-н посланник Эйзенлор — Прага, г-н посланник Штиве, г-н легационный советник с правом доклада фон Твардовский, г-н легационный советник Альтенбург, г-н легационный советник Кордт;

из центрального бюро «фольксдойче» *:

обергруппенфюрер СС Лоренц, г-н проф. Гаусгофер;

от судето-немецкой партии:

г-да Конрад Генлейн, Карл Герман Франк, д-р Кюнцель, д-р Крейсль.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 107—114.

* В оригинале: «Volksdeutsche Mittelstelle».

**18. Письмо посланника Чехословакии в Великобритании
Я. Масарика министру иностранных дел Чехословакии
К. Крофте**

5 апреля 1938 г

Господин министр!

Только что я имел продолжительную беседу с Кадоганом. Я в высшей степени подробно и правдиво информировал его о положении, которое я застал во время своего недельного пребывания в Праге. Он проявил живейший интерес ко всевозможным деталям, и было видно, что наши дела чрезвычайно занимают министерство иностранных дел. Я в особенности подчеркнул, что пришло время, когда действительно необходимо, чтобы английское правительство поняло, что из мнимых угнетателей, за которых нас здесь принимали, мы превратились в угнетенных, что против нас одичавшая Германия и что твердая дисциплина, которую проявляет наш народ, достойна восхищения. У нас имеется не только 3,5 миллиона немцев, но и 10 миллионов чехов и словаков, для которых в большинстве случаев дикий furor teutonicus * и необходимость считаться с ним являются оскорблением и унижением. Я обратил внимание на провокационное поведение сторонников Генлейна и на поистине ангельское терпение министерства внутренних дел и правительства. Мои высказывания, кажется, произвели на Кадогана впечатление.

В беседе Кадоган изложил официальную точку зрения в следующих пунктах:

1. Правительство и министерство иностранных дел считают, что для нас было бы своевременно начать переговоры с Генлейном, а не только с членами его партии. Я ответил, что д-р Годжа готовит беседу с Генлейном.

2. Он просил меня, чтобы их информировали через Ньютона и через меня о том, что происходит и что готовится, и согласился с тем, что нельзя слишком торопиться, так как речь идет о таком первостепенно важном деле.

3. Во Франции правительства нет, а Поль Бонкур не такой министр иностранных дел, который бы в столь серьезный момент мог бы быть достойным партнером в переговорах о европейском кризисе.

4. Большое недоверие к России и сомнение в том, что она может эффективно вмешаться за пределами своих границ. Это, однако, не значит, что Россией нельзя оперировать в политических целях: наоборот, в интересах Чехословакии указать немцам на опасность русского вмешательства, так как, несмотря на все заверения, Германия боится России.

5. Кадоган обещал, что в Берлине они будут работать в интересах примирения, указывая на то, что переговоры не следует прерывать, так как в противном случае успехи не имели бы большого значения.

* — тевтонский страх (лат.).

6. Он располагает достаточно подробными сведениями о том, что тяжелая промышленность в немецких областях ни за что не хочет присоединения к Германии, что австрийская, т. е. в значительной части и наша, аристократия находится сейчас в положении, сходном с тем, в какое поставлены евреи, и что в отношении нашего государства она настроена положительно.

Я воспользовался удобным случаем и сказал, что как раз аристократия всегда самым позорным образом чернила наше государство и что их посол в Берлине получает все сведения, неблагоприятные для нас, именно из этих источников. Кадоган с улыбкой согласился со мной. (Кадоган — настоящий аристократ, держится скромно, но знает себе цену. Невиль Гендерсон — влиятельный сноб *, а наш г-н Ньютон — маленький сноб.)

Кадоган заверил меня, что он имеет наилучшие намерения, и от имени Галифакса определенно заявил, что если мы в отдельных случаях будем нуждаться в их помощи, то, хотя он и не может дать никаких твердых обещаний, они сделают все в пределах возможного.

Остаюсь с глубоким почтением

Ян Масарик

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 115—120.

19. Письмо генерального консула Германии в Данциге М. Янсона в министерство иностранных дел Германии

21 апреля 1938 г.

Секретно!

При этом направляю копию донесения представителя здешнего полицейско-президиума в Варшаве о политике Польши в вопросе о меньшинствах в плане ее отношений с Литвой, Чехословакией, Советской Россией и Германией.

М. Янсон

ПРИЛОЖЕНИЕ

12 апреля 1938 г.

Положение в Польше

В связи с последними событиями в Центральной Европе (Австрия, Литва и т. д.) на прошлой неделе авторитетным польским органом приняты решения, которые, вероятно, будут иметь важнейшее значение для всего внешнеполитического и внутривнутриполитического развития Польши и соседних с нею стран.

* В оригинале: «bedeutender Snob».

Речь идет при этом о решении использовать в будущем во внешней политике вопроса национальных меньшинств в качестве активного политического оружия, после того как стало известно, насколько успешно третий рейх сумел использовать существующие у него связи с немецкими национальными группами (Данциг, Австрия, судетские немцы). В этой связи речь идет прежде всего о следующих проблемах:

1) Польское меньшинство в Литве. Уже сейчас ведется подготовка не только к установлению постоянных и тесных контактов между польской национальной группой в Литве и польским народом, но и в первую очередь к оказанию влияния на политические круги литовского народа в духе тесного польско-литовского сотрудничества, используя польское меньшинство. Об активных действиях в плане польских требований пока еще не думают, так как хотят сначала выждать, какое развитие примут только что установленные отношения, не прибегая к нажиму с польской стороны.

2) Поляки в Тешинской области. В противоположность прежней позиции в отношении возможного германо-чешского конфликта теперь можно с уверенностью считать, что в случае возможной германской акции по оказанию помощи судетским немцам одновременно началась бы польская акция по оказанию помощи польскому населению западнее Ользы, с применением средств государства, т. е. армии. (До сих пор существовало намерение сохранять нейтралитет.) При этом, вероятно, играет роль стремление посредством такого военного выступления обеспечить контроль над Словакией и воспрепятствовать возможным попыткам советского вмешательства с Востока, а также предупредить венгерскую акцию. Польский депутат Вольф из Чехословакии, этот польский Генлейн, побывал в конце прошлой недели в Варшаве, где по этому случаю были выработаны все необходимые директивы. В частности, было заявлено: «В случае, если Генлейн отправит в Берлин письмо, как это было с Зейсс-Инквартом, Вольф десятью минутами позднее пошлет такое же письмо в Варшаву». Манифестация депутатов OZN²⁷ в защиту поляков в Чехословакии идет в том же направлении.

Впрочем, здесь рассчитывают на далеко идущую готовность пражского правительства идти навстречу в вопросе о коммунистах. Делались, в частности, такие высказывания: «Так же как мы в случае с ультиматумом Литве²⁸ ломились с револьвером со снятым предохранителем в открытую дверь, так и наш посланник в Праге предпринял демарш в вопросе, успешное решение которого нам уже до этого казалось обеспеченным». В частности, речь идет о ликвидации находящегося в Праге и Моравской Острове Правления запрещенной в Польше Коммунистической партии Польши (КПП), которое отсюда фактически осуществляет общее руководство нелегальной коммунистической пропагандой во всей Польше.

3) Но самым важным является новая активизация украинского вопроса, так как она свидетельствует об отказе от прежней внешнеполитической линии сбалансирования между Востоком и Западом в пользу явной наступательной позиции против Востока. Это решение принято, потому что теперь и в Польше, по-видимому, пришли к убеждению, что внутреннее положение Советского Союза заставляет ожидать рано или поздно насильственных перемен, и к такому случаю — будь то вооруженный конфликт между Москвой и Берлином или новый революционный хаос в России — хотя и подготовиться. Поэтому уже в ближайшее время должен еще более усиленно проводиться курс на достижение согласия между поляками и украинцами в пределах Польши, особенно путем экономических уступок; и в дальнейшем украинские элементы в Польше следует использовать как ядро националистической украинской пропаганды, направленной против Советов и выступающей за создание самостоятельного украинского государства, сотрудничающего с Польшей в рамках федерации. Такую акцию считают безопасной, поскольку благодаря этому можно, во-первых, локализовать стремления украинцев к автономии и, во-вторых, **так** как украинцы в Польше не смогут больше ожидать поддержки из-за границы ни моральной, ни материальной (как было сказано: ни из Берлина, ни из Женевы и вскоре ни из Праги и Ковно*!).

Какая из украинских групп в Польше выдвинется при этом на первый план, пока еще не ясно. По всей вероятности, на Волыни и в Полесье будут действовать через границу, энергично, пуская в ход средства православной церкви (в духе подвергавшейся до сих пор нападкам прорусской комиссии), в то время как восточно-галицийских интеллигентов из кругов UNDO²⁹ и украинских социалистов будут направлять в духе демократических и национально-радикальных лозунгов. Это соответственно относится и к белорусам.

4) В отношении немецкой национальной группы предполагается в соответствии с германо-польскими соглашениями ввести заметные облегчения, значение которых, однако, отчасти оказалось бы сомнительным с точки зрения сохранения немецкой национальной группы. Так, имеется в виду пойти навстречу тем немцам, которые по коммерческим или иным соображениям хотят поселиться вне областей с многочисленным немецким населением, например в Варшаве или в восточных областях, где как раз очень не хватает христианских торговцев и ремесленников. Таким образом, хотя и организовать отток молодых немцев в эти районы путем предоставления профессиональных льгот, которые вряд ли можно получить в Западной Польше.

5) Вновь была подтверждена большая роль, которую будет играть в польской внешней политике в ближайшие годы усиление польского влияния в прибалтийских государствах, причем в пер-

* Ныне г. Каунас в Литовской ССР.

вую очередь под знаком объединенного антимосковского фронта. Связанные с этим весьма значительные трудности, особенно в Риге, надеются преодолеть в том случае, если удастся убедить влиятельные круги Латвии в слабости и бесперспективности советской системы и одновременно в необходимости, в случае краха Москвы, действовать совместно в деле установления нового порядка в сопредельных русских областях и выступить единым фронтом против эвентуального возникновения нового русского империализма. При этом польская сторона, безусловно, предвидит возможность столкновений с германскими интересами в прибалтийских странах, однако в то же время считает, что такого рода противоречия можно преодолеть при условии признания польской точки зрения, если на первый план будет выдвинут общий большевистский противник.

Печат. по: «Zentra es Staatsarchiv Potsdam». Film 14081.

20. Из выступления премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена на совместном совещании министров Великобритании и Франции в Лондоне

28 апреля 1938 г.

«Премьер-министр просит г-на Даладье верить, что он выслушал доклад председателя французского совета министров с должным волнением. Кровь кипит у него, когда он видит, как Германия распространяет свое господство на Европу и реализует непрерывные успехи. Но нужно помнить, о каких интересах здесь идет речь. Если иметь в виду, что дело идет о спекуляции, то здесь спекулируют не деньгами, а людьми. Эта мысль, несомненно, находится в сознании г-на Даладье, так же как и Невилля Чемберлена. Невозможно учесть тех ужасов, которые последуют для Франции и Англии в результате конфликта, и сомнительно, чтобы эти две страны были достаточно сильны, чтобы навязать свою волю Германии, хотя бы ценой страданий и ужасных потерь. Премьер-министр не думает, со своей стороны, что Франция и Англия в настоящий момент достаточно сильны, чтобы этого достигнуть; он согласен с тем, что г-н Даладье сказал вчера о возрастающей способности к обороне, и может прийти время, когда будет возможно сопротивляться в лучших условиях. Но в настоящий момент британское общественное мнение не согласится взять на себя такую ответственность, и было бы неразумно для правительства выходить за пределы того, что может быть принято общественным мнением.

Г-н Невиль Чемберлен задает себе также вопрос, является ли европейское положение столь мрачным, как это находит г-н Даладье. Он, со своей стороны, весьма сомневается в том, что Гитлер желает уничтожения чехословацкого государства или пе-

реустроенного чехословацкого государства; он не думает, чтобы фюрер хотел аншлюса. Несомненно, именно поэтому г-н Генлейн не упомянул об этом, несмотря на настроение своих сторонников. Само собою разумеется, что речь идет просто о желании, выполнение которого задерживается и к осуществлению которого еще вернуться; однако Бенеш должен иметь возможность представить предложения, которые, изменяя характер чехословацкого государства, помешают его уничтожению. Если Германия пожелает этого уничтожения, премьер-министр не видит, говоря со всей откровенностью, как ей можно помешать в этом, но он не думает, чтобы этого желали в Берлине... *

...Очевидно, нельзя полностью исключить возможность войны, так как вопрос может идти о чем-то более ценном, чем человеческая жизнь или материальные ценности; однако к этой возможности следует прибегать как к крайнему средству, а не легкомысленно. Премьер-министр был свидетелем одной войны, и он убедился, как трудно для кого-либо выйти из нее более сильным и более счастливым. Поэтому лишь под давлением самой настоятельной необходимости можно пойти на это. Г-н Чемберлен заявляет, что он относится определенно враждебно ко всякой мысли о превентивной войне».

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 123—125.

21. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 апреля 1938 г.

Осуский рассказал мне, что как Даладье, так и Боннэ ему твердо обещали добиваться в Лондоне, чтобы английское правительство вместе с Парижем признали выработанную Прагой и изложенную в переданных меморандумах программу урегулирования немецкого вопроса справедливой и содержащей «максимум уступок, на которые может идти суверенное государство». Прага не добивается от Лондона каких-либо иных обязательств и гарантий, полагая, что поддержка Англией ее программы явится уже «политической платформой», достаточной, чтобы не анкуражировать ** Гитлера и удержать его от авантюры. Осуский далее очень пространно доказывал, что сила сопротивления Чехословакии гораздо значительней, чем это думают, что, в частности, граница с Австрией в предвидении аншлюса давно уже хорошо защищена. Чехословакия, сказал Осуский, смотрит на союзников лишь как

* Так в оригинале.

** — поощрять (фр.).

на секундентов в борьбе, главный удар которой (в особенности в первые дни) ей придется принять только на себя. Вот почему, в частности, Прага никогда не ставила перед французами вопрос о посылке живой силы. Единственное, чего чехи требовали, — это объявление в этом случае войны Германии. Чехи уверены, что, выдержав и отразив атаки немцев в первые дни, они и так будут иметь на своей стороне «больше демократических стран».

Осуский ознакомил меня с содержанием меморандума, врученного им французам.

Суриц

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 223.

22. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

11 мая 1938 г.

У меня был вчера па завтраке сэр Хорас Вильсон, который занимает сейчас пост главного секретаря Чемберлена и фактически является творцом внешней политики, проводимой в настоящее время премьером. Я хорошо знаю Вильсона, ибо в свое время вел с ним переговоры об англо-советском торговом договоре. Мы имели с ним откровенный разговор на внешнеполитическую тему, из которого отмечу два следующих момента.

«Пакт четырех» — основная идея Чемберлена, но он не является в ней догматиком. По словам Вильсона, премьер — сугубый практик, делегата, который не любит теорий и старается делать то, что в данный момент кажется ему нужным, а главное, достижимым. Сейчас Чемберлен поставил перед собою задачу «замирения Европы» через соглашения с Италией и Германией. Он стремится к ее осуществлению, причем начал с Италии, а не с Германии потому, что считал, что на этом конце «оси» больше шансов добиться быстрых положительных результатов. Теперь на очереди Германия. Британское посредничество в чехословацком вопросе является пробой. По исходу его будет видно, можно ли рассчитывать на вероятность общего соглашения с Берлином в ближайшем будущем. Чемберлен вполне считает с возможностью германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе и даже с возможностью поглощения Германией (в той или иной форме) ряда небольших центральноевропейских и Балканских государств. Однако он полагает, что это меньшее зло, чем война с Германией в непосредственном будущем. Премьер рассчитывает, что процесс поглощения должен занять сравнительно много времени и Англия пока хорошо вооружится. Сверх того — и это особенно успокаивает Чемберлена — создание большого, пестрого конгломерата стран и народов под гегемонией Германии с его внутренним

национальным, экономическим, политическим и другими процессами ввело бы в игру различные «смягчающие влияния», разбило бы нынешнюю монолитность германского режима и в конечном счете привело бы к изменению этого режима и к общей эволюции германской внешней политики в более умеренном направлении. Правда, все это потребовало бы значительного количества времени — 10—15 лет, не меньше. Но премьер рассчитывает, что таков естественный и при данных обстоятельствах, с британской точки зрения, наименее невыгодный ход вещей. Таковы настроения Чемберлена сейчас. Это не исключает того, что его настроения и расчеты могли бы измениться, если бы выяснилось, что «пакт четырех» оказывается неосуществимым.

Вильсон утверждает, будто бы отношение Чемберлена к СССР не является враждебным. По его словам, Болдуин был настроен более антисоветски, чем Чемберлен. Все дело будто бы в том, что премьер, как человек сугубо практический, интересуется только тем, что сегодня стоит в порядке дня практического действия. Между тем проблема англо-советских отношений не кажется Чемберлену срочной или практически важной для данного момента. Поэтому он ею мало интересуется и все в этой области предоставляет самотеку. Но почему премьер мало интересуется СССР и отношениями между Англией и СССР? По словам Вильсона, это происходит потому, что Чемберлен считает СССР под углом «замирения Европы» фактором пассивного характера. Премьер уверен, что СССР хорошо вооружен (особенно в воздухе) и обладает неизмеримой мощью в области обороны. Однако маловероятно, по его мнению, чтобы СССР был способен к большой войне наступательного характера. Поэтому ценность СССР как возможного союзника Франции или Англии в случае войны с Германией стоит для Чемберлена под вопросом. Отсюда его нежелание в настоящий момент проявлять какую-либо активность в «русском вопросе».

Полпред

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, С. 246—247.

23. Письмо начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля в министерство иностранных дел Германии

17 мая 1938 г.

Иностранный отдел получил из надежного источника следующие сведения.

На квартире маршала Рьдз-Смиглы 12.V. состоялось совещание с послами Лукасевичем (Париж), д-ром Папэ (Прага), Липским (Берлин), президентом страны и министром иностранных дел Бекком. Целью совещания было принятие решения об отно-

шении Польши к Чехии в связи с посредничеством французского посла Ноэля в пользу Чехии.

Посредничество Франции было отклонено принятием мотивировки посла Липского, как наиболее обоснованной. Липский указал на то, что положение Польши по отношению к Германии намного ухудшится, если Польша займет позитивную позицию по отношению к Чехии. Лукасевичу было поручено объяснить в Париже, что Польша по отношению к Чехии проводит исключительно политику безопасности и в настоящее время не заинтересована в какой-либо военной гарантии.

Начальник штаба верховного главнокомандования вермахта,
по поручению

Шеллер

Печат. по изд.: «Akten zur ueutsenen auswertigen Politik. 1918—1945». Serie D, Baden-Baden, 1951, Bd. II, S. 221

24. Письмо посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии

19 мая 1938 г.

В последние дни мы получаем сообщения об определенной подготовке германской армии на случай военного конфликта с Чехословакией. Согласно этим сообщениям, начальник генерального штаба Бек якобы признал, что во время проведения аншлюса выявились многие недостатки военно-технического характера, которые в случае, если бы Австрия оказала сопротивление, вызвали бы серьезные трудности, поскольку захват Австрии произошел в результате неожиданного приказа рейхсканцлера, не позволившего выполнить задачи точно и в надлежащее время. Армия, как и прежде, против всякой авантюристической акции, какой она считала бы, в частности, нападение на Чехословакию. Но поскольку в сложившейся здесь известной обстановке нельзя исключать какое-либо неожиданное решение рейхсканцлера и в отношении Чехословакии, то в настоящее время принимаются серьезные меры к тому, чтобы армия в подобном случае была готова к немедленным действиям.

Согласно этим сообщениям, вновь распространяются слухи о том, что в национал-социалистской партии подумывают о возможном ударе, который осуществили бы формирования СС или СА; первое из этих формирований особенно прекрасно организовано и дисциплинировано и состоит в основном из элементов, фактически преданных национал-социалистским лозунгам. В указанных кругах высказывается мнение, что в случае проведения подобной «операции по оказанию помощи притесняемым братьям» без собственной армии в узком смысле слова Франция не получила бы «casus foederis» *. В связи с этими сообщениями или слухами упо-

* — случай союза (см. с. 52).

минается имя Гимmlера, который якобы в случае необходимости возьмет дело в свои руки даже вопреки воле армии.

Д-р Мастный

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 112.

25. Письмо посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии

19 мая 1938 г.

1. Телеграммой № 518/38 от 7 мая* я сообщал о посредническом вмешательстве, которое осуществил в тот же день английский посол сэръ Нэвиль Гендерсон в министерстве иностранных дел у заведующего политическим отделом, заместителя статс-секретаря Вермана. Гендерсон прежде всего информировал министерство иностранных дел о посредничестве, которое в тот же день приняли английский и французский посланники в Праге, и, кроме того, высказал предположение или скорее надежду, что и берлинское правительство окажет воздействие на судетских немцев. Как я уже докладывал г-ну министру иностранных дел 9 мая в Праге, английский посол, согласно инструкциям из Лондона, должен был посетить маршала Геринга, но он решил (и я думаю, тактически правильно) предпринять демарш в министерстве иностранных дел, поскольку отсутствующий министр иностранных дел мог бы, вероятно, почувствовать себя уязвленным в связи с тем, что его ведомство было обойдено. Заместитель статс-секретаря Верман принял этот демарш к сведению, с тем чтобы передать его министру Риббентропу по возвращении последнего из Рима, а пока, по словам Гендерсона, он может сказать лишь, что этот вопрос является внутренним делом чехословацкого правительства, а также Генлейна и его партии. На вопрос Гендерсона, дало ли германское правительство какие-либо указания Генлейну, Верман уклончиво ответил, что Генлейну не было дано никаких «точных» советов. Тем самым он косвенно признал, что какие-то указания были даны. (По-видимому, Генлейн во время своего последнего визита в Берлин был здесь действительно значительно активнее, чем когда-либо ранее. Думаю, однако, что официальные круги, ответственные за руководство внешней политикой, были более осторожны и сдержанны, чем национал-социалистская партия. Прежде всего, очевидно, это относится к клике Кребса и Юнга, которая пользуется симпатией и покровительством со стороны министерств внутренних дел и пропаганды. Конечно, это всего лишь предположения, проверить которые невозможно.)

2. В телеграмме № 5.80/38 от 18 мая* я информировал о новом шаге английского посла, который 11 мая нанес визит непо-

* В данном сборнике не публикуется.

средственно Риббентропу *, информировав его еще раз о предприятии в Праге посредничестве и выразив надежду, что Берлин также окажет влияние на судетских немцев. Английский посол во время моего визита к нему 17 мая настойчиво подчеркивал, что Риббентроп не отверг посредничества, не утверждал, что речь идет о вопросе, вмешательства в который Германия не допустит; скорее наоборот, он ответил, что сердечно приветствует интерес Англии в судето-немецком вопросе и был бы признателен, если бы Гендерсон и в дальнейшем информировал его о развитии этого вопроса. Германия не намерена решать его путем применения силы, но она вынуждена будет вмешаться в его решение силой оружия в том случае, если в Чехословакии прольется кровь немцев, которым Германия обязана предоставить защиту и помощь. Если в этом случае Франция осуществит вооруженное вмешательство, Германия будет считать Францию агрессором. Риббентроп в общих словах пообещал, что Германия окажет влияние с целью успокоить судетских немцев. Назвав карловарские требования разумными и умеренными, Риббентроп говорил о них в целом как об основе для переговоров, не квалифицируя их при этом как минимальные. Но он прямо говорил о том, что наше правительство и главным образом президент Бенеш намеренно затягивают решение вопроса и тем самым продлевают состояние напряженности, которое тем не менее уже несколько ослабло.

Гендерсон сказал, что считает заявление Риббентропа искренним проявлением стремления решить судето-немецкий вопрос действительно мирным путем, и высказался в том смысле, что впечатление, которое сложилось у него из беседы, было еще более благоприятным, чем он об этом информировал Лондон, желая пока еще оставить для себя возможность выработать окончательное мнение. Но уже сейчас он считает, что если Чехословакия действительно без дальнейших проволочек пойдет на существенные уступки,— разумеется, до крайней допустимой меры, не нарушая суверенитета и государственной независимости,— то положение будет спасено. Однако, с другой стороны, он верит и в то, что в случае кровопролития (Blutbad), о котором, по его словам, Риббентроп упоминал в ходе беседы по меньшей мере четыре или пять раз, Германия действительно немедленно осуществит вооруженное вмешательство. (Это последнее, как известно, уже давно вызывает у меня серьезные опасения, о чем я буду вновь и вновь напоминать, которые в нынешней ситуации стали еще более вероятными, чем до аншлюса.)

3. В ответ на разъяснения Гендерсона, в которых во время этой моей беседы с ним повторялось лишь все то, что было известно раньше, я рассказал ему о положении у нас, каким я видел его во время моего последнего визита в Прагу. Я просил его срочно информировать свое правительство о совершенной необосно-

* В данном сборнике не публикуется.

ванности оскорбительного обвинения в умышленном затягивании переговоров или даже каких-то спекуляциях с нашей стороны на войне с Германией. Именно этим серьезным стремлением пойти навстречу выраженным нам пожеланиям английского и французского правительств должно руководствоваться наше правительство для того, чтобы не экспериментировать, а решать окончательно. Что допустимо в условиях диктатуры, то недопустимо в демократическом государстве, и вопрос необходимо решить таким образом, чтобы он имел подготовленную почву в парламенте с психологической и юридической точек зрения. Судетские немцы сами требовали проведения выборов уже сейчас, в мае, и сами создали такую ситуацию. Я рассказал ему о том, как у нас с территории Германии ведется подрывная работа и организуются провокации, которые к тому же поддерживаются кампанией в берлинских газетах; в этой кампании, несмотря на всяческие заверения, вновь и вновь проявляется ненависть к Чехословакии. Если министерство иностранных дел и руководящие деятели заверяют, что у Германии нет враждебных намерений против Чехословакии, то об этом ничего не знает читатель ежедневных газет. Народ пребывает в неведении и волен делать выводы о том, что после Австрии таким же образом наступает черед Чехословакии. Характерно также, что из печати известно, что английский посол информировал Берлин о демарше в Праге, однако при этом совсем не сообщает о выраженной им надежде, что Берлин также будет способствовать мирному решению вопроса. Гендерсон во всем со мной согласился, и особенно в том, что касается подогревания атмосферы беспокойства у нас, но он заявляет, что нельзя из престижных соображений Германии заходить слишком далеко, и опасается, что решению самого вопроса был бы нанесен ущерб, если бы его визитам и обращениям в министерстве иностранных дел придавался характер какого-то «демарша», будь то здесь, в Берлине, или в Праге. Во всяком случае, он заверил меня, что будет самым внимательным образом следить за дальнейшим развитием данного вопроса.

4. Английский посол был вполне доволен результатами своей беседы с Риббентропом и даже высказался обнадеживающе в отношении дальнейшего развития судето-немецкого вопроса, разумеется, при условии, что у нас будут проведены прямые и удовлетворительные переговоры с Генлейном, о пребывании которого до вчерашнего дня он пока не имел подробных сообщений из Лондона. Французский посол, напротив, ничему не верит, и о своем мнении он сообщил в Париж в донесении, которое прочитал мне и содержание которого правильно отражает телеграмма нашего парижского посланника от 14 мая*.

Мастный

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 113—116.

* В данном сборнике не публикуется.

26. Телеграмма посланника Чехословакии в Германии

В. Мاستного в министерство иностранных дел Чехословакии

21 мая 1938 г.

После беседы со статс-секретарем Вейцекером, о содержании которой я доложил по телефону, сегодня, в пятницу, в 7 часов вечера, меня пригласил Риббентроп и попросил сообщить правительству следующее:

1) что он с растущим беспокойством следит за все новыми притеснениями судетских немцев, запретами их собраний и случаями насилий, о которых он как раз сегодня получил новые сообщения. Поэтому он обращает наше внимание на известные заявления Гитлера, что Германия не потерпит притеснения немцев за границей, и напоминает, что в Германии — 75 миллионов немцев, готовых выступить в любой момент;

2) что он не может примириться с тем, что в Праге наше правительство продолжает давать другим государствам ложные сообщения о концентрации войск, и особо подчеркивает, что распространение таких сообщений могло бы привести к их осуществлению и к действительной концентрации вооруженных сил против ЧСР³⁰.

Я указал, что в этом виновата здешняя печать, создающая атмосферу беспокойства и угроз, напомнил о провокациях, листовках и т. д. С противозаконными действиями мириться нельзя, однако наши органы чрезвычайно терпеливы, каждый перегиб наказывается. Доказательством нашей доброй воли является стремление как можно быстрее урегулировать национальный статут. Наше правительство использует все средства с целью разрядить обстановку, того же мы требуем от Германии. Наше правительство не распространяет никаких ложных сведений, но оно считает своим долгом обратить внимание правительства Германии на их распространение и просит лишь предоставить информацию, с тем чтобы успокоить общественность. Наше правительство охотно выступило с подобными заверениями во время аншлюса, когда появились сообщения о нашей мобилизации. Нынешние сообщения возникли не в ЧСР, а в Германии, где народ под влиянием германской печати говорит о намерениях, враждебных ЧСР. Риббентроп сказал, что он принял меры воздействия на печать, однако далее дискуссия с ним стала совершенно невозможной, так как он лишь вновь и вновь повторял свои заявления.

Мастный

27. Протокольная запись встречи министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с послом Великобритании во Франции Э. Фипсом *

22 мая 1938 г.

В высшей степени важно, чтобы у французского правительства не было никаких иллюзий относительно позиции британского правительства в той мере, в которой это можно предсказать в настоящий момент, на случай, если наши усилия ко достижению мирного решения чехословацкого вопроса не будут иметь успеха. Британское правительство высказало Берлину самые серьезные предупреждения, и следует надеяться, что эти предупреждения помешают германскому правительству пойти на крайние меры. Однако было бы чрезвычайно опасно со стороны французского правительства преувеличивать значение этих предупреждений.

Британское правительство, естественно, непременно выполнило бы свое обязательство прийти на помощь Франции, если бы она оказалась жертвой неспровоцированной агрессии со стороны Германии. В этом случае оно было бы обязано использовать все имеющиеся в его распоряжении силы.

Однако если бы французское правительство на основании этого пришло к выводу, что британское правительство незамедлительно предпримет вместе с ним совместные военные действия, чтобы оградить Чехословакию от германской агрессии, то справедливо было бы предупредить французское правительство о том, что наши заявления ни в коей мере не оправдывают подобные предположения.

Британское правительство считает, что военная ситуация такова, что Франция и Англия даже с той помощью, на которую они могли бы рассчитывать со стороны России, не были бы в состоянии помешать Германии захватить Чехословакию. Поэтому единственным результатом была бы война в Европе, исход которой, насколько об этом можно сейчас судить, был бы по крайней мере сомнителен.

Британское правительство полностью представляет себе характер и объем французских обязательств. Однако оно считает, что в нынешней ситуации — поистине серьезной и критической — французскому правительству следовало бы полностью учесть вышеизложенные соображения.

Вследствие этого британское правительство полностью рассчитывает на то, что перед тем, как принять любые действия, которые могли бы еще более обострить ситуацию или в результате которых Франция могла бы подвергнуться германскому нападению, французское правительство примет на себя обязательство всту-

* Во время встречи 22 мая в 23.15 по поручению Э. Галифакса Э. Фиппс передал Ж. Боннэ памятную записку посольства Великобритании во Франции.

пить в консультации с английским правительством и дать ему возможность высказать свою точку зрения.

Лорд Галифакс просит сказать об этом г-ну Жоржу Боннэ, добавив, что, само собой разумеется, в Берлине не будет сказано ничего такого, что могло бы ослабить уже данные предупреждения и что правительство Его Величества будет продолжать предпринимать все усилия, с тем чтобы сдержать германское правительство и добиться мирного урегулирования.

Сэр Эрик Филпс добавил, что к мерам, перед принятием которых французское правительство должно консультироваться с британским правительством, относится частичная или всеобщая мобилизация.

В заключение он сказал, что следовало бы предпринять существенные усилия в Праге, с тем чтобы побудить ее к более осторожной оценке ситуации, и разъяснить ей необходимость полюбовного урегулирования судетского вопроса.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2 serie (1936—1939). Paris, 1974, t. IX, p. 848-849.

28. Запись беседы министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с послом Польши во Франции Ю. Лукасевичем

22 мая 1938 г.

Сегодня утром министр принял посла Польши. Он стремился получить точные ответы на некоторые вопросы, поставленные ранее.

Ввиду того что г-н Лукасевич отвечал очень уклончиво, министр задал ему пять следующих вопросов:

1. Останется ли г-н Бек в Берлине? *

Г-н Лукасевич ответил, что г-н Бек не будет останавливаться в Берлине, что он направляется в Копенгаген с визитом, подготовленным три месяца назад, и не предусматривает остановку в Берлине.

2. Готова ли Польша присоединиться, в частности, в Берлине к предпринимаемым в настоящее время франко-английским усилиям по примирению?

Г-н Лукасевич заявил, что на этот вопрос он ответить не может, так как он не следил за этим вопросом, и что он напомнит о нем Варшаве телеграммой.

3. Какова будет позиция Польши, если в результате неудачи усилий по примирению Германия нападет на Чехословакию?

Г-н Лукасевич ответил: «Мы не пошевелимся. Г-н Бек, впрочем, уже передал этот ответ британскому правительству». В связи с этим г-н Лукасевич опроверг слухи о передвижениях польских войск, поступившие в последние дни.

* Министр иностранных дел Польши должен был прибыть в Стокгольм 24 [мая] и возвратиться в Варшаву 30 [мая].

4. Какова будет позиция Польши в случае, если Франция, выполняя свои обязательства, вместе с Лондоном поддержит Чехословакию, на которую нападет Германия?

Г-н Лукасевич ответил: «Г-н Бек изучал вопрос и он, Лукасевич, может только повторить, что франко-польский пакт³¹ не предусматривает в этом плане никакого обязательства Польши по отношению к Франции. Польша имеет обязательства по отношению к Франции только на случай, если последняя подвергнется нападению. В рассматриваемой выше гипотезе агрессором оказалась бы Франция: отсюда возникнет совершенно новая ситуация, на которую никогда не делалось договорной ссылки во франко-польских отношениях. Поэтому Польша обязана официально зарезервировать свою позицию по этому вопросу; она не может брать никаких обязательств или давать какие-нибудь обещания».

Г-н Бонна решительно подчеркнул серьезность ситуации, складывающейся применительно именно к интересам Польши в результате такого заявления. Он указал на необходимость солидарности в подобном случае главных держав и сообщил конфиденциально для сведения г-на Лукасевича, что г-н Рузвельт неожиданно пытался этой ночью связаться с г-ном Даладье по телефону.

5. Какова позиция Польши по отношению к СССР? Ставя этот вопрос, г-н Боннэ должным образом обосновал все, что могло бы оправдать налаживание сотрудничества с СССР на благо Чехословакии; касаясь критики, которую вызывает иногда в Польше франко-русский пакт¹⁸, министр отметил, что Франция нуждается в этой необходимой поддержке со стороны русских, тем более что ей придется учитывать пассивность Польши. Он добавил, что польское правительство не должно терять из виду тот факт, что русское сырье может понадобиться Франции даже при выполнении задачи по оказанию помощи самой Польше.

Г-н Лукасевич ответил самым категорическим образом, что поляки считают русских врагами, что, если потребуется, они будут силой противостоять любому проникновению русских на их территорию и даже любому пролету русских самолетов.

В продолжение всей беседы г-н Лукасевич пользовался каждой возможностью, чтобы обвинить чехов, заявляя, что они недостойны того интереса, который проявляет к ним Франция, что они обманут всех и не пойдут ни на какое примирение.

Посол Польши в целом также сетовал на плохое отношение чехов к полякам, отношение, которое он считает врожденным и незыблемым. Кроме того, он повторил все польские упреки в адрес чехов в связи с их попустительством в отношении коммунизма и, в частности, в отношении Коминтерна, хотя г-н Лукасевич знает, что его штаб-квартира более не находится в Чехословакии.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2 série (1936—1939). Paris, 1977, t. XI, p. 446-447.

29. Из телеграммы посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте

22 мая 1938 г.

Сегодня вечером мне позвонил Боннэ и сказал, что он получил сообщение о том, что Чехословакия мобилизовала два призывных возраста. У него был английский посланник и спросил, информировало ли чехословацкое правительство Францию, прежде чем приступило к мобилизации. Он добавил, что мобилизация в Чехословакии может оправдать мобилизацию в Германии. Боннэ ответил, что речь идет не о мобилизации против немцев, а о мерах; по поддержанию порядка во время выборов. Боннэ сказал мне, что он надеется, что Чехословакия не будет продолжать мобилизацию. Я ответил, что речь идет не о мобилизации, а лишь о досрочном призыве на военные сборы не двух, а только одного призывного возраста с целью поддержания порядка во время выборов. Боннэ принял к сведению, что речь идет только об одном призывном возрасте и только о поддержании порядка во время выборов. и просил, чтобы мы сообщили об этом в печати Франции и других стран. Далее он спросил о двух убитых. Я сказал, что, по моим сведениям, полиция вынуждена защищаться от лиц, распространяющих листовки. К кровопролитию привел несчастный случай. Правительство немедленно распорядилось начать следствие, было принято решение строго наказать тех, кто не выполнил его распоряжений. Боннэ просил немедленно широко осветить это в печати. Он сказал мне, что Риббентроп был сильно возмущен, когда сегодня его посетил Гендерсон³². Риббентроп сказал ему, что немецкая кровь проливается в Чехословакии и что семьдесят пять миллионов немцев поднимутся, как один человек, на ее защиту. Боннэ заявил мне, что в наших интересах успокоить волнение. Добавляю, что, как сообщил по телефону Понсэ, в Берлине наблюдается большое волнение и что нужно быть готовым к самому худшему. Французская миссия в Лондоне сообщила, что известие о том, что Генлейн отказался от предложения вести переговоры с Годжей, произвело в Лондоне неблагоприятное впечатление.

Американский посланник сказал мне, что мы стоим на грани войны, которая уничтожит всю Европу, что это самое подходящее время для Германии, поскольку Польша и Румыния якобы выступят с войной против России, а Италия, выждав некоторое время, присоединится к Германии. Англия в первый период всеми силами будет стремиться избежать участия в войне. Чехословакия и Франция останутся якобы одни. Чехословакия будет защищаться, пока не вмешается Венгрия. Я сказал, что не верю в то, что Германия могла бы сегодня по своей воле развязать войну, которая длилась бы долго. Он ответил мне, что я ошибаюсь. [...]

Осуский

Печат. по изд. «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 118—120.

30. Из записи беседы заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Чехословакии д-ра Крно с посланником Германии в Чехословакии Э. Эйзенлором

25 мая 1938 г.

[...] Посланник перешел затем к событиям последних дней и сказал, что никак не может понять, каким образом, собственно, дело дошло до кризиса. Неожиданно, заявил он, стали говорить о передвижении 8—10 германских дивизий в направлении чехословацкой границы. Это является чистым вымыслом уже по той простой причине, что столь значительное передвижение войск невозможно провести тайно. Откуда появились эти сообщения? Посланник полагает, что хотя чехословацкий генеральный штаб и был *bona fide**, однако он попался на удочку своих тайных информаторов. Затем чехословацкое правительство взбудоражило весь мир, основываясь на полностью ложных сведениях; Англия вынуждена была спасти положение, а Германия выглядит теперь перед всеми как нарушитель мира. Опасность была предотвращена, потому что германское правительство сохраняло спокойствие и не ответило тем же на чехословацкие военные мероприятия, однако «eine tiefe Verstimmung»** остается.

Я ответил, что мобилизация резервистов одного призывного возраста была проведена не в ответ на упомянутые передвижения германских войск, а лишь в целях безопасности для обеспечения внутреннего спокойствия и порядка. Г-н Эйзенлор заметил, что такую трактовку, в конце концов, можно было бы официально отстаивать, однако в субботу в высших официальных кругах Чехословакии ему было дано совершенно иное разъяснение. Так, прежде всего генерал Крейчи сказал германскому военному атташе буквально, что речь идет об ответе на передвижение германских войск. [...]

Д-р Крно

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 120—121.

31. Сообщение посла Польши во Франции Ю. Лукасевича министру иностранных дел Франции Ж. Бонна

26 мая 1938 г.

Я надеюсь, что опасность прямой германской агрессии не стоит на повестке дня. Поэтому можно спокойно изучить положение дел.

Очевидно, что возникновение более крупного конфликта создало бы новую ситуацию, в отношении которой польское правительство должно оставить за собой право изучения и принятия решения.

* — добросовестным (лат.)

** — «сильное раздражение» (нем.).

Что касается возможного польского демарша в Берлине, аналогичного демаршу Великобритании, то для Польши это значило бы *ipso facto* * принять заранее важное одностороннее обязательство, не предусмотренное польско-французскими соглашениями.

Я вынужден напомнить, что с самого начала франко-советских переговоров Польша надлежащим образом подчеркнула свои официальные оговорки по поводу какого бы то ни было сотрудничества, связанного с соответствующим соглашением и ограничивающего ее позицию в отношении России пактом о ненападении.

Нынешние трудности Чехословакии проистекают в большой мере из ее внутренней политики по отношению к меньшинствам. Польское меньшинство подвергается грубому обращению со стороны чехов. Я вынужден поэтому предупредить, что уступка Праги в пользу какого бы то ни было меньшинства, которая не распространялась бы на поляков, немедленно породила бы напряженность между Польшей и Чехословакией. Принимая во внимание нынешнюю позицию чехословацкого правительства в отношении польского меньшинства, польское общественное мнение не одобрило бы никаких более существенных действий в пользу Чехословакии.

Подтверждая, как это я сделал 7 марта 1936 г.**, что мы готовы выполнить наши союзнические обязательства в рамках существующих соглашений, и заявляя о нашей готовности к дружескому обсуждению любых новых элементов ситуации (обсуждению, основанному на взаимном понимании интересов Польши и Франции), я тем не менее был вынужден представить вышеуказанные оговорки.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932-1939». 2 serie (1936—1939), t. IX, p. 911-912.

82. Донесение посла Польши во Франции Ю. Лукасевича министру иностранных дел Польши Ю. Беку

27 мая 1938 г.

Сегодня, в И часов 45 минут, я посетил министра Бонна согласно инструкции г-на министра от 24 мая с. г.**

Желая быть возможно более точным, я зачитал министру Бонна почти дословно содержание инструкции, полученной мною от г-на министра. Министр Боннэ записал все мое сообщение, считая, что оно является заявлением большой важности.

После двукратного прочтения моего сообщения министр Боннэ, как и в первой беседе, не сразу приступил к его обсуждению, а начал с общих замечаний. Он сообщил мне, что имел беседу с генералом Гамеленом на тему о нашем стратегическом положении в

* — тем самым (лат.).

** В данном сборнике не публикуется.

случае, если Чехословакия будет занята немцами, и что французский штаб считает такое положение огромной и очень опасной угрозой для нас в военном отношении. Боннэ имеет намерение продолжать свои беседы с представителями французской армии на эту тему для того, чтобы основательно изучить аргументы генштаба. Однако он просит, чтобы я уже сейчас обратил внимание моего правительства на вышеизложенное. Затем министр Боннэ выразил убеждение в том, что хотя немецко-чешский конфликт и вызван вопросом о немецком меньшинстве, однако, анализируя этот конфликт, необходимо смотреть дальше проблемы меньшинства и понять, что здесь дело идет о сохранении мира и об обуздании опасной немецкой экспансии в Средней Европе. «Существует много проблем нацменьшинства,— заметил мой собеседник.— Сегодня мы занимаемся одними, в будущем будем заниматься другими». Это был косвенный, как я полагаю, лишенный злобы намек на наши проблемы национальных меньшинств.

Затем, переходя к обсуждению моего заявления, министр Боннэ сказал, что французское правительство ничего не требует от Польши в связи с проблемой Чехословакии, однако французское правительство хотело бы рассчитывать на наше сотрудничество в деле сохранения мира, а также в деле сопротивления немецкой экспансии. Если польское правительство считает невозможным для себя представление Берлину декларации, аналогичной заявлению английского правительства, то оно могло бы опубликовать такую декларацию, которая не содержала бы никакого нового обязательства, но провозгласила бы, что польское правительство считает необходимым принять все меры для сохранения мира, что известные события могут вызвать развитие всеобщего конфликта и что, наконец, в такой ситуации Польша не будет оставаться безучастной и еще не знает, на какую из борющихся сторон она должна была бы стать. Боннэ просит г-на министра рассмотреть вопрос о возможности опубликования нами такой или подобной декларации и ответить ему на это.

Затем министр Боннэ пространно и явно делая упор на эту проблему начал говорить об отношении к Советской России в данной обстановке и в известной степени в отрыве от нее. Франко-советский пакт¹⁸ является очень «условным», и французское правительство отнюдь не стремится опираться на него. Он будет играть роль и иметь значение только в связи с тем, как Франция будет воспринимать колебания Польши. Министр Боннэ лично не является приверженцем сотрудничества с коммунизмом. Французское правительство хотело бы целиком опереться на Польшу и сотрудничать с ней. Оно желает усилить, уточнить и расширить наши союзнические отношения. Министр Боннэ был бы особенно доволен, если бы он мог, в результате выяснения вопроса о сотрудничестве с Польшей, заявить Советам, что Франция не нуждается в их помощи.

Не следует, однако, забывать о положительных сторонах фран-

ко-советского пакта. В случае войны с Германией пакт будет являться основанием, в силу которого можно будет требовать, чтобы Москва оказывала такую помощь материалами и сырьем, какая может оказаться необходимой. В известной обстановке Польша может использовать пакт с выгодой для себя.

В условиях настоящего времени можно утверждать, что франко-советский договор не будет являться необходимым и не будет играть значительной роли, если франко-польский союз³¹ сможет стать вполне действенным.

Осветив таким образом проблемы Советской России, министр Боннэ перешел к вопросу о нашем меньшинстве в Чехословакии. Он проявил при этом не только беспокойство, но также и известное раздражение. То, о чем он говорил, я постараюсь изложить в нижеследующих строках:

Вопрос о польском меньшинстве в Чехословакии не является аналогичным вопросу о немецком меньшинстве как с точки зрения количества населения, которое принимается в расчет в обоих случаях, так и ввиду того, что польское меньшинство интересует государство, связанное с Францией союзом. Кроме того, это меньшинство находится на территории дружественного Франции государства. Можно с уверенностью сказать, что по разрешении вопроса о немецком меньшинстве Чехословакия должна будет приступить к разрешению вопроса о польском и других меньшинствах. Однако, по мнению г-на министра, было бы в высшей степени досадно и непонятно, если бы польские требования в вопросе о меньшинстве создали такую ситуацию, которая привела бы к новому обострению положения, чего следует ожидать в момент разрешения вопроса о Судетах. Вопросу о польском меньшинстве французское правительство придает большое значение, однако это не должно явиться для польского правительства исходным пунктом к действиям, которые привели бы к еще большим осложнениям и помешали бы польскому правительству отнестись положительно к франко-английским усилиям, направленным к мирному разрешению конфликта, могущего возникнуть между Германией и Чехословакией. В высшей степени неприятным и опасным является уже одно то, что г-н министр * не только отказывается сделать в Берлине демарш, в котором французское правительство так заинтересовано, и отказывается уточнить позицию Польши в случае франко-германского конфликта, а еще сверх этого выдвигает новое требование, причем в такой острой форме, что это чревато новыми трудностями и новыми опасностями.

Видя, что министр Бонна или не знает вопроса, или же плохо понял сделанное мною от имени г-на министра заявление, или хотел его плохо понять, что менее вероятно, я прервал его выводы, утверждая, что в данном случае с нашей стороны не выдвигается ни одного нового требования.

* Имеется в виду Ю. Бек.

Вопрос о нашем меньшинстве в Чехословакии существует давно, и за все это время пражское правительство ничего, кроме обещаний, не сделало для разрешения его. Никакого результата не дали также многолетнее сочувствие и влияние французского правительства. Ни в коем случае мы не можем допустить даже на один момент того, чтобы проблема польского меньшинства была разрешена после разрешения вопроса о судетских немцах. Эта проблема должна быть разрешена одновременно и в полной аналогии с разрешением вопроса о немцах. Количество населения здесь никакой роли не играет и не имеет никакого значения. Впрочем, если я не ошибаюсь, посланник Чехословакии в Варшаве заявил г-ну министру около двух недель тому назад, что чешское правительство признает за нами право на принцип наибольшего благоприятствования в отношении польского меньшинства, т. е. заранее согласно на предоставление польскому меньшинству таких же прав, которые будут признаны за немецким меньшинством. Я не понимаю, почему специальное заявление г-на министра по этому вопросу, имеющее своей целью проинформировать французское правительство о нашей позиции и нашем положении, а также о значении этой проблемы, вызывает такое беспокойство и возбуждение. Ведь не думает же министр Бонна, чтобы мы могли и хотели ждать разрешения вопроса о нашем меньшинстве до тех пор, пока, как я надеюсь, проблема судетских немцев не будет успешно разрешена. Разрешением проблемы судетских немцев кончится то напряжение, в котором мы живем; влияние держав в Праге станет таким же, каким было до конфликта, а Чехословакия возвратится к своей прежней политике невыполнения обещаний. Это было бы слишком наивно, и общественное мнение Польши не поймет такой политики и не согласится с ней. Я думаю, что если министр Боннэ остановит свое внимание на этой проблеме и подробно проанализирует ее, то он поймет правильность и необходимость той позиции, которую мы занимаем.

После моей вышеприведенной реплики министр Боннэ значительно снизил тон беседы, а в известной степени изменил и свое отношение к проблеме и уже не возвращался к тезису особого разрешения вопроса о нашем меньшинстве, стараясь объяснить в дальнейшем, что мы не должны придавать этому вопросу большого политического значения, что вопрос этот будет наконец разрешен и что французское правительство будет заботиться о его решении. Излагая свои аргументы, Боннэ сказал, что он желал бы, чтобы мы конкретно указали, каких прав мы добиваемся для нашего меньшинства? Я отвечал ему, что, собственно, избегая излишних осложнений и принимая во внимание то, что наше меньшинство является менее значительным по численности по сравнению с другими меньшинствами, мы требуем только того, чтобы наше меньшинство трактовалось как имеющее равные права с другими, большими в количественном отношении меньшин-

ствами. Отразив таким образом аргументы министра Боннэ по вопросу о меньшинстве, я заявил ему, что о всех его замечаниях и вопросах я доложу Вам и буду ждать дальнейших инструкций. Сейчас я хотел бы, сказал я Боннэ, выразить свое личное мнение относительно некоторых своих наблюдений.

Что касается мнения генерала Гамелена о том, что наше стратегическое положение будет значительно ухудшено, если Германия овладеет всей Чехословакией, то, несмотря на то что я не являюсь военным человеком, я думаю, что он совершенно прав. Я только не понимаю, почему к этому приковывается внимание, так как, по моему мнению, это предположение является чисто теоретическим и безусловно исключается. Я не знаю, стремится ли Гитлер к автономии для судетских немцев или к аннексии территории, ими населенной. Однако я никогда не слышал, чтобы он стремился к присоединению всей Чехословакии. Поэтому я считаю, что рассуждение относительно ситуации, которую генерал Гамелен, вероятно, оценил правильно, является беспредметным. Что же касается нашего возможного демарша в Берлине в целях смягчения обстановки, о котором говорил министр Боннэ, то я считаю, что в данное время мы уже предприняли именно то, что он хотел. Мы это сделали не в форме демарша в Берлине, а в связи с телеграммой в газете «Ивнинг Стандарт», когда мы заявили публично в нашем опровержении о том, что в случае крупных осложнений мы оставляем за собой право принимать решения. Я подчеркнул, что этот факт следует считать нашим серьезным вкладом в усилия, направленные к сохранению мира.

Наконец, я добавил, что во избежание недоразумений и неясностей я должен указать, что в переговорах генерала Гамелена с маршалом Рыдз-Смиглы вопрос о возможной материальной помощи и о помощи сырьем со стороны Советской России был поднят генералом Гамеленом и что, однако, маршал Рыдз-Смиглы решительно отклонил какие-либо переговоры или дискуссию на эту тему. Ввиду этого нельзя ссылаться на переговоры наших военных. По вопросу о Советской России я не сказал ни слова, имея в виду, что содержание инструкций г-на министра сводилось к тому, чтобы эту тему не обсуждать, и понимая, что в теперешней обстановке этот вопрос не является уместным. На эти мои краткие замечания министр Боннэ ответил, что, быть может, предположение о присоединении к Германии всей Чехословакии является слишком гипотетическим, однако план Геринга о разделе Чехословакии между Германией и Венгрией, с передачей Тешинской Силезии Польше, не является тайной. Реализация этого плана равноценна аннексии всей Чехословакии, а аннексия территорий, населенных немецким меньшинством, значительно ухудшила бы положение Польши с военной точки зрения.

Я ответил, что, по моему мнению, является абсолютно неразумным предположение о том, чтобы в XX веке, после великой войны, результатом которой является триумф национального

принципа, какое-либо государство, даже более сильное, чем Германия, могло бы присоединить к себе территории, населенные другими народами, вопреки их воле. Я выразил предположение, что если чехи полны решимости сражаться за судетскую землю, то Прагу они будут оборонять до последней капли крови. Я признал правильным суждение о том, что если бы теперешний конфликт кончился присоединением Судетской области к Германии, то это ухудшило бы стратегическое положение Чехословакии. Воспользовавшись моим упоминанием о переговорах между маршалом Рыдз-Смиглы и генералом Гамеленом относительно возможной помощи со стороны Советской России, министр Боннэ возвратился к обсуждению вопроса о франко-советском пакте и сказал следующее:

Если возникнет конфликт между Польшей и Германией, то франко-советский пакт сможет сыграть положительную для Польши роль, во-первых, устраняя вероятность борьбы на два фронта, во-вторых, создавая возможность материальной помощи и помощи сырьем. Положение о том, что конфликт между Германией и Польшей является возможным, не вызывает никакого сомнения. Еще Штреземан в личных беседах с министром Боннэ категорически утверждал, что Германия никогда не согласится на существующую ныне границу с Польшей. Трудно допустить, чтобы эта точка зрения в Германии кардинально изменилась после прихода к власти национал-социалистов. В связи с этим улучшение отношений с Россией, несомненно, полезно для Польши.

Далее министр Боннэ вновь поднял вопрос о меньшинстве, подчеркивая, что мы не должны делать слишком далеко идущие выводы в отношении такой важной проблемы, как сохранение мира в Европе. По его мнению, мы должны обратить свое внимание на общественное мнение Франции. Опровержение, опубликованное после телеграммы, помещенной в «Ивнинг Стандарт», произвело на общественное мнение Франции самое тяжелое впечатление. Общественное мнение Франции переживает большое разочарование в связи с позицией Польши, и, несомненно, оно было бы в высшей степени потрясено, если бы ему стало известно, что Польша не только отказалась сделать демарш в Берлине и уточнить свою позицию в случае франко-немецкой войны, но и готова еще более ухудшить обстановку, выдвигая свои требования в очень острой форме. Необходимо соблюдать осторожность. Было бы очень желательным, чтобы польское правительство нашло соответствующую форму для подтверждения того, что оно принимает участие в усилиях, направленных к мирному разрешению конфликта, а также высоко ценит их.

Мой ответ примерно был следующим:

Мы удивляемся, что наше опровержение произвело такое тяжелое впечатление на общественное мнение Франции, допуская, что оно так же было принято и в Берлине. Мы считаем, что наше опровержение должно быть оценено как существенный вклад в

дело сохранения мира. Я рад, что министр Боннэ поднял вопрос об общественном мнении, так как я желал бы обратить его внимание на необходимость соблюдения осторожности в этом отношении, а также на необходимость проявления заботы со стороны Кэ д'Орсэ в отношении поведения французской прессы. Я заметил, что в польском обществе еще живы досадные воспоминания о недоброжелательном отношении к нам всей французской прессы в момент больших трудностей, которые испытывала Польша во время инцидента с Литвой²⁸. Я помню неслыханное поведение французской дипломатии при разрешении столь важной и жизненной для Польши проблемы. У нас хорошо сохранилось в памяти впечатление о том, что в тот важный для Польши момент Франция не только не была рядом с нами, а, наоборот, пренебрегая нашими интересами, она была поглощена вопросом о возможном проходе советских войск через чужие территории в случае войны с Германией. В этих условиях какие-либо новые атаки французской прессы были бы более чем нежелательны.

В этом месте беседы министр Боннэ попытался меня уверить, что Франция, однако же, советовала Литве примириться с нами, на что я ответил, что я не желал бы начинать дискуссию на эту тему, потому что это было бы слишком тяжело, и я хотел бы иметь возможность забыть об этом деле. Затем в дружеской форме, но категорически я заявил, что в настоящий момент нашей самой важной обязанностью является развить усилия, направленные к взаимному пониманию интересов и положения наших государств. Мы находимся на двух разных концах Европы, и поэтому мы можем иметь различные интересы и различные взгляды, однако мы являемся союзниками. Польша расположена в той части Европы, где проводится политика без учета наших интересов, а часто и вопреки им. Эта политика является одной из причин современной обстановки, и это также необходимо принимать во внимание.

Я думаю, что французское правительство оценит должным образом заявление г-на министра о нашей готовности к дискуссии по всем вопросам складывающейся ситуации.

На это мое заявление министр Боннэ реагировал очень живо и даже, я бы сказал, сердечно, заявив, что французское правительство желает установления самого близкого контакта с нами, что оно высоко ценит этот контакт и что он желал бы чаще видеться со мной, чтобы иметь возможность обсудить каждую фазу быстро развивающихся событий. Я ответил, что буду всегда готов служить ему и, как только буду иметь возможность сообщить что-нибудь полезное, делиться с ним по своей инициативе. На этом мы закончили свою беседу, длившуюся 1 час 15 минут и имевшую дружеский характер, несмотря на наличие некоторых щекотливых моментов. Здесь я должен еще добавить, что во время беседы министр Боннэ вспомнил о поддержке, которую Франция имеет не только со стороны Англии, но и со стороны Соединенных Штатов Америки. Я допускаю, что он имел в виду заявление помощника

государственного секретаря Сэмнера Уэллса, опубликованное в сегодняшних телеграммах, которые французская пресса оценила как доказательство того, что симпатии американцев находятся на стороне Фракции, Англии и Чехословакии.

Я совершенно уверен в том, что до вчерашнего вечера ничего другого из Вашингтона не поступало. Посол Буллит говорил мне, что министр Боннэ в разговоре с ним заявил, что он не допускает мысли о том, что Соединенные Штаты могут поддержать английский и французский демарш в Берлине, и получил от посла Буллита ответ, что это действительно так. Вышеизложенное подтверждает положение о том, как мало требуется министру Боннэ для того, чтобы утверждать, что данное государство стоит на стороне Франции.

Посол Польской Республики

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 128—141.

33. Запись беседы министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с послом Германии во Франции И. Вельчеком

27 мая 1938 г.

Я попросил посла Германии встретиться со мной в среду вечером (25 мая). Я не вызывал его в период напряженности, но теперь решил, что необходимо с ним побеседовать.

Беседа касалась следующих вопросов:

1. Я напомнил послу Германии о нашей с ним беседе три недели назад (30 апреля) *, в ходе которой я повторил ему, что Франция выполнит свои обязательства и что Англия будет на ее стороне в том, что касается Чехословакии, но вместе с тем мы желаем мирного урегулирования, которое могло бы дать национальным меньшинствам некоторые гарантии из числа тех, которые они требуют. Я указал графу Вельчеку, что не вызывал его официально потому, что опасался, что в период напряженности можно было бы предположить, учитывая возбуждение прессы в тот момент, что я предпринимал демарш угрожающего характера. Поэтому нам — председателю совета и мне — казалось предпочтительнее, чтобы он встретился с г-ном Даладьё в его доме для беседы, которая имела бы характер встречи двух ветеранов войны и касалась серьезных проблем текущего момента. Сейчас, когда наступила явная разрядка, я мог наконец повидаться с графом Вельчеком. Я настоятельно подчеркнул, что французское правительство ценит искренние усилия, предпринятые германским правительством на благо мира, и указал при этом, сколь чутко оно отнеслось к этим усилиям.

2. Еще раз напоминая, что оно выполнит свои обязательства по отношению к Праге, французское правительство считало важным

* В данном сборнике не публикуется.

отметить, что оно продолжает свои усилия с целью добиться от чешского правительства разумного урегулирования проблемы национальных меньшинств. В этой связи я напомнил о различных демаршах, которые мы предприняли в последние дни перед правительством в Праге.

3. В заключение я указал графу Вельчеку, который в ходе беседы настоятельно стремился подчеркнуть мирные устремления германского правительства, что имелась превосходная возможность подтвердить эти устремления. До сих пор происходил только обмен речами о мире; теперь же появилась возможность делами продемонстрировать волю к миру.

В настоящее время проблема чехословацких меньшинств — одна из самых деликатных проблем, одна из тех, которые, вероятнее всего, могут породить конфликт, и поэтому Франция стремится к ее мирному урегулированию. Англия делает то же. Поскольку Германия проявляет такое же стремление, в конечном счете вполне возможно добиться удовлетворительного решения. Я указал, какой глубочайший резонанс во французском общественном мнении могло бы иметь публичное заявление о позиции германского правительства в этом вопросе. Если бы проблема национальных меньшинств в Чехословакии была урегулирована мирным путем, можно было бы, вероятно, взяться за экономические проблемы и проблему сокращения вооружений. Однако, оставляя их на время, но не окончательно, в стороне, следует ограничиться чехословацкой проблемой и добиться мирного ее решения. Хотелось бы, чтобы германское правительство поняло, в каком духе французское правительство намерено осуществлять свою деятельность.

Выражая мне горячую благодарность, посол Германии ответил, что он передаст эту информацию своему правительству; однако он настоятельно подчеркивал наличие трудностей в достижении окончательного результата, связанных со сложностью проблемы и теми затруднениями, с которыми столкнется правительство Праги при ее решении.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1989». 2 serie (1936—1939), t. IX, p. 924-927.

84. Письмо младшего статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вермана послу Германии в Великобритании Г. Дирксену

28 мая 1938 г.

Дорогой г-н фон Дирксен,

Мы здесь совершенно согласны с мыслью, изложенной в Вашем письме от 20 мая*, что было бы хорошо, если бы в Лондоне

* В данном сборнике не публикуется.

снова был посредник, который мог бы оказывать воздействие на английскую прессу в судето-немецком духе и в определенные моменты мог бы служить посредником. В этом духе мы беседовали здесь с берлинским представителем Генлейна, который передаст это предложение Генлейну. По его словам, сам Генлейн во время своего последнего пребывания в Лондоне убедился в невыгодности отсутствия посредника при посольстве, так что почва для этого подготовлена.

Мы также согласны с Вами, что было бы лучше всего, если бы этот посредник снова фигурировал под видом корреспондента газеты «Цейт».

Я был бы Вам благодарен, если бы Вы, в случае прибытия к Вам такого представителя, не замедлили известить меня об этом, а возможно, также информировали бы меня и в том случае, если бы в ближайшее время Ваше предложение не дало результатов; в последнем случае мы снова возбудим этот вопрос.

Всегда Ваш

Верман

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны». М., 1948, т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.), с. 16—17.

35. Письмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцекера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену

1 июня 1938 г.

Дорогой г-н фон Дирксен!

Ваше письмо от 31-го числа прошлого месяца * подтвердило мое предположение, что Вам сразу же пришлось с головой окунуться в работу. Надеюсь, это не сказалось на Вашем здоровье. Вероятно, Вам придется сейчас много заниматься вопросом о положении в обществе.

В ответ на Ваш вопрос о визите к премьер-министру я хочу сказать, что против этого не имеется никаких возражений. Я не проверял, но предполагаю, что Политический отдел снабдил Вас в достаточном количестве сведениями о наших переговорах здесь с сэром Невилем Гендерсоном и Вы в курсе событий. Кроме того, Вам, несомненно, уже известно, что мы дней десять назад получили через Гендерсона личное доверительное письмо * Галифакса и еще не ответили на него. Я думаю, что ответ будет отправлен в ближайшие дни, может быть, даже сегодня. Вам было бы, вероятно, полезно ознакомиться с ним, прежде чем Вы пойдете к Чемберлену. Мы постараемся прислать Вам его как можно скорее.

*В данном сборнике не публикуется.

Что касается Ваших вопросов о действиях Англии относительно Чехословакии, то мы тоже убеждены в отрицательном отношении англичан к войне в Европе в настоящее время. Поэтому мы верим в добрую волю Лондона быть посредником в Праге. Однако сомнительно, являлся ли британский метод воздействия на Прагу подходящим. Ведь нельзя говорить ребенку «будь послушным» и одновременно обещать ему конфету в случае, если он вообще не будет слушаться. Недавно вновь посетивший меня Гендерсон не отрицал, что чешские экстремисты почувствовали себя в результате таких действий буквально воодушевленными. Правда, по секрету он сказал мне, что Праге дали понять, что никто не собирается покрывать чешскую непреклонность или даже крупные провокации. То же самое относится и к политике Франции в Праге.

Вы, пожалуй, не передавайте Чемберлену сведений, полученных от Гендерсона. Было бы хорошо, если бы он сам подтвердил сказанное Гендерсоном или, еще лучше, повторил бы это публично.

Итак, на Ваш вопрос я еще раз с определенностью подтверждаю, что мы не будем противодействовать английскому нажиму на Прагу и освобождать Англию от этой задачи, которую она сама выбрала и взяла на себя. К тому же англичане и сами вряд ли захотят сойти с однажды выбранного пути. Но мы, как Вы и пишете, не намерены позволить втянуть себя в переговоры в качестве фактора, несущего за них ответственность.

Переговоры Генлейна в Праге должны вестись на основе его карлсбадской речи. Более значительных требований он, пожалуй, выдвигать не будет, так как карлсбадская программа³³ и так довольно обширна. Вряд ли можно надеяться, что Прага ее одобрит. Однако мы не хотим нового кризиса или тем более полного разрыва отношений между Прагой и Генлейном. Мы не собираемся позволять Генлейну диктовать нам условия и тем более время действий.

На Ваш последний вопрос об американском после Кеннеди я хочу ответить в другой раз, чтобы уже иметь возможность сегодня отослать это письмо. Я думаю, что его возьмет с собой д-р Кордт-младший. Он с удовольствием даст Вам все объяснения, какие пожелаете, и сделает это прекрасно.

Вейцзекер

P. S.: Письмо дать г-ну Кордту с собой в Лондон.

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. II, S. 297-298.

38. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена посланнику Германии в Египте В. Ов-Вахендорфу

1 июня 1938 г.

Дорогой Ов!

Благодарю Вас за Ваше письмо от 19 мая*. Ваши политические наблюдения меня живо заинтересовали; они для меня очень ценны, так как они издалека подтверждают здешние наблюдения и даже разъясняют кое-что в здешней обстановке.

Для меня было особенно важно узнать из Вашего письма, что, в общем, в тамошних английских военных кругах царит спокойствие и что военная тревога, державшаяся здесь с 21 по 23 мая, не распространилась на Египет. Вслед за тем и здесь волнение улеглось отчасти под влиянием более правильной оценки нашего поведения, а частью вследствие более скептической оценки чехов и их тревожных сообщений. К сожалению, здешняя Нервозность снова чрезвычайно усилилась в результате поведения английского посольства в Берлине, особенно по вине самого Гендерсона, нервы которого, по-видимому, не выдержали и который рекомендовал дамам берлинского посольства и местным английским журналистам, ввиду критического положения, как можно скорее вернуться в Англию. Это у нас, естественно, произвело неприятное впечатление, как и то, что, с другой стороны, здешние противники Гендерсона в министерстве иностранных дел, воспользовавшись этим, повели против него агитацию в здешней прессе. Было бы очень жаль, если бы дело кончилось устранением этого сторонника примирения, полного решимости активно содействовать ому.

Общее положение относительно Чехословакии оценивается теперь более спокойно. По-прежнему, разумеется, возможны местные инциденты вроде перестрелки в результате провокации с чешской стороны. Если подобного инцидента не будет, то можно надеяться, что англичане, а также и французы не ослабят своего давления на чешское правительство; в таком случае несколько улучшились бы перспективы переговоров с судетскими немцами по вопросу о полной гарантии гражданского равенства и автономии.

Вторым значительным политическим событием прошлой недели были дебаты в палате общин о воздушных вооружениях и о возникшей вследствие этого необходимости преобразования кабинета. С точки зрения отношения к нам они представляли особый интерес, потому что показали исключительную раздражительность и нервозность здешней общественности во всех вопросах, которые касались возможного отставания вооружений по сравнению с нашими. Официальные круги держатся пока еще в сто-

* В данном сборнике не публикуется.

роне от этих течений, и я думаю, что они по-прежнему стремятся к соглашению с Германией. Чехословацкий кризис принес, во всяком случае, ту пользу, что он встряхнул политически мыслящие круги и указал им на опасность войны, связанную с судетонемецкой проблемой; вместе с тем дает себя чувствовать нежелание ввязаться в военную авантюру из-за Чехословакии.

Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 250—254.

37. Из письма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского президенту Чехословакии Э. Бенешу

8 июня 1938 г.

В дополнение к устному отчету, сделанному мной 25 мая в Праге о разговоре посла Кулондра с министром Боннэ и с генеральным секретарем Алексисом Леже, посылаю Вам следующую информацию.

29 мая на мой вопрос относительно его разговоров с послом Кулондром министр Боннэ ответил, что последний уже вернулся в Москву, что Советы хотят, чтобы Франция открыто укрепила с ними свой пакт. Боннэ заметил, что он не желает, чтобы Чехословакия подверглась дальнейшему нажиму из-за Советской России. Поэтому он не хочет, чтобы Чехословакия была втянута в какие-либо франко-советские переговоры. Боннэ уполномочил Кулондра выяснить в Москве, чего там хотят и что могут, и потребовал сделать это очень тактично.

Генеральный секретарь Алексис Леже сказал мне 30 мая, что поездка Кулондра в Париж ничего не изменила во французской политике по отношению к Советской России ни в позитивном, ни в негативном смысле. Министр Боннэ будто бы согласен, чтобы чехословацкий военный атташе в Москве конкретно узнал, что Россия могла бы и хотела сделать в пользу Чехословакии, если бы последняя подверглась нападению. Такую же задачу получит и французский военный атташе в Москве. Это вполне нормально, так как это является обычной функцией военных атташе. Леже не желает, чтобы делалось что-то большее, ибо если дело пойдет дальше, то это скажется на внутренней политике Франции, где по этому вопросу существуют сильные противоречия между правыми и левыми.

Наконец, в субботу 4 июня я разговаривал об этом с Массигли, который сказал мне, что события последних дней между Берлином и Прагой отодвинули в сторону вопрос о Советской России просто потому, что для него не осталось времени. Он считает, что единственно правильным методом являются двусторонние переговоры, т. е. франко-советские и русско-чехословацкие переговоры. Массигли сказал, что было бы плохо, если бы речь шла

о каких-либо общих франко-русско-чехословацких переговорах, которые могли бы быть истолкованы как некий заговор против Германии. [...]

С сердечным приветом преданный Вам

Осуский

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 134—135.

**38. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова полномочному представителю СССР
в Чехословакии С. С. Александровскому**

25 июня 1938 г.

Выступая перед избирателями в Ленинграде с речью о междуна-
родном положении *, я сказал о советско-чехословацком пакте
следующее: «Наши пакты с Францией и Чехословакией, помимо
оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвра-
щение или уменьшение самой опасности войны в определенных
частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехо-
словакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехосло-
вацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наибо-
лее, если не единственно, крупным фактором, разряжающим
атмосферу вокруг Чехословакии. Необходимо сказать, что, обещая
помощь жертве агрессии, Советское правительство не использует
эту помощь в качестве средства давления на эту жертву, с тем
чтобы побудить ее капитулировать перед агрессором и действо-
вать таким образом, чтобы какая-либо помощь ей была излиш-
ней. Наша общая политика мира заставляет нас, естественно, же-
лать, чтобы конфликты, возникающие у Чехословакии с ее сосе-
дями, разрешались мирным путем, но мы строго воздерживаемся
от каких-либо непрошенных советов чехословацкому правитель-
ству, ибо мы верим в его миролюбие и считаем, что оно само яв-
ляется судьей в вопросах, касающихся внутреннего устройства
своего государства, что оно само найдет разумные пределы усту-
пок, совместимых с престижем, суверенитетом и независимостью
государства, что в международном разрезе Чехословакия являет-
ся обороняющейся стороной и что ответственность за последствия
во всяком случае будет нести сторона нападающая». Передайте
это Бенешу и скажите ему, что этими словами я точно определил
наше отношение к чехословацко-германскому конфликту. Ска-
жите ему также, что для проведения этой политики нам очень
важно иметь за собой общественное мнение нашей страны, на ко-
торое, однако, весьма неблагоприятно влияют такие факты, как
фактическое признание чехословацким правительством Франко и
другие подобные факты.

М. Литвинов

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 141—142.

* Выступление состоялось 23 июня 1938 г.

39. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

10 июля 1938 г.

I. В истории германо-английских отношений, пожалуй, еще не было примера, чтобы они в течение такого короткого промежутка времени были предметом столь глубокого обсуждения, хотелось бы почти сказать — были так потрясены, как в течение минувших трех месяцев. Тяжким испытанием для политических отношений послужили аншлюс Австрии и чехословацкий кризис: проблема австрийских долгов поставила на обсуждение вопрос об экономических и финансовых отношениях обеих стран; денонсация Англией соглашения о паспортах поставила под угрозу пассажирское сообщение и тем самым нормальную возможность сближения; военные и экономические приготовления английского правительства к войне, в особенности организация воздушной обороны, вызвали в воображении населения призрак предстоящей в ближайшем будущем войны; по случаю воссоединения Австрии и «дела Нимёллера» снова всплыли полузабытые агитационные комплексы, как еврейский и церковный вопросы. Основы, на которых зиждились германо-английские отношения, пошатнулись: наносимые извне удары стали угрожать им: впервые со времени окончания мировой войны случилось так, что не германо-французский, а германо-английский конфликт (при само собой разумеющемся участии Франции, Чехословакии и т. д.) был ослепительно освещен прожекторами мировой прессы. Это угрожающее миру развитие событий продолжалось несмотря на то, что Германия, даже по суждению своих противников, не совершила ни одного действия, которое могло бы поставить мир под угрозу, и несмотря на то, что в Англии у власти находится кабинет Чемберлена — Галифакса, первым и важнейшим пунктом программы которых была и осталась политика соглашения с тоталитарными государствами.

Анализ причин, вызвавших подобное развитие событий и отыскание средств, могущих устранить это угрожающее положение вещей, становится, таким образом, самой неотложной необходимостью.

II. В качестве наиболее существенных причин подобного развития событий, ведущих к кризису в германо-английских отношениях, могут быть, по моему мнению, названы следующие:

1) За последние месяцы наблюдалась небывалая доньше, лихорадочная, отличающаяся последовательностью деятельность *трех основных движущих сил** — еврейства, Коммунистического Интернационала и националистических групп в отдельных стра-

* Подчеркнуто в оригинале.

нах,— направленная на уничтожение Германии *путем развязывания войны против нее со стороны мировой коалиции* * до того, как она сумеет восстановить свое положение в качестве мировой державы; эти силы давно не действовали с такой последовательностью и лихорадочностью, как в последние месяцы. После целого ряда безуспешных попыток вызвать новую мировую войну, как-то: бомбардировка крейсера «Лейпциг», распространение сенсационных сообщений о немецких намерениях в отношении Марокко, попытки 2-го кабинета Блюма в марте этого года использовать кадровые французские дивизии в Испании,— со стороны тех же сил снова была сделана попытка путем инсценировки чешского кризиса натравить на Германию мировую коалицию. Эти действия подготавливались, сопровождались и после провала заговора были продолжены кампанией в прессе, материал для которой должны были давать возрождение еврейской проблемы в Австрии и церковный конфликт в Германии.

2) Все эти темные махинации нашли тем более благодатную почву в английском общественном мнении, что *аниллюс Австрии* * глубочайшим образом затронул политическое вероисповедание англичан. Снова ожили старые фразы о праве на существование малых народов, о демократии, о Лиге наций, о бронированном кулаке милитаризма, которые взволновали и потрясли рядового англичанина, легко откликающегося на всякую апелляцию к его сентиментальности. Однако гораздо большее значение имел тот факт, что англичане, осуществляющие политическое руководство, вообразили, что их перехитрили в тактическом отношении и что их великодержавным позициям на континенте создалась угроза. Вместе с чисто человеческим стремлением «не дать обмануть себя еще раз» укрепилось политическое решение воспрепятствовать, даже ценой войны, дальнейшим попыткам изменения соотношения сил на континенте без предварительного соглашения с Англией. Это решение впервые было высказано в период чешского кризиса³⁰.

3) К этой общей установке английского общественного мнения прибавилось еще состояние умов, неразрывно связанное в демократической стране с увеличением вооружения. Для устранения оппозиции, для проведения кредитов на вооружения, для обеспечения достаточного количества добровольцев для армии и воздушной обороны нужно было всколыхнуть население. Эта цель могла быть достигнута только в том случае, если бы общественности было не только теоретически доказано наличие угрозы войны, но был бы также показан вполне определенный враг. Все эти соображения и тенденции привели к созданию атмосферы, вызвавшей патологический страх перед возможным нападением возможного врага. И этим возможным врагом могла быть только Германия.

* Подчеркнуто в оригинале.

4) Этот ход событий был ускорен тем, что *весь комплекс германо-английских отношений все более и более тягивался в сутолоку английской внутренней политики* *. Вследствие того что Чемберлен в качестве основной цели своей деятельности поставил достижение соглашения с авторитарными государствами, помимо Лиги наций, и под этим лозунгом вышвырнул Идена, он тем самым, после того как был заключен договор Англии с Италией³⁴, дал возможность своим противникам обратить все свои нападки на германо-английское соглашение, точнее — па его невозможность, сделав из этого важнейшую и ближайшую цель наступления. Ибо отсутствие такого соглашения должно было одновременно свести к абсурду важнейший тезис Чемберлена. Поэтому нападки английской прессы на мнимое насилие над Австрией и на намерения Германии аннексировать Чехию одновременно лили воду на мельницу врагов Чемберлена.

Следующие мотивы внутривнутриполитической тактики оказались решающими для того, чтобы враги Чемберлена избрали в качестве предмета прямого и косвенного нападения именно англо-германские отношения: парламентская оппозиция — лейбористская партия и либералы — в силу довольно сложного развития пришла к тому, что в качестве исходной базы для своих нападков выбрала не внутреннюю политику, а внешнюю. Здесь находился готовый объект для их наступления, на который они могли излить свою ненависть к авторитарному государственному руководству Германии. То же самое можно сказать и в отношении врагов Чемберлена внутри его партии: Идена и группы Черчилля, хотя здесь играли роль совершенно иные причины. Идеи и его сторонники, исходившие из утверждения, что авторитарные государства можно укротить лишь путем непосредственной угрозы войною, плывут в фарватере парламентской оппозиции. Черчилль со своими сторонниками видит самую легкую возможность свалить Чемберлена и самому стать у власти в том, что он избобличает кабинет в нерадивости в деле создания прочной обороны страны против возможных нападений, конечно, со стороны Германии. Само собой разумеется, считают, что это нападение должно произойти с воздуха, т. е. с той стороны, в отношении которой рядовой англичанин стал особенно чувствителен, так же как до войны он был чувствительным ко всему, что было связано с «германским LUXUS-Flotte» **. Поэтому Чемберлен для того, чтобы спастись от атак оппозиции, был вынужден выбросить за борт своих министров авиации Уинтертона и Суинтона; отсюда понятны также и выпад депутата Сандиса против недостаточной подготовки в области зенитной артиллерии. Все эти маневры, по большей части определенные внутренней политикой, в значительной мере пока-

* Подчеркнуто в оригинале.

** «Флот-люкс» — так иронически англичане называли германский флот накануне первой мировой войны.

зали Германию перед сознанием рядового англичанина как вероятного противника, с которым, возможно, вскоре придется сразиться.

Результатом этого внутреннего и внешнего развития германо-английских отношений является тот факт, что взаимоотношения между обеими странами находятся в полной неопределенности. Попытки компромисса, имевшие место в переговорах с осени 1937 г. до 1938 г., были прерваны после заявления, сделанного Чемберленом 23 марта этого года в связи с присоединением Австрии. Из имевшихся двух устоев, на которые даже в критические времена опиралось колеблющееся здание внешнеполитических отношений: экономического соглашения и соглашения об ограничении флотов, экономическое соглашение было подорвано из-за вопроса об австрийских долгах; новое соглашение было, однако, закреплено, оказав благоприятное общее побочное влияние. Соглашение о флотах подвержено изменениям благодаря развитию политики морских вооружений, проводимой великими державами; политическое значение этого соглашения было подорвано распространяющимся в последние годы, и особенно в последние месяцы, в Англии сознанием, что вместо морского флота, возможного противника теперь для безопасности Англии, самым угрожающим фактором стал воздушный флот. Не требуется пространных доводов для того, чтобы понять необходимость добиться общего урегулирования германо-английских отношений для предотвращения такого развития, которое таит в себе серьезную опасность войны.

III. Предпосылки, необходимые для возможности общего урегулирования существующих проблем, возникших между обеими странами, можно обозначить следующими вопросами:

1) Уничтожило или уменьшило развитие событий за последние месяцы готовность кабинета Чемберлена искать компромисса с Германией?

2) Обладает ли кабинет Чемберлена достаточной силой для того, чтобы проводить по отношению к Германии политику компромисса?

К первому вопросу: шок, явившийся следствием присоединения Австрии, как известно, вызвал реакцию, однако он был сравнительно быстро преодолен. Ошибки английской внешней политики, сделанные во время чешского кризиса, очень скоро были восприняты как таковые, и были предприняты шаги для того, чтобы преодолеть их признанием доказанной лояльности Германии, молчанием в ответ на яростные нападки германской прессы, дружественным по отношению к Германии выступлением Галифакса в палате лордов, выступлением Галифакса в духе германской точки зрения в королевском институте международных отношений, речью Чемберлена в Кеттеринге и выступлением Галифакса перед представителями прессы 11 июля*.

* Так в тексте.

Из всех этих высказываний ответственных государственных деятелей Англии, которые были подкреплены и разъяснены в беседах со мной, ясно видно неизменное желание соглашения с Германией, правда, с усиливающейся тенденцией передать инициативу возобновления этих переговоров Германии. По времени эта готовность пойти на компромисс совпадает с известным прояснением в чехословацком вопросе.

Этот вопрос в Лондоне желают изъять в качестве очага новой мировой войны из области непосредственной опасности, хотя бы посредством временного и пробного соглашения между судетскими немцами и чехословацким правительством, прежде чем приступить к такому далеко идущему новому политическому начинанию, как попытка соглашения с Германией.

Ко второму вопросу: кабинет Чемберлена в течение последних месяцев подвергался все усиливавшемуся наступлению своих противников, причем ему не удалось достигнуть соответственно убедительных успехов. Единственное крупное достижение — соглашение с Ирландией — замалчивается. Англо-итальянский договор³⁴ до сих пор не вступил в силу, так как условие, касавшееся событий в Испании, не было выполнено. Принятие плана прочесывания * также не могло быть представлено в качестве успеха, так как выполнение его является вообще сомнительным и в лучшем случае потребует срока в несколько месяцев. Отношения с Германией, которая все больше и больше заподозревается и поносится оппозицией и прессой, были напряженными все это время, и не могло быть и речи о том, что достигнуто какое-то соглашение. Внешнеполитическая программа Чемберлена, целью которой являлось достижение соглашения с тоталитарными государствами, ни в коем случае не имела полного успеха; в лучшем случае появились векселя с сомнительной оплатой кредитору; с другой стороны, кабинет получил несколько болезненных ранений в результате нападков оппозиции: министры авиации Уинтертон и Суинтон должны были быть выведены из состава кабинета для того, чтобы избавить правительство от упрека в недостаточной активности в деле воздушных вооружений. Конфликт между Сандисом и Хор-Белиша, возникший из-за нарушения военных тайн или парламентских привилегий, в лучшем случае — ремиз **. Высказывания Чемберлена относительно аграрных возможностей и ограничений Англии рассердили английских сельских хозяев, т. е. ядро консервативных избирателей. Однако, несмотря на все нападки, представляется невероятным, что правительству будет угрожать серьезная опасность до летних каникул. Каникулярные месяцы, если они протекут без опасных моментов во внешней политике, принесут успокоение. К имеющемуся в широчайших

* План удаления иностранных добровольцев из республиканской армии и так называемых «добровольцев» из франкистской армии.

** Remise — повторный предупреждающий укол в фехтовании.

кругах избирателей доверию к неподкупной личности и к твердой руке Чемберлена прибавится сознание того, что среди оппозиции нет ни одного человека, равного ему. В широких массах английского народа имеется и является популярным желание добиться соглашения с Германией.

После нескольких месяцев более спокойного развития Чемберлен вместе с Галифаксом будут иметь как решимость, так и обеспеченность с точки зрения внутренней политики, чтобы взяться за последнюю и наиболее важную задачу английской политики — за достижение соглашения с Германией.

IV. Резюмируя, можно установить, что:

1) Германо-английские отношения в их совокупности находятся в неопределенном положении и крайне напряженны. Они нуждаются в урегулировании — по крайней мере в попытке урегулирования, — если должно избежать того, чтобы у английского правительства (настоящего или будущего) укрепилось убеждение, как это было перед 1914 г., в том, что предпосылкой безопасности Британской империи является сокрушение Германии при помощи мировой коалиции.

2) Настоящее английское правительство в качестве первого послевоенного кабинета сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы; поэтому данное правительство по отношению к Германии проявляет такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков. Это правительство обладает внутривластной силой для разрешения этой задачи. Оно приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги наций в этом же смысле, целесообразности двусторонних переговоров и договоров. Германия встречает со стороны этого правительства возрастающее понимание в отношении своих требований по вопросу о судетских немцах. Оно было бы готово принести большие жертвы во имя удовлетворения других справедливых немецких требований *при одном** только условии, что к этим целям будут стремиться мирными путями. В случае, если Германия использует военные средства для достижения этих целей, Англия, без сомнения, решится на войну на стороне Франции. Военные приготовления для этого достаточно продвинулись, приготовления военно-экономического характера также; идеологическая подготовка английского народа на этот случай, как показали последние месяцы, также закончена; пробная политическая мобилизация в период чешского кризиса доказала, что и внешнеполитическое развертывание сил** завершено, по меньшей мере, в масштабе мировой коалиции 1914 г.

* Подчеркнуто в оригинале.

** В оригинале: «ausserpolitischer Aufmarsch».

3) Поэтому самой безотлагательной задачей нашей внешней политики будет попытка добиться соглашения с Англией, как только в ближайшие месяцы создадутся подходящие для этого предпосылки.

Дирксен

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, с. 145—156.

40. Запись беседы члена парламента Великобритании У. Черчилля с руководителем фашистской организации в Данциге А. Форстером

14 июля 1938 г.

После обычного вступления я заметил, что рад тому, что в Данциге не введены антисемитские законы. Г-н Форстер сказал, что еврейский вопрос в Данциге не стоит остро, однако он старался разузнать, явится ли этот вид законодательства в Германии препятствием для достижения взаимопонимания с Англией. Я ответил, что это — вредное подстрекательство, но, поскольку понятны его причины, это, вероятно, не будет абсолютным препятствием для делового соглашения. Он, по-видимому, придавал большое значение этому пункту и несколько раз возвращался к нему в дальнейшем ходе беседы.

Г-н Форстер спросил меня, бывал ли я когда-нибудь в его краю, и предложил мне побывать там. Я ответил, что если я поеду в Польшу, то я заверну в Данциг. Затем он стал настаивать на том, чтобы я поехал в Польшу через Германию, чтобы встретиться с Гитлером. Я ответил, что едва ли может быть польза от разговора между всемогущим диктатором и частным лицом, и спросил, не явятся ли август и сентябрь нездоровыми * месяцами для посещения Германии. Он ответил, что в Германии никто не думает о войне, что перед ними ** стоят колоссальные социальные и культурные задачи, которые потребуют многих и многих лет для своего осуществления, что партийный съезд состоится в сентябре и что не может быть речи ни о каких инцидентах или серьезных осложнениях в это время. Когда мы еще раз вернулись к этому пункту, г-н Ное, переводчик Форстера, сказал, что ситуация сходна с 1914 г., когда никто в Германии не думал о войне, а в Англии вое боялись войны. На это я ответил, что, к несчастью, мы оказались правы.

Г-н Форстер спросил, какие же причины имеются для войны, в ответ на что я указал на положение Чехословакии. Здесь должно быть найдено какое-то решение, и я сказал ему, что по впечатлению, вынесенному мною в результате бесед с Генлейном и Масариком, это, пожалуй, окажется возможным даже в рамках

* В оригинале: «ungesunde».

** Так в тексте.

чехословацкого государства. Я заверил его, что Англия и Франция приложат все усилия, чтобы уговорить пражское правительство дать свое согласие, однако он заметил на это, что влияние Москвы побудило чехословацкое правительство в последнее время вновь занять более непримиримую и беззащитную позицию. Форстер спросил, что произойдет, если чехи откажутся последовать советам Англии и Франции? На это я ответил: я уверен в том, что они это сделают *. Он заявил несколько колко, что надеется, что это скоро произойдет.

Я заметил, что я не верю, будто Германия действительно боится России, на что он ответил, что имеются точные сведения о наличии русских аэродромов в Чехословакии, с которых в течение 30 минут может быть произведен налет на Берлин. Я ответил, что, по моему мнению, было бы вполне возможно включить в общеевропейское соглашение пункт, обязывающий Англию и Францию прийти Германии на помощь всеми своими силами в случае, если бы она явилась жертвой неспровоцированного нападения со стороны России через Чехословакию или каким-либо иным образом. Он спросил, кому надлежит определять, кто является агрессором. На это я ответил, что агрессором будет считаться та нация, которая первой насильственно переступит границы другой нации.

Я сказал, что от Гитлера зависит заслужить неувядаемую славу и принести огромную пользу Германии и всему миру, избавив нас от тяготеющего над нами страха перед войной. Он сказал, что Гитлер не раз предлагал разоружиться при соответствующих мероприятиях других наций; что они сами безуспешно предпринимали попытки одностороннего разоружения и что Германия не может оставаться страной второго разряда при угрозе нападения со стороны вооруженных до зубов соседей. Я сказал, что мы во всяком случае могли бы попытаться достигнуть соглашения в отношении правил ведения воздушной войны, на что он ответил: Гитлер предлагал уничтожить бомбардировщики, но не получил никакого ответа; если надо вновь возбудить этот вопрос, то первый шаг должна была бы сделать Англия.

Я сказал: я не являюсь противником мощи Германии, и большинство англичан желает, чтобы Германия заняла свое место в качестве одной из двух или трех руководящих держав мира; мы не стали бы препятствовать и мирному постепенному росту германского торгового влияния в Дунайском бассейне, но всякая насильственная акция почти неизбежно приведет к мировой войне. Положение все ухудшается. Все страны растрачивают свои средства на вооружение. Мы построили заводы даже в Канаде, так что на третьем или на четвертом году войны мы могли бы располагать неограниченным количеством самолетов. От Гитлера зависит рассеять нависшие тучи. Мы поможем ему в этом.

* Так в тексте.

Г-н Форстер сказал, что он не видит никакого реального основания для конфликта между Англией и Германией; если бы только Англия и Германия договорились друг с другом, они могли бы поделить между собою весь мир. (Переводчик счел за лучшее это последнее замечание мне не переводить.)

Визит закончился повторением приглашения посетить Гитлера и вопросом, смогу ли я приехать, если получу официальное приглашение; на это я дал уклончивый ответ.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 159—163.

41. Из письма посланника Чехословакии во Францию III. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии

22 июля 1938 г.

[...] Начиная со вторника германское посольство в Париже и его каналы распространяют сообщения о том, что Германия готова вести переговоры с Францией и Англией и договориться с ними, но в чехословацком вопросе Гитлер не пойдет ни на какие уступки. Поскольку, таким образом, Чехословакию представляют в качестве препятствия на пути этой новой германской инициативы, то не только во французской и английской печати, но и во французских политических кругах с вечера среды начинают вновь проявляться античехословацкие настроения. Я не скрываю своей уверенности, что, когда Германия твердо убедится в том, что ее предположения относительно Франции и Англии не осуществились, она будет искать выход и из своей политики в отношении Чехословакии. Когда затем она перенесет свою политику относительно Чехословакии в область отношений с Англией и Францией, то это будет иметь, с одной стороны, положительные, а с другой стороны — отрицательные моменты. Если бы чехословацкое правительство уже разрешило судетский вопрос, то перенесение чехословацко-германских отношений в область международной политики было бы только выгодно. Однако, поскольку этот вопрос в Чехословакии пока не разрешен, существует опасность, и, я бы сказал, совершенно очевидная, что урегулирование взаимоотношений внутри Чехословакии станет объектом компенсационной торговли в переговорах Германии с Англией и Францией. Англичане и французы, поскольку они поддерживали и защищали нас, будут присваивать себе право рекомендовать нам, как мы в Чехословакии должны решить этот вопрос. Вот почему следует ожидать, что нажим Англии и Франции на Чехословакию будет становиться тем более сильным и значительным, чем решительнее Германия будет ставить урегулирование судетского вопроса условием возвращения Германии к политике переговоров с

Францией и Англией. Вот почему я считаю, что для чехословацкой дипломатии и политики наступают трудные времена.

Осуский

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 150—151.

42. Письмо младшего статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вермана миссиям Германии в Румынии и Югославии

25 июля 1938 г.

Из доверительного источника нам стало известно об имевшем место несколько недель тому назад случае, относящемся к позиции Румынии в вопросе пропуска советских войск через румынскую территорию.

Согласно этому сообщению, французский министр иностранных дел, стремясь возможно сильнее подчеркнуть трудности политического положения Чехословакии, сказал чехословацкому посланнику в Париже, что г-н Комнен лично заявил ему, что Румыния никогда не допустит прохода советских войск через свою территорию. Г-н Боннэ будто бы добавил, что Румыния сделала такого рода заявления в Берлине и Варшаве. После этого чехословацкий министр иностранных дел якобы телеграфировал г-ну Комнену, что он понимает позицию Румынии в этом вопросе, но удивлен тем обстоятельством, что Комнен должен был сделать такое заявление в Берлине. В своем ответе г-н Комнен будто бы оспаривал, что им в Берлине было сделано подобное заявление. Он сказал, что никто не может потребовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск. Румыния знает, па чьей стороне она будет в случае войны. Это объяснение якобы удовлетворило г-на Крофту.

Как нам стало далее известно из доверительных источников, югославский премьер-министр будто бы имеет в виду во время сессии совета Малой антанты²¹ в Бледе посоветовать г-ну Комнену сделать Германии заявление по вопросу о возможном проходе советских войск через Румынию.

Прошу это сообщение по ознакомлении уничтожить.

По поручению (младший статс-секретарь)
В[ерман]

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 164—169.

43. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

11 августа 1938 г.

Многоуважаемый г-н министр,

Со времени Вашего проезда через Берлин 5-го сего месяца, когда я имел честь устно изложить Вам ход развития судетского вопроса, как он мне здесь представлялся, я получил ряд сведений, бросающих дополнительный свет на этот вопрос.

Интересным является мнение английского посла, который в своих суждениях проявляет большую независимость. На днях он высказался перед одним из моих коллег в том смысле, что он считает, что премьер Чемберлен принял на себя очень большую ответственность, посылая лорда Ренсимена³⁵ в Прагу. Посол особенно подчеркнул, что миссия Ренсимена расценивается английской стороной самым серьезным образом и что здесь речь идет не о кратковременном и малозначащем соглашении, а о принципиальном решении вопроса. Если бы лорд Ренсимен, несмотря на все свои усилия, не достиг соглашения, то стало бы ясным, что вина за этот неуспех легла бы на чехов и что немцы оказались бы правы, утверждая, что из-за неуступчивости чехов успешным будет единственное средство — применение силы.

Посол дал понять, что в этом случае английское правительство сняло бы с себя дальнейшую ответственность. Мне также известно, что сэр Невиль оказывал влияние на румынского и югославского посланников в смысле оказания давления со стороны их правительства на Прагу. Это он делал, как сам подтвердил, на собственную ответственность, без инструкции своего правительства. По более поздним сведениям стало известно, что как Бухарест, так и Белград должны были сделать представления Праге, склоняя чешское правительство к уступкам.

Далее я имел возможность беседовать с американским послом Вильсоном после его возвращения из Варшавы и Праги. Так как он знает Бенеша продолжительное время, еще когда он был посланником в Швейцарии, президент Чешской Республики пригласил его на беседу. Посол Вильсон сказал мне, что в отличие от прошлого времени, когда Бенеш был весьма уверен в себе, в настоящее время он похож на человека, который ищет выхода, находясь под сильным давлением.

Отрицая утверждение, что якобы от него исходило главное сопротивление удовлетворению требований в отношении Судетов, Бенеш подчеркивал свои мирные намерения. Отмечая, что он готов пойти на предоставление местного самоуправления в рамках национальных курий, Бенеш указал, что он не мог бы согласиться на требования территориального самоуправления Судетов.

На мой вопрос посол Вильсон пояснил также, что Бенеш не согласился бы признать судетских немцев народом, имеющим соб-

ственную государственность *. Американского посла удивил далее тот факт, что, несмотря на то что авторитетные деятели в Праге отдают себе отчет в серьезности положения, широкая масса этой опасности недооценивает.

В конце беседы г-н Вильсон, оговаривая, что это является лишь его личным мнением, отметил, что у него сложилось впечатление, что выбор лорда Ренсимена, принадлежащего к либеральной партии, был сделан Чемберленом, исходя из внутриполитического положения в Англии, а может быть, и во Франции.

На вчерашнем приеме у итальянского посла в честь маршала Бальбо я имел возможность обменяться мнениями с генерал-фельдмаршалом Герингом. Геринг сказал, что он хотел бы в самое ближайшее время обстоятельно поговорить со мной и обсудить при этом — конечно, как обычно, в конфиденциальном и неофициальном порядке, возможности дальнейшего польско-германского сближения в некоторых вопросах. Он сослался на возможность взаимного прекращения шпионской деятельности и на возможность известного обмена информацией относительно русской и чешской проблем.

Относительно русской проблемы он в общих чертах сказал, что она после решения чешского вопроса станет актуальной. Он вернулся к своей мысли, что в случае советско-польского конфликта Германия не могла бы остаться нейтральной, не предоставив помощи Польше. Он опроверг слухи, что якобы Германия хотела идти на Украину, подчеркивая, что заинтересованность рейха сконцентрирована прежде всего на том, чтобы положить конец большевистским действиям.

Тем не менее Польша, по его мнению, может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине.

В этом месте беседы я информировал Геринга о переговорах вице-министра Шембека с Комненом, во время которых последний категорически высказался против пропуска Советских [Вооруженных] Сил через территорию Румынии. Геринг с удовлетворением принял это заявление.

Когда я спросил его о судетском вопросе, Геринг выразился таким образом, что дело идет к концу. Он считает, что чешское государство прекращает существование как образование, слепленное из самых различных национальностей: немцев, словаков, венгров, русин и, наконец... некоторого количества чехов. Геринг, между прочим, напомнил, что приближается момент, когда необходимо будет принять решение и прийти к соглашению по этой проблеме. По мнению Геринга, западные державы начинают отдавать себе отчет в сложившейся невыносимой обстановке. Англия осуществляет посредничество, как он выразился, скорее для проформы. Основные расчеты чехов опираются на отношения Праги с Советами.

* В оригинале: «Staatsvolk».

Делая эти высказывания, Геринг — и это я считаю очень характерным — отметил, что *итальянцы не допустят того, чтобы в случае конфликта из-за судетского вопроса рейх был атакован Францией* *.

При создавшемся положении, в связи с посредничеством лорда Ренсимена, скорым приездом в Германию регента Хорти и вышеприведенными заявлениями Геринга относительно того, что судетский вопрос подходит к кульминационному пункту, я счел возможным сделать шаг вперед по сравнению с тем, о чем говорилось до сих пор в беседе с Герингом. Я подчеркнул, что уже во время Парижской конференции чехи в своей политике стремились к получению общей границы с Советами, непомерно растягивая свою территорию вдоль нашей южной границы. Это лишило нас непосредственной границы с Венгрией, что противоречит польско-венгерским интересам, опирающимся на вековые традиции обоих государств. *Геринг ответил, что он понимает необходимость общей польско-венгерской границы* *.

Дальнейший обмен мнениями с Герингом касался уже только нескольких вопросов о наших непосредственных отношениях, в частности о наших сезонных рабочих, производительность труда которых генерал-фельдмаршал очень высоко ценит и количество которых он хотел бы еще увеличить на будущий год. Мы также затронули счастливо закончившиеся польско-германские экономические переговоры и соглашение о социальном страховании.

На этом же приеме я имел короткую беседу со здешним венгерским посланником. Затронув вопрос о визите в рейх регента Хорти, я сказал, согласно указаниям г-на министра, что я был бы очень счастлив, если бы мог выразить свое уважение регенту во время его пребывания в Берлине. Посланник Стояи, приняв это с удовлетворением, подчеркнул, что, вероятнее всего, Хорти примет меня 24 августа.

В дальнейших высказываниях я подчеркнул, насколько важен настоящий момент для наших взаимоотношений, добавив, что Варшава и Будапешт находятся в постоянном контакте. Отметив, что говорю в частном порядке, я выразил некоторые опасения, как бы при обсуждении судетского вопроса не были бы обойдены венгерские и польские интересы в Чехословакии. Посланник согласился с этим мнением.

Далее я отметил, что рассматриваю миссию Ренсимена с определенным скептицизмом, так как Прага не пожелает принять основных требования относительно Судетов. Я, однако, добавил, что пока не вижу также и ясно выраженной германской линии. Поэтому я полагаю также, что в наших интересах было бы заранее принять необходимые меры. Посланник Стояи согласился с этим. Он усиленно подчеркивал необходимость для Венгрии опоры на Польшу. Тем не менее у него проявлялась нотка неуверен-

* Подчеркнуто в оригинале.

ности, например, когда он выразил опасения в отношении позиции Югославии и сопротивления Румынии возможным советским требованиям в отношении пропуска войск.

На основании вышеприведенных высказываний, которые я имел возможность дополнить авторитетными данными, полученными в результате продолжительной беседы с Герингом, вырисовывается следующая картина:

германское правительство не верит в успех миссии Ренсимена, а более радикальные элементы, к которым я отношу также генерал-фельдмаршала Геринга, считают, что без применения силы этот вопрос решен быть не может. Если Бенеш действительно отклонит требования, касающиеся немцев и территориальной автономии, то достижение соглашения кажется более чем сомнительным, разве что Англия поставит перед Чехословакией альтернативу — либо принять германские требования, либо же Англия устранилась и оставит Чехословакию один на один с рейхом. Можно считать, что после этого наступит кризис. Канцлер Гитлер, как я вновь слышал из нескольких надежных источников, для внешнего мира подчеркивает, что он из-за судетского вопроса войны не развяжет. Такая позиция канцлера, впрочем, отвечает широкому общественному немецкому мнению — кроме фанатической части партии и молодежи, — которое с беспокойством следит за возможностью международных военных осложнений. Такие сведения поступают ко мне со всей страны.

У старшего поколения, безусловно, играют роль воспоминания о проигранной великой войне, несмотря на отличнейшую подготовку в 1914 г. Однако лихорадочные действия развиваются планомерно для страховки рейха на случай конфликта с Западом, что выражается в строительстве укреплений, проводящемся с максимальным напряжением материальных и человеческих ресурсов.

Я желал бы здесь обратить внимание на связи между итальянскими и германскими военными кругами, которые за последнее время стали очень интенсивными, и для примера напомним лишь о последнем визите начальника итальянского генштаба генерала Париани и нынешнем визите маршала Бальбо. Кроме вышеприведенного высказывания Геринга о возможности нападения Италии на Францию в случае германо-чешского конфликта из-за Судетов, позволю себе здесь обратить внимание на достаточно характерный отрывок из речи маршала Бальбо, произнесенной им в ответ на выступление Геринга 10-го сего месяца:

«Германия и Италия останутся непобедимыми, если они, руководимые Бенито Муссолини и Адольфом Гитлером, будут соображать проводить свою политику».

Примите и проч.

Ю. Липский

**44. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова полномочным представителям СССР
в Германии А. Ф. Мерекалову, в Чехословакии
С. С. Александровскому**

22 августа 1938 г.

Сегодня перед своим отъездом в Штутгарт и Нюрнберг мне нанес прощальный визит германский посол. Он усиленно стремился свести разговор к чехословацкой проблеме, пытаясь выяснить настроения Чехословакии, Англии, Франции и СССР. У меня создалось впечатление, что он имел специальное задание от своего правительства. Поэтому я твердо говорил ему, что чехословацкий народ, как один человек, будет бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли этого Чемберлен или нет, не сможет оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией.

М. Литвинов

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI. с. 447.

**45. Запись беседы советника министерства иностранных дел
Великобритании Ф. Эштон-Гуэткина с руководителем
судето-немецкой партии в Чехословакии К. Генлейном ***

22 августа 1938 г.

Во вступлении Э. сказал К. Г. несколько любезностей. За день до этого он был на райхенбергской ярмарке и в Бад-Либверде. Население очень сердечно приветствовало их, и они вновь могли убедиться, как население предано К. Г. С чешской стороны уже было заявлено, что г-н Ренсимен находится под слишком сильным влиянием К. Г. На г-на Ренсимена и на его сотрудников судетские немцы произвели наилучшее впечатление.

Вначале разговор вращался вокруг отдельных проблем, причем К. Г. еще раз изложил свой взгляд на возможности разрешения судето-немецкого вопроса:

1. Решение, к которому до сего времени стремились чехи, а именно уничтожение всего, что есть германского в Судетской области.

2. Предоставление полной автономии.

3. Плебисцит и уступка территории.

Разговор перешел на тему о необходимости неотложных мероприятий для создания более благоприятной атмосферы. К. Г.

* При переводе сохранены сокращенные обозначения фамилий, имеющиеся в оригинале: Э.— Эштон-Гуэткин, К. Г.— Конрад Генлейн, Б.— Бенеш, Р.— Ренсимен.

видит эту возможность только в том случае, если правительство проведет примерно следующие распоряжения:

1. Немедленное устранение чешской государственной полиции и введение вновь общинной полиции.

2. Строгое запрещение преследования судетских немцев за их национальную принадлежность и за политическую деятельность.

3. Строгое наказание злоупотреблений чиновников, военных и полиции.

4. Запрещение всякой травли в прессе и травли пограничного населения*.

5. Немедленное начало перевода немецких чиновников в немецкую область.

6. Немедленное устранение невыносимой цензуры.

Э. спрашивает, должен ли Р., который в ближайшие дни будет у Бенеша, запросить его, каковы его конкретные предложения (англичане в это время уже узнали об известном предложении В. через профессора Зандера**).

К. Г.: было бы во всяком случае очень интересно узнать это.

Э. выразил мнение, что им было бы приятнее всего, если бы Бенеш сам выступил с приемлемым предложением.

К. Г. указывает еще раз на то, что речь идет не только о судето-немецкой проблеме, но и о германо-чехословацких отношениях. Он еще раз обстоятельно проиллюстрировал проявление неискоренимой враждебности к немцам со стороны чехов и давление, которое чехи оказывают на судетских немцев, остающихся верными своей нации. Нет ни малейших признаков того, что чехи одумаются.

Э. спрашивает: если на будущей неделе чехи не проявят намерения пойти навстречу, готов ли тогда К. Г. *позондировать почву у фюрера, желательна ли еще до партийного съезда встреча**** английских представителей с фюрером, во время которой был бы поставлен на обсуждение не только чехословацкий вопрос?

К. Г. спрашивает, какие возможные пункты для обсуждения, кроме этого, он имеет в виду.

Э.: он не может этого сказать с определенностью, но предполагает *соглашение в области авиации, колониальный вопрос и соглашение по вопросам вооружения****.

К. Г.: он будет всю будущую неделю в разъездах и раньше чем через неделю не сможет поехать в Германию. Эту поездку можно намечать только в том случае, если ее желает английское правительство.

Э.: об этом он еще сообщит ему, так как он предполагает в ближайшие дни поехать в Лондон.

* В оригинале: «Grenzlerhetze».

** В оригинале: «uber Univ. Prof. Sander erfahren».

*** Подчеркнуто в оригинале.

23.8 вечером после беседы, которую Ренсимен имел с Бенешем, Э. позвонил Гогенов по телефону и просил его организовать на воскресенье, 28 августа, встречу между Ренсименом, им и К. Г. в Ротенхаузе.

24.8 Э. вылетел в Лондон.

На прощание собеседники обещали вскоре увидиться снова.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1, в. 183—186.

46. Письмо советника посольства Германии в Великобритании Т. Кордта статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру

23 августа 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н фон Вейцзекер!

В приложении Вы найдете подробную запись беседы, которую я имел сегодня с довереннейшим сотрудником Чемберлена, сэром Хорасом Вильсоном*. О положении, которое занимает здесь сэр Хорас, Вам, конечно, уже сообщил г-н фон Дирксен. Хорас Вильсон считается одним из самых влиятельных людей в английском правительстве. Он не любит выступать публично. Установлено, что Невиль Чемберлен советуется с ним во всех делах. Вильсон — человек, которому противно все показное, и он внушает уважение каждому, кто входит с ним в общение. Он является воплощением идеала Мольтке: «Быть больше, казаться меньше».

В результате этой беседы у меня сложилось впечатление, что англичане ясно представляют себе непрочность положения в Чехословакии. Они, несомненно, готовы также сделать все от них зависящее, чтобы удовлетворить наши желания, по, конечно, за плату: они хотят избежать военного разрешения вопроса, и не последнюю роль играет здесь то, что они сами чувствуют, что должны будут бороться за безнадежное, в сущности, дело. Сэр Хорас говорил о возможности передать фюреру через особого уполномоченного британского правительства предложение о более широком мирном разрешении вопроса. Но одновременно он сказал, что всякие усилия в этом направлении бесполезны, если соответствуют действительности слухи, циркулирующие в Лондоне и на континенте, будто мы уже установили срок вторжения в Чехословакию. Я обратил внимание сэра Хораса в особенности на то, сколь необходимо теперь, чтобы английское правительство ясно высказывалось и действовало. Бенеш и его люди не должны находиться под впечатлением того, что прежняя обманная политика может и в дальнейшем проводиться, опираясь на британскую нерешительность.

* В данном сборнике не публикуется.

Согласно данным мне указаниям, я *не** упоминал о плебисците в Судето-немецкой области как о возможном выходе. Но по ходу всей беседы у Вильсона не могло остаться ни малейшего сомнения, что мы никогда не согласимся с таким решением вопроса, при котором это государство сохранилось бы нетронутым в его нынешней форме.

Т. Кордт

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 35—37.

47. Запись беседы советника посольства Германии в Великобритании Т. Кордта с советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном

23 августа 1938 г.

Сегодня в квартире г-на Конвелл-Эванса у меня была обстоятельная беседа с сэром Хорасом Вильсоном о комплексе германо-английских отношений. Беседа началась с обсуждения событий чехословацкого кризиса 20 и 21 мая с. г.³⁰ Я указал сэру Хорасу на то, что в эти дни чешская пропаганда ввела британское правительство в заблуждение. В ответ на ложные сообщения о германской мобилизации чехословацкое правительство тоже объявило мобилизацию. Позднее британское правительство убедилось, что в сообщении о германской мобилизации не было ни одного правдивого слова. Оно распространило или, по крайней мере, допустило распространение в мире мнения, что его резкий тон и решительные действия предотвратили мировую войну. Сэр Хорас должен признать, что подобный образ действий является нечестным. Он напоминает об одной истории из книги «Мысли и воспоминания», в которой Бисмарк рассказывает о визите Горчакова в Берлин. Сразу же после своего прибытия Горчаков произнес фразу: «Теперь мир обеспечен». Бисмарк охарактеризовал это примерно такими словами: он не любит, когда кто-то прыгает ему сзади на плечо, чтобы устроить на нем цирковое представление. Такая же ситуация наступила в конце недели в результате кризиса.

Сэр Хорас ответил на это, что британское правительство хочет в первую очередь предотвратить решение чешского вопроса путем силы. Правящие деятели Германии провозглашали после присоединения Австрии, что теперь на очереди вопрос о судетских немцах, который должен быть решен таким же методом. Нельзя обвинять британское правительство в том, что оно было начеку перед лицом таких заявлений. Если кто-нибудь сидит с зажженной сигарой у бочки с порохом, беспокойство вполне оправдано. В действительности британское правительство хотело вместе с

* Подчеркнуто в оригинале.

французским правительством только предотвратить развязывание войны. Однако через несколько дней после инспектирования британским военным атташе в Берлине германо-чешской границы оно было вынуждено констатировать, что во всех этих слухах не было ни одного правдивого слова.

Затем разговор перешел на миссию Ренсимена. Сэр Хорас подчеркнул, что Ренсимен не представляет никаких докладов о своей деятельности. Тем самым он хочет с согласия британского правительства показать, что является в своей деятельности независимым посредником и исследователем. На мой вопрос сэру Хорасу, думает ли он, что миссия Ренсимена будет иметь успех, он ответил: Ренсимен сделает все возможное, чтобы сблизить позиции обеих стран. Тем не менее не исключено, что в конце концов между ними окажется такая пропасть, через которую невозможно будет перекинуть мост. Я сказал сэру Хорасу, что успех на пройденном до сих пор пути кажется мне невозможным. Чехословакия будет отказываться сделать необходимые признания до тех пор, пока не будет уверена, что может в любом случае рассчитывать на поддержку обеих западных держав. Вера в эту поддержку является, по-моему, главным препятствием на пути разумного решения вопроса о судетских немцах и чехословацкого вопроса вообще. Возрождение сильной Германии и тем более присоединение Австрии в корне изменило положение Чехословакии. В период с 1918 по 1938 г. Франция считала, что Чехословакия и вообще Малая антанта²¹ являются безотказным средством для укрощения Германии. Но основанная на этом французская политика провалилась. Было бы иллюзией воображать, что Чехословакия может оставаться «шипом в немецком теле». Ее искусственно созданное могущество рухнуло перед лицом новой реальной действительности. Она похожа на надувную подушку, из которой постепенно выходит воздух. Искусственные конструкции такого рода, к счастью, нельзя увековечить, и можно надеяться, что после провала политики какого-то Бенеша, из недр чехословацкого народа выйдет государственный деятель, который укажет своей нации путь в лучшее будущее. К г-ну Бенешу и его методам у нас нет никакого доверия. Он пытался в течение двадцати лет вводить нас в заблуждение. Нас совершенно не устраивает, что Чехословакия благодаря своим связям с Советской Россией стала форпостом наступления на Германию. Связи с Советской Россией и Францией должны прекратиться, только в этом случае мы видим возможность мирного урегулирования с чехословацким народом. Место чехословацкого народа не на стороне врагов Германии, а на стороне ее друзей. Здесь английской политике предоставляется возможность подлинно конструктивной деятельности на благо европейского мира.

Сэр Хорас слушал с большим вниманием. Он ответил, что о такой политике с Англией вполне можно говорить. Необходимо только, чтобы мы с нашей стороны не сделали эту политику

невозможной внезапным применением силы. Мои рассуждения о неестественности и бессмысленности настоящего положения Чехословакии ему вполне понятны. Если здесь есть возможность решить вопрос средствами мирной политики, то английское правительство готово участвовать в переговорах по этому поводу. Он спросил меня, будет ли фюрер рассматривать такое решение чехословацкой проблемы как начало дальнейших переговоров в более широком масштабе. Фюрер в беседе с одним англичанином, кажется это был лорд Галифакс, употребил образное высказывание о том, что европейская культура зиждется на двух столпах, которые надо соединить друг с другом мощным сводом; этими столпами являются Великобритания и Германия. Действительно, Германия и Англия — две страны, в которых царит образцовый порядок и наилучшее правление. Эти страны построены на национальном принципе, который избран самой природой как единственно возможный принцип человеческого сосуществования. Противоположность этому — большевизм означает анархию и варварство. Было бы величайшим безумием, если бы эти две ведущие белые нации уничтожили друг друга в войне. От этого выиграл бы только большевизм.

Затем Вильсон перешел к немецкой политике на Юго-Востоке. Конструктивное решение чешского вопроса мирными средствами освободило бы дорогу к свободной политике на Юго-Востоке. Он сам не относится к тем, кто придерживается мнения, что Германия хочет навести порядок на Юго-Востоке и затем захватиться для уничтожающего удара по Британской империи. Он видит в этих областях такое широкое поле деятельности для Германии, что лучше и придумать трудно. Балканские страны явятся естественными потребителями немецких товаров и, с другой стороны, выгодными поставщиками необходимого Германии сырья. Стоит ли посылать индейского петуха из Будапешта в Лондон, когда его лучше поставить в Берлин. Англия не намерена препятствовать германской экспансии на Юго-Востоке. Она только желает, чтобы и для ее торговли там не закрывались двери. Ведь есть такие товары, которые Германия не в силах поставлять в Балканские страны. На эти виды товаров Англия хочет сохранить свой приоритет в балканской торговле. Капиталовложения, которые Англия сделала там недавно, ни в коей степени не являются мерой борьбы с германской экономикой. Англии пришлось убедиться в том, что страны испытывают нужду в капиталах, и поэтому было решено осуществить там соответствующие капиталовложения. Оживление их экономики пойдет на пользу и Германии. Совершенно так же обстоят дела в Китае по отношению к Японии, которая претендует на 80% всей китайской внешней торговли. Только оставшиеся 20% Англия хочет оставить за собой.

При прощании сэра Хорас сказал мне, что беседа была для него весьма полезной. Он обсудит с премьер-министром весь этот

комплекс вопросов. Может быть, Англия возьмет инициативу в свои руки. Я сказал ему, что дело так или иначе движется к концу. Если Англия согласна участвовать в разумном решении чехословацкого вопроса и тем самым в установлении германо-английского взаимопонимания, то пусть действует быстро. Сэр Хорас ответил на это, что хотя и нельзя помешать лорду Ренсиму в его работе над начатым делом, но он позаботится о том, чтобы британское правительство было готово к тому моменту, когда миссия Ренсима потерпит крах.

Т. Кордт

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945». Serie D, Bd. 11, S. 484-486.

48. Письмо посланника Чехословакии в Германии В. Мاستного в министерство иностранных дел Чехословакии

24 августа 1938 г.

Французский посол, пригласивший меня вчера на ужин, весь вечер убеждал меня, что Гитлер готовит военное нападение на Чехословакию и намерен осуществить его, вероятнее всего, во второй половине сентября или в начале октября. Гитлеру нельзя верить, как бы торжественно ни провозглашал он свое миролюбие. Это настоящий человеконенавистник, жаждущий отомстить за 21 мая³⁰. Финансово-экономическое положение Германии с каждым днем становится все хуже. Четырехлетний план Геринга безнадежен. Недовольство в народе растет. Уже сегодня видно, что режим испытывает значительные трудности. Именно нападение на Чехословакию должно стать выходом из этого положения. Кампания против Чехословакии не преследует цель оказать давление на урегулирование вопроса с судетскими немцами, она проводится Германией исключительно как подготовка к тому, чтобы снять с себя ответственность. Направляемая из Берлина подрывная работа, которая проводится в Чехословакии, имеет целью вызвать гражданскую войну и затем спровоцировать призывы генлейновых о помощи и необходимости «операции по спасению». Гитлер намерен довести урегулирование с судетскими немцами ad absurdum. Акция Ренсима не может достичь цели. При этом Гитлер убежден, что Англия не вступит в войну ради Чехословакии. Германия понимает, что при нынешнем положении она не может слишком долго откладывать свои намерения и поэтому ей необходимо действовать как можно быстрее. Нападение, очевидно, будет осуществлено огромными силами. Чехословакия, по мнению Понсэ, не сможет сопротивляться более двух недель и потерпит поражение раньше, чем Франция сможет оказать какую-либо действительную помощь. Однако если Чехословакия будет обороняться в течение месяца, то это приведет к мировой войне, в ходе которой

Чехословакия будет разбита и уничтожена раньше, чем будут проведены какие-либо крупные акции.

В нынешней ситуации у Чехословакии есть только один разумный путь к сохранению нерушимости границ — это не играть на руку Германии, не идти в западню, а сделать максимальные уступки судетским немцам путем признания равноправия всех национальностей, предоставить немцам такую автономию, которую бы признал или рекомендовал лорд Ренсимен. Только в этом случае можно рассчитывать на Англию, и только так можно расстроить планы Гитлера, вероятнее всего, лишить его возможности в войне искать выхода из положения, которое начинает расшатывать его режим. Худшее, что может постигнуть Гитлера,— это его падение в условиях мира. Действительно, генералы отговаривают Гитлера от войны, действительно, значительно большинство народа не желает войны и боится ее, но лишь потому, что боится Англии. Однако как только эта боязнь отпадет — а именно к этому стремится режим,— то и армия будет вынуждена согласиться с решением Гитлера, о чем позаботятся Геринг и Риббентроп, и солдаты послушно пойдут на осуществление этой молниеносной акции. Положение в высшей степени опасно, и поэтому необходимо, чтобы уже в ближайшие дни было достигнуто какое-либо урегулирование или еще до открытия съезда в Нюрнберге были приняты возможные предложения лорда Ренсимена.

Я воспроизвожу высказывания французского посла, с которыми далеко не во всем согласен, однако я полностью согласен с тем, что еще до открытия съезда в Нюрнберге нужно в принципе принять возможные предложения лорда Ренсимена, ибо, по моему мнению, только таким путем можно убедить Англию более решительно выступить на нашей стороне, иначе довольно быстро может разразиться катастрофа, которую Франсуа-Понсэ в отличие от меня считает абсолютно неизбежной и близкой. Различие во мнениях, таким образом, состоит в следующем: я считаю, что Гитлер пока еще не пришел к окончательному решению, однако он готовится в случае необходимости нанести удар в любой момент; между тем французский посол убежден, как он заявляет, что нападение произойдет в любом случае в сентябре или в октябре, если в результате своевременных энергичных и быстрых действий у Гитлера не будет вырвана инициатива. При этом Франсуа-Понсэ не слишком склонен верить, что само по себе присутствие лорда Ренсимена в Чехословакии дает какие-либо гарантии безопасности. Он как раз считает, что призывает о помощи со стороны судетских немцев может вызвать вмешательство Германии. В остальном, что касается моих взглядов, я ссылаюсь на свои прежние сообщения.

Мастный

49. Письмо временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта послу Германии в Великобритании Г. Дирксену *

29 августа 1938 ?.

Глубокоуважаемый г-н посол!

На протяжении почти 48 месяцев своего пребывания на фронте я довольно часто и подолгу бывал на передовых позициях во Фландрии, в Шампани, на Эн и на Сомме, командуя ротой в одном из самых боевых пехотных полков старой армии, а потому мне хорошо известно, что кругозор командира фронтовой части не позволяет судить о ходе всего сражения. Но насколько я могу видеть с занимаемой мною здесь в настоящее время позиции, через бойницы и оконную стереотрубу, а также судить на основании донесений постов наблюдения и личной разведки, передвижение и состояние подготовки на расположенной против меня позиции настолько важны, что мне хотелось бы об этом Вам сообщить.

За последние недели, и особенно за последние дни, положение здесь еще более обострилось. Неопровергнутые сообщения о числе резервистов, призванных в Германии под знамена, в высшей степени резкие выпады прессы против Чехословакии, слухи о сроке, который якобы установило германское правительство для вступления в Чехословакию,— все это, снабжённое отчасти тревожными, отчасти подстрекательскими комментариями прессы — от левой до правой включительно,— положило конец искусственному спокойствию, о котором я сообщил Вам в письме от 11-го сего** месяца. На примере «Таймс», который Вы, конечно, читаете, Вы можете судить, насколько острее реагирует теперь общественное мнение по сравнению с недавним прошлым. Я прилагаю при сем вчерашнюю воскресную статью Гарвина в «Обсервере», в весьма сдержанном языке которой звучит большая тревога. Хотя, как Вы знаете, Гарвин ни в коей мере не отражает взглядов большинства британского общественного мнения, все же я склонен считать на основании бесед, которые я имел, что он довольно правильно представляет точку зрения сторонников Чемберлена.

Из речи Саймона явствует, что британское правительство все еще питает иллюзии относительно возможности разрешения чехословацкой проблемы путем компромисса. Сэр Джон Саймон является как раз одним из главных представителей того типичного для британцев умонастроения, которое предпочитает гнилой компромисс прямому решению вопроса, если это решение сопряжено с принятием на себя какой-либо ответственности.

Тем не менее я имею основание предполагать, что британское правительство готово пойти навстречу нашим желаниям, насколько это только возможно. Но для этого оно должно знать наши желания. Здесь все больше убеждаются в том, что мы не удовлетво-

* В это время Г. Дирксен находился в Германии.

** В данном сборнике не публикуется.

римся тем, что судетским немцам будет предоставлена автономия, а будем стремиться к разрешению проблемы в более широком смысле. У меня нет указаний по этому вопросу; я располагаю лишь телеграфным указанием младшего статс-секретаря от 17 августа *, согласно которому, исходя из различных соображений, мы не можем принять идею плебисцита.

Завтра днем состоится заседание кабинета, на котором, по-видимому, будут присутствовать все члены кабинета, кроме лорда Стэнли, находящегося в Канаде. Печать теряется в различных догадках о решениях, которые могут быть приняты на этом заседании. Информация, переданная министерством иностранных дел прессе для руководства, производит не очень отрадное впечатление; впрочем, я должен оставить открытым вопрос, не является ли все это блефом. Бесспорно лишь одно: что при господствующем сейчас настроении правительству не будет стоить особого труда убедить всю британскую общественность в необходимости войны с Германией. Уже долгое время здесь уделялось значительное внимание вопросу об ответственности за войну в случае возникновения подобной катастрофы. Было бы безрассудно упускать это обстоятельство из виду.

В общем я руководствовался в своих беседах точкой зрения, изложенной в инструкции г-на рейхсминистра от 2 августа с. г.; в серьезности положения англичане не могут сомневаться.

Я отдаю себе отчет, что сказанное мною передает только то, что можно наблюдать с передовой позиции. Но, может быть, и это сообщение будет принято в какой-либо мере во внимание при выработке основы тех решений, которые теперь должны быть приняты.

Я должен добавить еще об одном важном наблюдении. Целую неделю нет никаких нападков на Чемберлена. В британской общественности начинает возникать чувство солидарности, которое всегда проявлялось в серьезные моменты английской истории. Я вспоминаю 1914 год, когда консерваторы отказались от уже принятого решения о вооруженном сопротивлении политике хом-руля ** правительства Асквита, «чтобы Англия могла говорить и действовать с авторитетом единой нации» (Керзон в палате общин, август 1914 г.).

На этом я должен кончить.

Остаюсь с наилучшими приветами...

Всегда преданный

Ваш *Т. Кордт*

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II с. 38—42.

* В данном сборнике не публикуется.

** От «home rule» (англ.) — самоуправление — лозунг, выдвинутый в процессе борьбы за автономию Ирландии, ставший обозначением самоуправления в системе Британской империи.

50. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР 3. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии

29 августа 1935 г.

Чилстон сказал мне, что недавно он вновь выяснял, какие действия предпримет СССР в случае конфликта, и получил очень позитивный ответ, что СССР свои обязательства выполнит. Он чрезвычайно тепло говорил о ЧСР. По его мнению, в случае германской агрессии вспыхнет всеобщий конфликт. Он посоветовал Галифаксу сблизиться с Москвой как с искренним поборником мира, но при этом сетует на кампанию в советской печати против Англии.

Фирлингер

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 181.

51. Из письма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии

81 августа 1938 г.

Вся информация, которую получает французское министерство иностранных дел, а особенно информация из Германии, сходится в том, что германские лидеры готовятся предпринять решительные действия и вмешательство в середине сентября; об этом можно судить не только по высказываниям руководящих деятелей по чехословацкому вопросу, но и по военным приготовлениям, которые всемерно форсируются. Попытаюсь сделать краткий обзор отдельных сообщений и событий за прошлую неделю, подтверждающих эту точку зрения.

Сообщения Кэ д'Орсэ, полученные из английских источников, указывают, что Гитлер намерен окончательно разрешить судето-немецкий вопрос до конца сентября и заставил рейхсвер согласиться на решение вопроса силой оружия. Поскольку, однако, рейхсвер опасается, что конфликт не удастся ограничить Чехословакией и Германией и может вспыхнуть европейский и даже мировой пожар, в котором Германия потерпит поражение, рейхсвер ищет выход и способ уладить дело так, чтобы нападение на Чехословакию можно было преподнести как помощь и защиту судетских немцев, которых чехословацкое правительство и население притесняют и жестоко преследуют. Таким образом, судя по аналогичным сообщениям, которые Кэ д'Орсэ получает с разных сторон и из разных источников, Германия разработала доктрину и тезис о неспровоцированном нападении на Чехословакию и все свои нынешние действия подчиняет этой доктрине. Согласно некоторым сообщениям из Берлина, у Кэ д'Орсэ есть основания полагать, что немцы намерены всеми силами попытаться организовать в ЧСР агитацию и вызвать там беспорядки, чтобы затем в нужный

момент судетские немцы попросили Гитлера о помощи и вмешательстве.

Однажды Геринг в беседе с французским послом Франсуа-Понсэ высказал свое убеждение в том, что после того, что Ренсимен предложит свое посредничество и план решения су-детского вопроса, Чехословакия определенно допустит какие-либо ошибки, которые Германия сможет использовать затем для соответствующих и решительных действий против нее, тем более что Англия не будет серьезно защищать Чехословакию. [...]

Осуский

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 184—185.

52. Письмо временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордга послу Германии в Великобритании Г. Дирксену *

1 сентября 1938 г.

Глубокоуважаемый г-н посол!

Глубоко благодарен Вам за Ваше любезное письмо от 24 прошлого месяца, полученное мною со вчерашней почтой. Тем временем и Вы, вероятно, получили мое письмо от 29 прошлого месяца **.

С дальнейшим обсуждением ноты Франко здесь, кажется, не хотят спешить. Лорд Плимут меня еще не приглашал с тех пор, как в конце прошлой недели он уехал в свое имение. Однако с понедельника он снова в Лондоне. Между тем я получил указание предоставить инициативу полностью англичанам. Возможно, у нас удовлетворятся поездкой Хемминга для разъяснения неясностей, но мне предписано и в этом вопросе пока оставаться слушателем.

Ввоз товаров тех категорий, которые упомянуты в Вашем письме, за последнюю неделю значительно возрос. Я полагаю, пора продумать весьма энергичные меры, которые могли бы затормозить этот ввоз. По моему убеждению, эти мероприятия не терпят отлагательства. То, что можно было предпринять отсюда, — сделано. Я уделяю этому вопросу исключительное внимание.

О заседании кабинета, упомянутом в моем последнем письме, я послал в министерство иностранных дел приложенное в копии телеграфное донесение. По мнению англичан, новые чешские предложения соответствуют тому, что здесь понимают под «home rule» **. *. Они удовлетворяют якобы семи из восьми карлсбадских требований³³.

Далее я посылаю Вам в порядке строго доверительного ознакомления копию записи беседы с нашим другом ****, которую я

* В это время Г. Дирксен находился в Германии.

** См. док. № 49.

*** — самоуправление (см. с. 140).

**** Подразумевается сэр Хорас Вильсон (см. с. 134). См. док. № 47.

послал г-ну статс-секретарю частным письмом. Я получил от г-на фон W. * подтверждение получения этого письма с замечанием, что моя аргументация в вопросе о том, как англичанам следовало бы действовать в отношении Чехословакии, полностью соответствует тому, что он сам сказал бы в подобном положении. Письмо гласит далее:

«Что касается более общих германо-английских переговоров, Вы, в Лондоне, само собой разумеется, также не должны занимать совершенно отрицательную позицию и не должны разрушать надежду, которую питают некоторые англичане на такие переговоры. Однако Я при этом всегда выдвигал бы на передний план то положение, что без урегулирования жгучего чешского вопроса не может быть и речи об обсуждении перспектив более широкого характера».

Нет необходимости, г-н посол, мне Вам говорить, что позиция нашего друга ** нетипична для позиции британской общественности. С другой стороны, я не сомневаюсь, что Чемберлен приложит все усилия, чтобы достигнуть соглашения с нами, даже если британское общественное мнение и будет чинить ему все мыслимые затруднения. Чемберлену потребовалось бы большое мужество, чтобы посоветовать Чехословакии в корне изменить ее политику по отношению к Германии. Но взрыв негодования в общественном мнении столь же мало удержал бы его от преследования цели, признанной им правильной, как мало удержало бы это его отца 39 лет назад. Беседа состоялась в исключительно дружественной атмосфере. W. *** явно был взволнован (насколько англичанин вообще может проявить такие чувства), когда он в конце пожал мне руку и сказал: «Если мы вдвоем — Великобритания и Германия — договоримся относительно урегулирования чешской проблемы, то мы просто устраним сопротивление, которое могли бы оказать Франция и сама Чехословакия этому решению вопроса».

Я полагаю, что важнейшие из еще предстоящих Вам бесед состоятся только после 5-го сего месяца. Так как я не знаю, как г-н фон W. **** использовал мою запись, я бы Вас попросил не делать ее предметом этих бесед, пока на это не будет разрешения г-на фон W. Иначе могло бы легко случиться, что из-за непредвиденного г-ном фон W. использования ее содержания возникнут недоразумения и затруднения.

Т. Кордт

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 43—48.

* Очевидно, от. Э. Вейценера.

** Карандашом после слов «нашего друга» вписано между строками слово «Hogaz». Очевидно, «наш друг» — Хорас Вильсон.

*** По-видимому, имеется в виду Вильсон.

**** По-видимому, имеется в виду Э. Вейцекер.

**53. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова полномочному представителю СССР
в Чехословакии С. С. Александровскому**

2 сентября 1988 г.

Французский поверенный в делах Пайяр по поручению Бонне поставил мне сегодня официально вопрос, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии. Я напомнил Пайяру, что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей помощи, в то время как наша помощь обусловлена французской, и что поэтому мы имеем большее право интересоваться помощью Франции. К этому я добавил, что при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути. Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии. Это и предусматривается советско-чехословацким пактом. Во всяком случае, такое решение Лиги облегчит наши действия. Ввиду того что аппарат Лиги наций может быть пущен в ход очень медленно, было бы, по нашему мнению, необходимым теперь же предпринять необходимые меры, на что в случае наличия угрозы войны дает право ст. И³⁶ Устава Лиги. На высказанное Пайяром сомнение в возможности единогласного решения я сказал, что даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в особенности если с большинством стала бы согласна и сама Румыния.

Что касается определения конкретной помощи, мы считаем для этого необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий. Трудно представить себе общую защиту Чехословакии тремя государствами без предварительного обсуждения практических мер их военными экспертами. Мы готовы участвовать в таком совещании.

Необходимо, однако, использовать все средства предупреждения военного столкновения, а для этого мы сейчас же после аншлюса Австрии рекомендовали созвать совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира. Мы считаем, что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры. Необходимо, однако, действовать быстро, прежде чем Гитлер окончательно ангажируется.

Информируйте Крофту о вышеизложенном.

М. Литвинов

5 4 . Из телеграммы временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонна

2 сентября 1938 г.

[...] Я вновь задал г-ну Литвинову вопрос в соответствии с Вашей телеграммой № 502 *. Народный комиссар прежде всего подтвердил свои предыдущие принципиальные заявления, в соответствии с которыми СССР намерен выполнить всеми возможными средствами обязательства, вытекающие из его пакта с Чехословакией, при условии, что Франция не нарушит своих обязательств. Перед тем как продолжить, он выразил пожелание ознакомиться с мерами, которые мы намерены принять в рамках наших обязательств. Я ответил, что не время вновь поднимать этот вопрос, что я придерживался общеполитических проблем, по которым наша позиция была четко определена, и в связи с этим я просил уточнить его собственную позицию. Г-н Литвинов указал мне, что, учитывая негативные отношения Варшавы и Бухареста, он видит только один практический выход: обратиться в Лигу наций. Далее он упомянул, исключая априорное толкование, о возможности насильственного прохода советских войск, в нарушение женеvских решений, через территорию Польши и Румынии. По его мнению, следовало принять все меры, чтобы совет Лиги наций был немедленно уведомлен и женеvский механизм смог сработать в момент совершения агрессии. Совершенно исключая из своих расчетов добрую волю Польши, он, наоборот, считает, что рекомендации в пользу Чехословакии, даже если они и будут поддержаны простым большинством членов совета [Лиги наций], могли бы оказать положительное психологическое воздействие на окончательную позицию Румынии, которая обеспокоена активностью гитлеризма.

В этой связи он отметил, что г-н Комнен заявил в Блде г-ну Крофте, что хотя у Румынии и были возражения против прохода советских войск, то она все же могла бы закрыть глаза на пролет над ее территорией самолетов. В этом он видит признак того, что Бухарест несколько ослабил свое сопротивление.

В то же время г-н Литвинов напомнил мне, что после аншлюса он в одном из интервью призывал к созыву конференции государств, заинтересованных в сохранении мира. Говоря о своем стремлении избежать войны, он просил меня обратить внимание Вашего превосходительства на то, что, по его мнению, представляло бы интерес, чтобы его предложение было... ** в такой форме, которая, насколько это возможно, отражала бы срочный характер вопроса, до того как Гитлер... ** общественный провал, полностью поставить в чехословацком вопросе на карту свой престиж. Он считает, что консультация заинтересованных государств (в частности,

* В данном сборнике не публикуется.

** Пропуск в тексте оригинала.

Франции, Англии и СССР), за которой последует торжественное и категорическое заявление, может остановить Гитлера, основывающего все свои расчеты на двойной гипотезе — «что Франция выступит, но только если это сделает Англия; и что Англия не выступит вообще».

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2 série (1936—1939). Paris, 1976, т. X, p. 934—935.

55. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Фракции в СССР Ж. Пайяром

5 сентября 1938 г.

Пайяр сказал, что зашел ко мне после встречи с Фирлингером. Последний передал ему содержание моих сообщений 6 заявлении, сделанном наркомом в ответ на вопрос, официально поставленный перед ним Пайяром по поручению Боннэ. В передаче Фирлингера имелись пункты, которые Пайяру хотелось бы еще уточнить, дабы внести в понимание ответа наркома полную ясность. Пункты эти следующие:

1. Нарком указывал на желательность, в случае угрозы нападения Германии на Чехословакию, немедленного созыва совета Лиги наций согласно ст. 11 Устава. Пайяр вспоминает, что он указал наркому на сомнительность единодушного решения совета по вопросу о признании Германии агрессором. На это нарком возразил, что достаточно было бы положительного решения большинства, чтобы произвести надлежащее воздействие на международное общественное мнение и, быть может, заставить Румынию и Польшу изменить свою нынешнюю позицию в отношении советской помощи Чехословакии. Пайяр спросил, правильно ли он воспроизвел эту часть заявления наркома?

Я ответил, что он совершенно точно изложил сущность ответа, данного ему наркомом по этому вопросу. Я добавил, что и в Париж, и в Прагу мы телеграфно передали как вопрос французского правительства, так и ответное наше заявление. Пайяр выразил по этому поводу свое удовлетворение.

2. Для предупреждения военного конфликта правительство СССР предлагает созыв совещания трех держав — СССР, Франции и Англии. Пайяр хотел бы знать, возможно ли организовать такое совещание в Женеве во время сессии совета или Ассамблеи Лиги?

Я ответил, что это совещание трех держав предлагалось правительством СССР без уточнения места и времени. Мы считаем, что о том и другом легко было бы договориться, если бы имелось принципиальное согласие всех трех держав на организацию упомянутого совещания.

3. По вопросу о конкретных формах помощи Чехословакии в ответе Советского правительства предлагался созыв совещания представителей генштабов Франции, СССР и Чехословакии. Пайяр осведомляется, представляем ли мы себе такое совещание с непременным и одновременным участием представителей всех трех поименованных стран?

Я ответил, что точный смысл нашего ответа именно таков. Я должен сказать, что с трудом мог бы себе объяснить, почему было бы предпочтительнее вместо совещания соответствующих представителей трех стран ограничиться попарными консультациями.

4. Пайяр спросил, какую позицию занял бы СССР, если бы Чехословакия подверглась нападению Польши? Я напомнил Пайяру, что точно такой же вопрос применительно к позиции Франции мы ставили французскому правительству. Мы знаем, что Франция обязана по договору оказывать помощь Чехословакии против любого агрессора. Что касается СССР, то формально условия советско-чехословацкого пакта не обязывают нас к оказанию помощи Чехословакии в случае нападения на нее Польши. Само собой разумеется, что, не принимая на себя формально обязательства такой помощи, СССР вовсе не лишил себя тем самым права принимать по своему усмотрению то или иное решение, если Польша нападет на Чехословакию.

Пайяр спросил, кого из глав иностранных миссий в Москве мы осведомили о запросе французского правительства и данном на него ответе.

Я сказал, что такую информацию я дал только Фирлингеру. Если бы к нам обратился английский посол, я счел бы целесообразным сообщить и ему о вышеупомянутых переговорах. Пайяр полностью с этим согласился. Что касается Румынии и Польши, то он высказался за то, чтобы не посвящать их в это дело.

В. Потемкин

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 192—193.

56. Донесение временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонна

5 сентября 1938 г.

В своем сообщении от 29 августа * я пытался уточнить на основе сведений, полученных из [народного] комиссариата иностранных дел, распространившиеся за границей слухи относительно демарша посла Германии, который его правительство якобы поручило ему сделать г-ну Литвинову в связи с чехословацкими событиями. Граф фон дер Шуленбург действительно встречался 22 августа с народ-

* В данном сборнике не публикуется.

ным комиссаром*»; кроме того, за два дня до этого он к тому же виделся с г-ном Потемкиным**»; в разговоре с обоими собеседниками он касался вопроса Судетов. Речь при этом идет не о демаршах как таковых, предпринятых по инструкциям, а просто о беседах, состоявшихся в обычных рамках миссии информации и связи главы дипломатического представительства.

Тем не менее направление, которое придали этим беседам посол Германии, а также использованные им формулировки представляют определенный интерес в той мере, в какой они выражают озабоченность и повторяют основные установки правительства Берлина. В свою очередь решительные ответы г-на Литвинова помогают прояснить позицию Советского правительства.

В общих чертах я уже сообщал в министерство иностранных дел о дискуссии, развернувшейся между народным комиссаром и послом. Вот некоторые дополнительные детали, которые я получил если не из официальных, то по крайней мере из наиболее надежных полуофициальных источников.

На вопрос графа фон Шуленбурга о возможной позиции СССР в случае конфликта и о том, какой, по его мнению, могла бы быть позиция великих западных держав, народный комиссар ответил в целом так: «Во всяком случае, если между Германией и Чехословакией вспыхнет война, агрессия может быть предпринята только со стороны рейха. В таком случае совершенно ясно, что Франция не останется в стороне и что за ней последует Англия. И действительно, британскому правительству больше некуда отступить, даже если этого и хотел бы г-н Чемберлен. Советский Союз обещал свою помощь Чехословакии. В рамках своих обязательств он сдержит свое слово до конца».

На повторный вопрос посла, действительно ли г-н Литвинов считает, что великие державы будут воевать во имя чехов, г-н Литвинов ответил: «Они будут сражаться не из любви к чехам, а за могущество, влияние и равновесие сил. Что касается Советского Союза, то он не принимал никакого участия в создании чехословацкого государства; однако он сейчас должен противостоять любому подъему гитлеровской Германии, вдохновляемой духом агрессии и готовой всегда прибегнуть к силе. Несомненно, СССР занял бы в этом кризисе совершенно иную позицию, если бы все еще существовала прежняя веймарская демократия; Советский Союз ведь всегда выступал за принцип осуществления права народов распоряжаться своей судьбой».

«Претензии Судетов, — продолжал комиссар, — на создание национал-социалистского анклава внутри чешского государства

* Информацию наркома иностранных дел СССР т. Литвинова о встрече с г-ном Шуленбургом см. «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 447.

** Запись беседы зам. наркома иностранных дел СССР т. Потемкина с г-ном Шуленбургом см. «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 440-443.

наталкиваются к тому же на логическую неосуществимость. Они означали бы желание заставить сосуществовать в одной стране монархию и республику».

Граф фон дер Шуленбург попытался дать ответ на этот аргумент, цитируя целый ряд примеров, взятых из истории Германии.

Г-н Литвинов повторил затем заявление, которое, как нам известно, уже было сделано г-ну Кулондру: «На наш взгляд, вопрос Судетов является внутренним вопросом Чехословакии, и мы не давали и не будем давать никаких советов на этот счет». Он закончил: «Ни при каких условиях чехи не нападут на Германию». На это посол ответил: «Этого нельзя предсказать; мы стремимся к мирному решению, но, разумеется, мы не можем согласиться на все». Затем он процитировал заявление чешских офицеров-резервистов, выступающих против любых уступок, и сказал, что если правительство Праги придерживается подобной точки зрения, то это похоже на провокацию.

После того как г-н Литвинов повторил, что чехи не будут провоцировать немцев и что, учитывая обстоятельства, в случае конфликта агрессорами можно было бы считать только немцев, граф Шуленбург настойчиво продолжал: «Мы хотим мирного решения, но вы ошибаетесь, когда утверждаете, что в любом случае мы явемся агрессором, поскольку чехи могут предпринять провокацию. Мы не можем все сносить от них».

Я посчитал необходимым изложить с некоторыми подробностями беседу между г-ном Литвиновым и графом фон дер Шуленбургом, потому что, на мой взгляд, она ясно характеризует позицию той и другой сторон. Советы не витают в облаках, они не прячутся за дымовой завесой идеологии и ясно понимают, что если им придется сражаться, то это произойдет из-за сложившегося соотношения сил, а также чтобы сорвать растущие экспансионистские устремления, жертвой которых они опасаются однажды стать. Если проанализировать все средства, которые СССР, с учетом его географического и дипломатического положения, сможет мобилизовать, чтобы прийти на помощь чехам, то вряд ли можно ставить под сомнение его твердое намерение полностью выполнить свои обязательства, если при этом он будет чувствовать достаточную поддержку со стороны Запада и если при этом не будет слишком ослаблена оборона его собственной территории. Чехословакия — это один из внешних бастионов СССР. Заинтересованность Советского Союза в ее защите представляется наилучшим залогом искренности его намерений.

Что касается германской стороны, то беседа между Литвиновым и Шуленбургом продемонстрировала явный цинизм правительства рейха и одновременно его желание укрыться от враждебных ему великих держав, в надежде расколоть их, за аргументом, в качестве которого он хотел бы использовать чешскую «провокацию». Берлин к тому же подразумевает этот термин в самом широком его значении. По терминологии графа фон дер Шулен-

бурга, в качестве провокации рассматриваются не только действительные шаги, которые можно было бы поставить в упрек Чехословакии, но даже отсутствие любых новых уступок.

И это точно соответствует духу германской политики, одновременно динамичной и субъективной, которая, живя за счет осуществления в будущем своих желаний и считаясь только с собой, предъявляет претензии каждому, кто мешает ее собственному развитию.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1930». 2 serie (1936—1939), t. XI, p. 16—18.

57. Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты посланникам Чехословакии во Франции и Великобритании Ш. Осускому и Я. Масарику

7 сентября 1938 г.

Г-н президент сообщает для вашего сведения.

1. Предложения, с которыми правительство обратилось к су-
дето-немецкой партии, были приняты под непреодолимым нажи-
мом Англии и Франции. Являясь с политической точки зрения, а
иногда и по форме чрезмерным и ошибочным, он, по-видимому,
приведет к пагубным последствиям. В будущем указанные пред-
ложения могут оказать отрицательное воздействие на развитие
республики, и особенно на ее внутреннее развитие. Необходимо
напрячь все силы, чтобы этого не произошло, чтобы воспрепятст-
вовать этому всюду, где только представится возможность. В пред-
ложениях не содержится ничего, что в нормальных условиях могло
бы создать угрозу государству. Однако при нынешнем положи-
нии ими могут злоупотребить. Следовательно, с трудностями еще
далеко не покончено.

2. Президент обратил внимание посланника де Лакруа на от-
ветственность Англии и Франции за дальнейшее развитие и под-
черкнул, что это могло бы поставить под угрозу мощь, боеспособ-
ность и мобилизационные возможности государства. Впрочем, он
указывал на это неоднократно и в условиях осуществлявшегося
ранее нажима и настаивал, чтобы все было доведено до сведения
правительства. На этот раз он также потребовал, чтобы Париж
предпринял демарш в Лондоне. В последнее время на все выше-
сказанное обращалось также внимание английского посланника и
лорда Ренсимена.

3. Президент предоставляет вам настоящую информацию, что-
бы вы могли использовать ее по своему усмотрению в своих бесе-
дах.

Крофта

Печат. по изд.: «Документы по истории
мюнхенского сговора», с. 196—197.

58. Записка начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена

9 сентября 1938 г.

Сохранение чехословацкого государства представляет, с точки зрения Франции, определенный интерес в случае военных действий в Европе.

Уже своим местоположением Чехословакия действительно является препятствием для планов германской экспансии на Востоке и, кроме того, с точки зрения стратегической чехословацкая армия достаточно сильна, чтобы отвлечь на себя в Центральной Европе значительную часть германской армии, тем самым ослабив ее на других театрах военных действий.

1. Чехословакия — препятствие для «Drang nach Osten» *.

Оккупация Германией Богемии и Моравии привела бы к весьма значительному увеличению германского военного потенциала (захват заводов Шкода, заводов в Брно и т. д.).

Исчезновение Чехословакии полностью подготовило бы Германию к захвату сельскохозяйственных и промышленных богатств Венгрии и Румынии.

Более того, оно открыло бы ей проход к портам Черного моря; оно позволило бы ей создать исключительно благоприятную исходную «военную карту».

2. Чехословацкая армия в общей военной схеме Европы. Это единственная армия в Центральной Европе, которая заслуживает наименования «армия Запада»; она располагает как подготовленным личным составом, так и современным вооружением, созданным на отечественной территории.

Имея 17 пехотных дивизий, число которых может быть быстро удвоено, и 4 механизированные дивизии, она может вынудить ввести в действие на военном театре Богемия — Моравия минимум 15—20 германских дивизий.

Отсюда — соответствующее ослабление германских сил на Западном фронте, более надежная возможность для Франции принять необходимые меры по обеспечению безопасности и выигранное время для создания «коалиции». В то же время — более значительные для Германии трудности в распространении своего маневра на Запад (операции в Швейцарии, Бельгии или Нидерландах) и в создании других отдаленных театров военных действий (Испания, колонии и т. д.).

Наконец, Чехословакия опасна для Германии и своими аэродромами; такая опасность, правда, зависит в основном от действий воинских частей, прибывших для подкрепления чешской авиации, ввод в действие которых, впрочем, должен быть тщательно подготовлен, чтобы можно было рассчитывать на определенный минимум эффективности.

* — натиск на Восток (нем.).

Такова роль Чехословакии с военной точки зрения. В прилагаемой записке * рассматриваются территориальные и военные условия, наличие которых представляется необходимым для того, чтобы новая Чехословакия могла бы продолжать играть эту роль; в записке рассматриваются также общие условия ведения боевых действий чехословацкой армией.

Во всяком случае, сохранение чехословацкого могущества представляет первостепенный интерес для Франции, равно как и для Малой антанты²¹, и, можно даже утверждать, для Польши.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2 serie (1936—1939), т. XI, p. 106-107.

59. Письмо посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии

13 сентября 1938 г.

Позиция Советского Союза в вопросе частичной мобилизации, проведенной в Чехословакии 21 мая 1938 г.³⁰, определяется общими взглядами Советского правительства и советской общественности на внешнюю политику и на ход международных событий в Европе в последние несколько лет. Советский Союз, в частности, полагает, что в отношении государств, имеющих агрессивные намерения против своих соседей либо вообще против других государств, нельзя проводить политику соглашательства или политику уступок, поскольку любой факт соглашательства эти агрессивные государства сочтут проявлением слабости и никакая уступка не удовлетворит их аппетиты; наоборот, каждая уступка будет для них лишь подтверждением полезности и целесообразности их политики агрессии и угроз и приведет к дальнейшему росту их требований.

Советский Союз противопоставляет политике соглашательства и уступок политику энергичного отпора; этот отпор, учитывая силу агрессора, не может быть оказан каким-либо отдельным государством, поскольку сегодня для этого его сил вряд ли хватило бы. Поэтому, по мнению Советского Союза, всем государствам, выступающим за мир, против войны, необходимо объединиться и совместными действиями принудить агрессора отказаться от войны как средства осуществления своих целей.

По этой причине советская печать, например, систематически выступала с довольно резкой критикой в адрес Англии, упрекала и упрекает ее за неустойчивую линию во внешней политике.

* В данном сборнике не публикуется.

Что касается 21 мая, то советская точка зрения состоит примерно в следующем: своевременная мобилизация, проведенная Чехословакией почти в самый последний момент, воспрепятствовала нападению Германии на Чехословакию, предотвратив тем самым войну в Центральной Европе и, может быть, войну европейскую. Чехословакию в то время поддержали также ее союзники — Франция и Советский Союз, а сотрудничество Англии и Франции в тот период было искренним и тесным. Это второй фактор, названный Советами «функционированием системы коллективных действий по сохранению мира», который в то время способствовал устранению угрозы войны.

Фирлингер

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 209—210.

60. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР

14 сентября 1938 г.

Сегодня видел Блонделя и Хвалковского. На основе имеющейся у них информации и собранных нами данных позиция Италии в судетском вопросе рисуется в следующем виде: 1. Муссолини, несущий груз испанской интервенции, не покоренной еще Абиссинии, испытывающий громадные внутренние затруднения, хочет избежать участия в войне в пользу Германии, которая после аншлюса в Италии особенно непопулярна и грозила бы крахом режима. 2. Муссолини, однако, находится под нажимом Гитлера и связан в своих действиях. Гитлер, весьма недовольный первым итальянским коммунике, запоздало отразившим его первоначальные, а ныне выросшие аппетиты, 12-го прислал сюда принца фон Гессена (который привозил его личные письма Муссолини в момент аншлюса). В результате переговоров Гессена с Чиано Муссолини вынужден был солидаризироваться с требованием о плебисците. 3. Здесь абсолютно уверены, что Франция и Англия на войну не пойдут и заставят Прагу капитулировать. В качестве возможного временного компромисса указывают на карлсбадскую программу³³, дополненную отставкой Бенеша. Характерно, что, по данным французского, югославского и английского военных атташе, до сих пор здесь не проводится какое-нибудь серьезное военное мероприятие, свидетельствующее, что Италия действительно серьезно думает о войне. Все мероприятия сводятся преимущественно к усиленным призывам полицейских резервистов, что может понадобиться лишь в перспективе, в случае мобилизации. 4. Одновременно в согласии с Гитлером итальянцы собираются всячески доказывать, что выступление Германии в случае непринятия Прагой ее требований неизбежно. Одновременно

итальянцы в целях шантажа начали официально заявлять иностранным журналистам, что военное вмешательство Франции и Англии придаст войне «идеологический» характер и повлечет за собой автоматическое вступление в нее Италии. 5. В целом, при сознательном распространении алармистских слухов правительством, влиятельные итальянцы в частных беседах говорят, что, во всяком случае, до октября, когда эвентуальная помощь СССР будет очень затруднена, Германия не выступит, да и вообще вряд ли выступит, ибо добьется своего руками Парижа и Лондона.

Сегодня вечером Чарльз посетил Чиано и уведомил его, что Чемберлен выезжает на свидание с Гитлером.

Поверенный в делах

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 492—493.

61. Телеграмма посланника Чехословакии в Великобритании **Я. Масарика в министерство иностранных дел Чехословакии**

14 сентября 1938 г.

Из самого компетентного источника.

I. Вчера вечером Боннэ имел крайне неприятную беседу с Фиппсом, о которой Корбен не был информирован. Боннэ заявил, что необходимо сохранить мир, даже пожертвовав ЧСР, и что Франция не готова и не хочет за нас воевать. Затем Фиппс говорил с Даладье, который был несколько решительнее, но не намного. Как заявило сегодня английское правительство, при таких обстоятельствах очень трудно что-либо предпринять. Может показаться странным, но официальные контакты между Парижем и Лондоном таковы, будто этих бесед не было, и депеши, направляемые Корбену, выдержаны в решительном и мужественном тоне. Мой самый важный информатор советует осуществить сейчас все военные приготовления. Лишь в этом случае мы получим помощь, и если проявим твердость, то Англия и Франция выступят. Возможно, у Боннэ преждевременно сдали нервы.

П. По сообщению египетского посла, только что вернувшегося из Берлина, Риббентроп в беседе с ним подчеркнул, что Гитлер решил урегулировать судетский вопрос сейчас и ничто на свете не свернет его с избранного пути. Если удастся это сделать мирным путем — хорошо, а не удастся — тогда с помощью войны. Англии не следует в это вмешиваться, Германия все решит сама.

Масарик

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 211—212.

62. Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты посланнику Чехословакии во Франции Ш. Осускому

Не ранее 14 сентября 1938 г.

Заявите правительству и Гамелену, что в связи с Вашими последними тремя сообщениями, содержание которых подтверждается нашей информацией, посланной сегодня в Париж генералом Фоше, мы считаем, что подготовляемое нападение, вероятно, произойдет немедленно после 20 сентября. Мы испытываем серьезное опасение, что неожиданное нападение могло бы сделать невозможным проведение нашей мобилизации. Однако мы отложили мобилизацию, так как считаем, что не нужно нарушать ход переговоров между Парижем и Лондоном, и мы не хотим сделать ничего такого, что в Париже и Лондоне считали бы препятствием их усилиям сохранить мир. Но мы настоятельно просим как французское правительство, так и французский генеральный штаб, чтобы они учли крайнюю опасность положения и осознали, какую ответственность они берут на себя за нашу и свою судьбу, сообщили нам как можно скорее свою точку зрения на создавшееся положение и оказали нам помощь как союзники и друзья.

Для пояснения сообщаю: наряду со сведениями, которые точно указывают на наличие подготовленного и датированного определенным числом плана, мы имеем сведения и о том, что организуются четыре полицейских полка, подобно тому как это было в Австрии, которые после оккупации должны установить порядок на захваченной территории. По нашим более ранним сведениям, они готовились к 1 октября. Только что мы перехватили депешу от 13 сентября, в которой им отдается приказ немедленно быть готовыми. Одновременно на границах с помощью формирований СС создается судето-немецкий корпус подобно австрийским легионам. Генлейн только что обратился к нему с призывом быть завтра готовым вблизи наших границ. Все это говорит за то, что нападение подготавливается на ближайшие дни. По нашим расчетам, нападения следует ожидать около 23-го, причем подчеркиваем, что немцами в непосредственной близости от наших границ сконцентрировано больше десяти дивизий в полной боевой готовности и производится большое сосредоточение авиации; немцы вывозят своих граждан, в то время как мы, рассчитывая на Париж и Лондон, не смеем проводить основные подготовительные мероприятия для проведения мобилизации. Одновременно сообщаем то же самое Масарику, но просим, чтобы Вы сами передали эти сведения Даладье. Информлируем также французского и английского посланников.

63. Запись беседы А. Гитлера с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом

15 сентября 1938 г.

Г-и Чемберлен упомянул в начале беседы, что он с момента вступления на пост английского премьер-министра постоянно работал на пользу германо-английского сближения и искал возможности для осуществления своих намерений. Несмотря на отдельные трудности в германо-английских отношениях, он, однако, всегда чувствовал, что имеется возможность прямого обмена мнениями для укрепления двусторонних отношений. За последние недели, однако, положение стало настолько сложным и серьезным, что опасность конфликта показалась ему исключительно близкой. Но даже если дело не дошло до прямого вовлечения обеих стран в конфликт, то все же напряженность в Европе достигла такой степени, которая совершенно не способствует сближению обеих стран.

Кроме чехословацкого вопроса в настоящее время имеются значительно более крупные проблемы, которые следует обсудить, и он, чувствуя эту напряженность, предпринял поездку в Германию, чтобы путем прямого обмена мнениями с фюрером попытаться прояснить обстановку.

Фюрер ответил, что он очень высоко оценивает значение поездки английского премьер-министра. Весь немецкий народ приветствует эту поездку, как, очевидно, г-н Чемберлен мог это почувствовать из проявлений симпатий, которые имели место по отношению к нему со стороны немецкого населения во время его прибытия в Мюнхен и по пути в Берхтесгаден.

В принципе он, фюрер, может заявить, что у него с юношеских лет возникла идея тесного германо-английского сотрудничества. Война явилась для него тяжелым душевным потрясением. Но и после 1918 г. идея германо-английской дружбы постоянно возникала перед ним. Причина, по которой он подобным образом выступал за эту дружбу, состоит в том, что он еще с 19 лет развил в себе определенные расовые идеалы, которые побудили его после окончания войны снова принципиальным образом поставить перед собой задачу сближения обоих народов в качестве одной из своих целей. Он должен признать, что в последние годы эта идеалистическая вера в германо-английское расовое сообщество подверглась суровым испытаниям. Он, однако, считал бы себя счастливым, если бы в конечном счете удалось, несмотря ни на что, повернуть развитие политических событий таким образом, чтобы оно снова соответствовало рамкам тех мыслей, которые он неустанно оставляет уже на протяжении полутора десятков лет в своих речах и книгах.

Г-н Чемберлен ответил, что он очень высоко ценит слова признательности, которые фюрер высказал в его адрес. Действительно, в его возрасте нелегко предпринять подобную поездку. Тот факт, что он отправился в поездку в Германию, должен быть для фюре-

ра и немецкого народа доказательством того, какое важное значение он (Чемберлен) придает германо-английскому сближению, а также доказательством его искреннего желания попытаться сделать все возможное, дабы найти выход из имеющихся трудностей.

Эту первую беседу, вероятно, лучше всего следовало бы использовать для обмена мнениями о существующем положении, с тем, чтобы каждый мог правильно понять другого и прийти к заключению, возможно ли соглашение или нет. Он (Чемберлен) должен совершенно откровенно признать, что многие англичане рассматривают речи фюрера исключительно как слова, за которыми скрываются тщательно подготовленные планы. Он (Чемберлен) видит, однако, в фюрере человека, который, остро воспринимая страдания своего народа, с исключительным успехом осуществил новый национальный подъем в Германии. Он относится к этому человеку с величайшим уважением и прибыл в Германию для того, чтобы у источника германского возрождения, в откровенном обмене мнениями попытаться найти решение имеющихся трудностей. Он надеется, что на основе этого обмена мнениями с фюрером обе стороны будут самым точным образом информированы о взглядах партнера и что он (Чемберлен) на основе этих точных знаний позиции фюрера сможет затем с возросшим доверием работать дальше на пользу германо-английского сближения.

Фюрер заявил в ответ на это, что самым актуальным из подлежащих обсуждению проблем является судето-немецкий вопрос, который в данный момент вышел за рамки теоретического обсуждения, так как положение там с каждым часом становится все более критическим. Поэтому ему представляется целесообразным сразу же начать обсуждение этого вопроса, так как он является решающим для будущего развития германо-английских отношений. Он не хочет слишком подробно останавливаться на прошедшем периоде, ибо там имеется много разделяющего обе стороны и мало объединяющего. Главное состоит в том, можно ли и в какой мере достигнуть в нынешней ситуации соглашения между обеими странами относительно совместной позиции в этом вопросе.

Положение очень серьезное. По последним сообщениям, среди судетских немцев насчитывается 300 погибших и много сотен раненых. Население поспешно покинуло целые поселки. В этих условиях надо так или иначе принять решение в самый кратчайший срок. В данной ситуации он должен совершенно откровенно заявить, что нет никакого смысла проводить обмен мнениями по образцу прежних дипломатических переговоров. Дальняя поездка, которую совершил премьер-министр, не оправдала бы себя, если бы время затрачивалось на пустые формальности.

В целях лучшего понимания обстановки он может заверить, что весь его (фюрера) авторитет зиждется на доверии, которое питает к нему немецкий народ. Он не диктатор, он установил свою власть в Германии не с помощью военной силы, а опираясь на доверие нации, представителем которой он является и интересы ко-

торой он должен защищать. Поэтому он связан в своих действиях. Он не может действовать в нарушение обещаний и заверений, которые он раньше дал немецкому народу и которые обеспечивают ему это доверие. Поэтому в обстановке, когда вся немецкая нация ожидает от него активных действий и ясных слов, он не может ни молчать, ни оставаться бездеятельным. Если он этих ожиданий не оправдает, то он потеряет доверие народа. Поэтому его (фюрера) путь заранее предначертан. Если другие государственные деятели зависят от влияния своих парламентов, то он должен равняться не на парламент, а на народ, и особенно на партию. Если он не сделает того, чего от него ожидают, то он не только не решит стоящих на повестке дня проблем, но даже потеряет свой собственный авторитет.

Итак, он дал немецкому народу определенные обещания: так или иначе избавить его от бед, вызванных Версальским договором. Для достижения этой цели он получил от немецкого народа неограниченные полномочия, которые нашли свое выражение в одобренном парламентом законе о предоставлении ему чрезвычайных полномочий. Если он не выполнит своих обещаний, то утратит эти полномочия. И даже если это, возможно, не скажется сразу, то все равно психологический эффект от невыполнения данных обещаний будет очень значительным.

К этому он должен добавить, что цель, которую он поставил перед собой при создании партии, а позднее и строительстве государства, была ограниченной. Это в известном смысле противоположность империализму. Он не хочет здесь в деталях обсуждать причину этого или преимущества этой политики, а хочет лишь указать на то, что сам факт расовой основы национал-социалистской партии, а также немецкого народа исключает любой империализм. Он никогда не оставлял внешний мир в заблуждении относительно того, что он хорошо знает различие между возможным и невозможным. Он знает, что невозможно объединить всех немцев в Европе. Живущие вне рейха немецкие национальные группы собственно и не ожидают объединения с рейхом. Кроме того, он исключил все такие вопросы, которые снова растравили бы старые раны и при решении которых успех ни в коей мере не соответствовал бы величине принесенных жертв.

В Англии его часто упрекали за то, что он, мол, действуя по принципу — аппетит приходит во время еды, — после достижения одной цели выдвигает новые требования. Но он должен указать на то, что во всем его поведении невозможно найти какой-либо зацепки для подобных утверждений. Там, где Германия окончательно признала границы, это признание проявилось на деле самым точным образом, во всех областях политики и литературы. Действительно положение таково, что Германия:

1) достигла взаимопонимания с Польшей, несмотря на очень тяжелые препятствия внутреннего, территориального и экономического характера;

2) по доброй воле ограничила мощь своего флота в определенной пропорции к величине английского флота *. Предпосылкой для этого соглашения является, само собой разумеется, воля обеих сторон никогда вновь не воевать друг против друга.

Но если Англия снова дает понять, что она при некоторых обстоятельствах выступила бы против Германии, то эта предпосылка морского соглашения отпадает, и для Германии было бы достойнее денонсировать соглашение.

Отвечая на промежуточный вопрос английского премьер-министра о том, имеется ли с германской стороны намерение осуществить эту денонсацию еще до возможного конфликта или в начале этого конфликта, фюрер сказал, что если Англия постоянно дает понять о возможности интервенции против Германии, в то время как Германия сама заключила морское соглашение, имея в виду, что она никогда не будет воевать против Англии, то именно для одной Германии здесь возникает ущерб и поэтому было бы правильное и искреннее в этом случае прекратить договорные отношения;

3) дала Нидерландам и Бельгии договорные гарантии и отказалась от ревизии границ;

4) после решения саарского вопроса³⁷, не поднимая еще раз эльзас-лотарингскую проблему, заявила Франции, что теперь не имеется больше никаких требующих урегулирования территориальных вопросов между обеими странами.

Главное требование, однако, Германия выдвинула со всей ясностью: 10 миллионам немцев, которые проживали в Австрии и Чехословакии и настойчивым желанием которых было возвращение в состав рейха, которому они принадлежали тысячу лет, должна быть предоставлена возможность возвращения в состав рейха при любых обстоятельствах. Что касается 7 миллионов немцев из Остмарка ** — это требование выполнено. 3 миллионам немцев в Чехословакии он (фюрер) при всех обстоятельствах создаст возможность возвращения в состав рейха. В этом случае он готов считаться с возможностью любой войны и даже пойти на риск мировой войны. Здесь достигнут предел, за которым остальной мир может делать все, что он хочет, но он (фюрер) не уступит.

Г-н Чемберлен спросил в этой связи, будут ли урегулированы трудности с Чехословакией путем возвращения трех миллионов судетских немцев в состав рейха? В Англии спрашивают: это все, чего требует Германия; не намеревается ли она сверх этого расчлнить чехословацкое государство.

Фюрер ответил, что кроме требования судетских немцев, естественно, подобные требования выдвинут проживающие в Чехословакии поляки, венгры и украинцы, которые ни в коем случае нель-

* Имеется в виду германо-английское морское соглашение от 18 июня 1935 г. — Прим. док.

** Так называли Австрию немецкие фашисты после аншлюса.

зя игнорировать длительное время, но он, конечно, не является лицом, которое говорит от их имени.

Далее фюрер сказал, что Италия в отношении Австрии имела противоположные интересы, но что она, однако, вынуждена признать неизбежность развития событий и в соответствии с этим определила свою позицию. Благодаря аншлюсу Австрии он (фюрер) одновременно гарантировал германо-итальянскую границу точно так же, как границу с Югославией и Венгрией.

Итак, осталась нерешенной только одна проблема, чехословацкая, которая так или иначе будет им решена. Это его окончательное решение. Он выберет также подходящее время для достижения быстрого решения. Ему сейчас 49 лет, и он хочет, если из-за чехословацкого вопроса Германия будет вовлечена в мировую войну, руководить своей страной в условиях войны в расцвете своих сил, а не быть вынужденным решать эту задачу в старческом возрасте или оставить ее решение своему преемнику.

Чехословацкий вопрос, конечно, является последней большой проблемой, которая должна быть решена. Хотя имеется еще мемельский вопрос¹⁰, но здесь Германия хочет ограничиться тем, что Литва будет точно соблюдать мемельский статут.

Возвращаясь к чехословацкому вопросу, фюрер заметил, что он, само собой разумеется, будет сожалеть, если из-за этой проблемы возникнет мировая война. Но эта опасность, однако, не поколеблет его в своем решении. Он не хочет откладывать решение этого вопроса, а хочет сам взяться за него.

Наконец, Германия, само собой разумеется, постоянно будет сохранять в силе требование о возвращении колоний; конечно, это не носит военного характера, тем не менее оно должно быть удовлетворено не сегодня, так завтра, и Германия никогда от него не откажется.

В отношении чешского вопроса он должен еще раз подчеркнуть, что этот вопрос он так или иначе решит. Он не хочет допустить никаких сомнений в своей абсолютной решимости больше не позволять, чтобы маленькая второстепенная страна обращалась с великим тысячелетним германским рейхом, как с чем-то неполноценным.

Относительно высказываний фюрера о германо-английском морском соглашении⁹ английский премьер-министр заметил, что он в известной степени понимает германскую позицию. В свое время было заключено очень разумное соглашение о взаимном соотношении военно-морских сил с тем расчетом, чтобы войны между обеими странами вообще не могло быть. Если же положение сейчас так изменилось, что возможность войны должна быть принята в расчет, то, действительно, основа, на которой построено морское соглашение, исчезла. Хотя он и понимает фюрера, он, однако, должен добавить, что германская сторона не делает правильного различия между угрозой и предупреждением. После 1914 г. Англию многие упрекали в том, что она недостаточно ясно выражала свои намере-

ния. Мировой войны, возможно, удалось бы избежать, говорили критики, если бы Англия тогда заняла более ясную позицию. Если два народа намереваются вступить в конфликт друг с другом, то они должны заранее точно представлять себе последствия подобного конфликта. Именно в этом смысле Англия и действовала, она не угрожала, а только делала предупреждения. Теперь дело фюрера на основе этих ему известных фактов принимать свои решения. За предостережение Англию нельзя упрекнуть, наоборот, ее можно было бы критиковать, если бы она этого не сделала.

Фюрер ответил, что он частично разделяет ход мыслей английского премьер-министра, однако в остальном он полагает, что развитие событий часто уходит вперед настолько далеко, что начиная с какого-то определенного момента в этом неизменном процессе развития уже нельзя больше что-либо изменить. Также и в 1914 г., по его мнению, английское предостережение последовало слишком поздно; к тому же тогдашние трудности были уже на слишком далеко зашедшей стадии.

Возвращаясь к вопросу о морском флоте, фюрер заявил, что он остается на принципиальной точке зрения, согласно которой основу этого договора следует усматривать только в своего рода обязательстве обоих партнеров ни при каких обстоятельствах не вести войны друг против друга. Если же Англия время от времени дает понять, что она в некоторых случаях все же исходит из возможности конфликта с Германией, то в результате этого логической основы морского соглашения более не существует. В то время как одна сторона осуществляет добровольное ограничение численности своего флота, другая сторона держит все двери для себя открытыми, и именно в час предостережения ущерб для первой стороны становится особенно значительным.

Г-н Чемберлен поблагодарил фюрера за то, что он ясно и откровенно высказал германскую точку зрения. Он полагает, что правильно понял фюрера в том плане, что требование о возвращении 10 миллионов немцев в состав германского рейха фюрер выдвинул по расовым причинам. 7 миллионов немцев уже возвратились в состав рейха при присоединении Австрии. 3 миллиона судетских немцев должны быть при всех обстоятельствах приняты в состав рейха. Но фюрер дал заверение в том, что после этого больше не будет других территориальных требований, которые могли бы дать повод к конфликтам между Германией и другими странами. Он, английский премьер-министр, также понял фюрера в том смысле, что он готов даже пойти на риск мировой войны, с тем чтобы обеспечить возвращение этих 3 миллионов судетских немцев в состав рейха. Он не хочет в данный момент делать по этому поводу каких-либо замечаний, кроме того что фюрер и он должны найти возможность предотвратить мировую войну из-за этих 3 миллионов судетских немцев.

Далее г-н Чемберлен сказал, что он понял фюрера так, что Чехословакия не может продолжать свое существование как своего

рода копье, направленное в о фланг Германии. Если же теперь судетские немцы будут приняты в состав германского рейха, то должна ли в этом случае оставшаяся часть Чехословакии рассматриваться также в качестве опасного острия, направленного во фланг Германии?

Фюрер ответил, что такое положение будет оставаться до тех пор, пока чехословацкое государство поддерживает союз с другими странами, что создает угрозу для Германии. В остальном же Чехословакия и так слишком дорого обошлась Германии, так как она побудила Германию вдвое увеличить военно-воздушные силы по сравнению с первоначальными планами.

Английский премьер-министр спросил, будут ли устранены сомнения Германии относительно упомянутой роли Чехословакии, если удастся изменить отношения этой страны с Россией таким образом, что, с одной стороны, Чехословакия будет освобождена от своих обязательств по отношению к России в случае нападения на эту страну и в то же время она (Чехословакия), скажем, подобно Бельгии, будет лишена возможности получения помощи от России или другой страны.

Фюрер ответил на это, что Чехословакия спустя некоторое время все равно не будет больше существовать, потому что, кроме ранее упомянутых национальностей, от этой страны со всей энергией попытаются также отделиться словаки.

Английский премьер-министр указал на то, что Великобритания не заинтересована в судебно-немецком вопросе. Этот вопрос должен решаться между немцами (или судетскими немцами) и чехами. Великобритания заинтересована только в сохранении мира.

Фюрер заметил, что мир в Чехословакии уже перестал существовать. В течение десятилетий немецкое население там угнеталось. По мере роста престижа и мощи германского рейха оно постепенно начало бунтовать против этого угнетения. Насильственные меры Чехословакии, расстрел судетских немцев и чешское поведение, которое день ото дня принимает все более угрожающие формы, определенно не способствуют тому, чтобы устранить эти трудности. Наоборот, ненависть становится только сильнее.

Английский премьер-министр сказал, что он, как человек дела, ставит вопрос о том, как возможное решение о принятии судетских немцев в состав рейха должно быть осуществлено на практике. Ведь судетские немцы не проживают компактно в одном районе, а значительно рассеяны. И если бы даже те территории, на которых 80% от общего населения составляют немцы, передать Германии, то все равно значительное число жителей немецкого происхождения осталось бы проживать в оставшейся части чехословацкого государства. Поэтому речь идет не только о проведении новой границы, но в данном случае также о переселении некоторой части населения.

Фюрер ответил, что, по его мнению, только Судетская область может быть целиком принята во внимание и что везде, где боль-

шинство было бы за Германию, эти районы должны отойти к Германии. Поэтому затем должен состояться обмен национальными меньшинствами, в особенности с учетом немецких языковых анклавов в чешских областях.

Он, однако, опасается, что все эти рассуждения носят чисто теоретический характер, так как события развиваются очень быстро. Из целых населенных пунктов в Судетской области население эвакуировано, 10 тысяч беженцев находятся уже на немецкой территории, населенные пункты с 3 тысячами жителей были подвергнуты газовой атаке, число убитых составляет уже 300 человек. Ясно, что он (Фюрер) не может спокойно смотреть на это. В Нюрнберге он четко заявил о своих намерениях. И было бы ошибкой предполагать, что это были только пустые фразы. Ни при каких обстоятельствах он не может спокойно смотреть на эти преследования немцев. И он твердо решил действовать быстро.

Английский премьер-министр предложил направить совместное обращение к обеим сторонам в Чехословакии, с тем чтобы создать условия для проведения двусторонних переговоров в более спокойной обстановке. Ясно, что если полученная Фюрером информация соответствует действительности, то положение в Судетской области почти неуправляемое. Часто, однако, бывает так, что при более тщательной проверке сообщения, вызывавшие опасения, оказываются затем менее серьезными.

Фюрер ответил на это, что подобное обращение ему просто было бы невозможно направить судетским немцам. От него нельзя требовать, чтобы он обращался с увещаниями к жертвам чехословацких преследований. Необходимо также иметь в виду, что нервное напряжение для населения, проживающего в пограничной полосе, стало почти невыносимым. С немецкой территории слышна артиллерийская стрельба по незащищенным населенным пунктам судетских немцев. При этом на германской стороне стоят наготове целые дивизии, воздушные соединения. Все это означает чудовищное напряжение нервов, когда перед лицом всех этих приготовлений Германия должна смотреть на то, как старые немецкие города, такие, например, как Эгер, подвергаются нападению со стороны чехов.

Кроме того, необходимо также принять во внимание следующее:

Германия в 1918 г. уже однажды споткнулась. Но в течение своего двухтысячелетнего прошлого она всегда вела себя храбро и героически. И если англичане справедливы, то они должны признать, что это имело место также и в ходе последней большой войны. По мнению немцев, чехи жестоки и внутренне трусливы. И поэтому не трудно представить себе ощущения немецкого населения, если оно видит, как его соотечественники подвергаются притеснениям со стороны этого неполноценного народа. Если бы английский премьер-министр однажды представил себе, что Англия поработана неполноценным народом, то ему наверняка кровь

ударила бы в голову так же, как немцам в связи с Чехословакией.

После того как фюрер еще раз категорически отклонил идею об обращении к двум сторонам, английский премьер-министр заявил, что он теперь готов отказаться от этого предложения, но что он должен спросить себя, почему фюрер согласился с его приездом в Германию, если он (фюрер), кажется, твердо решил действовать в совершенно определенном направлении и не принимать во внимание идею о перемирии.

Фюрер ответил, что ему представляется необходимым сегодня или завтра проверить, имеется ли еще возможность мирно решить этот вопрос. Конечно, он должен еще раз подчеркнуть, что он твердо намерен при любых обстоятельствах решить этот вопрос так или иначе в самое ближайшее время.

Он отметил далее, что Чехословакия использовала поездку английского премьер-министра для того, чтобы провести мобилизацию и призвать десять возрастов.

Английский премьер-министр снова подчеркнул, что если дело идет о спасении человеческих жизней, то должны быть использованы все шансы для мирного решения вопроса. Поэтому он повторяет свое предложение об установлении своеобразного перемирия и добавляет, что он готов пойти на кратковременный перерыв.

Фюрер ответил, что немедленное успокоение в Судетской области может быть достигнуто лишь после того, как чешская государственная полиция будет отозвана оттуда и войска будут оставаться в казармах. В остальном же ему кажется, что для ответа на вопрос о дальнейшем ходе переговоров важна позиция, которую Англия займет в отношении Судетской области. Хочет ли Англия согласиться с отделением этой области и изменением теперешнего статуса Чехословакии или нет? Если Англия может одобрить подобное отделение и это может быть во всеуслышание сообщено как принципиальное решение, то в результате этого, без сомнения, могло бы наступить большое успокоение в указанных областях. Поэтому дело идет о том, чтобы знать, готова ли Англия теперь одобрить отделение Судетской области на основе права народов на самоопределение, причем он (фюрер) должен заметить, что это право на самоопределение не изобретено им в 1938 г. специально для чехословацкого вопроса, а возникло еще в 1918 г. в качестве моральной основы для территориальных изменений на базе Версальского договора⁷. Под этим углом зрения переговоры могли бы быть продолжены, но английский премьер-министр должен сначала заявить, может ли он признать в качестве основы отделение Судетской области в соответствии с правом на самоопределение или нет.

Английский премьер-министр выразил свое удовлетворение тем, что теперь, наконец, удалось подойти к существу вопроса. Он не в состоянии сделать категорическое заявление от имени английского правительства в целом. Кроме того, он, естественно, должен

запросить также мнение Франции и лорда Ренсима. Но он может в качестве своего личного мнения заявить, что он, выслушав побудительные мотивы фюрера и составив себе ясную картину общего положения, готов выяснить, разделяется ли его личное мнение также его коллегами—министрами. Лично он может заявить, что он согласен с принципом отделения судетских районов. Трудность, как ему кажется, состоит в практическом осуществлении этого принципа. Учитывая сложившуюся обстановку, он хотел бы вернуться в Англию, для того чтобы сделать сообщение правительству и получить от него одобрение своей личной позиции. Одновременно он предлагает, чтобы обе стороны договорились между собой о наиболее подходящих методах осуществления этого принципа, так как при этом необходимо решить целый ряд организационных и административных вопросов.

Фюрер заявил, что он охотно избавил бы английского премьер-министра от еще одной поездки в Германию. Он намного моложе его и мог бы сам предпринять подобную поездку, но он опасается, что если он отправится в Англию, то антинемецкие демонстрации скорее усложнят положение, чем упростят его. Но для того чтобы несколько сократить премьер-министру дорогу, он предлагает следующую встречу провести в районе Нижнего Рейна: Кельне или Годесберге.

Английский премьер-министр спросил далее фюрера, что может произойти в это промежуточное время и можно ли позаботиться о том, чтобы положение не обострилось.

Фюрер ответил, что опасность такого обострения обстановки, конечно, имеется, поскольку огромная военная машина, которую Германия создала, должна прийти в движение. Однако если эта машина придет в движение, то ее уже больше не остановить. Если произойдут более крупные инциденты — нарушение границы и тому подобное, — то опасность возрастет до крайности.

Даже учитывая опасность того, что английская пресса, очевидно, попытается истолковать это как слабость, он готов гарантировать, что он в ближайшие дни не отдаст приказа о приведении в движение военной машины, если только не возникнет совершенно невозможная ситуация. В этом случае, конечно, все дальнейшие переговоры станут бесполезными.

Ясно, что в Германии каждый будет счастлив, если вышеупомянутый, совершенно необходимый вопрос о приеме судетских немцев в состав рейха мог бы быть решен мирным путем. Он (фюрер) был бы особенно рад, если в итоге этого было бы достигнуто улучшение англо-германских отношений. Позиция Англии и Франции ему непонятна. В то время как Англия дала ирландцам свободу без войны, а французы, несмотря на существующие сомнения экономического и военного характера, возвратили Саарскую область Германии, обе эти страны готовы пойти на военный конфликт из-за одного вопроса, который для них не представляет совершенно никакого интереса. Франция допустила проведение плебисцита в

Саарской области, но если плебисцит должен состояться в Судетской области, то она (Франция) готова из-за этого вступить с Германией в войну, которая, естественно, будет войной не на жизнь, а на смерть. Подобная позиция ему совершенно непонятна.

Английский премьер-министр заявил, что Англия со своей стороны никогда не занимала подобной позиции, она только стремилась к справедливому и мирному урегулированию. Она готова признать некоторые принципы и обдумывает, как эти принципы практически осуществить. Он спрашивает фюрера еще раз, каким образом в те немногие дни, которые необходимы для проведения совещания английского кабинета, можно сохранить спокойствие в политической обстановке.

Фюрер ответил, что английское правительство должно все же побудить Чехословакию отменить ее мобилизационные мероприятия. Ибо эти мероприятия могут легко привести к повторению инцидента, имевшего место 21 мая³⁰, а затем действительно может возникнуть очень серьезное положение.

Английский премьер-министр ответил, что он из слов фюрера понял, что как он, так и фюрер хотят сделать все, что в их силах, чтобы в течение упомянутых дней политическая обстановка оставалась по возможности спокойной. Фюрер заявил, что он в данной ситуации мало что может сделать. Он надеется, однако, что он сделает все, что в его силах, чтобы удержать развитие в спокойной колее, и что со своей стороны он может сказать, что предпримет все возможные усилия в этом направлении.

Фюрер заявил, что он также сделает все от него зависящее, однако не может выступить с публичным призывом.

После замечания фюрера о ценности германской дружбы премьер-министр заявил в заключение, что Англия придает меньше значения тому, что ей Германия даст с точки зрения дружбы, чем естественной тенденции со стороны англичан к дружбе с Германией и немецким народом.

В заключение было согласовано следующее короткое сообщение для печати о переговорах:

«Фюрер и рейхсканцлер имел сегодня в Оберзальцберге беседу с британским премьер-министром, в ходе которой состоялся обстоятельный и откровенный обмен мнениями о современном положении. Британский премьер-министр завтра уезжает в Англию, чтобы провести совещание с британским кабинетом. Через несколько дней состоится новая встреча».

В соответствии с указанием запись беседы представлена фюреру и рейхсканцлеру.

Шмидт

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945». Serie D, Bd. II, S. 627—636.

64. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта в министерство иностранных дел Германии

15 сентября 1938 г.

Я никогда еще не видел такой внезапной перемены настроения, какая произошла во всей Англии вчера вечером, после опубликования сообщения о (предстоящем) свидании Чемберлена с фюрером. До самого вечера вся британская общественность находилась под тяжелым гнетом, обусловленным не менее тяжелым решением при известных обстоятельствах взяться за оружие. И вдруг, совершенно неожиданно, наступила перемена, подавшая надежду на мирное разрешение вопроса. Относительно подробностей я позволю себе сослаться на обстоятельное сообщение германского информационного бюро. Нет преувеличения в сообщениях газет о том, что на улицах мужчины и женщины плакали от радости.

Сегодня утром в сопровождении легационного советника фон Зельцам я присутствовал на Истонском аэродроме при отбытии Чемберлена, которого сопровождают сэр Хорас Вильсон и советник посольства Стрэнг. Перед аэродромом собралась радостно-оживленная толпа народа, приветствовавшая премьер-министра сердечными возгласами. Я поздравил премьер-министра с принятым им решением и просил его принять мои наилучшие напутственные пожелания. Видимо, тронутый, он просто и сердечно ответил, что надеется своими переговорами с фюрером (он буквально сказал: «the Fuhrer») содействовать укреплению мира.

С английской стороны присутствовали лорд Галифакс с супругой и руководящие чиновники министерства иностранных дел. Все они, и особенно лорд Галифакс, своим поведением старались показать нам, немцам, что они с искренней радостью встретили немедленный и сердечный ответ фюрера на обращение британского премьер-министра. Лорд Галифакс отвел меня в сторону, чтобы спросить о впечатлении, произведенном в Берлине инициативой премьер-министра, и был весьма удовлетворен, когда я ему рассказал, как горячо приветствует немецкая общественность приезд г-на Чемберлена.

Лорд Броккет, который также приехал в сопровождении своей супруги, рассказал мне о глубоком впечатлении, которое он вынес из своей беседы с фюрером в Нюрнберге, и выразил свое твердое убеждение, что дело примирения удастся осуществить.

Незадолго до отправки самолета г-н Чемберлен должен был выдержать атаку фотокорреспондентов различных газет. Для недельного радиобозрения он сделал коротенькое заявление следующего содержания*:

«Я отправляюсь на свидание с германским канцлером потому, что считаю положение таким, при котором обмен мнениями между ним и мною может иметь полезные последствия.

* Текст заявления дан на английском языке.

В своей политике я всегда пытался обеспечить мир, и то, что Гитлер с готовностью принял мое предложение, ободряет меня надеждой на небезрезультатность моего визита».

Дневная пресса поместила подробнейшие сообщения об отъезде Чемберлена. Дружественная тенденция не подлежит сомнению.

Т. Кордт

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, с. 53—55.

65. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР 3. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии

16 сентября 1938 г.

Вчера телеграфом Кулондр вновь просил Париж разъяснить ему окончательное отношение к Москве, подчеркнув необходимость безотлагательных совместных консультаций, что, по его мнению, необходимо также для надежного действия пакта в будущем. По моей просьбе Кулондр обратит также внимание на опасность вновь всплывшей идеи проведения конференции четырех держав без привлечения СССР. Если можно, сообщите мне телеграфом о результатах консультаций Литвинова с Бонкурром в Женеве. Наши энергичные меры и ликвидация путча повсюду произвели самое благоприятное впечатление. По мнению представителей дипломатических кругов, наша спокойная и твердая позиция ведет к консолидации международного положения в пользу ЧСР.

Фирлингер

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 220.

66. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комисариат иностранных дел СССР

19 сентября 1938 г.

Сегодня Бенеш срочно вызвал меня к себе и сообщил, что получил совместное англо-французское предложение * о решении судето-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют больше 50% населения. Остальные округа получают частичную автономию. Границы устанавливаются международной комиссией. Новые границы гарантируются всеми соседями, а также Францией и Англией, в связи с чем аннулируются ныне действующие международные договоры Чехосло-

* См. док. № 67.

вакии. Предложение сопровождалось подчеркиванием, что уже простая задержка чехословацкого правительства с ответом может привести к роковым последствиям. Бенеш отмечает, что при этом не было сказано прямо, что в случае отказа Чехословакии принять такое решение Франция и Англия отказались бы помогать Чехословакии против агрессора, однако Бенеш допускает и такую возможность. Несмотря на это, Бенеш заявляет, как защищаться при всех условиях. Правительство уже решило, что изложенное англо-французское предложение совершенно неприемлемо. Франции послан прямой запрос: обозначает ли ее предложение, что она намерена отказаться от выполнения своих союзнических обязательств? Бенеш просит правительство СССР дать как можно быстрее ответ на следующие вопросы:

1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь.

2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в совет Лиги наций с просьбой привести в действие ст. 16 и 17³⁸. Он ожидает саботажа решения, но думает, что саботаж не сможет быть длительным. В связи с этим Бенеш просит помощи в Лиге наций и просит от Советского правительства такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги наций на основании упомянутых статей. Бенеш подчеркнул срочность, потому что должен дать ответ Франции и Англии, а между тем Чемберлен хотел бы уже в среду, 21-го поехать к Гитлеру с этим ответом. Бенеш предполагает, что нападение произойдет 22-го, если Чемберлен не поедет или привезет недостаточный для Гитлера ответ. И при этом условии Бенеш считает предложение, сделанное Англией и Францией, неприемлемым, а борьбу неизбежной, потому что народ не допустит ничего подобного. При мне Бенеш получил сообщение, что шесть министров французского правительства решили подать в отставку из-за несогласия с подобным предложением Даладье. Будет кризис кабинета под знаком верности союзу с Чехословакией. Бенеш еще раз просит немедленного ответа СССР, предупреждая, что может оказаться вынужденным объявить всеобщую мобилизацию уже завтра, 20-го, вечером. В данный момент под ружьем 500 тысяч и все воздушные силы. Со своей стороны подтверждаю, что лозунг защищаться при всех условиях стал всеобщим. Широкие массы трудящихся непоколебимо верят в помощь СССР тоже при всех условиях.

С. Александровский

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 498—499.

67. Заявление правительств Великобритании и Франции правительству Чехословакии

19 сентября 1928 г.

1. Представители французского и британского правительств консультировались сегодня по вопросу об общем положении и рассмотрели доклад британского премьер-министра о его переговорах с Гитлером. Британские министры равным образом представили своим французским коллегам свои заключения, к которым они пришли на основе представленного им лордом Ренсименом отчета о работе его миссии³⁹. Представители обеих сторон убеждены, что в результате недавних событий создалось такое положение, когда дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы не поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира. В свете этих соображений оба правительства вынуждены прийти к заключению, что поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено, если эти районы сейчас же не передать Германской империи.

2. Это могло бы быть осуществлено либо путем прямой передачи, либо в результате плебисцита. Мы понимаем связанные с плебисцитом трудности, и нам известны уже изложенные вами возражения против этого пути, в частности возможность далеко идущих последствий в случае, если к этому вопросу подходить с точки зрения столь широкого принципа. По этой причине, и поскольку не поступит противоположных сообщений, мы предусматриваем, что вы, вероятно, предпочтете разрешить проблему судетских немцев путем прямой передачи Германии и в качестве обособленного вопроса.

3. Подлежащая передаче территория должна, вероятно, включать районы, немецкое население которых составляет свыше 50%, однако мы должны надеяться путем переговоров договориться об условиях исправления границ в тех случаях, когда это необходимо, посредством того или иного международного органа, включающего чешского представителя. Мы убеждены, что передача меньших районов на основе более высокого процентного соотношения явится нецелесообразной.

4. Указанному международному органу равным образом можно было бы передать вопросы о возможном обмене населения на основе права оптации в течение некоторого определенного срока времени.

5. Мы признаем, что в случае согласия правительства Чехословакии с предложенными мероприятиями, связанными с существенными изменениями в положении государства, оно будет вправе просить некоторую гарантию своей будущей безопасности.

6. В соответствии с этим правительство Его Величества в Соо-

диненном Королевстве было бы согласно, в качестве вклада в дело умиротворения Европы, присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии. Одним из основных условий такой гарантии явилось бы ограждение независимости Чехословакии путем замены существующих договоров, связанных с взаимными обязательствами военного характера, общей гарантией против неспровоцированной агрессии.

7. Как французское, так и британское правительства понимают, сколь велика жертва, требуемая от чехословацкого правительства делу [обеспечения] мира. Но поскольку это дело является общим для всей Европы, и в частности для Чехословакии, то они считают своим общим долгом изложить откровенно условия, необходимые для обеспечения этого дела.

8. Премьер-министр должен возобновить переговоры с Гитлером не позднее среды, а если представится возможным, даже раньше. Поэтому мы полагаем, что нам надлежит просить вас дать ответ как можно раньше.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1, с. 202—205.

68. Телеграмма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте

19 сентября 1938 г.

Боннэ сообщил мне, что в Лондоне было решено сделать официальное сообщение непосредственно в Праге. Он информирует меня поэтому только для моего личного сведения. В заключение своего отчета Ренсимен сказал, что он уже не вернется в Прагу, что посредничество невозможно и что он пришел к убеждению о том, что чехи и немцы не могут продолжать жить в одном государстве. Во время своего разговора с Гитлером Чемберлен убедился, что Гитлер готов прибегнуть к войне. Ввиду того что восемь дней тому назад я вручил ему ноту с разъяснением о неприемлемости плебисцита, Боннэ решительно выступил против плебисцита, зная, что потом и остальные меньшинства потребовали бы его, что означало бы конец ЧСР. Поэтому в Лондоне пришли к заключению, что не остается ничего иного, кроме непосредственной передачи территории. Они пришли к этому решению тем более потому, что де Лакруа в депеше от 17 сентября* сообщал, что господин президент Бенеш говорил ему, что он сам думает о передаче судетской территории Германии. Боннэ заметил, что эту конфиденциальную мысль он не сообщал англичанам. Боннэ сказал, что, разумеется,

* В данном сборнике не публикуется

необходимо было идти дальше, чем предполагал господин президент Бенеш. Чемберлен сообщил французам, что Гитлер уверял, что он не интересуется иноязычными меньшинствами и что он не питает по отношению к ЧСР злобы. Его якобы интересуют только судетские немцы. В Лондоне договорились, что территория, на которой немцы составляют более 50%, должна быть передана Германии. Международная комиссия проведет соответствующее исправление границ. Англия будет гарантировать новые чехословацкие границы против любой неспровоцированной агрессии. Такая гарантия со стороны великих держав должна заменить договоры ЧСР с Францией и Россией. Боннэ заявил, что в случае, если для ЧСР в новых границах потребуется финансовая и экономическая помощь, Франция обязуется ее оказать. Боннэ сказал мне, что, если англо-французские предложения не будут приняты ЧСР, английское правительство, которое уже сегодня ведет себя так сдержанно, откажет Франции в солидарности в случае конфликта между ЧСР и Германией.

Осуский

Печат. по изд.: «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 92—93.

69. Из телеграммы посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии

19 сентября 1938 г.

Боннэ просил меня обратить на это особое внимание г-на президента Бенеша *. Нельзя быть уверенным в том, добавил Боннэ, что Франция окажет помощь. Все зависит от того, насколько Англия будет солидарна с Францией. Он заявил, что, если г-н президент Бенеш не примет франко-английские предложения, Англия потеряет интерес к ЧСР и это будет иметь крайне серьезные последствия. И наконец, он сказал, что Совет министров Франции единогласно одобрил тексты предложений. Боннэ просил меня обратить внимание правительства на то, что необходимо дать положительный ответ на англо-французские предложения. Правительство не понимает, ответил я, как Англия и Франция могли вынести ЧСР приговор, даже не выслушав ее, в то время как другая сторона была выслушана. На замечание Боннэ, что Франция никого не слушала, я ответил, что Чемберлен ездил в Берхтесгаден **, чтобы выслушать Гитлера. Боннэ ответил, что ЧСР не протестовала, когда Чемберлен ездил туда спасать мир. Само собой разумеется, что ЧСР не протестовала, ответил я, поскольку для нее мир был важнее, чем для других. Однако между спасением мира и разделом Чехословакии есть разница. ЧСР имела право

* Первую часть беседы Ш. Осуского с Ж. Боннэ см. док. № 68.

** См. док. № 63.

быть выслушанной, а Франция как друг и союзник не должна была допустить, чтобы о судьбе ЧСР решали, не выслушав ее. Боннэ ответил, что они ничего не решили, а лишь делают Бенешу предложение. Я категорически выступил против такого утверждения, сказав, что речь идет о решении, ибо он заявил мне, что, если мы этого решения не примем, Англия и Франция нас покинут, так как без Англии Франция помощи ЧСР не окажет. Боннэ ответил, что сказанное мною правильно «en fait» *, но не юридически. Я сказал, что в настоящий момент важны не слова и выражения, а реальность. Реальность же эта такова, что, как он мне заявляет, если мы предложения не примем, они нас покинут. По словам Боннэ, де Лакруа неоднократно в устной и письменной форме говорил г-ну президенту Бенешу, что без Англии французская помощь ЧСР будет неэффективной. Боннэ добавил, что и мне он это несколько раз говорил. Я ответил, что в беседах со мной он высказывал лишь сомнения в эффективности помощи Франции, однако саму помощь никогда не оспаривал юридически и не отрицал по существу. Если он имел в виду это, добавил я, ему следовало так и сказать, чтобы ЧСР знала, что ее ждет, и действовала соответственно. [...]

Осуский

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 235—236.

70. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Германии Ю. Липскому

19 сентября 1938 г.

Прошу в беседе с рейхсканцлером придерживаться следующих директив:

1. Правительство Польской Республики констатирует, что оно, благодаря занимаемой им позиции, парализовало возможность интервенции Советов в чешском вопросе в самом широком значении. Наш нажим в Бухаресте оказал желательное действие⁴⁰. Маневры, проводимые нами на Волыни, были поняты Москвой как предостережение.

2. Польша считает вмешательство Советов в европейские дела недопустимым.

3. Чехословацкую Республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы.

4. В течение прошлого года польское правительство четыре раза отвергало предложение присоединиться к международному вмешательству в защиту Чехословакии.

* — фактически (фр.).

5. Непосредственные претензии Польши по данному вопросу ограничиваются районом Тешинской Силезии, т. е. немногим более чем повятами Тешинским и Фриштатским и доступом по железной дороге до станции Богумин (Одерберг).

6. Принимая во внимание наше непосредственное соседство, мы заинтересованы в разрешении в общих чертах чехословацкого кризиса. Мы относимся благосклонно к идее об общей границе с Венгрией, памятуя, что географическое расположение Ч[ехо]-с[ловацкой] Республики правильно рассматривалось как мост для России. В этой проблеме нам не хватает ясного определения решения Венгрии, которая играет здесь решающую роль. С нашей точки зрения, венгерские претензии имеют большие шансы в Прикарпатской Руси, Словакия же может входить в расчет только в рамках широкой автономии. Мы не уверены, что эти вопросы Венгрией достаточно подготовлены, а Польша решать этого за них не может.

7. По нынешним сведениям, западные державы могут пытаться придерживаться прежней концепции Чехословакии при частичных уступках в пользу Германии. 19 сего месяца мы выступили с возражениями против такого разрешения вопроса. Наши локальные требования мы ставим в категорической форме. Мы сообщаем конфиденциально, что наблюдение за границей усилено, а 21 с[его] м[есяца] мы будем располагать в южной части Силезии значительными военными силами. Заявляем формально, что эта группировка войск не направлена против Германии.

8. Дальнейший ход событий, что касается польской стороны, зависит прежде всего от решения правительства, но также и от общественного мнения. В дальнейшем в этой области будет особенно важна стабилизация польско-германских отношений. Здесь заслуживают внимания следующие проблемы:

а) Гданьский вопрос играет в настроениях главную роль. В связи с этим и в связи с банкротством Лиги наций представляется необходимым простой договор, стабилизирующий положение вольного города.

б) Ясная формула, подобная германо-итальянской, в вопросе о границах может способствовать парализованию интриг между Польшей и Германией на международной арене.

в) Продление пакта от 1934 г.³ может явиться дополнительным фактором стабилизации.

Примечания: I. Пункт относительно Венгрии Вы, господин посол, урегулируйте в зависимости от разговора с глазу на глаз или a trois * с венгерским премьер-министром **.

II. Прошу помнить, что исключительная серьезность положения позволяет смело ставить проблемы, значительно энергичнее, чем при нормальных переговорах.

* втроем (фр.).

** В тексте зачеркнуто «английским» и вписано от руки «венгерским».

III. В случае необходимости, а особенно в случае инициативы со стороны канцлера, я готов вступить в личный контакт с канцлером или с Герингом, не считаясь с техническими или политическими трудностями.

IV. В случае каких-либо сомнений прошу действовать *ad referendum* *.

Бек

Печат. по изд.: «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1969, т. VI, с. 361—362.

71. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

20 сентября 1938 г.

Многоуважаемый г-н министр,

канцлер принял меня сегодня в Оберзальцберге в присутствии министра иностранных дел Риббентропа в 4 часа дня. Беседа продолжалась свыше двух часов.

Перед этим канцлер принял премьер-министра Венгрии и начальника венгерского генштаба.

Аудиенции польской и венгерской стороне были даны отдельно. В коммюнике, опубликованном относительно приема премьера Имреди, сообщается, какие были затронуты проблемы, а в коммюнике о моей аудиенции указывается лишь на факт приема. Я это согласовал с министром иностранных дел фон Риббентропом.

Канцлер Гитлер начал свою беседу со мной с констатации факта, что события пошли иначе, чем он первоначально думал. Затем он дал исторический обзор судетского вопроса, начиная со своей речи в рейхстаге в феврале текущего года. Он особо подчеркнул события 21 мая³⁰, которые вынудили его 28 мая принять решения, касающиеся усиления темпа вооружений и военного строительства на западе. Затем он указал на то, что был до некоторой степени захвачен врасплох предложением Чемберлена приехать в Берхтесгаден. Естественно, ему было невозможно не принять британского премьера. Он полагал, что Чемберлен прибывает для того, чтобы заявить ему торжественно о том, что Великобритания готова на вооруженное выступление. Конечно, он тогда ответил бы ему, что Германия имела в виду такую возможность. Канцлер заявил Чемберлену, что судетский вопрос должен быть решен мирно или путем войны таким образом, чтобы Судеты были возвращены Германии. Чемберлен вернулся в Лондон, убежденный в результате этой беседы в необходимости отторжения Судетов. Канцлер еще до сих пор не имеет никаких определенных сведений о лондонских решениях. Он также еще не имеет окончатель-

* — по своему усмотрению (лат.).

ных сведений о часе встречи, которая якобы должна состояться завтра. Тем не менее поступающие известия указывают на то, что требования канцлера будут удовлетворены. Правда, передается версия, что урегулирование вопроса о Судах должно произойти не путем самоопределения, а при помощи нового пересмотра границ. Будто бы там, где немецкое большинство составляет 80%, территория должна отойти к Германии без плебисцита. При другом проценте должна быть принята во внимание возможность плебисцита. Канцлер утверждает, что он предпочитает плебисцит, и высказывается за него. Он будет, конечно, настаивать, чтобы во время плебисцита к голосованию были допущены лица, которые выехали с данной территории после 1918 г. Положение 1918 г. должно быть восстановлено. В противном случае это было бы признанием чехизации, которая имела место с 1918 г.

Занятие Судетов силой было бы, по словам канцлера, более полным и определенным решением. Тем не менее канцлер утверждает, что если его условия будут приняты, то перед общественностью своей страны он не сможет их уже не принять, даже если часть чехословацкой проблемы осталась бы неурегулированной. Поэтому канцлер находится в раздумье, как в таком случае разрешить оставшуюся часть проблемы, касающуюся Венгрии и Польши. В связи с этим он и пригласил для переговоров премьера Венгрии и меня.

В своем ответе я заявил, что хотел бы представить точку зрения как можно шире. Я сделал это согласно указаниям в 1—7 пунктах Вашей инструкции от 19 сентября 1938 г. *

За неимением времени перед отправкой настоящего письма желаю лишь отметить, что в вопросе о Тешине я два раза подчеркивал, что речь идет о территории, только немного выходящей за пределы уездов Тешин — Фриштат, и о *продлении железнодорожного сообщения к станции Богумин-Одерберг* **. В отношении венгерских требований я специально выделил вопрос о Закарпатской Руси, делая упор на стратегический момент по отношению к России, на коммунистическую пропаганду, проводимую на этой территории, и т. д. У меня сложилось впечатление, что канцлер очень заинтересовался этой проблемой, особенно когда я ему сказал, что протяженность польско-румынской границы относительно невелика и что посредством общей польско-венгерской границы через Закарпатскую Русь мы создали бы более крепкий барьер против России. Кроме того, я указал относительно Закарпатской Руси, что территория эта, на которую Словакия не претендует, была дана Чехословакии только как мандат, что население ее находится на очень низком уровне и сильно смешано и что наибольшую заинтересованность в ней имеет Венгрия.

Уточняя нашу точку зрения относительно непосредственного района, который интересует Польшу (Тешин), я отметил:

* См. док. № 70.

** Подчеркнуто в оригинале.

а) что мы выступили перед Лондоном, Парижем, Римом и Берлином, категорически требуя плебисцита, как это было предложено для Судетов;

б) что мы вчера выступили перед этими же самыми государствами в связи с сообщением о существующем якобы проекте пересмотра границ (наше заявление в письменной форме я сделал г-ну фон Риббентропу);

с) что позиция Польши очень сильна вследствие полученного из Праги и в свое время подтвержденного Лондоном и Парижем заверения, что наше меньшинство в Чехословакии будет рассматриваться наравне с другим наиболее привилегированным меньшинством.

В заключение на вопрос канцлера я ответил, что в этом пункте мы не отступили бы перед применением силы, если бы наши интересы не были приняты во внимание.

При дальнейшем анализе тактики, какую следовало бы принимать для решения всего чехословацкого вопроса, канцлер заявил:

1. Если его предложения не будут приняты Чемберленом, то положение станет ясным, и, согласно его предупреждению, он готов на вооруженное выступление для присоединения Судетов к рейху.

2. В случае, если будут приняты предложения о Судетах и от него затребуют гарантий для оставшейся части Чехословакии, он займет позицию, заключающуюся в том, что он сможет дать гарантию при условии, если то же самое будет сделано Польшей, Венгрией и Италией (включение Италии он считает важным противовесом французской и английской гарантиям). Он понимает, что Польша и Венгрия не дадут этих гарантий без решения вопроса об их меньшинствах. Я сделал заверение об этом от имени польского правительства.

3. Канцлер совершенно конфиденциально, подчеркивая, что я могу сделать из этого надлежащие выводы, довел до моего сведения, что уже сегодня, в случае если между Польшей и Чехословакией дело дойдет до конфликта на почве наших интересов в Тешине, рейх станет на нашу сторону (думаю, что подобное заявление канцлер должен был также дать венгерскому премьеру, хотя мне об этом не было сказано). Канцлер советует, чтобы при таких обстоятельствах начало наших действий последовало бы только лишь после занятия немцами Судетских гор, так как тогда вся операция была бы более короткой.

В дальнейшем во время беседы канцлер настойчиво подчеркивал, что Польша является первостепенным фактором, защищающим Европу от России.

Из других пространственных высказываний следовало:

а) что он не собирается выходить за территорию Судетов. Конечно, в случае военных действий он пошел бы дальше, так как, по моему мнению, должен был бы поддаться влиянию воен-

ных элементов, которые по стратегическим соображениям толкают его на то, чтобы поставить всю Чехию в зависимость от Германии;

b) что за линией известных германских интересов мы имеем совершенно свободные руки;

c) что он видит большие трудности в достижении венгеро-румынского соглашения (я думаю, что, может быть, канцлер находился здесь под влиянием высказываний Хорти, о которых я сообщил Вам устно);

d) что стоимость судетской операции, включая фортификацию и вооружение, достигает цифры 18 миллиардов марок;

e) что после решения судетского вопроса он поставит вопрос о колониях;

f) что его осенила мысль о решении еврейской проблемы путем эмиграции в колонии в согласии с Польшей, Венгрией, а может быть и Румынией (тут я ответил, что, если это найдет свое разрешение, мы поставим ему прекрасный памятник в Варшаве).

В соответствии с инструкцией в вышеприведенной беседе я затронул еще вопрос о польско-германских отношениях. Должен отметить, что момент был не очень подходящим, так как канцлер целиком был занят предстоящей беседой с Чемберленом.

Я затронул вопрос о Данциге, внушая ему возможность заключения прямого польско-германского договора, стабилизирующего положение вольного города.

Я привел здесь целый ряд исторических и экономических аргументов. Канцлер в ответе сослался на то, что мы имеем договор от 1934 г.³ Он считал бы также желательным сделать дальнейший шаг и не только исключить возможность применения силы в наших взаимоотношениях, но произвести окончательное установление границ. Тут он выдвинул уже известный Вам проект автостреды, соединяющейся с железнодорожной линией. Ширина такой полосы составляла бы, как он сказал, около 30 метров. Это было бы известным нововведением, где техника служила бы политике. Он сказал, что пока не выдвигает этого проекта, что он является только идеей, которую можно реализовать позднее. При таких условиях я этого вопроса далее не углублял.

В конце беседы я коснулся возможности скорейшей Вашей встречи с канцлером, в случае необходимости. Канцлер принял это с удовольствием, отметив, что встреча может быть очень полезной, особенно после разговора с Чемберленом.

Риббентроп со своей стороны просил, чтобы я узнал у Вас, не пожелали ли бы Вы сделать заявление по вопросу о польских требованиях относительно Чехословакии по примеру того, как это сделал премьер Венгрии, чтобы это могло быть использовано при переговорах с Чемберленом. Кроме того, Риббентроп заверил, что германская пресса будет как можно шире освещать наши действия в отношении нашего меньшинства в Чехословакии.

Вышеизложенный отчет я диктую перед отъездом курьера после моего возвращения самолетом из Берхтесгадена, поэтому прошу Вас принять во внимание возможные неточности.

Прошу принять и пр.

Юзеф Липский

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 208—216.

72. Нота правительства Чехословакии правительствам Великобритании и Франции

20 сентября 1938 г.

Чехословацкое правительство благодарит британское и французское правительства за сообщение, которое они сделали и в котором они формулируют свою точку зрения на решение нынешних международных затруднений, касающихся Чехословакии. Сознательная ответственность, которую оно несет как в интересах Чехословакии, ее друзей и союзников, так и в интересах всеобщего мира, оно высказывает убеждение, что предложения, заключающиеся в сообщении, не пригодны для достижения цели, которую преследуют британское и французское правительства в своих усилиях в пользу сохранения мира.

Эти предложения были выработаны без выяснения мнения представителей Чехословакии. Они направлены против Чехословакии, которая не была даже заслушана, хотя чехословацкое правительство обращало внимание на то, что оно не может принять ответственность за решение, которое было бы принято без него. Отсюда понятно, что упомянутые предложения не могут быть приемлемыми для Чехословакии.

В самом деле, согласно конституции, чехословацкое правительство не может даже принять решения, касающегося вопроса о границах. Принятие такого решения было бы невозможно без нарушения демократического режима и правового порядка чехословацкого государства. В любом случае необходимо запросить парламент.

По мнению правительства, принятие предложений такого характера равнялось бы добровольному и полному искалечению государства во всех направлениях. Были бы полностью подорваны экономика и транспорт Чехословакии, а в стратегическом отношении она попала бы в исключительно тяжелое положение. Рано или поздно Германия подчинила бы ее себе полностью.

Но если бы чехословацкое правительство и решилось пойти на предлагаемые ему жертвы, все же вопрос об обеспечении мира ни в коей мере не был бы разрешен:

а) Многие судетские немцы по хорошо известным причинам предпочли бы эмигрировать из рейха и жить в демократической атмосфере чехословацкого государства. В результате появились бы новые затруднения и новые национальные споры.

б) Паралич Чехословакии имел бы в результате глубокие политические перемены во всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Равновесие сил в Центральной Европе и Европе вообще было бы уничтожено; это повлекло бы за собой далеко идущие последствия для всех остальных государств, а особенно для Франции.

с) Чехословацкое правительство искренне благодарно великим державам за их намерение гарантировать целостность Чехословакии, которое оно понимает и весьма высоко ценит. Такая гарантия действительно открыла бы путь к соглашению между всеми заинтересованными сторонами при условии, если нынешние национальные споры были бы дружески урегулированы и притом таким образом, чтобы не обрекать Чехословакию на неприемлемые жертвы.

За последние годы Чехословакия дала многочисленные доказательства своей непоколебимой преданности делу мира. Под давлением своих друзей в переговорах по судето-немецкому вопросу Чехословакия шла так далеко, что это было с благодарностью признано всеми странами. В одном из заявлений британское правительство также отмечало, что нужно не выходить за рамки чехословацкой конституции, и, наконец, сама партия судетских немцев, когда ей были переданы последние предложения правительства, не отклонила их, а публично признала, что намерения правительства были серьезны и искренни. Несмотря на то, что среди части судето-немецкого населения вспыхнуло восстание, которое было подготовлено извне, правительство торжественно заявило, что оно все еще придерживается тех предложений, которые отвечали пожеланиям судето-немецкого населения. Оно еще и сегодня считает эти предложения осуществимыми, поскольку они касаются национального вопроса в республике.

Чехословакия всегда оставалась верной заключенным договорам и выполняла свои обязательства, вытекающие из них, как в отношении своих друзей, так и Лиги наций и ее членов, а также остальных народов. Она была и до сих пор остается готовой сохранять эту верность при всех условиях. Если она теперь сопротивляется возможности насилия, то делает это на основании еще недавних обязательств и заявлений своего соседа, а также на основании договора об арбитраже от 16 октября 1925 г., который нынешнее германское правительство в нескольких своих заявлениях признало действительным. Чехословацкое правительство заявляет, что этот договор может быть применен, и просит об этом. "Уважая свою подпись, оно готово принять любое арбитражное решение, которое было бы вынесено. Этим мог бы быть прекращен всякий спор. Это сделало бы возможным принятие быстрого, почетного и достойного для всех участвующих государств решения.

Отношения Чехословакии к Франции всегда покоились на уважении и преданнейшей дружбе и союзе, которые никогда ни одно чехословацкое правительство и ни один чехословак не нарушат.

Она жила и живет верой в великий французский народ, правительство которого так часто давало ей заверения в прочности своей дружбы. С Великобританией ее связывают чувства преданности, традиционной дружбы и уважения, из которых Чехословакия всегда будет исходить в своем сотрудничестве между обеими странами, а также в общих усилиях, направленных к сохранению мира, каким бы ни было положение в Европе.

Чехословацкое правительство сознает, что прилагаемые британским и французским правительствами усилия являются результатом их искренней симпатии, и искренне благодарит за это. Тем не менее, исходя из приведенных доводов, оно вновь обращается к ним с последним призывом и просит, чтобы они пересмотрели свою точку зрения. Оно делает это, веря, что защищает не только свои собственные интересы, но также и интересы своих друзей, дело мира и дело здорового развития Европы. В этот решительный момент речь идет не только о судьбе Чехословакии но также и о судьбе других стран, и особенно Франции.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 241—243.

73. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР 3. Фирлингера министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте

20 сентября 1938 г.

Правительство обсуждало вопросы, поставленные президентом перед Александровским. Потемкин только что сообщил мне ответ на первый вопрос — готов ли СССР оказать немедленную и действительную помощь⁴¹, если Франция останется верной пакту. Правительство отвечает: да, немедленно и действительно. На второй вопрос — готов ли СССР выполнить свои обязательства согласно ст. 16 и 17³⁸ в случае обращения в Лигу наций — правительство отвечает: да, в любом отношении.

Фирлингер

Печат. по изд.: «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 105.

74. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР 3. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии

20 сентября 1938 г.

Действия Франции характеризуют здесь как открытое предательство. Это мнение разделяет подавляющая часть дипломатического корпуса. Потемкин сообщает, что в Лондоне наибольшим трусом проявил себя Боннэ, который ссылаясь на недостаток авиации и нежелание СССР помочь нам. Личное мнение Потемкина

сводится к тому, что франко-советский пакт¹⁸ становится бесполезным. Очевидно, завтра Советы выступят с разоблачением мошенничества Бонна.

Фирлингер

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 240—241.

75. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому *

20 сентября 1938 г.

1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии,⁴¹ если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст. 16 и 17,³⁸ если в случае нападения Германии Бенеш обратится в совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3. Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство **.

В. Потемкин

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 240.

76. Из речи председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций

21 сентября 1938 г.

Мы дискутируем в настоящее время годовой отчет Лиги наций. Надо признать, однако, вполне естественным и правильным, что выступающие на пленуме ораторы говорят не о том, что Лига сделала, а о том, чего она не сделала в истекший год и в предыдущие годы. По-видимому, все сознают, что Лига наций не была создана для той деятельности, о которой повествует отчет генерального секретаря Лиги. Нельзя забывать, что создание Лиги

* Копии настоящей телеграммы направлены 20 сентября 1938 г. в полпредство СССР во Франции, а также советской делегации на сессии Лиги наций в Женеве.

** Содержание настоящей телеграммы было передано президенту Чехословакии Э. Бенешу полпредом СССР в Чехословакии 20 сентября 1938 г. по телефону во время заседания правительства Чехословакии, на котором обсуждалось заявление правительств Великобритании и Франции.

наций явилось реакцией на мировую войну с ее неизъяснимыми ужасами, что она имела целью сделать эту войну последней, охранить все народы от агрессии и заменить систему военных союзов коллективной организацией помощи жертвам агрессии. Между тем в этой области Лигой ничего не сделано. Два государства — Абиссиния и Австрия — потеряли свое самостоятельное существование вследствие грубого насилия над ними; третье — Китай — второй раз в течение семи лет стало жертвой агрессии и иностранного нашествия; четвертое — Испания — уже третий год истекает кровью в результате вооруженного вмешательства в его внутренние дела двух агрессоров. Лига наций не выполнила своих обязательств в отношении упомянутых государств.

В настоящее время пятое государство — Чехословакия — испытывает вмешательство во внутренние дела со стороны соседнего государства и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии. Один из старейших, культурнейших, трудолюбивейших европейских народов, обретший после многовекового угнетения свою государственную самостоятельность, не сегодня-завтра может оказаться вынужденным с оружием в руках отстаивать эту самостоятельность. Я убежден, что симпатии если и не всех правительств, то всех народов, представленных на пленуме, тянутся к чехословацкому народу в грозный час его испытаний, что мы все вспоминаем активнейшую роль, которую играла Чехословакия и ее нынешний президент г-н Бенеш в организации и развитии Лиги наций, что все наши помыслы настолько поглощены событиями, происходящими в Чехословакии и вокруг нее, что мы, делегаты, с трудом можем уделять внимание повестке дня пленума, в которой чехословацкий вопрос отсутствует. Не приходится поэтому удивляться, что генеральная дискуссия сводится к тому, что Лига наций должна была делать и чего она не делала. [...]

В Лиге наций и вне ее наметились две тенденции, две концепции сохранения мира. Существует мнение, что, когда какое-либо государство провозглашает внешнюю политику, основанную на агрессии, на нарушении чужих границ, на насильственном захвате чужих владений, на порабощении других народов, на господстве над целым континентом, Лига наций не только имеет право, но и обязана заявить внятно и громко, что, призванная охранять всеобщий мир, она не допустит осуществления такой программы и будет бороться с ней всеми средствами, которыми она располагает. В рамках такого заявления отдельные члены Лиги могут и должны образовать особые группировки для совместной защиты отдельных очагов угрожаемого фронта мира. Предполагается, что государства, открыто выступившие против принципов, положенных в основу пакта Лиги наций и пакта Бриана — Келлога²⁴, славословящие агрессию и издевающиеся над международными обязательствами, недоступны никаким увещаниям и уговариваниям, кроме лишь аргумента силы, и что не

должно быть места каким-либо компромиссам и сделкам с ними. Удержать их от приведения в исполнение их злых замыслов можно только демонстрацией той силы, на которую они при этом натолкнутся. Само собой разумеется, что при малейшей попытке фактического совершения агрессии должны быть пушены в ход в соответственной постепенности, с учетом возможностей каждого члена Лиги, намеченные в ст. 16 коллективные действия. Иначе говоря, против агрессора должна быть проведена программа, намеченная Уставом Лиги наций, но решительно, последовательно и без всяких колебаний, и тогда сам агрессор не будет введен в искушение и мир будет сохранен мирными средствами. Есть, однако, и другая концепция, которая рекомендует как высшую мудрость менажировать агрессора, не задевать его самолюбия, а вести с ним разговоры и переговоры, убеждать его в том, что никакие коллективные действия не будут против него предприняты, никакие группировки и блоки против него не будут созданы (хотя он сам вступает в агрессивные блоки с другими агрессорами), заключать с ним компромиссные соглашения и закрывать глаза на нарушение им этих соглашений, идти навстречу его требованиям, хотя бы даже самым незаконным, даже ездить за получением диктатов и ультиматумов, принося ему в жертву жизненные интересы того или иного государства, избегая постановки вопросов о его действиях в Лиге наций, так как это не нравится агрессору, он обижается, он дуется. К сожалению, эта именно политика до сих пор практиковалась в отношении агрессии, и она имела последствием три войны и грозит навлечь на нас четвертую. В жертву принесены уже четыре народа, на очереди — пятый.

Ввиду столь плачевных результатов этой политики мы вправе были ожидать признания ее ошибочности и необходимости замены ее другой, вместо чего мы услышали здесь предложения об увековечении этой политики. Если до сих пор агрессор, учитывая возможную реакцию Лиги наций, несколько неуверенно подготавливал свою агрессию, осуществляя ее постепенно, по мере того как он убеждался в отсутствии достаточной реакции, то теперь предлагается заранее успокоить его, что ему больше нечего остерегаться Лиги, что Лига отныне не будет применять к нему не только военных, но даже экономических или финансовых санкций и что в худшем случае ему грозит моральное осуждение, и то, вероятно, облеченное в соответствующую вежливую дипломатическую форму. [...]

Я говорю все это отнюдь не для того, чтобы переубедить те правительства, тех государственных деятелей, которые приняли решения, результатом которых были некоторые выслушанные нами здесь речи. Ошибочность и вредоносность этих решений для всего человечества, и в первую очередь для тех государств, которые защищают их, покажет история. В момент, когда закладываются фугасы для взрыва организации, с которой были связаны великие надежды многих современников, которая накладывала опреде-

ленную печать на нашу эпоху международных отношений, в момент, когда отнюдь не благодаря случайному совпадению вне Лиги принимаются решения, которые напоминают нам международные сделки довоенного времени и которые должны опрокинуть ныне существующие понятия о международной морали, о международных договорных обязательствах, когда устраиваются, очевидно, жертвоприношения богу агрессии, когда подводится черта под всей послевоенной международной деятельностью единственным выводом, что ничто не удастся, кроме агрессии, каждое государство должно определить свою роль и свою ответственность перед современниками, перед историей. Вот почему я должен здесь громко заявить, что Советское правительство ни в малейшей мере не повинно в совершающихся событиях и в том, что за этим может фатально последовать. После долгих колебаний и сомнений Советский Союз пришел в Лигу, чтобы присоединить мощь 170-миллионного народа к силам мира. В настоящий час горьких разочарований он отнюдь не должен об этом сожалеть, хотя бы потому, что иначе, несомненно, делались бы попытки его отсутствию приписывать мнимое бессилие и крах Лиги. До сих пор он был неизменно верен принятым на себя обязательствам и лояльно выполнял и изъявлял готовность выполнять все решения и даже рекомендации Лиги, имевшие целью сохранение мира и борьбу с агрессорами, не считаясь с тем, совпадали ли эти решения с его государственными интересами сего дня. Таково было его поведение при нападении на Абиссинию. Советская делегация неизменно настаивала на выполнении Лигой своего долга перед Испанией, и не ее вина, что испанская проблема была изъята из Лиги наций и передана в так называемый Лондонский комитет по невмешательству, который, как мы теперь все знаем, видит свою задачу в том, чтобы не мешать вмешательству агрессивных стран в испанские дела. Во всяком случае, действия Советского правительства в отношении испанских событий в Лондонском комитете и вне его проникнуты духом принципов Лиги наций и установленных норм международного права. То же самое можно сказать и в отношении китайской проблемы. Советская делегация всегда настаивала на оказании Лигой наций максимальной поддержки жертвам японской агрессии, и те скромные рекомендации, которые Лига наций приняла, Советское правительство выполняет более чем лояльно.

Такое событие, как исчезновение австрийского государства, прошло незамеченным для Лиги наций. Сознвая значение, которое это событие должно иметь для судеб всей Европы, и в первую очередь для Чехословакии, Советское правительство сейчас же после аншлюса обратилось официально к другим великим европейским державам с предложением о немедленном коллективном обсуждении возможных последствий этого события с целью принятия коллективных предупредительных мер. К сожалению, это предложение, осуществление которого могло избавить нас от

тревог, испытываемых ныне всем миром о судьбе Чехословакии, по было оценено по достоинству. Связанный с Чехословакией пактом о взаимной помощи, Советский Союз в дальнейшем воздерживался от всякого вмешательства в переговоры чехословацкого правительства с судето-немцами, считая это внутренним делом чехословацкого правительства. Мы воздерживались от всяких советов чехословацкому правительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам, ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту. Не давали мы советов также и в обратном направлении. Мы весьма ценили такт чехословацкого правительства, которое до самых последних дней нас даже не запрашивало, выполним ли мы свои обязательства по пакту, ибо оно, очевидно, в этом не сомневалось и не имело оснований сомневаться.

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом. Независимо от этого мы считали бы, однако, желательным постановку вопроса в Лиге наций пока хоть о ст. 11³⁶ с целью, во-первых, мобилизации общественного мнения и, во-вторых, выяснения позиции некоторых других государств, посильная помощь которых была бы весьма ценной. Необходимо, однако, сперва исчерпать все меры предотвращения вооруженного конфликта, и одной из таких мер мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша.

Вот как гласил наш ответ. Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило Советское, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это Советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ. Я думаю, согласятся, что это был ответ лояльного участника международного соглашения и верного защитника Лиги наций. Не наша вина, если не было дано хода нашим предложениям, которые — я убежден — могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира. К сожалению, были приняты другие меры, которые привели, и не могли не привести, к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия.

Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения appetites ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе пакта Лиги наций. Премировать бряцание оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря, премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах не значит действовать в духе пакта Бриана — Келлога²⁴.

Советское правительство, которое гордится своей непричастностью к такой политике и которое неизменно следовало принципам этих двух пактов, одобренных почти всеми народами мира, не будет и впредь отступать от них, убежденное в том, что в настоящих условиях невозможно иным путем обеспечить действительный мир и действительную международную справедливость. Вернуться на этот путь оно зовет и другие правительства.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 256—262.

77. Запись беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с посланниками Франции и Великобритании в Чехословакии де Лакруа и Б. Ньютоном *

21 сентября 1938 г.

Французское правительство полагает, что, отвергая предложения, мы берем на себя риск войны. Правительство Франции в этих обстоятельствах не сможет вступить в войну, его помощь будет неэффективной. Ньютон присоединился к сказанному, заявив, что наш ответ не учитывает в достаточной степени критическую ситуацию, которой англичане и французы хотели избежать. Это означает германское вторжение. Не настаивайте на своем ответе и подумайте о способе, как принять англо-французские предложения, что является единственной возможностью предотвратить непосредственную агрессию Германии. Если же мы будем стоять на своем, Чемберлен не поедет к Гитлеру и правительство Англии не сможет взять на себя ответственность. Англия и Франция охотно предложили бы Германии арбитраж, но нет надежды, что его могут принять. Это не приведет ни к каким результатам. Они снимают с себя ответственность за все, что произойдет.

Президент Бенеш. Это ультиматум.

Английский и французский посланники. Нет, это только советы.

Они требуют немедленного ответа, иначе Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру и Гитлер, очевидно, выступит. (Вероятно, Гитлер предъявил им нечто вроде ультиматума.)

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 245—246.

* Запись беседы сделана министром иностранных дел Чехословакии К. Крофтой.

78. Нота правительства Великобритании правительству Чехословакии*

21 сентября 1938г.

По мнению правительства Его Величества, ответ чехословацкого правительства никак не соответствует тому критическому положению, которое стремились предотвратить англо-французские предложения. Если бы этот ответ был принят, то опубликование его привело бы, по мнению правительства Его Величества, к немедленному германскому вторжению. Поэтому правительство Его Величества предлагает чехословацкому правительству взять этот ответ обратно и безотлагательно найти иное решение, исходя из реальной обстановки. На основе полученного ответа у правительства Его Величества не могло бы быть надежды на положительный результат предполагаемого второго визита к Гитлеру и премьер-министр был бы вынужден отменить соответствующую для того подготовку. Правительство Его Величества просит поэтому чехословацкое правительство спешно и серьезно взвесить все последствия, прежде чем оно создаст ситуацию, за которую правительство Его Величества не могло бы принять на себя ответственность.

Правительство Его Величества было бы, конечно, готово предложить германскому правительству чехословацкий проект арбитража, если бы полагало, что при данном положении могла быть какая-либо надежда на то, что он вызовет благоприятное отношение. Но правительство Его Величества не может ни на минуту поверить, что это предложение окажется ныне приемлемым, а также не может полагать, чтобы германское правительство считало ситуацию такой, какая могла бы быть разрешена арбитражем, как это предлагает чехословацкое правительство.

Если бы чехословацкое правительство, рассмотрев снова вопрос, сочло себя вынужденным отклонить этот совет, то оно, конечно, должно иметь свободу каких угодно действий, которые оно сочтет соответствующими ситуации, какая могла бы создаться позднее.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 224—225.

79. Письмо главы посреднической миссии Великобритании в Чехословакии В. Ренсимена премьер-министру Великобритании Н. Чемберлену

21 сентября 1938 г.

Дорогой премьер-министр!

Когда я взял на себя задачу посредничества в споре между чехословацким правительством и судето-немецкой партией, я был, конечно, вполне свободен в отношении получения инфор-

* См. док. № 72.

мации и вынесения заключений. Я не был обязан представить какого-либо рода доклад. При настоящих обстоятельствах, однако, вам может оказаться полезным рассмотрение тех окончательных взглядов, к которым я пришел в результате моей миссии, и некоторых предложений, которые, как я считаю, должны быть приняты во внимание, если требуется найти что-либо похожее на длительное решение.

Проблема политических, социальных и экономических отношений между тевтонской и славянской расами в области, ныне называемой Чехословакией, является проблемой, существовавшей в течение многих столетий, причем были периоды обостренной борьбы и периоды относительно мирные. Это не новая проблема, и на ее теперешнем этапе одновременно существуют как новые, так и старые факторы, которые должны быть учтены при тщательном рассмотрении.

Когда я прибыл в Прагу, в начале августа, передо мной непосредственно встали вопросы: 1) конституционные, 2) политические и 3) экономические. Конституционный вопрос был тем вопросом, которым я прямо и непосредственно занимался. В то время он ставился в форме предоставления некоторой степени самоуправления для судетских немцев в пределах Чехословацкой Республики; вопрос о самоопределении еще не стоял в острой форме. Моей задачей было ознакомиться с историей вопроса, с главными заинтересованными лицами и с предложениями о решении вопроса, выдвинутыми обеими сторонами, именно судетонемецкой партией в предварительном проекте, представленном чехословацкому правительству 7 июня (который включал 8 пунктов речи г-на Генлейна в Карлсбаде)³³, и чехословацким правительством в его проекте статута национальностей, законопроекте о языках и законопроекте об административной реформе.

Выяснилось, что ни одно из этих предложений не является достаточно приемлемым для другой стороны, чтобы позволить ведение дальнейших переговоров на этой основе, и переговоры были приостановлены 17 августа. После ряда частных разговоров между судетскими лидерами и представителями чешских властей чехословацким правительством была принята новая основа для переговоров, которая была сообщена мне 5 сентября, а судетским лидерам 6 сентября. Это был так называемый «четвертый план». По моему мнению и, я полагаю, также по мнению наиболее ответственных судетских лидеров, этот план включал почти все требования карлсбадских восьми пунктов и при некотором разъяснении и расширении мог бы охватить их во всей совокупности. Следовало бы немедленно возобновить переговоры на этой благоприятной и подающей надежды основе; но я мало сомневаюсь в том, что именно факт этой благоприятности препятствовал их принятию более крайними членами судето-немецкой партии.

Я считаю, что инцидент, возникший вследствие визита некоторых судето-немецких депутатов для обследования дела лиц, арестованных за контрабандный ввоз оружия в Моравскую Остраву, был использован, чтобы доставить повод для приостановки, если не для разрыва, переговоров. Чешское правительство, однако, немедленно уступило требованиям судето-немецкой партии в этом вопросе, и предварительные переговоры о «четвертом плане» были возобновлены 10 сентября. Опять-таки я убежден, что это не соответствовало политике судетских экстремистов и что были подготовлены и спровоцированы инциденты 11 сентября и, с еще большим эффектом, после речи Гитлера 12 сентября. В результате вызванных таким образом беспорядков и кровопролития судетская делегация отказалась от встречи с чешскими властями, назначенной на 13 сентября. Г-н Генлейн и г-н Франк представили новый ряд требований — удаление государственной полиции, ограничение функций войск выполнением их военного назначения и т. д., которые чехословацкое правительство опять-таки было готово признать при том единственном условии, чтобы представитель партии * прибыл в Прагу для обсуждения того, каким образом должен быть восстановлен порядок. В ночь на 13 сентября это условие было отклонено г-ном Генлейном, и все переговоры были полностью прерваны.

Совершенно ясно, что мы не можем вернуться к исходной точке, где мы находились две недели тому назад, и мы должны рассмотреть ныне сложившееся положение.

С отклонением предложения чехословацкого правительства 13 сентября и с разрывом переговоров г-ном Генлейном мои функции в качестве посредника фактически прекратились. Прямо или косвенно связь между главными судетскими лидерами и германским правительством сделалась решающим фактором во всей ситуации; спор больше не являлся внутренним спором. В мою функцию не входило посредничество между Чехословакией и Германией.

Ответственность за окончательный разрыв должна, по моему мнению, лежать на г-не Генлейне и г-не Франке и на тех из их сторонников внутри страны и вне ее, которые побуждали их к крайним и неконституционным действиям.

Я весьма симпатизирую, однако, делу судетских немцев. Тяжело быть управляемыми чуждой расой, и у меня осталось впечатление, что чехословацкое правление в Судетской области за последние 20 лет, хотя и не означавшее активного притеснения и, конечно, не «террористическое», было отмечено все же бестактностью, недостатком понимания, мелкой нетерпимостью и дискриминацией в такой степени, что недовольство немецкого населения неизбежно развивалось в направлении возмущения. Судетские немцы считали также, что в прошлом им было дано много

* Судето-немецкой

обещаний чехословацким правительством, но что за этими обещаниями следовало мало действий или не следовало никаких. Этот опыт вызвал нескрываемое недоверие в отношении руководящих чешских государственных деятелей. Я не могу сказать, насколько это недоверие является обоснованным или необоснованным. Но оно несомненно существует, и в результате этого, сколь бы ни были примирительными их заявления, они не внушают доверия судетскому населению. Сверх того, при последних выборах 1935 г. судето-немецкая партия получила больше голосов, чем какая бы то ни было другая партия, и она фактически образовала вторую по величине партию в государственном парламенте. Она тогда располагала 44 парламентскими мандатами из общего числа 300. Вместе с последующими присоединениями она ныне является крупнейшей партией. Но она всегда может при голосовании остаться в меньшинстве, и вследствие этого некоторые из ее членов считают, что конституционная деятельность бесполезна для них.

Эти основные претензии были осложнены местными поводами для возбуждения. Чешские должностные лица и чешская полиция, мало говорящие или совершенно не говорящие по-немецки, назначались в большом количестве в чисто немецкие районы. Чешские сельскохозяйственные колонисты поощрялись селиться среди немецкого населения, на землях, передаваемых им в соответствии с земельной реформой. Для детей этих чешских пришельцев строились здесь в большом количестве чешские школы. По общему убеждению, чешские фирмы находились в более благоприятном положении по сравнению с немецкими фирмами при предоставлении государственных контрактов и государство предоставляло чехам работу и помощь при безработице охотнее, чем немцам. Я считаю эти жалобы в основном справедливыми. Даже во время моей миссии я не нашел готовности со стороны чехословацкого правительства пойти навстречу в сколько-нибудь достаточной мере.

Все эти и другие претензии усилились вследствие влияния экономического кризиса на судетскую промышленность, составляющую столь важную часть народнохозяйственной жизни. Естественно, вина за последовавшее разорение возлагалась на правительство.

Поэтому по многим причинам, включая вышеизложенные, среди судетских немцев три-четыре года назад преобладало чувство безнадежности. Но возникновение нацистской Германии дало им новую надежду. Я считаю их обращение к помощи единоплеменников и их эвентуальное желание присоединиться к Германии естественными при данных обстоятельствах.

В момент моего прибытия более умеренные судетские лидеры еще желали урегулирования вопроса в границах чехословацкого государства. Они понимали, что означала бы война в Судетской области, которая сама явилась бы главным полем сражения. Как

с национальной, так и с международной точек зрения такое урегулирование было бы более легким решением, чем передача территории. Я сделал все от меня зависящее, чтобы содействовать этому, и до некоторой степени не без успеха, но даже и тогда я питал сомнения относительно того, может ли это соглашение, если оно и будет достигнуто, быть выполненным, не вызывая новых подозрений, контраверс, обвинений и встречных обвинений. Я считал, что всякое такое урегулирование было бы лишь временным, а не длительным.

Это урегулирование в форме того, что известно под названием «четвертого плана», сорвалось при обстоятельствах, указанных выше. Вся ситуация, как внутренняя, так и внешняя, изменилась, и я счел, что вместе с этим изменением моя миссия пришла к концу.

Когда я покинул Прагу 16 сентября, бунты и беспорядки в Судетской области, которые всегда были только спорадическими, замерли. Значительное число округов было подчинено режиму осадного положения. Судетские лидеры, по крайней мере более крайние среди них, бежали в Германию и выпускали прокламации против чехословацкого правительства. Я был осведомлен из заслуживающего доверия источника, что в момент моего отъезда число убитых с обеих сторон не превышало 70.

Поэтому, если добровольческий корпус г-на Генлейна не будет нарочито поощряем к переходу границы, я не имею оснований ожидать возобновления сколько-нибудь значительных инцидентов и беспорядков. При этих обстоятельствах нет необходимости в присутствии государственной полиции в этих округах. Так как государственная полиция чрезвычайно непопулярна среди немецких жителей и являлась предметом одной из их главных претензий за последние три года, я считаю, что она должна быть удалена возможно скорее. Я считаю, что ее удаление сократит поводы к ссорам и бунтам.

Далее для меня стало самоочевидным, что эти пограничные между Чехословакией и Германией районы, где судетское * население составляет значительное большинство, должны получить немедленно полное право самоопределения. Если неизбежна некоторая передача территории, как я это считаю, желательно, чтобы она была сделана быстро и без промедлений. Существует реальная опасность, даже опасность гражданской войны, в случае продолжения неопределенного положения. Вследствие этого имеются весьма реальные основания для политики немедленных и радикальных действий. Всякого рода плебисцит или референдум были бы, как я считаю, чистой формальностью в отношении этих, по преимуществу немецких, областей. Весьма значительное большинство их жителей желает слияния с Германией. Неизбежная

* Так в тексте.

отсрочка, требуемая при проведении плебисцита, только способствовала бы возбуждению народных чувств, вероятно, с самыми опасными результатами. Я считаю поэтому, что эти пограничные округа должны быть немедленно переданы Чехословакией Германии, и далее, что мероприятия по их мирной передаче, включая обеспечение гарантий для населения в переходный период, должны быть немедленно установлены соглашением между обоими правительствами.

Передача этих пограничных округов не разрешает, однако, окончательно вопроса о том, как немцы и чехи должны мирно сожительствовать в будущем. Даже если бы все районы, в которых немцы составляют большинство, были переданы Германии, в Чехословакии оставалось бы значительное количество немцев, а в районах, переданных Германии, было бы некоторое количество чехов. Экономические связи являются столь тесными, что абсолютное отделение является не только нежелательным, но и невысказанным, и я вновь высказываю мое убеждение, что история доказала возможность в мирное время дружественного сожительства двух народов. Я считаю, что в интересах как всех чехов, так и всех немцев надо, чтобы было поощряемо восстановление этих дружественных отношений, и я убежден, что это является действительным желанием среднего чеха и немца. Они одинаково честны, миролюбивы, трудолюбивы и воздержаны. Когда политические трения будут устранены с обеих сторон, я считаю, что они смогут спокойно ужиться.

Поэтому для тех частей территории, где немецкое большинство не является столь значительным, я рекомендую постараться найти базис для местной автономии в границах Чехословацкой Республики на основе «четвертого плана», измененного соответственно новым обстоятельствам, созданным передачей преимущественно немецких районов. Как я уже сказал, всегда есть опасность, что соглашение, достигнутое в принципе, может повести к дальнейшим расхождениям на практике. Но я думаю, что в более мирном будущем этот риск может быть сведен к минимуму.

Это приводит меня к политической стороне проблемы, касающейся вопроса о неприкосновенности и безопасности Чехословацкой Республики, в особенности в отношении ее непосредственных соседей. Я считаю, что здесь проблема заключается в устранении центра острых политических трений из середины Европы. В этих целях необходимо прочно обеспечить, чтобы чехословацкое государство жило в мире со всеми его соседями и чтобы его политика, внутренняя и внешняя, направлялась к этой цели. Точно так же, как является необходимым для международного положения Швейцарии, чтобы ее политика была вполне нейтральной, аналогичная политика является необходимой для Чехословакии и не только для ее собственного будущего существования, но и для европейского мира.

Для достижения этого я рекомендую:

1. Чтобы тем партиям и лицам в Чехословакии, которые нарочито поощряли политику, враждебную в отношении соседей Чехословакии, было воспрещено чехословацким правительством продолжать их агитацию и чтобы, если это необходимо, были приняты законные мероприятия, чтобы положить конец такой агитации.

2. Чтобы чехословацкое правительство так изменило свои внешние сношения, чтобы дать гарантии своим соседям в том, что оно ни при каких обстоятельствах не нападет на них и не приступит к каким-либо агрессивным действиям против них, проистекающим из обязательств по отношению к другим государствам.

3. Чтобы главные державы, действующие в интересах европейского мира, предоставили Чехословакии гарантии помощи в случае неспровоцированной агрессии против нее.

4. Чтобы между Германией и Чехословакией был заключен торговый договор на основе преференций, если это только окажется выгодным для экономических интересов обеих стран.

Это приводит меня к третьему вопросу, входящему в рамки моего исследования, — именно к экономической проблеме. Эта проблема возникает в связи с бедствиями и безработицей в Судето-немецкой области, постоянно существовавшими с 1930 г. и вызванными различными причинами. Она представляет подходящую почву для политического недовольства. Это — проблема, которая существует, но было бы неверным сказать, что судето-немецкий вопрос является целиком или хотя бы в основном экономическим. Если будет иметь место передача территории, эта проблема в основном будет подлежать решению германского правительства.

Если политика, изложенная мною выше, является приемлемой для тех, кто непосредственно заинтересован в теперешней ситуации, то я рекомендовал бы далее: а) чтобы представитель судето-немецкого населения имел постоянное место в чехословацком кабинете; б) чтобы комиссия с нейтральным председателем была назначена для разрешения вопроса о разграничении области, уступаемой Германии, а также спорных вопросов, непосредственно возникающих из выполнения всякого соглашения, которое может быть достигнуто; с) чтобы были организованы международные силы для поддержания порядка в округах, которые должны быть переданы Германии, вплоть до их фактической передачи, с тем чтобы чехословацкая государственная полиция, как я сказал выше, а также и чехословацкие войска могли быть удалены из этой области.

Я желаю заключить это письмо, засвидетельствовав мою оценку личной вежливости, гостеприимства и помощи, которые я и мои сотрудники получали со стороны правительства, в особенности д-ра Бенеша и д-ра Годжи, со стороны представителей судето-немецкой партии, с которыми мы были в контакте, и в особенности

со стороны очень большого количества других людей, занимающих различное положение в обществе, и которых мы встречали в продолжение нашего пребывания в Чехословакии.

Преданный Вам

Ренсимен *

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 226—238.

80. Нота правительства Чехословакии правительствам Великобритании и Франции

21 сентября 1938 г.

Вынужденное обстоятельствами, уступая исключительно настоячивым уговорам и сделав выводы из заявления французского и английского правительств от 21 сентября 1938 г., в котором оба правительства выразили свою точку зрения по вопросу об оказании помощи Чехословакии в случае, если бы она отказалась принять франко-английские предложения и, таким образом, подверглась бы нападению Германии, правительство Чехословакии, находясь в таком положении, с горечью принимает французские и английские предложения, предполагая, что оба правительства сделают все, чтобы при осуществлении названных предложений были обеспечены жизненные интересы чехословацкого государства. Оно с прискорбием подчеркивает, что эти предложения были выработаны без предварительного запроса чехословацкого правительства.

Глубоко сожалея, что не было принято его предложение об арбитраже, чехословацкое правительство принимает эти предложения как нераздельное целое, подчеркивая при этом принцип гарантий, сформулированный в ноте, и, принимая их, считает, что оба правительства не допустят немецкого вторжения на чехословацкую территорию, которая останется чехословацкой до того момента, когда будет можно осуществить передачу территории после установления новой границы международной комиссией, о которой говорится в предложениях.

По мнению правительства Чехословакии, франко-английский проект предусматривает, что все подробности осуществления на практике франко-английских предложений будут установлены по договоренности с чехословацким правительством.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 250—251.

* Письмо аналогичного содержания было в тот же день направлено В. Ренсименом на имя Э. Бенеша через чехословацкого посланника в Лондоне Я. Масарика.

**81. Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии
К. Крофты всем миссиям Чехословакии за границей,
консульству в Дублине и постоянному представителю
Чехословакии в Лиге наций**

21 сентября 1938 г.

Ход событий был следующий:

1. Французский и английский посланники вручили президенту республики 19 сентября в 14 часов памятную записку следующего содержания:

а) сохранение мира и соблюдение жизненных интересов ЧСР требуют присоединения к Германии районов, где немецкое население составляет более 50%;

б) плебисцит отклоняется ввиду возражений чехословацкого правительства; решено приступить к прямым переговорам;

с) международному органу будет поручено провести обмен населением;

д) французское и английское правительства присоединятся к международной гарантии новых границ против любого неспровоцированного нападения.

2. 20 сентября в 19 часов английскому и французскому посланникам был вручен ответ чехословацкого правительства следующего содержания:

Чехословацкая Республика не может принять эти предложения по следующим причинам:

а) вопрос мог бы решить только парламент;

б) с точки зрения экономической и транспортной ЧСР была бы полностью парализована и в стратегическом отношении попала бы в чрезвычайно тяжелое положение;

с) произошло бы новое переселение недовольных немцев в ЧСР, в результате чего возникли бы новые межнациональные конфликты;

д) равновесие сил в Европе было бы уничтожено.

В ответе предлагается арбитраж на основании чехословаcko-германского договора от 16 октября 1925 г. и выражается готовность принять заключение арбитража. Ответ заканчивается призывом к Франции и Англии вновь пересмотреть свои взгляды.

3. Английский и французский посланники 21 сентября в два часа ночи снова посетили президента и заявили, что в случае, если мы отклоним предложения их правительств, мы возьмем на себя риск вызвать войну. Французское правительство при таких обстоятельствах не могло бы вступить в войну, его помощь была бы недействительной. Принятие англо-французских предложений является единственным средством воспрепятствовать непосредственному нападению Германии. Если мы будем настаивать на своем первоначальном ответе, Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру и Англия не сможет взять на себя ответственность.

Ввиду этого ультимативного вмешательства и оказавшись в полном одиночестве, чехословацкое правительство, очевидно, будет вынуждено подчиниться непреодолимому давлению. Ответ будет дан английскому и французскому посланникам в течение дня.

Крофта

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 247—249.

82. Донесение посла Франции в Германии А. Франсуа-Понсэ министру иностранных дел Франции Ж. Бонне

22 сентября 1938 г.

В период между встречей в Берхтесгадене (15 сентября) и встречей, на которую во второй раз собираются сегодня (22 сентября) в Годесберге британский премьер и фюрер, произошло важное событие, дающее руководителям рейха новый предлог, чтобы отказаться от принципов, на основе которых, казалось, выкристаллизовывалось соглашение, и чтобы выдвинуть новые требования. Речь идет о демаршах, предпринятых 20 сентября Польшей и Венгрией в адрес фюрера и в Лондоне *, имевших целью указать, что Варшава и Будапешт не согласятся с тем, чтобы в отношении своих этнических меньшинств, включенных в чехословацкое государство, был применен менее благоприятный режим, чем тот, который будет предоставлен судетским немцам. Это было равнозначно утверждению, что уступка территорий, населенных немецким большинством, должна будет также повлечь за собой отказ Праги от Тешинской области и от 700 000 мадьяр в Словакии. Таким образом, предполагаемое отторжение территории превратилось бы в расчленение страны.

Это именно то, что и нужно рейху. Польша и Венгрия присоединяются к Германии для травли Чехословакии. Франция и Англия, которые пытались идти на уступки и, всячески удовлетворяя германские требования, хотели спасти существование чешского государства, оказываются перед лицом единого фронта трех государств, добывающихся раздела Чехословакии.

Руководители рейха, которые не делают тайны из того, что их целью является стереть Чехословакию с карты Европы, немедленно воспользовались польским и венгерским демаршами, чтобы уже 21 [сентября] объявить через свои официальные печатные органы о том, что сложилась новая ситуация, для которой требуется новое решение. В то время когда пражский кабинет после долгих и мучительных дебатов решил принять франко-британское предложение **, пресса рейха объявила, что это принятие уже не имеет никакого смысла, что оно «слишком запоздало» и что сам франко-

* См. док. № 71. Демарши предприняты также в Париже и Праге.

** См. док. № 67.

британский проект, основа которого, вероятно, была заложена в Берхтесгадене Гитлером и Чемберленом, больше не отвечает требованиям момента. Буквально накануне своего отъезда в Годесберг британский премьер, таким образом, получил предупреждение, что после 15 [сентября] положение решительным образом изменилось и что решения, которые можно было принимать в расчет восемь дней тому назад, должны отныне рассматриваться как недействительные. Иными словами, ни энергичные демарши, принятые в Праге Францией и Англией, ни принесение в жертву части своей территории, на которое было вынуждено идти чешское правительство, больше не значили ничего. Речь больше не шла об исправлении границы; на карту ставилось само существование Чехословакии. В интересах держав и чехов, хором твердили газеты рейха, понять это и не пытаться мешать естественному и необратимому ходу событий; к тому же время не ждет, и если методами дипломатии не удастся достаточно быстро достичь цели, то будут пушены в ход другие средства.

Самые высокопоставленные представители различных официальных служб, не стесняясь, размахивали жупелом войны и отпускали в адрес Праги едва закамуфлированные угрозы военной интервенции. Наконец, добавляли официальные органы, терпение поляков и венгров тоже подходит к концу. Польша уже ведет речь о применении любых средств, включая даже применение силы.

Тот факт, что Польша выказала свои аппетиты в момент, когда она почувствовала, что близится час раздела добычи, не может удивить тех, кто знал о помыслах г-на Бека, который в последнее время проявлял все большую и большую осторожность в отношении Германии и был полностью информирован о замыслах гитлеровских руководителей, в частности благодаря систематическим контактам с Герингом. В течение уже нескольких месяцев польский министр иностранных дел считал, что раздел Чехословакии неминуем, что он произойдет без войны и что это случится до истечения 1938 г. Г-н Бек не делал также тайны из своих намерений претендовать на Тешин, и даже оккупировать его, если потребуются.

Отторжение этой территории явно представлялось ему в качестве первого шага на пути к установлению общей границы с Венгрией и к созданию блока государств от Балтийского до Черного моря, горячим сторонником чего был его друг г-н Гембеш, который, вероятно, и поныне считает это своей величайшей политической идеей.

Однако Венгрия, чья помощь была крайне необходима для осуществления этого амбициозного проекта, после резкого обострения германо-чешского конфликта заняла весьма уклончивую позицию. Во время своего визита в Берлин адмирал Хорти как будто бы не взял ни одного обязательства в отношении рейха. Наоборот, он добился обещания, что германские войска не вступят на венгерскую территорию для нападения на Чехословакию, и выразил

намерение Венгрии соблюдать в случае войны четкий нейтралитет, хотя бы для того, чтобы не допустить претворения в жизнь пакта Малой антанты²¹.

И если, отправляясь 20 сентября к фюреру, г-н Имреди и г-н Каиья решили отступить от занимаемой до сих пор выжидательной позиции, то, вероятно, это произошло потому, что, узнав о проектах Варшавы, они стали опасаться упреков со стороны своего общественного мнения, которому, вероятно, было бы непонятно, почему только одна Венгрия не предъявила требования в отношении венгерских меньшинств. Может быть, они опасались, что события опередят их и они опоздают к столу? Еще более вероятно, что они получили из Берлина предупреждение, в смысле которого нельзя было ошибиться. Разве Гитлер прислал бы за ними свой личный самолет, если бы он сам не пригласил их к себе для объяснений?

Как бы там ни было, венгры, по примеру Польши, по сути дела, отказались от своей осторожной позиции и превратились в пособников самых заклятых врагов Чехословакии, тех, кто намерен любыми средствами продолжать начатое наступление, вплоть до раздела этой страны.

В том, что именно такими в настоящее время являются планы гитлеровских руководителей, к сожалению, сомневаться не приходится.

Из позиции, занятой рейхом во время переговоров между чешским руководством и делегатами судетской партии, со всей очевидностью вытекает, что нацистские руководители никогда не стремились к успеху этих переговоров и не пытались содействовать позитивному их завершению. Напротив, всякий раз, когда можно было ожидать заключения соглашения, они использовали какой-нибудь инцидент, чтобы прервать или прекратить дискуссию. Ясно, что в действительности их мало волновала степень автономии, которая могла бы быть предоставлена Судетам или в которой им было бы отказано.

Разногласия между партией Генлейна и чехами явились для рейха всего лишь поводом и отправной точкой. Главная его цель заключалась в том, чтобы, преследуя пражское руководство, ликвидировать тот барьер, которым является Чехословакия — союзница Франции и России — в Центральной Европе на пути германской экспансии.

Сколь бы велика ни была автономия Судетов, оставляющая прерогативы Праги в области национальной обороны и внешней политики, она не могла, таким образом, удовлетворить гитлеровских руководителей. Поэтому в момент, когда судетская партия уже практически выиграла дело, ей было предложено прекратить переговоры.

Все это дает основание также считать, что в решении, которое якобы было предусмотрено Лондоном и Парижем, один пункт рассматривается немцами крайне неблагоприятно, а именно —

франко-британская гарантия новой чешской границы. Неофициальные газеты, такие, как «Гамбургер фремденблат», дипломатический редактор которой частый гость на Вильгельмштрассе *, и «Газетт де ла бурс», давали ясно это понять. Рейх допустит существование только такой Чехословакии, которая перестанет быть политическим фактором в Европе и будет полностью от него зависеть.

Вот в чем очевидная причина того, почему, невзирая на продолжение переговоров с Англией, рейх ни на секунду не ослаблял свои атаки против Чехословакии. Наоборот, он привел весь механизм в действие, чтобы увеличить нажим на Прагу.

Предприняв штурм во имя солидарности между всеми представителями германского народа, нацистские руководители обращаются теперь к своему другому излюбленному аргументу, который используют, когда дело доходит до поисков мотивов для интервенции: большевистская опасность.

Если верить гитлеровским газетам, ситуация больше не иодвластна правительству Праги; сейчас на всей территории республики правит «красный сброд» **, заражена даже армия; она объединяется с коммунистической милицией; командование ее полностью предано Москве. Некоторые газеты вели даже речь о «Молдавской советской республике», которая якобы вот-вот будет создана в сердце Европы и существования которой рейх, разумеется, не потерпит.

Невозможно не поражаться сходству языка, на котором вещает сейчас пресса рейха, с тем, который она избрала накануне захвата Австрии. Тогда также писали, что г-н Шушниг был полностью под пятой у марксистов и что Вену заполонили большевистские орды и «красный сброд».

Ход военной подготовки, осуществляемой по всей Германии, также не является обнадеживающим в плане будущих намерений рейха в отношении Чехословакии. В последние дни значительно усилилась концентрация германских войск. В настоящее время вблизи чешской границы расположены три бронетанковые дивизии. Части германской армии в составе одной пехотной дивизии и четырех моторизованных дивизий также направляются к Саксонии и на север Баварии (район Эгера). Таким образом, сейчас к границам Чехословакии стянуты все моторизованные части рейха. На границе уже происходят крупные и мелкие инциденты, провоцируемые бандами, получившими оружие от германских властей.

С другой стороны, демарши, предпринятые в Праге Францией и Англией в интересах мирного решения, были истолкованы здесь как доказательство того, что Лондон и Париж не только не хотят войны, но что они не в состоянии вести ее в настоящее время ***.

* Местопребывание министерства иностранных дел Германии,

** В оригинале: «Roter Mob».

*** Подчеркнуто в оригинале.

Ширится убежденность в том, что западные державы не осмелятся меряться силами с рейхом до 1940 года.

Наконец, в общественном мнении самой Германии произошел определенный сдвиг: еще восемь дней назад была опасность войны, которая представлялась в виде всеобщего конфликта, сопровождаемого жестокой блокадой; его пугала мысль об изоляции страны и страх перед голодом. Теперь же будущее рассматривается в менее мрачном свете. Предполагают, что конфликт будет локальным и что он обязательно завершится быстрой победой, что рейх может положиться на поддержку или по крайней мере на благожелательное отношение таких стран, как Италия, Польша, Венгрия, в то время как Чехословакия окажется покинутой всеми.

Таковы причины, дающие основание опасаться, что искушение прибегнуть к насилию для решения конфликта с Чехословакией занимает сейчас больше, чем когда-либо, умы гитлеровских руководителей. Огромной заслугой г-на Чемберлена было бы, если бы он во время обмена мнениями с фюрером сумел помешать последнему, пользуясь преимуществами сохранения всеобщего мира, извлечь выгоды из локальной войны, если бы она была развязана.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français, 1932—1939», 2 serie (1936—1939), t. XI, p. 54-58.

83. Запись беседы А. Гитлера с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом

22 сентября 1988 г.

Г-н Чемберлен напоминает о том положении, которое существовало к моменту окончания беседы с фюрером в Берхтесгадене. В то время он, Чемберлен, лично признав принцип самоопределения, обещал посоветоваться со своими коллегами-министрами и получить от них одобрение этого принципа. После трудных переговоров ему удалось побудить не только британский и французский кабинеты, но также и чехословацкое правительство дать принципиальное согласие на то, чтобы удовлетворить требования фюрера, выдвинутые им во время их последней беседы*. Он, Чемберлен, хочет теперь в общих чертах изложить предложение, которое он может сделать с учетом нынешнего положения дела.

Во время последней беседы фюрер заявил, что вопрос о судетских немцах носит исключительно срочный характер и что его решение нельзя больше откладывать. Он (фюрер) сказал далее, что вопрос о судетских немцах должен быть решен до обсуждения какой-либо другой проблемы. Поэтому г-н Чемберлен в это промежуточное время посвятил себя исключительно вопросу о судет-

* См. док. № 63.

ских немцах. Какое бы важное значение фюрер ни придавал принципу самоопределения, он тем не менее в последней беседе сам добавил, что следует делать различие между возможным и невозможным. Вопрос об этом возникал также на последнем заседании английского кабинета. Английская сторона уяснила себе, что принцип самоопределения народов можно признать как непреложное правило, но не при любых условиях и не в каждой стране.

Если этого не учитывать, то могут возникнуть значительные трудности также и в других районах Европы.

На основе принципа самоопределения всем немцам в Чехословакии должна быть предоставлена возможность высказать свое решение о присоединении к Германии. Речь идет лишь о том, чтобы определить, в какой форме должно быть выражено это решение. Каждый, конечно, прежде всего подумает о плебисците. Однако процедура плебисцита может явиться источником серьезных трудностей. Она заняла бы много времени, и еще неизвестно, не возникнут ли в этот период в областях плебисцита инциденты и беспорядки. Кроме того, он, Чемберлен, помнит о высказанном фюрером во время первой беседы пожелании о быстром решении. Поэтому наиболее простой процедурой, которая одновременно содержит в себе минимум трудностей, была бы попытка обойтись без плебисцита и договориться о передаче некоторых районов Чехословакии Германии, причем лицам, которые на основе нового территориального урегулирования будут принадлежать к одному государству, но предпочитают жить в другом, будет предоставлена такая возможность.

В районах, где имеется подавляющее немецкое большинство, не придется преодолевать каких-либо трудностей при передаче территорий в состав германского рейха. В районах же, где проживает смешанное население, необходимо действовать более осторожно при установлении границы. Здесь нельзя устанавливать границу схематически в качестве жесткой линии, а нужно создать комиссию, имеющую определенные принципиальные указания, но обладающую необходимой свободой действий для того, чтобы точно определить границу с учетом географических, стратегических, политических и всех прочих точек зрения. Для того чтобы эта комиссия могла принимать решения, она должна будет руководствоваться одним главным принципом. Само собой разумеется, что между Германией и Англией должно быть достигнуто согласие о директивных положениях и чехи также должны их признать. Тогда комиссия сможет определить границу в деталях. В качестве директивных положений относительно принятия комиссией решений он предлагает установить определенный процент немцев в отношении к общему населению. Он понимает, что здесь речь идет о весьма приблизительной численности, которая, например, полностью не учитывает тех немцев, не желающих присоединиться к Германии. Во всех тех районах, где немецкое население составляет 80%, решить вопрос вообще нетрудно. Там же, где имеется

более низкий процент немцев, за основу должна быть принята средняя цифра. Он имеет в виду 65%, причем комиссии должно быть предоставлено право в отдельных случаях брать более низкий процент.

Что касается состава комиссии, то он предлагает трех членов — немца, чеха и нейтрала. Последний стал бы председателем комиссии с решающим голосом. Он добавляет, что речь здесь идет о чисто практических предложениях и что он с интересом ожидает ответа фюрера.

В остальном важно, чтобы проживающие вблизи границы группы населения получили возможность для выбора подданства, потому что линия границы не может быть проведена так, чтобы она точно размежевала две национальности. Как это уже было высказано на прошлой беседе с фюрером, сейчас действительно имеются две проблемы: во-первых, передача территории и, во-вторых, вопрос о переселении. Переселение порождает, в свою очередь, сложные проблемы собственности и ее передачи. Так как здесь в конкретных случаях могут возникнуть осложнения, то было бы лучше всего, если бы линия границы по возможности была проведена таким образом, чтобы исключалась необходимость переселения больших контингентов жителей.

Несмотря на переселение, проблема национальных меньшинств останется. Ведь на чешской территории и впредь будут проживать немцы, которых невозможно присоединить к рейху, а на немецкой стороне будут находиться «острова» с чешским населением. Для этих случаев он уже в первой беседе с фюрером предложил соответствующие меры защиты интересов национальных меньшинств.

Следующий вопрос, который связан с передачей территории, касается чехословацкого государственного имущества — зданий, банков, железных дорог и пр. Можно было бы ожидать, что Германия приобретет это государственное имущество в соответствии со стоимостью, которую следует установить.

Наконец, возникает еще вопрос — о чехословацких государственных долгах, которые, по его мнению, также должны быть приняты на себя германским рейхом в определенном соотношении к переданной территории.

В заключение надо также упомянуть следующее. В результате изменения границы Чехословакия потеряет свои укрепления в горных районах. Это ослабит ее безопасность. И хотя он, Чемберлен, помнит о том, что фюрер ему заявил в первой беседе в Берхтесгадене, что Германия, кроме судетского вопроса, не будет больше выдвигать никаких других территориальных требований, необходимо, однако, отнестись с пониманием к тому, что чехословацкое правительство после уступки части своей государственной территории и находящихся там укреплений потребует какой-то компенсации за ущерб своей безопасности, причиненный утратой этих укреплений. Он, Чемберлен, помнит о том, что фюрер в первой беседе говорил о Чехословакии как об острие копья, направ-

ленного во фланг Германии. Высказанное здесь сомнение фюрера, а также желание чехословацкого правительства, чтобы ему (правительству) облегчили принятие этого очень неприятного предложения, можно учесть таким образом, чтобы вместо существующих договорных связей Чехословакии с их военными обязательствами была предоставлена гарантия безопасности на случай неспровоцированного нападения. Английское правительство готово участвовать в такой международной гарантии на случай неспровоцированного нападения на Чехословакию, причем эта гарантия должна занять место существующих договорных связей с их военными обязательствами. Результатом подобной гарантии было бы то, что Чехословакия смогла бы использовать свои собственные вооруженные силы только для самообороны и что она должна стать полностью нейтральной. Далее он добавил, что гарантия на случай неспровоцированного нападения на Чехословакию, конечно, не означает, что границы Чехословакии в том виде, как они теперь будут определены, станут вечными и навсегда незыблемыми. И при существовании подобной гарантии будет вполне возможно изменять спорные границы без применения силы на основе договоренности. Он надеется, что выразился достаточно ясно.

Фюрер высказал свою искреннюю благодарность английскому премьер-министру за его усилия по мирному решению чехословацкого вопроса. Но ему не совсем ясно, какое предложение Англия и Франция направили Чехословакии, и он спрашивает поэтому, передан ли только что изложенный г-ном Чемберленом план также и чехословацкому правительству.

Когда г-н Чемберлен это подтвердил, фюрер сказал, что он с сожалением должен заявить, что поддержать этот план не представляется возможным. Положение совершенно ясное. Речь идет не о том, чтобы проявить несправедливость по отношению к Чехословакии, а о том, чтобы устранить несправедливость, совершенную двадцать лет назад по отношению к немецкому и другим национальным меньшинствам. В принципе тот, кто совершил несправедливость, не может жаловаться, если эта несправедливость устраняется. Чехословакия действительно является совершенно искусственным образованием, которое было в свое время вызвано к жизни по причине политической целесообразности, без учета ущерба, причиненного другим странам. Три с половиной миллиона немцев, вопреки их сразу же высказанному желанию и в нарушение всех исторических традиций, были отданы Чехословакии. Один миллион словаков был также включен в это государство, хотя словаки никогда в истории не находились ранее под господством чехов. Из Венгрии была вырвана большая территория, в результате чего почти один миллион венгров против своей воли живет в Чехословакии. Следует добавить, что Чехословакия в 1920 году, когда Польша боролась против большевиков, насильственно присоединила к себе Тешинскую область, в результате чего около ста тысяч поляков, также против своей воли, попали в эту страну.

Такова история возникновения государства, которое не имеет ни истории, ни традиций, ни естественных условий для существования. Лица всех других национальностей хотели вырваться из Чехословакии. Только несколько дней тому назад представители Венгрии и Польши заявили ему (фюреру), что они ни при каких обстоятельствах не останутся больше в Чехословакии. За последние 20 лет чехам не удалось завоевать симпатий чуждых им национальностей. Наоборот, ненависть стала еще больше.

В беседе в Берхтесгадене фюрер уже заявлял английскому премьер-министру, что он, конечно, прежде всего отстаивает интересы немцев. Из-за мирных договоров он был вынужден отказаться от такого большого количества немцев, что его мысли и чаяния относятся прежде всего к ним. Выполняя долг, он, однако, обращает внимание английского премьер-министра и на требования других национальностей в Чехословакии и хочет добавить, что эти национальности располагают самыми теплыми симпатиями германского рейха и что спокойствие в Центральной Европе не наступит до тех пор, пока не будут удовлетворены требования всех этих национальностей.

Г-н Чемберлен ответил, что часть этих рассуждений он понимает очень хорошо. Так как фюрер говорил ему недавно о неотложности судето-немецкой проблемы, то он в прошедшее с тех пор время посвятил себя прежде всего именно этому вопросу, а другие вопросы, как менее срочные, оставил в стороне.

Фюрер указал на ту критическую стадию, в которой находится сейчас судето-немецкая проблема. Дальше откладывать нельзя. Самое важное — действовать быстро. Через несколько дней должно быть принято решение. Миру известно, что на обеих сторонах границы проведены военные приготовления. Эти приготовления создали такое положение, выход из которого так или иначе должен быть найден. Решение может быть или на пути разрядки напряженности, или на пути нового усиления напряженности с последующим конфликтом. Он считает необходимым подчеркнуть, что эта проблема должна быть полностью и окончательно решена до 1 октября.

Нестабильное положение в Чехословакии также требует быстрых действий. Ни английский премьер-министр, ни он сам не могут предсказать, каким будет положение в Чехословакии завтра или через несколько дней. Сегодня там правительственный кризис, а завтра он может привести к государственному кризису. Невозможно, чтобы Германия ослабила свою бдительность и материальную готовность в обмен на неопределенные заверения. За 20 лет Праге не удалось решить национальную, проблему. Теперь определенные круги пытаются мобилизовать толпу и, ссылаясь на мнимую возможность русской помощи, пробудить воинственные большевистские инстинкты. Нельзя терять и часа времени. В интересах мира должны быть скорейшим образом приняты ясные и не допускающие сомнения меры. Если вышеназванные круги в

Чехословакии возьмут верх, то тогда предпосылок для мирного урегулирования больше не будет. Операция, которую Англия также признает необходимой, должна быть проведена самым быстрым образом.

Быстрота необходима также из-за вышедшего из-под контроля положения в пограничных районах. За 20 лет 580 000 судетских немцев эмигрировали из Чехословакии в Германию. За последние 14 дней число беженцев по состоянию на 20 сентября составило 103 780 человек. Целые населенные пункты совершенно обезлюдели, семьи разъединены, мужчины арестованы или призваны на военную службу, их жены и дети бежали через границу; сыновья оторваны от родителей, дети — от матерей. Возмущение поэтому неимоверно возросло. Надо действовать быстро. Лица немецкой и других национальностей хотели покинуть Чехословакию, в то время как чехи пытались силой задержать их на своей государственной территории. Выстрелы в беженцев поэтому вызовут, естественно, акцию помощи со стороны германской границы и особенно потому, что часто члены одной и той же семьи находятся по обе стороны границы. В течение трех-четырёх дней все это может разрастись в настоящую пограничную войну. При протяженности границы в 2300 км невозможно охранять каждое отдельное место. Учитывая нервное напряжение, создавшееся положение предъявляет самые высокие требования к германской стороне.

Английский премьер-министр заявил, что занятая фюрером позиция разочаровала его и он ее не совсем понимает. Он (Чемберлен) полагал, что фюрер, после того как выдвинутое им требование о передаче территории было принято, теперь должен был бы готов обсудить с ним (Чемберленом) методы и процедуру реализации этого требования. Он (Чемберлен) с готовностью признал в первой беседе правомочность требований судетских немцев. Путем предоставления им автономии внутри чехословацкой территории положения не спасти. Теперь, когда он (Чемберлен) привез согласие своих коллег по кабинету и французского кабинета с принципом передачи части территории Чехословакии Германии, он может с полным правом констатировать, что фюрер получил от него то, что он требовал. Для достижения этой цели он (Чемберлен) поставил на карту всю свою политическую карьеру. Во время своей первой поездки в Германию его всюду в Англии встречали аплодисментами, потому что там полагали, что прямой обмен мнениями с фюрером является лучшим путем к решению проблем. Теперь же определенные круги в Англии упрекают его в том, что он продал и предал Чехословакию, покорился диктаторам и т. п. Когда он сегодня утром покидал Англию, его буквально освистали. Все это показывает фюреру, какие трудности ему (Чемберлену) пришлось преодолеть и какие жертвы он вынужден был принести, чтобы добиться принципиального согласия на передачу территории. Поэтому он не понимает, почему его предложения не могут быть приняты. Инциденты, конечно, будут с обеих сторон. Так,

он только что получил сообщение (которое ему было доставлено от Киркпатрика) о том, что германские военные части уже перешли границу у Эгера *. Он обращается к фюреру с настоятельной просьбой попытаться вместе с ним сделать все, что в человеческих силах, чтобы урегулировать проблемы нормальным, мирным путем, а не нарушать мирный труд людей выстрелами и инцидентами. Основной принцип признан. Теперь речь идет о том, какой метод применить для решения этого принципа. И он просит фюрера оказать сдерживающее влияние на участников (конфликта).

Фюрер ответил, что единственная возможность избежать беспорядков состоит в том, чтобы в соответствии с языковой принадлежностью немедленно установить границу, к которой чехословаки должны отвести свои войска и перевести правительственные учреждения. В этой зоне будут органы рейха. Чехи могут, конечно, заявить, что граница, которую имеет в виду Германия, не совсем совпадает с границей по национальному признаку. Поэтому после занятия территории германскими правительственными органами там следует провести голосование исходя из данных о населении по состоянию на 1918 год. Образцом для этого может служить саарский плебисцит³⁷. Так же как и там, здесь должны участвовать в голосовании все жители, изгнанные отсюда в 1918 году, а искусственно поселенные там за это время чехи, естественно, не будут обладать правом голоса. Он (фюрер) готов допустить туда для проверки результатов голосования международную контрольную комиссию. Если в каком-либо районе результат плебисцита покажется сомнительным, то комиссия сможет провести там проверку; до ноября или декабря комиссия, безусловно, сможет быть надлежащим образом создана, и к этому времени следует также провести плебисцит.

Г-н Чемберлен спросил, предусматривается ли проведение плебисцита в каждом районе, например там, где наличие немецкого большинства не вызывает никакого сомнения. Он считает, что лучше в таких районах голосования не проводить, а проводить его только там, где условия являются сомнительными.

Фюрер ответил, что самым простым делом было бы проведение плебисцита на всей территории, причем пограничная комиссия, которой были бы представлены результаты плебисцита, может сделать некоторые исправления границы в зависимости от итогов плебисцита и выявившегося большинства. При этом он имеет в виду простое большинство. И он выражает полную готовность снова возвратить те районы, чешский характер которых выявится в ходе плебисцита на этой основе.

На промежуточный вопрос Чемберлена о том, будет ли это относиться также к тем случаям, если в ходе плебисцита немцы предпочтут остаться в чехословацком государстве, фюрер ответил, что он охотно откажется от подобных немцев. Изменение границы

* Имеется в виду чешское название города Хеб.

в результате плебисцита должно, конечно, быть проведено великодушным образом. Само собой разумеется, что далеко не всякое большинство в мелких населенных пунктах должно приводить к зигзагам пограничной линии.

По вопросу о государственной собственности он должен заметить, что та часть собственности, которая находится в Судетской области, уже практически оплачена за счет поступлений от налогов с тамошних немецких жителей. Вследствие своей интеллигентности и трудолюбия судетские немцы внесли в чешский государственный бюджет даже больше, чем соответствует их доле в общем количестве населения страны. Что касается других сооружений, то они унаследованы еще от старой Австрии, где немецкая часть населения также давала значительную часть поступлений от налогов. Таким образом, чешское правительство не имеет никаких прав на то, чтобы забрать подобную собственность или получить компенсацию за нее. Поэтому на любую попытку разрушить или забрать эту государственную собственность последуют соответствующие контрмеры со стороны Германии.

По вопросу о гарантиях фюрер заявил, что если Англия хочет дать такие гарантии, то это, конечно, ее дело. Германия же может лишь тогда присоединиться к гарантиям в отношении Чехии, когда это сделают все соседи чешского государства и все великие державы, включая Италию.

Чемберлен ответил, что он не требовал от Германии присоединения к гарантиям. В этом совершенно нет необходимости. Он думает больше о заключении пакта о ненападении между Германией и Чехословакией.

Фюрер ответил на это, что он только тогда сможет заключить пакт о ненападении с Чехословакией, когда будут решены все проблемы с ее соседями, такими, как Польша и Венгрия. Германия поддерживает с этими двумя странами настолько особые дружественные отношения, что она не может наносить им в некотором роде удар в спину путем заключения такого пакта о ненападении.

Положение ясное. Как выразитель немецких интересов, он видит две возможности:

1) мирное решение, при котором новая граница в основном будет проведена в соответствии с национальными разграничениями;

2) военное решение, при котором новая граница будет определена военными, исходя из стратегических соображений.

Остальная Чехия не представляет для Германии никакого интереса. Он, фюрер, знает чехов давно. Любое заявление Германии относительно пакта о ненападении в связи с англо-французскими гарантиями будет воспринято чехами как своего рода поощрение — как это уже было в вопросе о судетских немцах — того, чтобы по отношению к венгерскому и польскому меньшинствам отбросить все и всяческие церемонии, так как опасность вмеша-

тельства Германии теперь, мол, устранена пактом и позицией Англии и Франции в результате гарантий.

Чемберлен сказал на это, что гарантии, естественно, относятся только к случаю неспровоцированного нападения и что Франция и Англия заинтересованы проявлять заботу о том, чтобы Чехословакия никого не спровоцировала своим обращением с национальными меньшинствами. В остальном же он (Чемберлен) является не партнером по переговорам, а только посредником, который старается помочь добиться мирного решения, справедливого для всех участников. Отношение в Англии к переданным им (Чемберленом) здесь предложениям неблагоприятное и еще больше ухудшится, если условия осложнятся. Он должен быть в состоянии доказать общественному мнению в своей стране, что предложения, которые он сделал, справедливы. Поэтому плебисцит должен быть проведен в условиях, свободных от военного или какого-либо другого давления. Но зачем вообще здесь нужен всеобщий опрос?

Фюрер ответил, что подобный плебисцит необходим потому, что чехи, вероятно, станут все оспаривать, и потому, что очень важно иметь ясную картину действительного положения вещей. При этом потребуются путем опроса выявить общественное мнение большинства районов. Конечно, будет невозможно принять во внимание каждую маленькую деревню.

Другое принципиальное требование, выдвинутое фюрером, состояло в том, чтобы все немцы были немедленно удалены со службы в чешской армии и полиции. С немецкой стороны чехи также не будут привлекаться на военную службу, чтобы в случае конфликта с Чехословакией они не были вынуждены сражаться против своих соотечественников.

Затем Чемберлен попросил показать на немецкой карте* районы, которые должны отойти от Чехословакии.

Фюрер указал на то, что эта карта составлена на основании карт, содержащих языковые и этнографические данные за 1910, 1920 и 1930 годы и с учетом последних чехословацких общинных выборов. Из Чехословакии эмигрировало 150 000 судетских немцев за океан, 400 000 в Австрию и 270 000 в старый рейх. Кроме того, 200 000 чехов переселились на жительство в Судетскую область. Если он (фюрер) в качестве образца для плебисцита приводит саарское урегулирование, то он тем самым хочет отметить, что оно в свое время было предложено не им, а Верховной международной комиссией.

Чемберлен указал на различие между Саарской областью, находившейся под верховной властью Лиги наций, и Судетской областью. В соответствии с его (Чемберленом) предложением немцы получили бы приблизительно ту же самую территорию, что и на основе предложения о плебисците, хотя принципы установле-

* В данный сборник не включена.

ния линии границы здесь совершенно другие. Он, Чемберлен, не имеет полномочий для переговоров. Он может только сообщить о том, что его предложение не было принято, и о том, какое встречное предложение было сделано германской стороной, а также попытаться убедить свою собственную страну в правильности своего образа действий. Выполнение этой задачи фюрер ему во всяком случае не облегчил.

Фюрер ответил, что его положение тоже нелегкое. Немецкий парод больше склонен к тому, чтобы установить соответствующими средствами стратегическую границу, чем вести переговоры.

Чемберлен ответил фюреру, что он, фюрер, имеет в своих руках средства власти, для того чтобы в любое время установить эту стратегическую границу. Но какой смысл начинать конфликт, который потребует человеческих жертв и приведет к разрушению богатых районов? При современных условиях в войне часто даже победитель не получает никакой настоящей выгоды и успех обеспечен всегда только до некоторой степени, а что будет затем — весьма неопределенно. Поэтому ему кажется, что было бы лучше попытаться мирным путем найти решение, от которого фюрер с гарантией сможет ожидать выполнения своих требований.

Фюрер ответил, что положение является совершенно невыносимым. В любой момент, пока здесь ведутся переговоры, где-то в Судетской области может произойти взрыв, который сделает все дальнейшие усилия по мирному урегулированию тщетными. Самое быстрое и лучшее решение поэтому состоит в том, чтобы занять спорную территорию немецкими войсками и органами управления и тем самым обезопасить ее от возможного возникновения инцидентов. Он повторил, что готов после этого провести необходимые изменения границы, если этого потребуют результаты плебисцита.

В заключение фюрер показал г-ну Чемберлену в присутствия г-на германского министра иностранных дел, г-на статс-секретаря фон Вейцекера, английского посла сэра Невилля Гендерсона и некоторых других господ из германской и английской делегаций карту подлежащих передаче судето-немецких районов, при этом частично повторив свои вышеприведенные рассуждения.

На беседе между фюрером и рейхсканцлером и британским премьер-министром также присутствовал для ведения протокольных записей г-н Киркпатрик из английского посольства в Берлине.

В соответствии с указанием настоящая запись беседы представлена фюреру и рейхсканцлеру.

Шмидт

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945», Serie D, Bd. II. Baden-Baden, 1951, S. 694-702.

84. Донесение военного атташе Франции в Чехословакии генерала Э. Фоше министру национальной обороны Франции Э. Даладье

22 сентября 1938 г.

Действия Франции и Великобритании в Праге вызвали в стране, и в частности в военных кругах, решительное возмущение, которое еще более усилилось, когда стало известно о принятии чехословацким правительством ультиматума.

Генеральный инспектор и начальник Генерального штаба выразили мне свои чувства в ясных, хотя и умеренных выражениях, поскольку они знают, какую боль я испытываю вместе с ними. Другие офицеры обратились ко мне письменно или, не сговариваясь, пришли непосредственно встретиться со мной. Главным виновником в глазах всех остается Франция: ведь она — союзная держава. Предложение о гарантии новых границ расценивается с суровой иронией.

Чехословацкая армия знала об ужасных испытаниях, которые ждали ее в случае конфликта, но она была готова на любые жертвы. Понятно, что она испытывает сегодня глубочайшее возмущение из-за того, что приходится сложить оружие без единого выстрела. Утрата исторических и естественных границ путем отторжения районов, где, кстати, проживает значительная прослойка чешского населения, передача без боя почти всей системы фортификаций, которая только что была создана с такой энергией и ценой таких жертв, делают невозможной какую бы то ни было оборону и наносят чехословацкой нации чудовищный моральный удар. Отныне чехословацкая нация будет независимой лишь в той мере, в какой это будет дозволено рейхом.

Полностью отвергается довод, что, по сути дела, нельзя было оспаривать право немцев Чехословакии распоряжаться своей судьбой. Это право, как и все остальные права, ограничивается нравом других. Чехословацкая нация имеет право на существование, и она, действительно, не сможет жить без территории, которую у нее отторгают.

Чехословацкие немцы и чехи более тысячелетия жили в рамках единой политической системы. Они могли бы и дальше жить в добром согласии, если бы прекратилось подстрекательство извне.

В Чехословакии истари существовали глубокие и трогательные чувства любви и восхищения по отношению к Франции. Я достаточно хорошо знаю эту страну, чтобы делать такое утверждение, основываясь па совсем иных категориях, нежели поступки, относимые к обычной вежливости.

Теперь на смену таким чувствам приходят гнев и презрение: мы совершили акт предательства, и отягчающим обстоятельством при этом является то, что мы попытались скрыть предательство. «В один прекрасный день вы, возможно, станете свидетелем того,

как против вас будут использованы пушки заводов «Шкоды» и чехословацкие солдаты», — сказал мне один мой давний друг.

Французских офицеров больше не приветствуют, и, чтобы избежать возможных инцидентов, персонал французской миссии выходит на улицу только в гражданском.

Один из офицеров явился в миссию и вернул свой орден Почетного легиона и свой военный крест. Вне сомнения, за ним последуют другие*.

Жизнь французов в Чехословакии отныне станет бесконечно тягостной. Ясно, что все французские культурные институты, созданные после войны, исчезнут либо начнут влечь жалкое существование. Они будут заменены чем-то другим.

Далее, как следствие всего, произойдут и другие события, имеющие всеобщее и более серьезное значение.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2^e serie (1936-1939), t. XI, p. 464-465.

85. Запись беседы заведующего протокольным отделом министерства иностранных дел Чехословакии Я. Смутного с посланником Великобритании в Чехословакии Б. Ньютоном

23 сентября 1938».

Британский посланник г-н Ньютон просил меня сегодня, 23 сентября, вечером в половине девятого повидаться с ним, так как у него есть важное сообщение из Годесберга.

В первом письме, копию которого г-н Ньютон дал мне, Гитлер высказывает мнение, что Чехословакия вызывает смуту и что единственно возможным средством сохранения мира является оккупация судето-немецкой территории германской армией. Это свое предложение Гитлер называет миролюбивым решением. Если его предложение не будет принято, то, как он дает понять, дело дойдет до решения вопроса посредством военных действий, однако в этом случае речь уже будет идти не об этнографической границе, а о военной и стратегической.

При первой встрече Гитлер показал карту Чехословакии, на которой были указаны новые границы. Г-н Чемберлен возразил, что эти новые границы отдают Германии слишком большую территорию, на что Гитлер ответил, что в тех частях территории, которые не были бы признаны как несомненно немецкие, он готов согласиться на плебисцит. Этот плебисцит будет проведен через

* «Мне только что стадо известно, что Ассоциация бывших французских легионеров намеревалась принять решение о возврате французских наград в миссию и что принятие этого решения было отсрочено исключительно благодаря энергичному вмешательству одного преданного друга», — *Прим. док.*

два или три месяца под международным контролем по образцу плебисцита в Сааре³⁷. Всякую территорию, население которой высказалось бы за Германию, он немедленно займет германскими войсками.

Г-н Чемберлен хотел высказать некоторые возражения Гитлеру по поводу его второго плана при втором свидании, но кажется, что это второе свидание не состоялось, ибо г-н Чемберлен высказал свои возражения Гитлеру в письменной форме. В письме он говорит, что готов передать чехословацкому правительству предложение Гитлера относительно тех областей, в которых плебисцит необходим, и тех, в которых он не нужен; однако трудность осуществления того, что предлагает Гитлер, заключается в том, что все территории должны быть заняты немедленно.

При таких условиях было трудно вести дальнейшие переговоры, и Чемберлен сомневается, чтобы план, предложенный Гитлером, ослабил напряжение, даже если бы он и был принят. Гитлер не вполне понимает, что г-н Чемберлен не в состоянии предложить план, который не одобрило бы общественное мнение в Англии и во Франции. Он уверен, что предлагаемая оккупация немецкими войсками этих территорий — вследствие чего последние стали бы практически частью рейха — была бы воспринята как символизирующая именно это. Г-н Чемберлен полагает, что чехословацкое правительство отклонит подобный план. В предложениях Гитлера должны содержаться такие альтернативы, которые не могли бы вызвать возражений.

По желанию г-н Чемберлен мог бы запросить чехословацкое правительство, было ли бы для него приемлемым решение о том, чтобы передать судетским немцам ответственность за поддержание порядка на тех территориях, относительно которых не существует сомнений. Вместо германских войск судетские немцы создали бы на этих территориях свои собственные организации или воспользовались бы уже существующими организациями, которые действовали бы под надзором германских наблюдателей. Г-н Чемберлен мог бы запросить чехословацкое правительство о его мнении, и если бы такое предложение оказалось приемлемым для Праги, то Чемберлен обратился бы к пражскому правительству с просьбой, чтобы оно отозвало войска и полицию из тех округов, в которых порядок мог бы поддерживаться судетскими немцами. В своем ответе на письмо г-на Чемберлена Гитлер настаивает на своих вчерашних условиях. Он делает единственное исключение, а именно: он не стал бы занимать германскими войсками те области, в которых должен быть произведен плебисцит.

Требования Гитлера могут быть резюмированы следующим образом:

1) Он требует немедленного отозвания военных и иных властей, а также полиции из тех частей судетской территории, которые он считает немецкими.

2) Он требует военной оккупации этих территорий.

Со своей стороны г-н Чемберлен требует, чтобы Гитлер вручил ему письменный меморандум с изложением этих требований. Если г-н Чемберлен получит этот меморандум, он пошлет его Ньютону, британскому посланнику в Праге, завтра самолетом. Г-н Чемберлен заявил также Гитлеру, что он не видит теперь никакого иного дальнейшего способа действий, как только переслать этот меморандум, а самому вернуться в Лондон.

Одновременно с этим г-н Чемберлен просит Гитлера дать заверения, что он не предпримет никаких военных действий на чехословацкой территории, пока не получит ответа из Праги, ибо такие действия нанесли бы вред дальнейшим переговорам, если бы до них дошло дело.

Г-н Ньютон получил сначала информацию из Лондона относительно мобилизации (что нет возражений против чехословацкой мобилизации), а позднее вышеизложенное сообщение из Готтесберга. Предполагалось, что он обратит внимание чехословацкого правительства на то, что объявление мобилизации может иметь своим последствием немедленный приказ германским войскам вторгнуться в Чехословакию.

Смутный

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 281—283.

86. Заявление Советского правительства правительству Польши

*23 сентября 1938 г**

Правительство СССР получило сообщения из различных источников, что войска польского правительства сосредоточиваются на границе Польши и Чехословакии, готовясь перейти означенную границу и силою занять часть территории Чехословацкой Республики. Несмотря на широкое распространение и тревожный характер этих сообщений, польское правительство до сих пор их не опровергло. Правительство СССР ожидает, что такое опровержение последует немедленно. Тем не менее на случай, если бы такое опровержение не последовало и если бы в подтверждение этих сообщений войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой Республики и заняли ее территорию, правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить правительство Польской Республики, что на основании ст. 2 пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля

* Заявление было передано около 4 часов утра 23 сентября 1938 г. заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкиным поверенному в делах Польши в СССР Т. Янковскому.

1932 г., правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 269.

87. Запись беседы заведующего протокольным отделом министерства иностранных дел Чехословакии Я. Смутного с посланником Великобритании в Чехословакии Б. Ньютоном

24 сентября 1938 г.

Посланник Ньютон 24. IX. 1938 г. в 10 час. 30 мин. по телефону сообщает:

1. Он получил ночью информацию о том, что меморандум⁴², который Гитлер передал Чемберлену, будет ему послан по телеграфу. До настоящего времени меморандум им еще не получен.

2. Он обращает внимание на то, что к тексту письма, которое он передал мне вчера, есть какие-то дополнения, но он не может мне сообщить их, так как не имеет на то полномочий.

3. В качестве добавления личного характера он сообщает мне, что считал бы весьма необходимым, чтобы в данный момент у нас не произошло никаких инцидентов, враждебных немцам, т. е. чтобы наше население не мстило немецким согражданам. Я уверил Ньютона, что в этом смысле были даны весьма строгие приказания и что как раз то обстоятельство, что армия мобилизована, является наибольшей гарантией, что спокойствие будет сохранено при всех обстоятельствах. Из всех сообщений, полученных министерством от генерального штаба и министерства внутренних дел, вытекает, что ни до каких инцидентов дело не дошло, и в этом смысле он может информировать Лондон.

Я. Смутный

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 252-253.

88. Годесбергский меморандум⁴², направленный премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом. посланнику Чехословакии в Великобритании Я. Масарику

25 сентября 1938 г.

Сообщения, поступающие ежечасно и во все возрастающем количестве относительно инцидентов в Судетской области, показывают, что сложившееся там положение стало абсолютно невыносимым для судетских немцев и, следовательно, представляет собой угрозу для мира в Европе. Поэтому необходимо, чтобы отделение Судетской области, на которое согласилась Чехословакия*,

* См. док. № 80.

было осуществлено теперь без дальнейшего промедления. На прилагаемой карте * судето-немецкая территория, подлежащая отделению, окрашена в красный цвет. Районы, в которых, помимо территорий, подлежащих оккупации, должен быть еще проведен плебисцит, окрашены в зеленый цвет.

Окончательное определение границ должно быть осуществлено в соответствии с пожеланиями заинтересованных сторон. Для выявления этих пожеланий, чтобы подготовиться к проведению плебисцита, необходимо определенное время, в течение которого при всех обстоятельствах должны быть предотвращены какие-либо беспорядки. При этом необходимо создать равные условия для обеих сторон. Территория, обозначенная на прилагаемой карте как немецкая, будет оккупирована германскими войсками независимо от того, что плебисцит может выявить преобладание чешского населения в той или иной части территории. С другой стороны, чешская территория будет оккупирована чешскими войсками независимо от того, что внутри ее могут находиться значительные районы, население которых говорит на немецком языке и во время проведения плебисцита, несомненно, в своем большинстве выразит немецкие национальные чувства.

В целях обеспечения немедленного и окончательного решения судето-немецкой проблемы германское правительство предлагает следующее:

1. Вывести все чешские вооруженные силы, полицию, жандармерию, а также таможенных чиновников и пограничную охрану с территории, подлежащей эвакуации, как она обозначена на прилагаемой карте. Эта территория должна быть передана Германии 1 октября.

2. Эвакуированная территория должна быть передана в ее нынешнем состоянии. Германское правительство согласно на прикомандирование к штабу германских вооруженных сил полномочного представителя чешского правительства или чешской армии для урегулирования частных вопросов эвакуации.

3. Чешское правительство немедленно увольняет всех судетских немцев, служащих в вооруженных силах и в полиции по всей чешской государственной территории, и позволяет им вернуться домой.

4. Чешское правительство освобождает всех политических заключенных немецкого происхождения.

5. Германское правительство согласно разрешить проведение плебисцита в тех районах, которые будут более точно определены, не позднее 25 ноября. Вопрос об изменениях новых границ, связанных с результатами плебисцита, будет решен германо-чешской или международной комиссией. Сам плебисцит будет осуществлен под контролем международной комиссии. Лицам, проживавшим в упомянутых районах на 28 октября 1918 г. или родив-

* В данный сборник не включена.

шимся в этих районах до указанной даты, предоставляется право голосования. Простое большинство всех имеющих право голосовать мужчин и женщин определит желание населения принадлежать германскому рейху или чешскому государству. Во время плебисцита обе стороны выведут свои войска с территории, которая будет определена более точно. Дата проведения плебисцита и его продолжительность будут определены совместно германским и чешским правительствами.

6. Германское правительство предлагает создать авторитетную германо-чешскую комиссию для согласования всех дальнейших деталей.

Годесберг, 23 сентября 1938 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эвакуированная судето-немецкая территория должна быть передана без каких-либо разрушений или приведения в негодность любым путем военных, хозяйственных ИЛИ транспортных предприятий, включая наземные службы воздушного транспорта и все радиостанции.

Все хозяйственные и транспортные средства, особенно подвижной состав железных дорог, в указанных районах должны быть переданы неповрежденными. То же относится ко всем предприятиям общественного пользования (газовые предприятия, электростанции и т. д.). Наконец, никакие продукты, промышленные товары, скот, сырье и т. д. не должны быть вывезены.

Премьер-министр выражает надежду, что любой ответ чехословацкого правительства на германский меморандум будет передан через него. Если бы чехословацкое правительство сочло возможным и пожелало направить своего представителя в Лондон для обсуждения данного вопроса, мы были бы весьма счастливы принять его, предпочтительно в понедельник.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 288—291.

89. Нота посланника Чехословакии в Великобритании Я. Масарика министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу

26 сентября 1938 г.

Сэр,

Я передал моему правительству вопрос, который поставил мне премьер-министр вчера вечером и на который он желал получить ответ. Вопрос премьер-министра, как я его понял, я передал в Прагу следующим образом:

«Хотя Гитлер сказал, что меморандум⁴², переданный чехословацкому правительству правительством Его Величества, был его

последним словом и хотя Чемберлен очень сомневается в том, что он мог бы в этот поздний час побудить Гитлера к изменению его мнения, премьер-министр все же мог бы в зависимости от обстоятельств предпринять последнее усилие для того, чтобы убедить Гитлера принять иной метод мирного разрешения судето-немецкого вопроса, а именно посредством международной конференции с участием Германии, Чехословакии и других держав, которая приняла бы во внимание англо-французский план и наилучший метод его осуществления. Он спросил, было ли бы чехословацкое правительство готово принять участие в этом новом усилии сохранить мир».

На этот вопрос я получил теперь следующий ответ моего правительства:

«Чехословацкое правительство готово принять участие в международной конференции, на которой Германия и Чехословакия были бы представлены вместе с другими государствами для того, чтобы найти другой метод разрешения судето-немецкого вопроса, чем тот, который был изложен в предложениях Гитлера, причем следовало бы иметь целью возможность возврата к так называемому англо-французскому плану. В ноте, которую г-н Масарик передал вчера вечером Чемберлену, был упомянут тот факт, что чехословацкое правительство, приняв англо-французскую ноту под сильнейшим давлением и прямым принуждением, не имело времени для того, чтобы сделать какие-либо замечания в отношении многочисленных неосуществимых ее сторон. Чехословацкое правительство считает, что если бы конференция состоялась, то этот факт не остался бы незамеченным со стороны ее участников».

Мое правительство после опыта последних недель считало бы вполне оправданной просьбу об определенной и обязательной гарантии относительно того, чтобы никакое неожиданное действие агрессивного характера не было произведено во время переговоров и чтобы чехословацкая оборонительная система осталась неприкосновенной в течение этого периода.

Примите и проч.

Ян Масарик

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 254—256.

90. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

26 сентября 1938 г.

Посланные сегодня две телеграммы по поводу утренних бесед со статс-секретарем Вейцекером и министром иностранных дел фон Риббентропом честь имею дополнить следующими сведениями:

Как в действительности проходила конференция в Годесберге, сказать очень трудно, т. к. до сегодняшнего дня в Берлине отсутствовали министр фон Риббентроп и статс-секретарь Вейцзекер.

Кроме того, мировая пресса была заполнена неверными слухами, вводившими в заблуждение наблюдателей.

В этих условиях единственным авторитетным документом явился германский меморандум — результат годесбергской конференции, — доведенный до сведения здешних представителей Польши, Венгрии и Италии. Я имел честь переслать его г-ну министру при письме от 24 текущего месяца за № 1/171/38*.

Напоминаю только, что на второй день конференции в Годесберге г-н фон Риббентроп около часу дня сообщил мне, что канцлер отклонил проект пакта о ненападении и гарантиях для Чехословакии, о чем я сразу же сообщил по телеграфу.

Среди представителей польской прессы, находившихся в Годесберге (директор Дембинский от ПАТ), распространялись слухи, инспирированные англичанами, о том, что кризис в Годесберге возник вследствие требования канцлера одновременно решить всю совокупность чехословацкой проблемы, включая польские и венгерские требования.

Разряжение будто бы наступило ночью, в решающей беседе между Чемберленом и канцлером, когда последний отказался от своего требования.

Венгерский посланник, посетивший меня сегодня с утра, также утверждал, что в последней беседе с Чемберленом канцлер уступил под английским давлением, которое, между прочим, выразилось в заявлении английского премьера, что он завтра вынужден будет покинуть Годесберг.

Венгерский посланник полагает, что на решение канцлера повлияли также нажим германских военных кругов, опасаящихся международного столкновения, и мнение высших чиновников министерства иностранных дел, которые, как это я мог проверить, постоянно предостерегают о возможности выступления Англии и Франции. Ввиду полученной информации венгерский посланник выразил также опасение, что чешское правительство, принимая сейчас германский меморандум, вернется в дальнейшем к пакту о ненападении, но не для всей территории Чехословакии, а лишь для участка нового чешско-германского разграничения и что канцлер под английским давлением может согласиться на это. Я сказал венгерскому посланнику, что считаю это исключенным, так как Гитлер в беседе со мной в Берхтесгадене ясно определил свою позицию в этом вопросе.

После встречи с венгерским посланником я имел в министерстве иностранных дел беседы, сначала с г-ном Вейцзекером, а затем с г-ном фон Риббентропом.

Из сделанных мне пояснений следует, что во время перегово-

* В данном сборнике не публикуется.

ров в Годесберге канцлер ограничился обсуждением только судетского вопроса. Он исходил из предпосылки, что, затрагивая всю совокупность проблемы, в данное время можно лишь осложнить все дело. Наш и венгерский вопросы были косвенно выдвинуты лишь тогда, когда канцлер отклонил проект пакта о ненападении и гарантии. Риббентроп сказал мне, что канцлер отклонил заключение пакта о ненападении, мотивируя это тем, что такой пакт был бы в чешских руках инструментом, направленным против требований польского и венгерского меньшинств. Гарантию же канцлер отклонил, мотивируя тем, что он должен был бы поставить ее в зависимость от гарантий Польши, Венгрии и Италии. Риббентроп добавил, что английское правительство не очень настаивает на гарантии, видимо, потому, что с точки зрения традиционной английской политики гарантия является нежелательной.

Интересное замечание в отношении гарантий сделал Вейцзекер, заметив, что он бы несколько не удивился, если бы Бенеш, отказываясь от гарантии других стран, потребовал бы ее лишь от Франции и Англии, ставя в зависимость от этого принятие германского меморандума.

На мой вопрос, что, собственно, явилось причиной напряжения обстановки в Годесберге, Риббентроп ответил, что после беседы в Берхтесгадене Чемберлен стремился придать проблеме передачи Судетов форму, более приемлемую для общественного мнения Запада. Это подтверждает информацию, которая была Вам послана после разговора с Верманом и в которой сообщалось, что наибольшие возражения со стороны Чемберлена вызвало требование Германии относительно занятия войсками передаваемых территорий к 1 октября. Тем не менее Риббентроп с просьбой не разглашать уполномочил меня информировать Вас, что Чемберлен лично обязался перед канцлером приложить все усилия к тому, чтобы меморандум был принят. Для внешнего мира это, конечно, не могло быть объявлено, поэтому в коммюнике и появилось сообщение о том, что британский премьер передаст меморандум чешскому правительству.

В приемной Риббентропа я встретил послов Англии и Италии.

Английский посол успел только сказать мне, что он считает ситуацию критической. Итальянский посол, основываясь на информации, полученной из Рима, выразил опасение относительно того, что положение Чемберлена становится затруднительным. Из этого я мог понять, что Муссолини опасается колебаний английского премьера. Итальянский посол сказал мне, что он по поручению Муссолини идет к Риббентропу с целью повлиять на последнего в том смысле, чтобы Гитлер сегодняшней речью не обострил положения. Он предложит, чтобы Гитлер сказал, что он готов предоставить гарантии, ставя их в зависимость от соседей Чехословакии (Польша, Венгрия) и от Италии.

На мой вопрос, затронет ли канцлер в сегодняшней речи всю чехословацкую проблему, министр фон Риббентроп ответил, что

он еще не знает содержания речи и что он сегодня намеревается говорить с канцлером.

Из более отчетливых высказываний Вейцекера и менее ясных — Риббентропа следует, что до тех пор, пока не решен судетский вопрос, Гитлер вынужден все свое внимание сосредоточивать на этой проблеме. Тем не менее Риббентроп заверил, что Гитлер определенно стоит за удовлетворение польских и венгерских требований.

Затем Риббентроп в довольно общей форме заявил, что он видит во всем этом деле две возможности:

1. Чешское правительство примет меморандум, после чего тотчас же наступит мирное занятие территории. На этот случай он предложил, не следует ли тогда встретиться с нами и договориться о дальнейшем поведении в польском и венгерском вопросах. Я ответил уклончиво, что, как мы уже говорили в Берхтесгадене, Ваша встреча с канцлером возможна.

2. Другой выход г-н фон Риббентроп видит в эвентуальной необходимости вторжения со стороны Германии. Здесь он спросил, вторгнемся ли и мы при таких обстоятельствах. Я ответил, что, естественно, я не могу высказаться по этому вопросу, так как это компетенция правительства.

Исключительно от своего имени я сказал, что в случае невыполнения наших требований не исключено применение силы как при вторжении, так и при мирном занятии территории Германией.

Уже под конец беседы г-н фон Риббентроп сказал, что в целях оперативности хорошо было бы в случае необходимости поддерживать контакт, на что я ничего не ответил.

Г-н Риббентроп заметил, что он в любой момент находится к моим услугам и считает непосредственный контакт очень желательным и что если бы из бесед с Вильсоном выяснилось что-либо особо важное, то он сейчас же меня информирует.

Юзеф Липский

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, С. 257—263.

91. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку

27 сентября 1938 г.

I. Сегодня в 7 часов меня пригласил на беседу в министерство иностранных дел статс-секретарь г-н Вейцекер. Затем, по приглашению г-на фон Риббентропа, состоялась беседа с ним.

Г-н фон Вейцекер информировал меня о результатах сегодняшней беседы сэра Хораса Вильсона с канцлером. При этом он зачитал стенограмму.

В этой беседе канцлер занял ту позицию, что чешское правительство должно принять меморандум, и заявил, что он с этой позиции не сойдет.

Во время беседы сэр Хорас Вильсон следующим образом определил возможность выступления Англии против Германии (цитирую стенограмму дословно):

«Если Чехословакия отклонит меморандум, то неизвестно, чем окончится дело. Если Германия нападет на Чехословакию, то Франция выполнит свои договорные обязательства по отношению к Чехословакии, и если это случится и при этом французские вооруженные силы ввяжутся в войну с Германией — случится ли это, он этого не знает, — то Англия будет считать себя обязанной оказать помощь Франции» *.

Г-н фон Вейцекер пояснил, что Вильсон, подчеркивая эти слова, заявил, что они верно передают мысль Чемберлена.

Я сказал Вейцекеру, что эта формула является типичной для английской политики. Г-н Вейцекер далее отметил, что Вильсон в ходе беседы указал на возможность англо-германского соглашения по ряду вопросов. Одновременно он усиленно подчеркнул необходимость избежать катастрофы. В конце беседы он якобы отметил, что будет действовать в этом направлении.

Г-н фон Риббентроп, с которым я имел беседу после этого, считает, что английское правительство еще сделает весьма сильный нажим на Прагу, чтобы последняя приняла меморандум. На мой вопрос, остается ли в силе завтрашняя дата и срок — 2 часа пополудни, статс-секретарь ответил мне, что потому, собственно, он и просил меня сохранить все это в абсолютной тайне, чтобы этот срок нигде не стал известен. Таким образом, он является условным.

II. Затем в соответствии с сегодняшней Вашей телеграммой я информировал как министра иностранных дел, так и статс-секретаря о ходе наших переговоров с Прагой, подчеркнув, что мы не позволим поймать себя в ловушку и будем требовать конкретных решений.

III. Г-н фон Вейцекер, имевший перед собой карту генерального штаба, отметил, что он хотел бы, чтобы завтра наш военный атташе с соответствующим компетентным лицом из штаба нанес на карте демаркационную линию, с тем чтобы на случай возможных операций не произошло столкновения между нашими вооруженными силами.

Я ответил г-ну фон Вейцекеру, что прежде всего я считаю необходимым установить с ним территорию наших политических интересов в Чехословакии. Поскольку г-н Вейцекер не имел при себе такой карты, я условился с ним, что завтра, пораньше, мы обсудим этот вопрос. Вопрос о разграничении в случае необходимости сфер военными экспертами временно был отложен.

IV. Когда беседа со статс-секретарем перешла на общие темы, мы коснулись позиции Франции и Англии.

* Цитата из стенограммы, взятая в кавычки, приведена в оригинале на немецком языке.

Г-н Вейцекер сказал, что его служебный аппарат информирован о позиции Франции, к сожалению, слабо, так как французский посол Франсуа-Понсэ вот уже почти две недели не показывается в министерстве иностранных дел и получает информацию из другого источника, а посла Вельчека нет в Париже. Статс-секретарь констатирует вместе с тем значительное охлаждение французского общественного мнения.

V. При общем обмене мнений с г-ном фон Риббентропом он подчеркнул свое предположение, о котором я упомянул выше, что английская сторона произведет еще весьма сильный нажим на Прагу. Он полагает, что английское правительство сделает все возможное, чтобы мирно урегулировать вопрос и не допустить вооруженного конфликта. Он считается с возможностью локализованного конфликта, однако не исключает, как он сказал, и всеобщего конфликта, к которому он подготовлен. Ссылаясь па предыдущие с ним беседы, я констатировал важность локализации конфликта.

Что касается России, г-н Риббентроп настроен скорее оптимистично.

На вопрос г-на фон Риббентропа, выступит ли Польша в случае, если меморандум будет принят мирным путем, я ответил, что не могу предсказать позиции своего правительства.

Затем г-н фон Риббентроп высказал предположение, что чехи не примут меморандума, и тогда, как он выразился, Чехия будет уничтожена. Он, между прочим, поставил вопрос, выступим ли мы в этом случае активно и в какой момент. Причем, из его слов я мог заключить, что г-н Риббентроп понимает, что, поскольку главным бременем для польского правительства является восточная граница, оно приняло бы участие в конфликте лишь тогда, когда стало бы ясным, носит ли конфликт местный характер или это мировая война. На случай занятия Германией всей Чехословакии г-н фон Риббентроп считает полезным еще более уточнить взаимные политические и военные интересы. Он просил, чтобы я обратил па это Ваше особое внимание и получил инструкции.

VI. 1) В заключение имею честь констатировать, что дальнейшие переговоры о германском меморандуме уже беспредметны, так как канцлер окончательно определил свою позицию в беседе с Вильсоном.

2) Ввиду конкретного предложения статс-секретаря о создании демаркационной линии на территории наших интересов в Тешинском районе, я просил бы, по согласованию с генштабом, выслать мне инструкции.

3) Прошу также выслать инструкции на случай военных действий и выхода Германии за линию ее непосредственных интересов в Чехословакии, на что намекал г-н Риббентроп.

Юзеф Липский

92. Запись беседы посла Германии в Польше Г. Мольтке с министром иностранных дел Польши Ю. Бекем

27 сентября 1938 г.

Министр иностранных дел Бек пригласил меня сегодня к себе для того, чтобы, как он подчеркнул, учитывая серьезность положения и лояльные отношения между нашими правительствами, сообщить секретную информацию о местных политических событиях в последние дни.

Сначала он указал на известный демарш Советского правительства, который он вновь охарактеризовал как пропагандистскую акцию, не имеющую большого значения. Он думает, что польский ответ был достаточно ясным и однозначным. В связи с этим он еще раз указал на то, что польское правительство никогда не будет сотрудничать с Советским Союзом, поскольку он вмешивается в европейские дела. Это непреклонная линия польской политики. Хотя он и предполагает, что нам это известно, он думает, что в такое серьезное время, как сейчас, не помешает повторить эту истину еще раз. Между прочим, у Польши создалось впечатление, что Румыния разделяет эту точку зрения; во всяком случае, на короля Кароля II можно положиться.

Затем г-н Бек перешел к чехословацкому вопросу. Он упомянул, что полученная вчера ответная нота пражского правительства относительно Тешинской области не содержит новых положений. По другим сведениям, однако, он явно намекал на врученное вчера письмо Бенеша в адрес польского президента — несомненно, что чехи согласятся вести переговоры по территориальным вопросам. С французской и английской сторон одновременно были приняты срочные демарши, чтобы заставить Польшу участвовать в переговорах. Польское правительство направило сегодня вечером правительству в Праге ноту, в которой, ссылаясь на соглашение, заключенное с чешским правительством еще в 1919 г., требует провести референдум о дальнейшей судьбе спорных областей, а районы, заселенные только поляками, сразу же отдать Польше. В ответ на поданную ему мысль взять на себя гарантии за то, что осталось от собственно чешского государства, он выдвинул тезис, что в дальнейшем Польша может взять на себя ответственность за территорию Чехословакии только с согласия Германии и Венгрии.

В конце беседы г-н Бек выразил надежду, что в областях, на которые претендует Польша, не возникнет противоречий с германскими интересами. Он переслал сегодня весь материал на самолете послу Липскому. Таким образом, последний может разъяснить и уточнить, на какие области претендует Польша.

Мольтке

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945». Serie D, Bd. II, S. 786—787.

93. Письмо правительства Великобритании правительству Чехословакии

27 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества предлагает следующий график, за осуществление которого британские власти принимают на себя определенную долю ответственности.

1. 1 октября германские войска оккупируют территории Хеба и Аша, находящиеся за пределами чехословацких линий укреплений.

2. 3 октября германский и чешский полномочные представители встречаются с британским представителем в каком-либо городе, расположенном на судетской территории. При голосовании британский представитель располагает равными правами со своими чешским и германским коллегами.

В тот же день встречается международная комиссия по разграничению, состоящая из германского, чешского и британского представителей.

Одновременно, если это возможно, прибывают наблюдатели и, опять-таки если это возможно, британский легион. Позднее могут прибыть еще четыре британских батальона. Легион, наблюдатели и войска подчиняются комиссии по разграничению.

Полномочные представители должны:

а) договориться о немедленном выводе чехословацких войск и государственной полиции;

б) разработать в общих чертах мероприятия по защите меньшинств на отторгнутых территориях, а также по определению их права оптации и вывоза своего имущества; аналогичные мероприятия осуществляются в отношении немецкого меньшинства в Чехословакии;

с) выработать на основе англо-французского плана указания международной комиссии по разграничению с целью определить новую границу в возможно кратчайший срок.

3. 10 октября германские войска вступают на территорию, в отношении которой полномочные представители предварительно заявят о завершении проведения ими мероприятий. Это может быть вся территория, но, возможно, до 10 октября этого нельзя будет осуществить, т. к. может быть еще не закончен вывод чешских войск и возникнет опасность их столкновения с вступающими германскими войсками. Однако до 31 октября международная комиссия по разграничению должна установить окончательную границу, чешские войска и полиция должны быть выведены за эту линию, а германские войска должны к этой дате оккупировать территорию до упомянутой линии.

4. На своем заседании полномочные представители должны рассмотреть вопрос о том, следует ли осуществить дальнейшие мероприятия с целью улучшения границы, которая будет установлена комиссией по разграничению в октябре, для наиболее полного

удовлетворения географических и экономических потребностей в различных районах. Для достижения этой цели следует рассмотреть также вопрос о необходимости или желательности проведения плебисцита в каких-либо районах.

5. Необходимо в возможно кратчайший срок приступить к переговорам между Германией, Великобританией, Францией и Чехословакией, с тем чтобы:

а) выработать совместные правила по осуществлению демобилизации и вывода войск;

б) пересмотреть нынешнюю систему договорных отношений Чехословакии и выработать систему, участники которой совместно будут гарантировать существование новой Чехословакии.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского стовора», с. 301—302.

94. Дневниковая запись, сделанная министром иностранных дел Франции Ж. Бонне

27 сентября 1938 г.

Совет министров, утро 27 сентября. Затяжные прения. Указываю, что, начиная с июня месяца, мы дважды предупреждали чехов, что ни в коем случае не сможем вступить в войну и что поддержим их только дипломатическим путем, самое же большое — мобилизацией нескольких контингентов.

Никогда дипломатическая ситуация не складывалась хуже, чем сейчас, а у нас к тому же нет авиации. На наземном театре военных действий Англия не может оказать нам сейчас сколько-нибудь серьезную помощь; ее авиация едва становится на ноги. Всеобщая мобилизация имела бы смысл только в случае решимости участвовать в военных действиях.

Вести войну нет возможности. Я против всеобщей мобилизации. Нужно любой ценой стремиться к соглашению.

Большинство моих коллег решительно со мной не согласны. Бесспорно, стоит вопрос о моей отставке. В сообщении для печати, зачитанном по завершении заседания Совета министров, даже не упоминается моя фамилия, а только фамилия г-на Даладье.

Вернувшись, долго беседую с директором моего кабинета Жюлем Анри. Говорю ему, что через пару дней меня, кажется, больше не будет в министерстве.

В 16 час. встречаюсь с г-ном Даладье, вновь с ним беседую. Напоминаю ему о письме, которое он прочел днем ранее и в котором я прошу его продолжать наши усилия ради дела мира.

Он, кажется, колеблется. О моей отставке больше не говорит. Отпускает меня, советуя поступать наилучшим образом.

Вечером, после визита сэра Эрика Филпса, решаю направить телеграмму Понсэ с предложением канцлеру Гитлеру; Понсэ должен попросить канцлера о встрече завтра утром.

Такое предложение было составлено мною на основе более широких предположений, чем те, которые допускались предложением, внесенным британским правительством. Они оказались мне вполне приемлемыми. Я настоятельно предлагаю Понсэ, чтобы он в срочном порядке попросил о встрече.

Отправляю также телеграмму в Лондон, чтобы заручиться поддержкой Италии, и звоню для этой цели Блонделю в Рим.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2 série (1936—1939), t. XI, p. 605—606.

95. Меморандум посольства Великобритании во Франции в министерство иностранных дел Франции *

27 сентября 1938 г.

Несмотря на сведения, содержащиеся в Вашей телеграмме № 535**, правительство Его Величества считает, что следует предпринять последнее усилие, с тем чтобы попытаться убедить германское правительство принять разумный проект передачи территории Судетов, отказать от которой в принципе согласилось чехословацкое правительство.

Как указал премьер-министр в своем заявлении сегодня утром, основная претензия, содержащаяся в выступлении Гитлера вчера вечером, заключалась в том, что чешские обещания ничего не стоят и что г-н Бенеш никогда не сдержит своих обещаний. Правительство Его Величества хочет указать Гитлеру, что в этом вопросе он имеет дело не с чехословацким, а с британским и французским правительствами. Гитлер заявил, что его терпение на пределе и что 1 октября он приступит к аннексии территории. Это заявление не оставляет времени на претворение в жизнь условий отказа, которые были согласованы. Вместе с тем их осуществление не потребовало бы много времени, и правительство Его Величества предлагает следующее расписание, за выполнение которого британские власти берут на себя соответствующую долю ответственности:

I. 1 октября германские войска занимают территории Эгера *** и Аша, исключая чешские оборонительные сооружения;

II. 3 октября — совещание германских и чешских полномочных представителей при участии британского представителя в одном из городов района Судет.

Британский представитель будет иметь равный голос с германским и чешским представителями.

* Фактически является копией телеграммы, направленной в тот же день, 27 сентября, министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом послу Великобритании в Германии Н. Гендерсону.

** В данном сборнике не публикуется.

*** Немецкое название чешской территории Хеба.

В тот же день созыв международной комиссии по разграничению в составе германских, чешских и английских представителей.

По возможности в тот же день прибытие наблюдателей и британского легиона. Наблюдатели, легион и войска будут находиться иод контролем комиссии по разграничению.

Полномочные представители собираются с целью:

а) Организовать немедленный отвод чешских войск и государственной полиции;

б) Наметить в общих чертах меры, направленные на защиту меньшинств в районах, которые были уступлены, и на определение их прав, а также права на получение своего имущества. Аналогичные меры будут приняты в отношении немецкого меньшинства, находящегося на территории новой Чехословакии;

с) На основе франко-британского плана определить характер инструкций, которые будут даны международной комиссии по разграничению с целью проведения новых границ в самые кратчайшие сроки.

III. 10 октября — ввод германских войск в зону, которую полномочные представители укажут. Этой зоной может быть вся переданная территория. Однако дата 10 октября может оказаться неосуществимой, поскольку чешские войска могут еще быть неполностью отведены, и возникнет риск их столкновения с германскими войсками. Тем не менее международная комиссия по разграничению должна будет закончить трассировку новой границы 31 октября. Чешские войска и полиция должны будут отведены за пределы этой линии, а германские войска — оккупировать территорию до этой линии к тому же сроку.

IV. На совещании полномочных представителей следует изучить вопрос о возможном принятии впоследствии мер, направленных па улучшение трассировки границы, сделанной в октябре комиссией по разграничению, с тем чтобы эта трассировка лучше соответствовала местным географическим и экономическим условиям. Уместно было бы изучить необходимость или желательность проведения в этих целях плебисцита на местах.

V. В ближайшее время между Германией, Англией, Францией и Чехословакией начнутся переговоры с целью выработки общих мер но демобилизации и выводу войск и пересмотра действующего договора Чехословакии о... *, а также учреждения системы совместной гарантии новой Чехословакии.

Немедленно передайте все вышеизложенное Гитлеру, добавив, что одновременно я представил этот проект французскому правительству, которое еще до ознакомления с ним в деталях заявило, что дает свое согласие на план, основанный на этих общих принципах. Я передаю его также чехословацкому правительству, указывая, что, по мнению правительства Его Величества, этот план яв-

* Пропуск в тексте оригинала.

ляется единственной возможностью обеспечить в условиях порядка передачу территорий, которые это правительство согласилось уступить.

Печат. по изд.: «Documents diplomatiques français. 1932—1939». 2 serie (1936—1939), t. XI, p. 607—609.

96. Телеграмма посланника Чехословакии во Франции III. Оуского в министерство иностранных дел Чехословакии

28 сентября 1938 г.

Поскольку речь идет о ЧСР, я попросил Даладьё о том, чтобы на конференции в Мюнхене присутствовал наш представитель с целью защиты нашей позиции и предоставления информации. Ле-же ответил мне, что на конференцию приглашал Гитлер и что пока он больше ничего не знает. Я просил его иметь в виду нашу просьбу.

Оуский

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 310.

97. Заявление правительства Великобритании правительству Чехословакии

29 сентября 1938 г.

Замечания чехословацкого правительства к предложенному графику (time-table) были сообщены премьер-министру, который, разумеется, будет иметь в виду пункты, важные для чехословацкого правительства.

Г-н Чемберлен уже заверил Его превосходительство г-на президента, что в Мюнхене будет постоянно помнить об интересах Чехословакии и что он едет туда с намерением попытаться найти такое сближение (accomodation) точек зрения германского и чехословацкого правительств, которое позволило бы провести мероприятия, с тем чтобы надлежащим образом и справедливо осуществить принцип территориальных уступок (cession), на которые чехословацкое правительство уже пошло.

Правительство Его Величества выражает твердую надежду, что чехословацкое правительство не будет осложнять и без того сложную задачу премьер-министра, выдвигая возражения против так называемого time-table и настаивая на них. Чехословацкое правительство, как и все другие заинтересованные стороны, должно иметь в виду те тяжелые последствия, к которым привела бы неудача в поисках соглашения о новом урегулировании (the grave alternative to success).

Совершенно необходимо, чтобы в ходе переговоров в Мюнхене были быстро достигнуты конкретные результаты, которые могли

бы привести к прямым переговорам между Германией и Чехословакией. Это может быть достигнуто только в том случае, если чехословацкое правительство решится на нынешней стадии переговоров предоставить г-ну Чемберлену широкую свободу действий (a wide discretion), а не будет связывать ему руки, выдвигая однозначные условия.

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 327—328.

98. Запись хода конференции в Мюнхене, сделанная делегацией Германии

29 сентября 1938 г.

В 12 ч. 45 м. фюрер открыл совещание и выразил прибывшим главам правительств свою благодарность за то, что они приняли его приглашение прибыть в Мюнхен. Он добавил, что хочет прежде всего дать краткий очерк чешского вопроса, как он представляется в данный момент. Существование Чехословакии в ее настоящем виде угрожает миру в Европе. Немецкое, венгерское, словацкое, польское и карпато-русское меньшинства, которые против их воли были втиснуты в это государство, восстают против его дальнейшего существования. Он, фюрер, может выступить здесь только от имени немецкого меньшинства.

В интересах европейского мира эта проблема должна быть решена в кратчайший срок, а именно путем выполнения чешским правительством данных им обещаний о передаче (территории). Германия не может больше смотреть на несчастье и нищету судетских немцев. Растет количество сообщений об уничтожении собственности. Население подвергается варварскому преследованию. С того времени, как он, фюрер, в последний раз беседовал с г-ном Чемберленом *, количество беженцев увеличилось до 240 000 и потоку их не видно конца. Кроме того, необходимо положить конец политическому, военному и экономическому напряжению, ставшему невыносимым. Это напряженное положение требует решения проблемы в течение нескольких дней, так как неделями ждать уже больше нельзя. Идя навстречу желанию главы итальянского правительства Муссолини, он, фюрер, изъявил готовность отложить на 24 часа мобилизацию в Германии. Дальнейшее промедление было бы преступлением. Для решения этой проблемы здесь собрались ответственные государственные деятели Европы, и он констатирует, что расхождения между ними минимальны, так как, во-первых, все согласны в том, что территория должна быть уступлена Германии, и, во-вторых, что Германия не имеет других притязаний, кроме как на эту территорию. Точное определение того, о какой именно территории идет речь, нельзя предоставить ре-

* См. док. № 83.

шению комиссии. Для этого скорее требуется плебисцит, тем более что вот уже двадцать лет, как в Чехословакии не было свободных выборов. В своей речи в Спортпаласе * он заявил, что 1 октября он во всяком случае вступит** (einmarschieren wurde). На это ему тогда ответили, что эта акция будет носить насильственный характер. Таким образом, задача заключается в том, чтобы лишить эту акцию подобного характера. Нужно, однако, действовать немедленно, прежде всего по той причине, что нельзя больше смотреть на преследования, а также и потому, что ввиду колебаний в Праге нельзя больше терпеть промедления. С военной точки зрения оккупация никакой проблемы не представляет, так как продвигаться во всех направлениях пришлось бы на небольшую глубину. Таким образом, при желании можно очистить территорию в течение десяти дней, он убежден, даже в шесть-семь дней. Идя навстречу общественному мнению Англии и Франции, он оставляет открытым вопрос о вводе германских войск в те районы, в которых будет проведен плебисцит. Но в этом случае чехи со своей стороны должны сделать то же самое, чтобы для обеих сторон были созданы одинаковые условия. О формах передачи можно еще поговорить, но действовать нужно быстро. Нельзя долго терпеть такого положения, когда в Европе, как это имеет место в данный момент, вооруженные государства противостоят друг другу.

Премьер-министр Чемберлен поблагодарил сначала фюрера за приглашение на совещание. Он поблагодарил также и дуче, по инициативе которого, если он правильно понял, состоялось сегодняшнее совещание. Это совещание дает Европе новую передышку, в то время как еще вчера катастрофа казалась в непосредственной близости. Он вполне согласен с тем, что нужно действовать быстро, и он особо приветствует заявление фюрера о том, что он не хочет применять насилие, а желает создать порядок. Если к проблеме подойти в таком духе, то он уверен, что будут достигнуты результаты.

Глава итальянского правительства заявил, что в принципе все уже договорилось и что сейчас речь идет только о том, чтобы превратить теорию в практику. Особую важность приобретает при этом вопрос о сроке. Каждое промедление является источником опасностей. Он особенно настаивает на ускорении действий, потому что ускорение в данном случае полностью совпадает со справедливостью. Лучше всего еще сегодня прийти к соглашению, так как промедление даже на 24 часа вызвало бы новое беспокойство и новые подозрения. В целях практического решения проблемы он вносит следующее предложение (см. приложение 1) ***.

Французский премьер-министр Даладьё также поблагодарил фюрера за его инициативу. Он рад, что ему представилась возможность лично встретиться с фюрером. План такой встречи существо-

* Дворец спорта в Берлине.

** В пределы Чехословакии.

*** Приложение отсутствует.

рал и раньше, но, к сожалению, обстоятельства до сих пор мешали его осуществлению, но французская поговорка гласит: «Лучше поздно, чем никогда».

Премьер-министр Даладье высказал затем также дуче свое особое восхищение его шагом, который, надо надеяться, поведет к разрешению настоящего вопроса. Он, как и г-н Чемберлен, придерживается мнения, что действовать надо с величайшей быстротой. Он особо приветствует проникнутое духом объективности и реализма предложение дуче, которое он принимает в качестве основы для дискуссии. Это, конечно, не означает, что он согласен со всеми пунктами, так как следует принять во внимание и вопросы экономики, дабы не создать почву для будущих войн. И, наконец, остается нерешенным вопрос об организации плебисцита и разграничении данной зоны. Он упоминает об этих пунктах лишь потому, что не изучил еще только что оглашенного предложения. Но уже теперь он может принять его за основу для дискуссии.

Премьер-министр Чемберлен также приветствовал предложение дуче и заявил, что и он мыслил себе решение вопроса в духе этого предложения. Что касается требующихся от Англии гарантий, то он приветствовал бы, если бы здесь присутствовал представитель чешского правительства, так как Англия, естественно, не может дать гарантий в том, что территория будет эвакуирована к 10 октября и что не будут иметь место никакие разрушения, если на этот предмет не будет дано заверения чешским правительством.

Фюрер ответил на это, что он вовсе не заинтересован в заверении чешского правительства, так как именно это правительство как раз и производит разрушения. Вопрос заключается именно в том, как заставить чешское правительство принять это предложение. Существует единое мнение в отношении того, что Германия будет уступлена эта территория. Однако чехи утверждают, что не могут очистить территорию до того, как будут возведены новые укрепления и приняты решения экономического характера.

Премьер-министр Даладье ответил, что французское правительство ни в коем случае не потерпит проволочек в этом деле со стороны чешского правительства. Чешское правительство дало свое слово и должно его сдержать. Не может быть и речи о том, чтобы откладывать эвакуацию области до той поры, когда будут возведены новые укрепления. Этот пункт он просит полностью исключить из дискуссии, ибо чешское правительство получит гарантию за свои уступки. Вообще же он, как и г-н Чемберлен, считает, что присутствие чешского представителя, с которым можно было бы в нужном случае проконсультроваться, было бы полезным. Это кажется ему полезным в первую очередь для того, чтобы избежать беспорядков, которые могут легко возникнуть в таком деликатном деле, как уступка территории. Нужно сделать все, чтобы предотвратить хаос.

Фюрер ответил на это, что если запрашивать согласия чешского правительства по каждой детали, то нельзя ожидать решения

раньше чем через 14 дней. Предложение дуче предусматривает создание комиссии, в которой будет заседать также и представитель чешского правительства. Он заинтересован прежде всего в гарантиях великих держав, которые должны использовать свой авторитет для того, чтобы чешское правительство прекратило преследования и разрушения.

Премьер-министр Чемберлен ответил на это, что он не считает нужным больше ждать. Но прежде чем он возьмет на себя гарантию, он должен знать, сможет ли он ее выполнить; по этой причине он и приветствовал бы, если бы в соседней комнате находился представитель Праги, от которого можно было бы получить заверения.

Фюрер ответил, что в настоящее время такого чешского представителя, который мог бы авторитетно говорить от имени своего правительства, здесь не имеется. Его интересует вопрос, что произойдет, если чешское правительство не примет предложений великих держав. В настоящий момент разрушено 247 мостов и еще большее количество домов.

Итальянский премьер-министр заявил, что и ему кажется невозможным ожидать чешского представителя. Великие державы должны взять на себя моральную гарантию за эвакуацию и недопущение разрушений. Они должны указать в Праге на то, что чешское правительство должно принять эти требования, в противном же случае оно должно будет нести последствия военного характера. Речь идет о своего рода просьбе великих держав, которые будут нести моральные обязательства за то, чтобы эта территория не была передана совершенно опустошенной.

Премьер-министр Чемберлен ответил, что он охотно имел бы здесь чешского представителя, а, впрочем, сроки, которые предложил дуче, он считает весьма разумными. Он готов поставить под этим дуою подпись и сообщить чешскому правительству, что ему следует их принять. Он не может, однако, брать на себя никакой гарантии, пока он не знает, как он сможет ее выполнить. Кроме того, следует разрешить несколько отдельных вопросов: какие полномочия будет иметь международная комиссия и какой режим будет господствовать на территории, когда эта последняя будет эвакуирована? Он не сомневается в том, что фюрер поддержит порядок и позаботится о том, чтобы не подвергались преследованиям те жители, которые настроены против аншлюса. Однако некоторые пункты германского меморандума вызвали в Англии недоразумения. Так, например, там задавали себе вопрос, что должен обозначать тот пункт, по которому с этой территории нельзя угонять скот. Означает ли это, что крестьяне будут высланы, а их скот останется?

Фюрер ответил, что на территории, которая должна отойти к Германии, будут, само собой разумеется, действовать германские законы. Впрочем, сейчас имеет место как раз обратное. В настоящее время чехи угоняют скот, принадлежащий немецким крестья-

нам, а не наоборот. Решающим представляется то, будет ли этот вопрос рассматриваться как германо-чешский конфликт, который будет разрешен в течение 14 дней, или же как проблема европейского значения. Если речь идет о европейской проблеме, тогда великие державы должны бросить на чашу весов свой авторитет и взять на себя ответственность за то, чтобы передача произошла в надлежащей форме. В том же случае, если чешское правительство не пожелает принять эти предложения, будет ясно, что величайший авторитет морального характера, который вообще должен был бы существовать, а именно, авторитет, воплощенный в подписях собравшихся здесь четырех государственных деятелей, окажется недостаточным. В этом случае вопрос сможет быть решен только применением силы.

Премьер-министр Чемберлен ответил, что не имеет никаких возражений против предложенных сроков. Чешский вопрос является европейским вопросом, и его решение является для великих держав не только правом, но и долгом. Они должны также позаботиться о том, чтобы чешское правительство по безрассудству и упрямству не отказалось от очищения территории. Он хотел бы правильно применить авторитет великих держав и поэтому предлагает сначала раздать план дуче и на короткое время прервать заседание, чтобы можно было изучить этот план. Такая процедура не означает промедления.

Премьер-министр Даладьё сказал, что он принял на себя ответственность уже в Лондоне, когда он, не запросив чешское правительство, в принципе дал свое согласие на передачу немецких областей. Он встал на эту точку зрения, несмотря на то, что между Францией и Чехословакией имеется союзный договор. В том случае, если привлечение к работам совещания представителя Праги наталкивается на трудности, он готов отказаться от этого, так как все дело в том, чтобы вопрос был решен быстро.

Фюрер ответил на это, что если документ с подписями четырех государственных деятелей все-таки будет отвергнут пражским правительством, то, значит, Прага в конечном счете уважает только силу.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 273—284.

99. Записка министерства иностранных дел Чехословакии о пребывании чехословацкой делегации в Мюнхене

29 сентября 1938 г.

Наш самолет вылетел из Рузине в 3 часа дня 29 сентября 1938 г. Через 1 час 20 мин. мы были в Мюнхене. На аэродроме нам был оказан прием, предназначающийся для лиц, подозрительных с точки зрения полиции. В полицейском автомобиле в сопро-

вождении сотрудников гестапо нас отвезли в отель «Регина», где помешалась также английская делегация. Поскольку конференция была уже в полном ходу, нам было трудно связаться с руководящими членами французской или английской делегаций; все же мы вызвали по телефону сначала г-на Роша, а потом г-на Эштон-Гуэткина. Последний сказал мне, что хочет немедленно поговорить со мной в отеле.

Первая встреча у меня произошла с ним в 7 час. вечера. Г-н Гуэткин очень нервничал и был весьма скуп на слова. Из его осторожных замечаний я понял, что какой-то план, содержание которого г-н Гуэткин пока не мог мне сообщить, уже почти готов и что план этот намного хуже, чем англо-французские предложения. По нашей красной карте я разъяснил ему все наши действительно жизненные интересы, и он проявил известное понимание в вопросе о Моравском коридоре, хотя он совершенно игнорировал другие стороны проблемы.

По его словам, конференция должна закончиться самое позднее завтра, в субботу. До сих пор ни о чем другом, кроме как о Чехословакии, не было речи. Я обратил его внимание на последствия подобного плана с точки зрения внутренней политики, экономики и финансов. Он ответил, что я не представляю, как тяжела ситуация для западных держав и как тяжело вести переговоры с Гитлером. Затем г-н Гуэткин уехал на конференцию, обещав, что мы будем вызваны в первый же перерыв.

В 10 час. вечера г-н Гуэткин вызвал д-ра Мастного и меня к сэру Хорасу Вильсону, где последний в присутствии г-на Гуэткина и по ясно выраженному желанию г-на Чемберлена разъяснил нам в главных чертах новый план и передал нам карту с обозначением областей, которые будут немедленно оккупированы. На мои возражения он дважды ответил совершенно определенно, что ничего не может прибавить к своим заявлениям. Он оставил без внимания наши указания о величайшем значении для нас определенных мест и территорий. Когда он ушел на конференцию, мы остались одни с г-ном Гуэткином. Мы оба снова подробно объяснили ему необходимость пересмотра плана. Самым важным был его ответ г-ну Мастному, в том смысле, что британская делегация одобряет новый немецкий план.

Когда он снова заговорил о трудностях переговоров с Гитлером, я сказал ему, что все зависит в действительности от твердости двух западных великих держав, на что Гуэткин заявил весьма серьезным тоном: «Если вы этого не примете, то вы будете улаживать ваши дела с Германией в полном одиночестве. Может быть, французы будут выражаться более любезным языком, но я заверяю вас, что они разделяют нашу точку зрения. Они в свою очередь отстранятся...»

В 1 час 30 мин. нас повели в зал конференции, где собрались г-н Невиль Чемберлен, г-н Даладьё, сэр Хорас Вильсон, г-н Леже, г-н Гуэткин, г-н Мастный и я. Атмосфера была угнетающая: ожи-

дали объявления приговора. Французы явно были смущены и, казалось, сознавали, какое значение имеет это событие для престижа Франции. Г-н Чемберлен в кратком вводном слове упомянул о только что заключенном соглашении и дал г-ну Мастному для прочтения текст соглашения. При чтении текста мы в нескольких случаях просили объяснений. Так, я просил Леже и Вильсона сообразоваться объяснить слова «preponderantly German character» * в ст. 4. Г-н Леже ничего не сказал о процентном отношении, а лишь сказал, что это вопрос о большинствах, исчисляемых согласно с принятыми нами предложениями. Г-н Чемберлен тоже подтвердил, что дело идет только об осуществлении уже принятого нами плана. Когда мы дошли до ст. 6, я спросил г-на Леже, должны ли мы видеть в ней клаузулу** об охране наших жизненных интересов, как это было нам обещано в их первоначальных предложениях. Г-н Леже ответил: «Да», но что это может иметь место только и малых размерах и что этот вопрос будет входить в компетенцию международной комиссии. Д-р Мастный спросил г-на Чемберлена, будет ли чехословацкий член комиссии иметь такое же право голоса, как и другие члены, на что Чемберлен ответил утвердительно. На вопрос, будут ли в плебисцитной зоне расположены международные или британские вооруженные силы, мы получили ответ, что этот вопрос еще обсуждается, но что возможно также участие итальянских и бельгийских войск.

Пока г-н Мастный говорил с Чемберленом о менее значительных вопросах (Чемберлен при этом непрерывно зевал и не обнаруживал никаких признаков смущения), я спросил Даладьё и Леже, ожидают ли от нашего правительства какой-либо декларации или ответа на предложенное нам соглашение. Г-н Даладьё, который явно находился в состоянии растерянности, ничего не отвечал, г-н Леже ответил, что четыре государственных мужа не располагают большим количеством времени, и определенно заявил, что никакого нашего ответа они не ждут, что считают план принятым и что наше правительство должно сегодня, не позже 5 час. утра, послать своего представителя в Берлин на заседание международной комиссии. А затем он сказал, что чехословацкий чиновник, которого мы пошлем, должен быть в Берлине в субботу для того, чтобы определить детали эвакуации первой зоны. Атмосфера становилась все более угнетающей для всех присутствующих.

Нам было объяснено довольно грубым образом и притом французом, что это приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления.

Г-н Чемберлен не скрывал своей усталости. После того как текст был прочтен, нам была передана другая, слегка исправленная карта. Мы простились и ушли. Чехословацкая Республика в границах 1918 г. перестала существовать. В передней я еще гово-

* — преимущественно немецкий характер (англ.).

** Термин, означающий оговорку к договору.

рил с Роша, который меня спрашивал, какова будет реакция на нашей родине. Я коротко ответил, что не исключаю и самого худшего и что надо быть подготовленными к серьезнейшим событиям*.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 310—315.

100. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, заключенное в Мюнхене

29 сентября 1938 г.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия, согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области, договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1) Эвакуация начинается с 1 октября.

2) Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3) Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4) Происходящее на этапах занятия германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте**, будут заняты германскими войсками в следующем порядке:

Зона, обозначенная цифрой I, — 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II, — 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III, — 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV, — 6, 7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5) Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти

* Запись сделана референтом МИД Чехословакии Г. Масаржиком в Мюнхене 30 сентября в 4 часа утра.

** Не публикуется.

районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области³⁷. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6) Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7) Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8) Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

*А. Гитлер
Эд. Даладьё
Муссолини
Невиль Чемберлен*

ДОПОЛНЕНИЕ К СОГЛАШЕНИЮ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии*.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

(Следуют те же подписи)

* См. док. № 67.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

(Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

(Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии⁴³ не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

(Следуют те же подписи)

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 329–331.

101. Информация начальника канцелярии министра иностранных дел Чехословакии Я. Ины о передаче текста мюнхенского соглашения правительству Чехословакии

30 сентября 1938 г.

30 сентября 1938 г. в 5 часов утра мне позвонил д-р Орт, дежуривший ночью в министерстве, и передал, что из германской миссии просят, чтобы министр д-р Крофта принял в 6 часов их поверенного в делах. Последний должен сообщить министру решение мюнхенской конференции четырех держав. Я подумал, не лучше ли было бы, если бы Генке принял заведующий политическим отделом посланник Крно или его заместитель советник министерства

д-р Чермак. Своими соображениями я поделился по телефону с посланником Смутным, который с ними согласился. В половине шестого я позвонил министру и передал просьбу германской миссии. Министр решил лично принять поверенного в делах Германии. Я приехал в министерство около 6 часов и информировал министра о сообщении Германского информационного бюро, которое уже передало ночью текст мюнхенского соглашения четырех держав. В это время позвонили из германской миссии и сообщили, что Генке приедет позже. Он приехал в 6 час. 15 мин., и министр сделал следующую запись о его визите: «Генке вручил мне мюнхенское решение вместе с письмом, приглашающим нашего представителя в Берлин сегодня в 17 часов. Он сказал, что карту передаст английская миссия. Ему не поручалось делать какие-либо дополнения к письму. Он только заметил, что, по его мнению, нет разницы между Берхтесгаденом и Годесбергом».

Тем временем в министерство явились посланник Крно с д-ром Чермаком и посланник Смутный. Министр Крофта говорил по телефону с председателем правительства генералом Сыровым, а г-на президента республики информировал посланник Смутный. Президент пригласил к половине десятого лидеров политических партий. Совет министров собрался в Коловратском дворце, а позже — совместно с политической семеркой *, с представителями политических партий и с генералами — у г-на президента республики.

Французский, английский и итальянский посланники обратились до полудня к посланнику Крно с просьбой, чтобы их принял министр д-р Крофта, для того чтобы услышать от него решение правительства. Они хотели узнать решение до 12 часов. Однако, так как министр вернулся от президента только в 12 часов, посланники могли быть приняты лишь в 12 часов 30 минут. Они вошли к министру все вместе, и он заявил: «Au nom du President de la Republique et de mon gouvernement, je declare, que nous nous soumettons aux decisions prises a Munich sans nous et contre nous. Notre point de vue vous sera explique par ecrit. Pour le moment je n'ai rien a ajouter. Je veux settlement attirer votre attention a la necessite de persuader le gouvernement allemand que la campagne de presse et de radio menee contre nous depuis des semaines devrait maintenant cesser, parce que, autrement, il serant impossible de realiser paisiblement le programme etabli a Munich» **.

* Имеется в виду комитет политических министров.

** «От имени президента республики и от имени правительства я заявляю, что мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас. Наша точка зрения будет вам изложена в письменном виде. В настоящее время мне нечего добавить. Я хочу только обратить ваше внимание на необходимость убедить германское правительство в том, что кампания, которая проводится в прессе и по радио против нас уже в течение нескольких недель, должна быть сейчас прекращена, так как в противном случае станет невозможным мирное осуществление программы, принятой в Мюнхене» (фр.).

Посланник де Лакруа не скрывал, что согласен с заявлением министра о том, что решение было принято «contre nous» *, и сообщил, что Даладье высказывает по этому поводу «ses vifs regrets» **. Ньютон заявил, что Чемберлен сделал для нас все, что мог. Франзони ничего не добавил. Министр закончил беседу так: «Я не хочу критиковать, но для нас это катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить своему народу спокойную жизнь. Не знаю, получат ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы, во всяком случае, не последние. После нас та же участь постигнет других».

Д-р Ина

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 332—333.

102. Англо-германская декларация

30 сентября 1938 г..*

Мы, германский фюрер и канцлер и английский премьер-министр, провели сегодня еще одну встречу и пришли к согласию о том, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение*** и англо-германское морское соглашение **** как символизирующие желание наших двух народов никогда более не воевать друг с другом.

Мы приняли твердое решение, чтобы метод консультаций стал методом, принятым для рассмотрения всех других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия по устранению возможных источников разногласий и таким образом содействовать обеспечению мира в Европе.

*А. Гитлер
Невиль Чемберлен*

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 21—22.

* — против нас (фр.).

** — свои глубокие сожаления (фр.).

*** См. док. № 100.

**** См. прим. № 9.

103. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 октября 1938 г.

Гусарек сообщил мне дополнительно, что на заседании совета министров было ясно и точно сформулировано также такое утверждение: в Мюнхене Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит, но Чехословакия так или иначе будет сметена и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения. Массы спонтанно вышли на улицу, однако общее настроение подавленное. Акты сопротивления завтра вполне возможны, но, пожалуй, как акты отчаяния.

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 24.

104. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

1 октября 1938 г.

Министр иностранных дел Крофта сообщил, что, по его сведениям, Польша готовит, возможно еще ночью, нападение с целью занятия Тешинской области силой. Ведется подготовка, чтобы возложить ответственность на Чехословакию, как нападающую сторону. Польское телеграфное агентство распространило слух об инциденте на границе, во время которого чехи якобы стреляли в поляков. Это явная ложь. Такого инцидента не было. В половине 12-го ночи 30 сентября польский посланник явился к Крофте и передал ноту, в которой предъявляются ультимативно следующие требования.

Уступить три района в Силезии — Фрейштадт, Теглин, Яблунков — в три приема; на карте нанесены три зоны, из которых первая должна быть передана в течение 24 часов, вторая — в следующие 24 часа, третья — через 6 дней.

Намечен еще один участок, в котором должен быть проведен плебисцит; заранее отвергается международный контроль над плебисцитом.

Ответ требуют завтра, 1 октября, в 12 час. дня; начала передачи первой зоны требуют завтра же в 14 час.

Нота содержит весьма оскорбительную фразу: в связи с рядом обстоятельств, а также в связи с тем, что польское правительство уже не может верить заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой Республики, ясно, что оно должно чувствовать себя вынужденным принять меры к осуществлению чехословацкого обещания.

Правительство будет решать вопрос о своем ответе утром 1 октября, на заседании в 9 час. Части войск, расположенные в Тешинской области, не получали приказа об отступлении. По сообщению Ины, главного секретаря Крофты, столкновение неизбежно. Выступление Польши является гитлеровской провокацией, совершаемой несмотря на то, что в мюнхенском соглашении Гитлер подписался под решением дать три месяца для урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах и сделать его предметом обсуждения четырех держав, если не будет достигнуто чешско-польское соглашение.

Полпред

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 24–25.

105. Телеграмма посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии

5 октября 1988 г.

Переговоры в Берлине * застыли на мертвой точке, поскольку на практике немцы возвращаются к годесбергской линии и выражают крайние точки зрения военных, в то время как в Мюнхене была задумана этнографическая линия преимущественно с немецким населением. Мы предложили, чтобы к 10 октября были заняты области с 75 процентами немцев, но Берлин хочет немедленно 51 процент по состоянию на 1918 г. или на 1910 г., что является периодом, когда германизация у нас достигла апогея. Переговоры пока не ведутся, но время торопит, поскольку существуют опасения, что после 7 октября немцы силой оккупируют все, что захотят, без соглашения с нами. Помощь послов до сегодняшнего дня чрезвычайно слаба и неэффективна. Здесь имеются толкователи мюнхенского соглашения, в смысле для нас неблагоприятном. Ситуация здесь крайне серьезная, ожидаем инструкций из Праги.

Мастный

Печат. по изд.: «Документы по истории мюнхенского сговора», с. 347.

* Имеются в виду заседания международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения (об учреждении этой комиссии см. док. № 100).

106. Письмо начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцекеру

10 октября 1938 г.

Верховное главнокомандование вооруженных сил просит потребовать у чешского правительства и у международной комиссии немедленного обеспечения достаточной защиты немцев, проживающих в Брюнне и Иглау, о чем соответственно оповестить упомянутые города.

Фюрер согласен с тем, чтобы английский легион, в случае если он будет переведен в Чехословакию, был использован для защиты немцев, особенно в Брюнне и Иглау.

Если бы положение в Брюнне и Иглау приняло *угрожающий* * характер для проживающих там немцев, то следует считаться с тем, что фюрер отдаст приказ о немедленном вступлении немецких войск в эти районы.

Начальник штаба верховного главнокомандования
вооруженных сил
Кейтель

Я добавляю к этому, что нами сегодня утром в Праге уже приняты соответствующие шаги. Чтобы обсудить это дело, я имею намерение вскоре говорить непосредственно с генералом Кейтелем.

Представить господину рейхсминистру,
Берлин, 10 октября 1938 г. **

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 321—324.

107. Из письма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

12 октября 1938 г.

В настоящем своем письме я меньше всего намерен останавливаться на отдельных фазах истекших событий. Они еще слишком свежи у всех в памяти, и навряд ли имеет поэтому смысл воспроизводить их в хронологической последовательности. Гораздо важнее попытаться разобраться в причинах, приведших Францию к теперешнему Седану⁴⁴.

О том, что Франция пережила свой второй Седан и что в Мюнхене ей нанесено было страшнейшее поражение, сейчас отдает себе отчет любой француз.

* Подчеркнуто в оригинале.

** На письме имеется виза Альтенбурга.

Даже те, которые еще недавно надрывали себе горло при встрече Далады в Бурже и осыпали цветами его триумфальное шествие к могиле Неизвестного солдата, сейчас уже усвоили ряд непреложных и в достаточной мере неприятных истин, а именно, что:

1) Германия при помощи Франции без единого выстрела увеличила свое население больше чем на 3 миллиона и сейчас довела его до размеров, больше чем в два раза превышающих население Франции;

2) Германия увеличила свою территорию больше чем на 27 тысяч кв. км;

3) получила в подарок ряд высокооборудованных фабрик и заводов и важнейшие отрасли минеральных богатств;

4) захватила сейчас в свои руки линию укреплений, которая всегда рассматривалась как наиболее серьезный барьер против германской агрессии в Центральной Европе, и что одновременно Франция:

а) лишилась своего наиболее верного союзника в Центральной Европе,

б) лишилась армии, которая в военное время могла быть доведена до 1 млн. — 1,5 млн. человек и, опираясь на отошедшие укрепления, способна была задержать не меньшую по численности германскую армию,

в) что Франция растеряла сейчас всех своих союзников, надорвала связь с СССР и значительно, даже в глазах Англии, обесценила свой удельный вес и свою роль союзника. [...]

Суриц

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 35—36.

108. Телеграмма статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцекеру

Годесберг, 12 октября 1938 г.

Во время беседы с г-ном рейхсминистром иностранных дел в Годесберге 11 октября фюрер принял следующие решения:

I

С германской стороны не будет выставлено требования о проведении плебисцита в каких-либо других районах Чехословакии.

II

Основной тенденцией последующей установки в отношении международной комиссии должна быть борьба за то, чтобы эта международная комиссия поскорее сошла со сцены, уступив место, и как можно скорее, непосредственным двухсторонним переговорам с Чехословакией.

III

Окончательное установление границ международной комиссией должно последовать как можно скорее. Установление фактических границ на месте должно быть затем передано исключительно германо-чешской пограничной комиссии.

IV

Международная комиссия должна принять решение, что все вопросы, связанные с оптацией, подлежат непосредственному урегулированию между Германией и Чехословакией.

(Соответствующими инстанциями должен быть рассмотрен вопрос, возможна ли высылка из Вены 27 000 евреев — чешских подданных.)

V

Нужно стремиться к тому, чтобы получить согласие чехов на строительство автострады *, идущей параллельно железной дороге Бреславль — Цвиттау — Брюнн — Вена, с одновременной интернационализацией этой железнодорожной линии. Чехам должна быть предложена за это аналогичная привилегия в отношении интернационализации железнодорожной линии, пересекающей полуостров ** Цвиттау с одновременным предоставлением права на строительство автострады. Посол Риттер должен соответствующим образом позондировать почву в экономической комиссии.

VI

Следует безусловно отстаивать точку зрения Германии относительно передачи материальной части государственных и общественных предприятий в областях, отошедших к Германии, а также о возврате вывезенных оттуда материалов.

VII

Следует с самого начала самым энергичным образом заявить! не может быть никакого сомнения в том, что Германия никогда не возьмет на себя какую-либо часть чешских государственных долгов, так как эти долги были сделаны Чехословакией в целях борьбы с Германией ***.

* В оригинале: «Reichsautobahn» (нем.).

* Так в тексте; имеется в виду выступ границы.

* В тексте описка: «zwischen Deutschland» (нем.).

VIII

Что касается вопроса о Моравской Острове и Витковицах, то г-н статс-секретарь должен пригласить к себе польского посла и заявить ему следующее:

Не будучи заинтересована в Одерберге, Германия заинтересована в Моравской Острове и Витковицах. Вопрос об оставлении Моравской Острова и Витковиц за Чехией зависит еще от дальнейшего развития событий. Если будущее этих областей будет поставлено на обсуждение, то мы потребуем плебисцита под международным контролем.

IX

Что касается вопроса о Прессбурге, то на ближайшее время в принципе необходимо проявлять полную сдержанность и самым тщательным образом исследовать все вопросы, связанные с этой проблемой. Если венгры обратятся к нам со своими претензиями на Прессбург, то надо бы заявить им следующее:

а) Германия в принципе относится с симпатией к венгерским требованиям, предъявляемым Чехословакии;

б) фюрер неоднократно заявлял, что Германия может обнажить меч только за германские интересы;

в) фюрер пригласил к себе в Оберзальцберг премьер-министра и министра иностранных дел Венгрии и посоветовал обоим действовать несколько энергичнее в защиту своего дела. Однако в последовавшие за этим критические дни венгры не сделали ничего. Этим и объясняется их затруднительное дипломатическое положение в настоящий момент;

г) что касается настоящих чешско-венгерских переговоров, то следует придерживаться той точки зрения, что к Венгрии должны отойти области с несомненным преобладанием венгерского населения, ведь и Германия устанавливала не стратегические, а только национальные границы;

д) при наличии каких-либо расхождений должен быть проведен плебисцит под международным контролем.

X

Для личной информации статс-секретаря.

Если Венгрия объявит мобилизацию, то мы не намерены чинить венграм препятствий и давать им советы проявлять умеренность.

**109. Запись беседы народного комиссара иностранных дел
СССР М. М. Литвинова с послом Франции в СССР
Р. Кулондром**

16 октября 1938 г.

Кулондр приходил, очевидно, с прощальным визитом. Он с грустью сообщил о предстоящем отъезде, высказывал сожаление по этому поводу и заверял в том, что он ехал сюда с намерением содействовать улучшению отношений, но должен констатировать, что после двух лет пребывания в Москве ему это не удалось. Он продолжает, однако, оставаться сторонником улучшения и уточнения этих отношений. Кулондр посетовал по поводу последних событий. Я ему рассказывал, что в Женеве англичане, включая даже членов кабинета, жаловались на то, что, противясь политике Чемберлена и его планам, они обманулись в своих надеждах получить поддержку со стороны Даладье и Боннэ. У меня создалось впечатление, что на этот раз Чемберлену не приходилось таскать за собою французских министров, а что последние сами толкали Чемберлена в ту пропасть, в которую они свалились. Я сказал, что в свете последних событий легче объяснить такое странное явление, что французы, заключив с нами пакт о взаимной помощи¹⁸, систематически уклонялись от соответственных военных разговоров о методах реализации этой помощи. Уклонялись они от этого даже тогда, когда Чехословакия стала фактически в этой помощи нуждаться. Теперь приходится заключить, что французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами помощь когда-либо реализовать и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах.

Кулондр ответил, что мое предположение слишком категорично и что англичане всячески удерживали французов от военного соглашения с нами.

На вопрос Кулондра, что можно теперь предпринять, я ответил, что утерянных драгоценных позиций не вернуть и не компенсировать. Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира. Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями, и он на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останется только три великих державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное.

Своим возможным преемником в Москве Кулондр считает нынешнего посла в Китае Наджиара. Кулондр полагает, что ему при-

дется уехать уже в течение ближайшей недели, и спрашивал, при- му ли я приглашение на обед. Я ответил, что, как ему известно, я никогда на обеды не хожу, готов пойти на завтрак, но предвари- тельно хотел бы сам дать послу прощальный завтрак. Условились, что он будет у меня на завтраке 23-го, а я у него 25-го.

Литвинов

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 44—45.

110. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР

19 октября 1938 г.

Сегодня Бивербрук сообщил мне следующее:

1. Несмотря на опыт Мюнхена и на критику мюнхенского соглашения в стране, Чемберлен по-прежнему убежден, что «зами- рения» Европы можно добиться путем дипломатических перегово- ров с Гитлером и Муссолини, не прибегая к более сильным сред- ствам. Такая вера не удивительна, ибо Чемберлен готов и дальше капитулировать перед агрессорами, прежде всего за счет третьих стран, а если это окажется неизбежным, то даже и за счет Бри- танской империи. Так, по словам Бивербрука, премьер и не по- мышляет о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе и Турции. Наоборот, он рассчитывает, что создание «Срединной Европы» толкнет Гитлера на конфликт с СССР. Чемберлен, далее, готов вернуть Германии ее прежние ко- лонии, быть может, за исключением Танганьики (имеющей очень большое стратегическое значение для Англии) и Юго-Западной Африки (находящейся под мандатом у Южно-Африканского Сою- за, категорически отказывающегося с ней расстаться). За это премьер склонен компенсировать Германию португальской коло- нией Анголой и частью Бельгийского Конго. Хотя вопрос о воз- вращении Германии колоний вызвал бы большую озабоченность в стране, особенно среди консерваторов, тем не менее Бивербрук полагает, что Чемберлен оказался бы в состоянии провести ука- занную операцию.

2. Исходя из этой своей общей установки, Чемберлен считает, что непосредственной угрозы большой войны нет, а потому серьезно не думает об осуществлении действительно стремительного темпа вооружений. Конечно, кое-что будет сделано для ускорения реализации военной программы, однако об уничтожении диспро- порции между германскими и английскими военно-воздушными силами в течение ближайшего года не приходится и думать. По- ложение таково, что для уничтожения этой диспропорции Велико- британии надо было бы немедленно принять меры военного време- ни, т. е. учредить министерство снабжения, мобилизовать промыш-

ленность и рабочую силу, установить приоритет за правительственными заказами, примириться с временной потерей части экспортных рынков, ослабить снабжение внутреннего рынка предметами потребления и т. п. Но Чемберлен пока об этом и слышать не хочет. Его лозунг — «бизнес эз южуэл» (дела обычного порядка). Не надо нарушать нормальный ход хозяйственной жизни страны. А без такого нарушения немислимо приведение боеспособности Англии в надлежащее состояние в надлежащий срок. В данной связи Бивербрук рассказывал, что министр координации обороны Инскип совершенно провалился, что это признает теперь даже Чемберлен и что поэтому можно ждать его скорого назначения на другой пост, вероятнее всего лорда-канцлера. В соответствии с указанным Бивербрук не предвидит никаких серьезных изменений в составе правительства, по крайней мере в ближайшем будущем. Черчилля премьер ни за что не пустит в кабинет. Идена, наоборот, он был бы не прочь заполнить обратно (например, в качестве морского министра вместо Даффа Купера), однако «Идеи на это не пойдут, если в нем есть хоть капля рассудка. Оставаясь сейчас в оппозиции, Иден имеет все шансы позже стать премьер-министром» (слова Бивербрука). Сам Бивербрук находится в состоянии большого раздражения и беспокойства. Мюнхенскую политику премьера он одобряет («какое нам дело до Чехословакии?»), однако его политикой в вопросах вооружения чрезвычайно возмущен. Он требует во что бы то ни стало «сильного правительства», способного вооружить Англию, откуда бы оно ни пришло. Говоря на эту тему, Бивербрук иногда сбивается прямо на фашистские нотки. Впрочем, он готов примириться и с коалиционным правительством, и с участием лейбористов, если они примут близко к сердцу вопросы вооружения. Бивербрук не исключает возможности, что скоро Чемберлен окажется не в силах продолжать свою нынешнюю линию. Во Франции Бивербрук ждет прихода к власти правого правительства.

Полпред

Печат. по изд.: «Документы внешней политики СССР», т. XXI, с. 594—598.

**111. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР
М. М. Литвинова полномочному представителю СССР
во Франции Я. З. Сурицу**

19 октября 1938 г.

Последнее заявление Боннэ в разговоре с Вами о неизменности отношений и т. п. имеет так же мало значения, как и заявление англичан и французов о том, что «они не намерены исключать нас из разрешения европейских вопросов». Им незачем иметь такие намерения, и, может быть, они их не имеют, ибо решать будут не они, а Гитлер, которому они во всяком случае в данном вопросе

прекословить не будут. Не подлежит сомнению, что как Чемберлен, так и Даладе — Боннэ ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуются соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые.

Литвинов

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 50.

112. Из директивы верховного главнокомандования вооруженными силами Германии

21 октября 1938г.

Будущие задачи вермахта и вытекающие отсюда подготовительные мероприятия для ведения войны я изложу позднее в другой директиве.

До вступления в силу этой директивы вермахт должен постоянно быть готовым к следующим случаям:

- 1) Охрана границ рейха и защита против неожиданного воздушного нападения;
- 2) Решение вопроса об оставшейся части Чехии;
- 3) Овладение Мемельской областью.

2

РЕШЕНИЕ ВОПРОСА ОБ ОСТАВШЕЙСЯ ЧАСТИ ЧЕХИИ

Должна быть обеспечена возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии.

Подготовительные мероприятия, которые с этой целью следует провести вермахту, по своему объему будут значительно меньшими, чем в свое время для плана «Грюн»⁴⁵, но они должны поэтому при отказе от планомерных мобилизационных мероприятий обеспечить постоянную и существенно более высокую готовность. Организация, дислокация и степень готовности предусмотренных для этого соединений уже в мирное время должны быть рассчитаны на нападение таким образом, чтобы лишить Чехию даже какой-либо возможности планомерной обороны. Цель состоит в быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии. Подготовительные мероприятия должны проводиться таким образом, чтобы одновременно можно было осуществить план «Охрана границы на западе».

Задачи для сухопутных войск и военно-воздушных сил состоят, в частности, в следующем.

А. Сухопутные войска.

Находящиеся вблизи Чехии части и отдельные моторизованные соединения предусматриваются для быстрого неожиданного наступления. Их количество устанавливается в соответствии с вооруженными силами, остающимися у Чехии; необходимо обеспечить быстрый и решающий успех. Следует разработать план сосредоточения и развертывания войск и подготовительные мероприятия для наступления. Войска, не участвующие в наступлении, следует держать в такой готовности, чтобы их в зависимости от ситуации можно было перебрасывать или на охрану границы, или для подкрепления наступающей армии.

Б. Военно-воздушные силы.

Необходимо обеспечить быстрое продвижение своих сухопутных войск путем заблаговременного вывода из строя чешских военно-воздушных сил.

Для этого необходимо подготовить сначала наступательные действия находящихся вблизи границы соединений из мест дислокации мирного времени. Лишь развитие военно-политического положения в Чехии может показать, в какой мере потребуются здесь еще более крупные силы.

Наряду с этим необходимо подготовить одновременно выступление всех прочих наступательных сил против Запала. [...]

Адольф Гитлер

Верно: *Кейтель*

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 57—58.

113. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову

25 октября 1938 г.

[...] 2. Какова будет дальнейшая линия премьера? Опять-таки, суммируя весь имеющийся в моих руках материал, я прихожу к вполне определенному выводу: «генеральная линия» Чемберлена будет не на сопротивление, а на дальнейшее отступление перед агрессором. Вы уже знаете о капитуляции Чемберлена перед Муссолини в испанском вопросе. Никаких серьезных попыток противостоять германской экспансии в Юго-Восточной Европе со стороны Чемберлена ожидать не приходится. Наоборот, как раз из его окружения я слышал такую сентенцию: «Какой смысл подкармливать корову, которую все равно зарежет Гитлер?» Даже в вопросе о колониях Чемберлен занимает явно капитулянтскую позицию. Я уже передавал Вам по этому поводу мнение Бивербрука. После того из разных источников я имел подтверждение этого мнения. Мне известно, что Чемберлен недавно создал специальную комиссию для выработки плана или планов по удовлетворению колониальных притязаний Германии. Пока еще рано говорить

о выводах данной комиссии, однако, насколько я слышал, мысль комиссии вращается главным образом около того проекта, который осенью прошлого года развивался Шахтом и Герингом в беседе с Галифаксом во время известного свидания последнего с Гитлером. Суть этого проекта состоит в том, что Германия создает себе «африканскую империю» в составе Того, Камеруна, Анголы и большей части Бельгийского Конго. Не знаю, насколько Гитлер удовлетворился бы сейчас подобным подарком, но его английские благодетели имеют в настоящее время в виду как раз только что названный проект. Не подлежит, конечно, ни малейшему сомнению, что, получив колонии, Гитлер денонсирует англо-германский морской договор⁹. (если он не сделает этого раньше), но Чемберлен готов капитулировать и по данному пункту в расчете на то, что большого флота в один день не построишь и что по крайней мере в этой области за Великобританией еще надолго обеспечено несомненное преимущество. В окружении премьера сейчас в большом ходу теория, что Германия «свиристует» лишь потому, что у нее «пустой желудок». Когда «желудок» несколько наполнится, Германия станет спокойнее. В этой связи я вспоминаю, как еще весной текущего года известный Хорас Вильсон, играющий при Чемберлене столь крупную роль, в разговоре со мной высказывал мысль, что с образованием «Срединной Европы» вступят в силу «смягчающие влияния» и агрессивность германского зверя «должна значительно ослабеть». [...]

И. Майский

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 62—63.

114. Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР на торжественном заседании, посвященном 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

6 ноября 1938 г.

[...] Перейдем к последним событиям в Европе.

Уроки последних событий, связанных с Чехословакией, во многом поучительны. Руководители английского и французского правительств охотно изображают мюнхенское соглашение Англии, Германии, Франции и Италии как большую победу дела мира, а себя — великими миротворцами. Правда, далеко не все этому верят, и, пожалуй, имеют на это серьезные основания.

В самом деле, как развивались события вокруг Чехословакии? Кто в этих событиях был действительным победителем и кто побежденным? Всмотритесь в действительные факты и станет ясно, что здесь надо говорить, по крайней мере, о двух «победах».

Первым решающим событием в чехословацком вопросе надо признать «победу», одержанную совместными усилиями правительств Англии и Германии не над кем-либо, а... над правитель-

ствол Франции. Два правительства — правительство Англии и правительство Германии — «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии. Такова была первая «победа» в ходе этих событий.

Это уже предreshало и последний этап в решении вопроса о Чехословакии. Оставалось нетрудное дело, оставалось правительствам четырех государств — Англии, Германии, Франции и Италии — сговориться и «победить» правительство Чехословакии. Четыре наиболее сильных империалистических государства Европы без особого труда действительно «победили» и маленькую Чехословакию. Сговор фашистских и так называемых демократических держав Европы в Мюнхене состоялся, и «победа» над Чехословакией была одержана полная.

Все остальное пошло как по маслу. Германский империализм отхватил от Чехословакии больше, чем он сам мог рассчитывать. Поживилась Польша, как союзник германского фашизма по расчленению Чехословакии. С жадностью откусила солидный кусок Венгрия. Это не значит, что аппетиты малых и больших хищников Европы удовлетворены. Напротив, их, эти аппетиты, только разожгли еще больше и возбудили усиленную борьбу вокруг новых разделов не только Чехословакии, но и некоторых других европейских стран.

Советский Союз не участвовал и не мог участвовать в сговоре империалистов фашистских и так называемых демократических правительств на счет Чехословакии. Советский Союз не участвовал и не мог участвовать и в расчленении Чехословакии для удовлетворения аппетитов германского фашизма и его союзников. Но ни у кого не могло остаться сомнения в том, какой политики держался Советский Союз в этом вопросе. Если французское правительство отказалось от своего договора с Чехословакией в момент решительного его испытания и помогло сговору Англии с германским фашизмом за счет как-никак демократической Чехословакии, то Советский Союз показал, что его отношение к международным договорам совсем другое. Советский Союз показал и продемонстрировал перед всем миром, что его верность заключенным договорам о борьбе с агрессией непоколебима.

Несмотря на все, в том числе и на самые жульнические, попытки изобразить советскую позицию в чехословацком вопросе как уклончивую и неопределенную, это не удалось и очень ловким людям. Французское же и английское правительства пожертвовали не только Чехословакией, но и своими интересами ради сговора с агрессором.

Подняли ли этим правительства Франции и Англии уважение к своим правам в глазах германского и итальянского фашизма? Пока не видно. Скорее, напротив, их международный авторитет значительно пошатнулся. Как известно, в последнее время в Вене дележка чехословацкой территории велась уже без их участия, а путем простого сговора германского и итальянского фашизма. Но

одно ясно: Советский Союз не дал себя запугать угрозами со стороны фашистских стран, чего нельзя сказать о некоторых так называемых демократических странах. Советский Союз, напротив, продемонстрировал перед всеми странами свою верность заключенным договорам и международным обязательствам и свою готовность к борьбе против агрессии.

Этот факт имеет громадное международное значение не только для данного момента, но и для всей дальнейшей международной борьбы с фашизмом и фашистской агрессией.

Только Советский Союз, страна социализма, непоколебимо стоял и стоит на позиции борьбы с фашистской агрессией, на позиции защиты мира, свободы и независимости народов от фашистского нападения.

Как события у Хасана, так и события вокруг судеб Чехословакии имеют прямое отношение к вопросу о второй империалистической войне, над раздуванием которой «работают» поджигатели войны — фашисты Германии, Японии, Италии.

Может ли быть сомнение в том, что японское нападение в Приморье было пробой для развязывания войны на Дальнем Востоке? Если бы Советский Союз на деле не показал твердости своей внешней политики и непоколебимости своей линии в защите своих границ оружием Красной Армии, это не могло бы не послужить поводом к разжиганию новых военных авантур, к развязыванию новых военных нападений, к расширению масштабов второй империалистической войны. Наша твердая позиция в этих событиях заставила одуматься зарвавшихся авантюристов как в Токио, так и в Берлине — заставила их дать ход назад. Бесспорно, что этим Советский Союз оказал величайшую услугу делу мира.

Советское государство показало, что его границы неприступны, что оно умеет отстаивать интересы своего народа, что борьба за эти интересы есть вместе с тем борьба за интересы всех народов, за интересы всеобщего мира.

События, связанные с Чехословакией, создали обстановку военной лихорадки во всей Европе. Достаточно сказать, что в момент этих событий только в четырех европейских странах — Германии, Франции, Польше и Чехословакии — численность армии, по самым скромным расчетам, за очень короткий срок увеличилась больше чем в два раза, больше чем на 2 млн. человек. Несмотря на будто бы миролюбивый сговор в Мюнхене, все участники мюнхенского соглашения заняты теперь дальнейшим ростом вооружений, увеличением своих армий, бешеным увеличением военных бюджетов. Сговор фашистских правительств с правительствами «демократических» стран отнюдь не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а, напротив, подлил масла в огонь. Агрессивные страны Европы не только развернули дальнейшие планы перекройки карты государств Европы, но и свои требования на передел колоний. В такой момент не приходится ждать прекращения или затухания второй империалистической

войны. Напротив, опасность возникновения новых очагов и дальнейшего расширения ее масштабов налицо.

Что же, мы знаем свои обязанности. Мы ответим на любые провокационные выходки со стороны поджигателей войны, со стороны агрессоров против Советского Союза — будь то на западе или на востоке, — мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом по поджигателям и провокаторам войны.

Только сильное Советское государство, сильное своей правильной внешней политикой и готовностью к любым внешним испытаниям, — только такое государство способно вести последовательно и неуклонно политику мира, политику непоколебимой защиты своих границ и интересов социализма.

Кто захочет убедиться в том, насколько эти силы крепки и могущественны, пусть попробует.

Мы должны сделать все выводы из такого положения. [...]

Печат. по газ. «Известия», 1938. 10 ноября.

115. Сообщение ТАСС о советско-польских отношениях

27 ноября 1938 г.

Ряд бесед, имевших место в последнее время между народным комиссаром иностранных дел Литвиновым и послом Польской Республики г-ном Гжибовским, выяснил, что:

1. Основой отношений между Польской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик остаются и впредь во всем своем объеме все существующие договоры, включая договор о ненападении, подписанный в 1932 г., и что этот договор, заключенный на пять лет и продленный на дальнейший срок до 1945 г., имеет достаточно широкую основу, гарантирующую нерушимость мирных отношений между обоими государствами.

2. Оба правительства отнесутся положительно к расширению взаимных торговых оборотов.

3. Оба правительства согласны в необходимости положительного разрешения ряда текущих вопросов, вытекающих из взаимных договорных отношений, а в особенности вопросов, не получивших еще разрешения, а также ликвидации возникших за последнее время пограничных инцидентов.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 96—97.

116. Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши корреспондентам Германии в Польше

28 ноября 1938 г.

Нижеследующий комментарий носит доверительный характер и дается только германским корреспондентам. Он может быть использован лишь без ссылки на источник.

Напряжение между Польшей и Советским Союзом в течение прошлых месяцев достигло такого уровня, о котором не могла иметь полного представления общественность, так как ее внимание было слишком занято чехословацким кризисом. Признаками угрожающего напряжения в советско-польских отношениях служили заявление Литвинова Гжибовскому в сентябре месяце * и крупная концентрация русских войск на восточной границе Польши. Опубликованная только что польско-советская декларация преследует лишь цель нормализации отношений. Польша в своей внешней политике всегда придерживалась той точки зрения, что участие Советского Союза в европейской политике излишне. Она и сегодня защищает эту точку зрения. Впрочем, польско-советская декларация является результатом советской инициативы.

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 97.

117. Франко-германская декларация⁴⁶

6 декабря 1938 г.

Г-н Жорж Боннэ, министр иностранных дел Французской Республики, и г-н Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел германского рейха,

действуя от имени и по поручению своих правительств, при встрече в Париже 6 декабря 1938 г. согласились о нижеследующем:

1. Французское правительство и германское правительство полностью разделяют убеждение, что мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира. Оба правительства приложат поэтому все свои усилия к тому, чтобы обеспечить развитие в этом направлении отношений между своими странами.

2. Оба правительства констатируют, что между их странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера, и торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время.

3. Оба правительства решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям.

В удостоверение чего представители обоих правительств подписали настоящую Декларацию, которая немедленно вступает в силу.

* См. док. № 86.

Составлено в двух экземплярах, на немецком и французском языках, в Париже 6 декабря 1938 г.

Жорж Боннэ
Иоахим фон Риббентроп

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 334—335.

**118. Запись беседы министра иностранных дел Германии
И. Риббентропа с министром иностранных дел Франции
Ж. Боннэ ***

6 декабря 1938 г.

В начале беседы Боннэ выразил свое удовлетворение по поводу визита министра. Он, Боннэ, надеется, что и в дальнейшем представится еще возможность для проведения таких бесед.

Министр фон Риббентроп ответил, что и он рад возможности обменяться мнениями с французским министром иностранных дел и что он надеется, что сможет приветствовать своего французского коллегу также и в Берлине.

Затем Боннэ подчеркнул положительное значение германо-французского сближения, особо указав на культурное и экономическое сотрудничество между обеими странами. В этой связи он упомянул о желательности расширения товарообмена и заключения соглашения о взаимных поездках граждан обеих стран.

Со своей стороны имперский министр иностранных дел фон Риббентроп также заявил, что он ожидает многого от сотрудничества в экономической области, особенно если Франция увеличит свои закупки на германском рынке (возможно, путем выдачи правительственных заказов, углубления экономических связей с французскими колониями), что может привести к выравниванию имеющего место ныне дефицита в платежном балансе между обеими странами.

Оба министра пришли к единому мнению о том, что они стремятся сделать все необходимое для облегчения взаимной торговли. В частности, Боннэ заявил, что намерен изучить вопрос о правильности заказов.

После того как имперский министр иностранных дел заявил Боннэ, что он охотно готов обсудить с ним и другие проблемы, если Боннэ желает этого, Боннэ тотчас же затронул вопрос об отношениях между Францией и Италией. Дав обстоятельную характеристику развития отношений между обеими странами, он остановился на инцидентах, имевших место в итальянском парламенте в связи с последней речью графа Чиано⁴⁷, и сказал, что, хотя в ответ на протест французской стороны итальянское правитель-

* На беседе присутствовали посол Германии во Франции граф И. Вельчек и генеральный секретарь МИД Франции А. Леше. Беседу записал посланник П. Шмидт.

ство заявило, что не несет ответственности за эти инциденты, итальянский ответ был сделан в довольно туманной форме, так что Франция в значительной мере обеспокоена теми вопросами, которые были подняты в результате этих инцидентов.

Как в этой, так и в других беседах, имевших место во время пребывания имперского министра иностранных дел в Париже, снова и снова выражалась большая озабоченность относительно дальнейшего развития событий в бассейне Средиземного моря; можно даже сказать, что это, собственно, главная тема, которая в эти дни занимает членов французского правительства.

На вопрос Боннэ, какую позицию занимает Германия по отношению к этой проблеме, и в частности в вопросе о Тунисе, имперский министр иностранных дел ответил, что Германия в этой проблеме непосредственно не заинтересована. Он, имперский министр иностранных дел, недостаточно разбирается в деталях тунисской проблемы, однако неоднократно слышал от итальянцев, что итальянское население в Тунисе не слишком довольно отношением к нему. Конечно, в наши дни нужно учитывать, что мы живем в эпоху пробуждения национализма, который в настоящее время имеет совсем иное значение, чем раньше. В этих условиях вполне возможно, что молодежь могучей и гордой итальянской нации проявляет особое нетерпение, когда она слышит о плохом обращении с ее соплеменниками в других странах, и что молодые горячие головы устраивают тогда такие демонстрации, какие имели место в итальянском парламенте. Имперскому министру иностранных дел представляется, что первой предпосылкой для оздоровления положения там было бы хорошее обращение с итальянским меньшинством в Тунисе. Германская позиция в этой средиземноморской проблеме, сказал имперский министр иностранных дел, такова.

Хотя Германия непосредственно и не заинтересована в этом вопросе, все же у нее есть косвенная заинтересованность, постольку, поскольку ее принципиальная позиция во внешнеполитических вопросах всегда определяется ее дружбой с Италией. Непоколебимой основой германской внешней политики является ось Берлин — Рим⁵, дружба между Италией и Германией, между фюрером и Муссолини.

Затем имперский министр иностранных дел подробно остановился на том, как эта дружба возникла из совместной идейной борьбы против подрывной деятельности в собственной стране, а также против Коммунистического Интернационала, и сказал, что понять эту дружбу может только тот, кто сам принимал участие в той идейной борьбе, которая проходила в этих обеих странах на протяжении ряда лет. На этой же основе возникла дружба между Японией и Германией и треугольник Берлин — Рим — Токио, который в наше время следует рассматривать как стабильный фактор на земном шаре. Однако все это, конечно, не является препятствием тому, чтобы тем не менее перебросить мост урегулиро-

вания и взаимопонимания от авторитарных государств к демократиям, а чтобы сделать такой шаг на пути сближения с Францией, он, имперский министр иностранных дел, и прибыл во Францию.

Еще раз возвращаясь к идее национализма, имперский министр иностранных дел подробно обрисовал, насколько, например, серьезной и динамичной оказалась эта идея в случае с Чехословакией. Фюрер принял решение в определенный срок осуществить урегулирование в этом районе на основе этнографического принципа. Впрочем, сказал имперский министр иностранных дел, Германия совершенно определенно рассматривает эту часть Европы как область своих интересов. Затем имперский министр иностранных дел уточнил, насколько было бы хорошо для преодоления в будущем противоречий между авторитарными государствами и демократиями, в частности между Германией и Францией и Англией, если бы к этой сфере германских интересов отнеслись с принципиальным уважением. Ведь Германия не вмешивается в сферу интересов других держав, например Англии.

Министр иностранных дел заявил в этой связи, что для него остается непонятной посылка лорда Ренсимена в Прагу³⁵. Он в свое время сказал об этом также Чемберлену в Бад-Годесберге и спросил Чемберлена, согласилась ли бы Англия, например, с тем, что в случае конфликта между Лондоном и Дублином фюрер, не спросив Англию, направил в Дублин, ну, скажем, бывшего имперского министра экономики Шмитта, чтобы урегулировать вопрос между Ирландией и Англией. Министр сказал, что Чемберлен возражал против этого сравнения, однако на это он, имперский министр иностранных дел, заявил Чемберлену, что было бы хорошо, если бы англичане принципиально отошли от этого образа мышления, только что вновь продемонстрированного Чемберленом. Ибо для немцев упомянутое выше сравнение между лордом Ренсименом и Шмиттом является абсолютно классическим. Было бы хорошо, если бы Англия и весь мир раз и навсегда усвоили это.

Что касается Франции, продолжал имперский министр, то, как он уже неоднократно говорил в этом году французскому послу Франсуа-Понсэ, военные союзы на востоке являются ярко выраженными атавизмами Версальского договора и версальского духа. Никогда сильная Германия не потерпела бы таких военных союзов, лишь слабая Германия вынуждена была примириться с ними. Но в момент воссоздания мощи стало ясно, что с этой политической окружения, создающей невыносимое состояние, рано или поздно, путем переговоров или каким-либо другим путем, но должно быть покончено. Если бы во Франции раз и навсегда признали эту сферу германских интересов, то тогда он вполне поверил бы в возможность принципиального и окончательного урегулирования между Германией и Францией.

Боннэ ответил, что со времени Мюнхена положение в этом

отношении коренным образом изменилось, и тут же заметил, что вопросы, поднятые в связи с последними итальянскими инцидентами (Тунис и Корсика), все же носят целиком и полностью иной характер, нежели вопрос о судетских немцах. Франция не может ни в коем случае и думать об отказе от своих территорий. Поднять территориальный вопрос о Тунисе — значило бы начать войну. Впрочем, Франция была бы готова обсудить положение итальянского меньшинства в Тунисе, которое составляет довольно незначительную часть общего населения. Однако Италия до настоящего времени ни в какой форме не поднимала никаких конкретных вопросов в этой связи.

Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп ответил, что он не хотел проводить никаких параллелей между Чехословакией и Тунисом. Он может только сказать, что детали вопроса о Тунисе ему мало известны и что уже по этой причине он не в состоянии высказаться по этому вопросу. Однако он хотел бы выразить надежду, что рано или поздно между Италией и Францией в этом вопросе будет достигнуто урегулирование.

В дальнейшем в беседе был затронут вопрос об обещанных Чехословакии со стороны четырех держав гарантиях новых чехословацких границ. На вопрос Боннэ, как мы относимся в принципе к этой проблеме, имперский министр иностранных дел ответил, что немецкая сторона намерена сначала выждать развития событий, так как возможное предоставление гарантии со стороны Германии в свое время было обусловлено тем, что проблемы других национальных меньшинств также должны быть решены. Далее все зависит от того, будут ли поставлены отношения между Германией и Чехословакией на совершенно новую основу. Однако он уже сейчас хотел бы подчеркнуть следующее: Германия ни в коем случае не потерпит, чтобы Чехословакия вернулась в фарватер Бенеша. Четырехсторонняя гарантия, по его мнению, в некотором смысле означает для этой страны определенное искушение все же вновь пойти по старому политическому курсу Бенеша. Наилучшую и самую эффективную гарантию для Чехословакии он усматривает единственно лишь в установлении этой страной дружественных отношений с Германией.

В то время как Леже в своих коротких высказываниях о «нейтрализации» Чехословакии на основе международных гарантий, казалась, придавал особое значение четырехсторонней гарантии, Боннэ ограничился заявлением, будто бы Франция, собственно, пришла к тому, чтобы подумать о предоставлении гарантии, скорее под давлением обстоятельств. По его словам, 19 сентября в Лондоне речь шла о том, чтобы побудить тогдашнюю Чехословакию отказаться от судетских областей в пользу рейха. Франция перед лицом своих чрезвычайно больших обязательств по отношению к Чехословакии была вынуждена выкупить согласие чехословацкой стороны на отказ от части территории за обещание новой гарантии.

Боннэ не углублял этой темы, а перешел к испанскому вопросу и попросил имперского министра иностранных дел высказать свое мнение и по этой проблеме.

Имперский министр иностранных дел фон Риббентроп подчеркнул, что Германия желает победы Франко. Это вытекает из принципиальной антибольшевистской позиции рейха. Во внутренней и в значительной степени во внешней политике борьба против большевизма является лейтмотивом действий Германии. Фюрер поддержал национальное правительство в Испании исключительно по этой причине. Фюрер и Муссолини, воспрепятствовав утверждению большевизма в Испании, оказали в конечном итоге услугу и Франции, так как если бы Франция имела своим соседом большевистскую Испанию, то многие дела внутри Франции, и как раз в последнее время, значительно бы усложнились. Впрочем, он может в этой связи заявить, что за усилиями правительства Даладе по урегулированию положения во Франции в Германии следили с большим интересом и полным пониманием, а достигнутые на этом пути успехи были восприняты с большим удовлетворением.

Боннэ заверил, что и французское правительство абсолютно против большевизма и что оно также совершенно ничего не имеет против победы Франко, если бы прежде были полностью выведены иностранные добровольцы, чтобы никто не мог сказать, что Франко победил лишь с иностранной помощью. Он, между прочим, указал в этой связи на сравнительно незначительное число германских добровольцев (2500—3000 человек).

Имперский министр иностранных дел в свою очередь еще раз указал на то, что Германия не имеет никаких территориальных претензий в отношении Испании, и упомянул, что Муссолини также сделал заявление в этом плане.

Боннэ сказал далее, что он уже сделал значительный шаг в сторону свертывания гражданской войны, закрыв Пиренеи для провоза военных материалов. Впрочем, у него есть сведения, что барселонское правительство (г-н Негрин) все дальше отходит от Москвы, и он надеется, что между правительством Барселоны и Франко удастся достичь урегулирования.

Имперский министр иностранных дел указал на то, что это очень трудно сделать, поскольку тысячи убитых разделяют оба лагеря, и сказал, между прочим, что большая часть военных материалов и дальше поступает в Барселону морским путем.

В ходе дальнейшей беседы имперский министр фон Риббентроп еще раз охарактеризовал прежнюю французскую политику союзов и окружения, и в частности пакт с Россией¹⁸, как препятствие на пути сближения между Германией и Францией.

Боннэ подчеркнул, что пакт с Россией связан с совершенно определенными условиями и отнюдь не выходит за рамки Лиги наций; впрочем, этот пакт, продолжал Боннэ, был заключен ярко

выраженными правыми политиками, такими, как Фландэн и Лаваль, а не теми, кто сейчас входит в правительство.

Леже заметил в дополнение, что заключение франко-русского пакта двустороннего характера не входило в намерение французской стороны. Первоначально думали о том, чтобы превратить этот пакт в многостороннее соглашение, в котором участвовали бы и другие государства, Польша и Балтийские страны, и лишь в результате развития событий этот пакт стал чисто двусторонним.

Имперский министр, отвечая на это замечание, указал на то, что, как известно, пакт между Францией и Россией направлен исключительно против Германии и, как и следовало предполагать, идея об общем коллективном пакте, к которому должна была присоединиться и Германия, осталась мертвой теорией.

В дальнейшем имперский министр иностранных дел затронул еще вопрос о Марокко и подчеркнул необходимость его скорейшего и окончательного решения. Дискриминации Германии в этом вопросе нужно раз и навсегда положить конец. Он считает, что если в германо-французских отношениях должна наступить новая эра, то для этого надо урегулировать этот вопрос.

Боннэ обещал подвергнуть этот вопрос необходимому изучению в позитивном плане.

В конце беседы состоялся краткий обмен мнениями по колониальному вопросу, в ходе которого имперский министр иностранных дел попросил французского министра иностранных дел изложить ему принципиальные соображения французского правительства по этой проблеме. Он также указал на принципиальную правовую точку зрения германского правительства, которая остается неизменной, хотя в данный момент этот вопрос, возможно, и неактуален.

Боннэ заявил, что в настоящее время в колониальном вопросе Франция ничего не может сделать для Германии. Франция вынуждена была пойти в Мюнхене на весьма большие жертвы, и когда при анализе сообщений германской прессы и других материалов, опубликованных сразу же после мюнхенского соглашения, во Франции сложилось впечатление, что теперь, непосредственно после Мюнхена, рейх хочет выступить с новыми требованиями в области колоний, то во французских кругах это вызвало, как известно, абсолютное сопротивление, так что в данный момент сделать ничего невозможно.

Позднее, вечером, имперский министр иностранных дел еще раз указал Боннэ на то, что Германия рассматривает французские гарантии Чехословакии как вмешательство в сферу наших интересов, и совершенно недвусмысленно заявил, что идея таких гарантий не будет способствовать взаимопониманию, на путь которого мы только что вступили.

В соответствии с указанием настоящее представлено на рассмотрение имперскому министру иностранных дел.

119. Запись беседы министра иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковского с посланником Великобритании в Чехословакии Б. Ньютоном

10 декабря 1938 г.

Посланник пришел к министру с нотой, выражающей английскую точку зрения на нашу циркулярную депешу *, в которой пражское правительство обращало внимание на то, что мы выполнили мюнхенский дополнительный протокол **, что является предпосылкой гарантии границ. По указанию своего правительства посланник сообщил, что английское правительство всячески приветствовало бы, если бы мы сами высказали свои взгляды по вопросу о гарантии и особенно если бы мы разъяснили, как мы представляем себе эту гарантию. Английские государственные деятели беседовали в Париже по вопросу о всеобщей гарантии, но они не пришли ни к какой договоренности.

Англия имела в виду своего рода общую гарантию мюнхенских держав. Англичане не согласны предоставлять такую гарантию, какую они не могли бы осуществить, и они были бы весьма благодарны, если бы им стало известно, какой характер гарантии имеет в виду Прага. Из Берлина им стало известно, что Германия и Италия предполагают предоставить гарантию самостоятельно. Это было бы, конечно, крайне тяжело для англичан, которые охотно поддержали бы желание пражского правительства способствовать сотрудничеству четырех великих держав, ибо Англия опасается, что державы оси подорвут сотрудничество стран Западной и Центральной Европы. Англичане не могли бы дать какой-либо действительной гарантии против центральных держав, но они были бы готовы дать гарантию, если бы по крайней мере три из четырех держав выступили в пользу Чехословакии. Англия ни в коем случае не желает давать индивидуальной гарантии; она желает дать ее лишь совместно с двумя другими великими державами (тремя из четырех), так как англичане не поставят себя в положение, в котором оказалась Франция в октябре этого года.

Чехословацкий министр ответил:

1) любая форма гарантии была бы желательна; чем шире она будет, тем лучше;

2) мы желали бы иметь эту гарантию как можно скорее;

3) отвечая на вопрос Ньютона о возможной гарантии со стороны других государств, кроме тех, которые участвовали в Мюнхене, министр заявил, что чехословацкое правительство еще не рассматривало этой возможности, но что этот вопрос немедленно будет подвергнут рассмотрению после того, как мюнхенские державы по взаимному соглашению урегулируют вопрос о гарантии.

* В данном сборнике не публикуется.

** См. док. № 100.

В ходе дальнейшей беседы английский посланник несколько раз настойчиво подчеркивал возможность того, что Чехословакия удовлетворится гарантией одной только Германии, являющейся, по его мнению, наиважнейшей, ибо в Праге, вероятно, хорошо известно, как неохотно дает Англия гарантии в тех случаях, когда британские интересы не затрагиваются непосредственно, и еще менее охотно в тех случаях, когда она, как это имеет место в данном случае, имеет основание питать сомнение в том, что ее гарантия чем-нибудь будет нам полезна.

Печат. по изд.: «Документы и материалы кавуна второй мировой войны», т. 1, с. 336—340.

120. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ

15 декабря 1938 г.

Беседы, которые Ваше превосходительство недавно имел с министром иностранных дел рейха *, видимо, позволили выяснить позицию германского правительства по основным текущим политическим проблемам. Вам тем не менее, наверно, будет небезынтересно узнать о моих — хотя и отрывочных — впечатлениях, сложившихся после первых контактов с немецкими кругами.

1. Установление хороших отношений с Францией является в настоящее время в Германии всеобщим желанием. Все без исключения немецкие руководители, с которыми я встречался, высказывались в этом духе самым решительным образом, без каких-либо оговорок. Все заявляли мне, что Германия желает сближения с Францией при соблюдении территориального статус-кво и что Германия хочет положить конец вековым раздорам двух стран.

Это стремление, искренность которого мне не кажется спорной, нашло свое выражение в той благосклонности, с которой было встречено подписание франко-германской декларации от 6 декабря**.

Оно, безусловно, объясняется различными причинами, варьирующимися в зависимости от различных слоев общества.

Немецкий народ — миролюбивый в своем большинстве — видит в сближении двух стран залог мира. Те, кого беспокоит широкий размах национал-социалистского динамизма, напряженное экономическое и политическое положение, созданное режимом, видят в этом сближении некоторое смягчение внутренней и внешней обстановки, которое позволило бы Германии постепенно вернуться к условиям нормальной жизни. Что касается «партии», то совершенно очевидно, что она желала заключения соглашения с

* См. док. № 118.

** См. док. № 117.

Францией главным образом для того, чтобы получить прикрытие с запада в предвидении операций в других направлениях.

2. Стремление третьего рейха к экспансии на Востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе; одно вытекает из другого. Первая часть программы Гитлера — объединение германского народа в рейхе — в основном завершена. Теперь пробил час «жизненного пространства». Та настойчивость, с которой мне говорили о том, что Германия не имеет никаких претензий к Франции, была вполне достаточной, чтобы дать мне это понять. Но имеются и более явные свидетельства; все мои собеседники, за исключением Гитлера, говорили мне в самых различных формах, однако нарочито избегая каких-либо уточнений, о необходимости для Германии экспансии в Восточной Европе. Для Риббентропа это «поиск новых зон влияния на Востоке и Юго-Востоке»; для маршала Геринга — «проникновение на Юго-Восток, главным образом экономического характера».

Лично я не выслушивал слишком точных доверительных признаний, но мне кажется, что мало-помалу из того, что пока еще носит неясные, расплывчатые формы, начинают проступать контуры великого немецкого предприятия. Стать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией — такова в основном, кажется, концепция, принятая теперь нацистскими руководителями, и, конечно, самим Гитлером.

Подчинение Чехословакии, к сожалению, уже является почти совершившимся фактом. «Моя страна теперь лишь провинция», — сказал мне еще вчера мой чешский коллега; второе бюро* работает там лишь для разведки на границах Польши; в некоторых немецких кругах уже заявляют, что отныне чешская армия призвана играть такую же роль, как баварская армия при втором рейхе. Строительство автострადы Бреслау** — Вена и канала Одер — Дунай будет производиться полностью с помощью чешской рабочей силы. Из двух одинаково достоверных источников мне стало известно о готовящемся чешско-германском соглашении о денежном паритете, за которым вскоре последует экономический и финансовый союз.

В Венгрии, где сопротивление будет, несомненно, сильнее, намереваются добиться экономических льгот и обеспечения для немецкой армии права прохода через венгерскую территорию, необходимого для действий на Востоке, так как эта территория перерезает железнодорожные пути из Словакии.

Что касается Украины, то вот уже примерно в течение десяти дней весь национал-социалистский аппарат говорит о ней. Исследовательский центр Розенберга, ведомство д-ра Геббельса, орга-

* По-видимому, имеется в виду германская военная разведка.

**Вроцлав.

низания «Ост-Европа», возглавляемая бывшим министром Курциусом, второе бюро тщательно изучают этот вопрос. Пути и средства, кажется, еще не разработаны, но сама цель, кажется, представляется уже установленной — создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германий. Но для этого нужно сломить Румынию, убедить Польшу, отнять часть территории у СССР; немецкий динамизм не останавливается ни перед какой из этих трудностей, и в военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку.

Маловероятно, чтобы Гитлер попытался осуществить эти планы относительно Украины путем прямого военного вмешательства. Это противоречило бы принципам, которые он сам неоднократно излагал и в соответствии с которыми нынешний режим выступает как против идеологической войны, так и против присоединения других народов. К тому же, кажется, способы действий пока еще не определены. В окружении Гитлера подумывают о такой операции, которая повторила бы в более широких масштабах операцию в Судетах: проведение в Польшу, Румынию и СССР пропаганды за предоставление независимости Украине, в подходящий момент дипломатическая поддержка и акция со стороны местных добровольческих отрядов. И центром движения станет Закарпатская Украина. Таким образом, по странным причудам судьбы, Чехословакия, созданная как оплот для сдерживания немецкого продвижения, служит рейху в качестве тарана для пролома ворот на Востоке.

3. О колониях мне никто ничего в Германии не говорил. Этот вопрос интересует, по крайней мере в настоящее время, только сугубо специальные круги. Г-н Риббентроп намекнул на демонстрации, имевшие место во Франции в связи с немецкими требованиями, лишь для того, чтобы тут же подчеркнуть, что этот вопрос будет обсуждаться, возможно, через пять-шесть лет. То же самое он сказал в беседе с одним из моих коллег, что доказывает наличие определенных инструкций по этому вопросу. Фюрер дал понять бельгийскому послу, что эта проблема его не интересует и что он ее затрагивает время от времени лишь для того, чтобы Германия не утратила «свое право собственности». Нацистские руководители, следуя картезианскому методу, распределяют проблемы по порядку, но их аппетиты, разжигаемые их нуждами и честолюбивыми помыслами, толкают их в сторону Востока, влекут к «заманчивым похождениям» и к осуществлению крупных замыслов режима, и они спешат.

4. Экономические трудности, кажется, в значительной степени объясняют эту поспешность. Валютный голод — следствие огромных расходов на вооружение — повлек за собой все растущие ограничения, в частности в области снабжения продовольствием. Население питается плохо и, может быть, даже зачастую живет впроголодь. Безработицы больше нет, наоборот, наблюдается нехватка рабочей силы, ведь производство эрзацев требует гораздо

больше рабочего времени, чем производство натуральных продуктов. Но рабочие, вынужденные трудиться по десять часов в день, начинают выказывать признаки усталости. Мне уже приводили случаи нескольких крупных итальянских забастовок, имевших недавно место. Компетентные лица, не принадлежащие к «партии», полагают, что экономическая и финансовая основа государства находится уже на пределе. Но большинство руководителей отказывается признавать это. Чтобы поддержать и усилить предвоенную экономику, нужны житница, шахты, рабочая сила; Украина — вот путь к империи.

5. Внутреннее положение, даже в самой «партии», кажется, впрочем, довольно напряженным. Хорошо информированные лица считают, что вновь появляются признаки, предвещающие внутренние конвульсии третьего рейха: волнение населения, общее чувство тревоги и неуверенности, взрывы возмущения и неожиданно откровенной критики режима, наблюдающиеся в среде служащих, офицеров и членов «партии», в частности после еврейских погромов, — одним словом, атмосфера предгрозовая. Напряженные отношения между военачальниками фюрера, кажется, тоже усугубляются: Гиммлер тщетно пытался примирить маршала Геринга с Риббентропом.

Я нахожусь еще слишком мало времени в Берлине, чтобы высказать свое личное мнение по этому вопросу. Во всяком случае, мне кажется, что престиж фюрера ни в коей мере не поколеблен. Он выше тех туч, которые нависли над общественным мнением, как и выше тех раздоров, которые разделяют его ближайших сотрудников. Но вполне возможно, что среди прочих преимуществ он видит в украинской операции возможность отвлечь внимание своего народа от внутренних трудностей, которые угрожающе нарастают.

Кулондр

Печат. по изд.: «СССР в борьбе за мир...», с. 124—127.

121. Телеграмма посла Германии в Великобритании

Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии

16 декабря 1938 г.

Президент Рейхбанка д-р Шахт, находившийся три дня в Лондоне по приглашению г-на Монтегю Нормана, в субботу утром выедет в Берлин. О результатах своих переговоров он сообщил мне следующее:

1) По вопросу эмиграции евреев из Германии он имел продолжительную беседу с председателем Эвианской конференции лордом Уинтертоном, председателем межгосударственного комитета по делам беженцев г-ном Рубле и с главным советником английского правительства по экономическим вопросам сэром Фредери-

ком Лейт-Россом. Он изложил в этой беседе план вывоза из Германии и поселения за границей в течение нескольких лет 150000 евреев; финансовые средства в сумме 1, 5 миллиарда марок должны будут предоставлены иностранным консорциумом, а с германской стороны выплата долга производилась бы путем дополнительного налога на экспортируемые товары. Этот план был принят господами Уинтертоном, Рубле и Лейт-Россом в качестве основы для дискуссии. О продолжении переговоров должны условиться, как только г-н Шахт сделает отчет в Берлине и будут выработаны директивы для дальнейших переговоров.

2) Президент Рейхсбанка беседовал затем с министром торговли Стэнли, сэром Фредериком Лейт-Россом и различными влиятельными представителями финансовых кругов Лондона по вопросам общего характера, представляющим взаимный интерес, в частности о возможности расширения межгосударственного товарообмена, о восстановлении свободного обмена валюты и необходимых для этого предпосылках. Идеи г-на Шахта вызвали живой интерес у его партнеров на переговорах, проявивших готовность к интенсивному сотрудничеству. Условились продолжить обмен мнениями. У президента Шахта создалось впечатление, что министр торговли Стэнли при случае был бы готов прибыть в Берлин для такого обмена мнениями.

3) Президент Рейхсбанка Шахт имел также продолжительную беседу с премьер-министром Чемберленом, в ходе которой Чемберлен интересовался экономическими вопросами и проявил в них осведомленность. Премьер-министр затронул при этом также китайскую проблему, которая, по его мнению, имеет всеобщее значение и диктует желательность сотрудничества. В ответ г-н Шахт сослался на особую позицию, занимаемую нами в отношении Японии на основании наших договоров.

4) Президент Шахт не воспользовался предложением лорда Галифакса встретиться, так как хотел избежать всякой видимости того, что выходит за рамки чисто экономических переговоров. Из этих же соображений он уклонился также от беседы с лордом Лондондерри, которой тот неоднократно добивался, и от встреч с другими политическими деятелями.

Дирксен

Печат. по изд.: «Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918—1945». Serie D, Baden-Baden, 1951, Bd. IV, S. 303-304.

**122. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачньского
министру иностранных дел Польши Ю. Беку**

16 декабря 1938 г.

Многоуважаемый г-н министр,

В связи с весьма резкими изменениями, происшедшими в международном положении, и реакцией на эти изменения отдельных государств попытка сделать для себя общие выводы представляется в данное время рискованной и неблагодарной задачей. Несмотря на это, я считаю своей обязанностью сделать такую попытку, ставя себе целью представить Вам, г-н министр, картину положения такой, как она выглядит с местного наблюдательного пункта. Я рискую только тем, что картина, наблюдаемая под другим углом зрения, может показаться тенденциозной, либо односторонней, либо даже прямо предвзятой или банальной.

Послемюнхенская ситуация определяется здесь как ситуация, не являющаяся ни войной, ни миром. Заявление премьера Чемберлена о наступлении новой эры, гарантирующей мир «нашему поколению», оценено всеми как иллюзия, быстро рассеивающаяся при соприкосновении с действительностью. Необходимо признать, что г-н Чемберлен с большим упорством и последовательностью придерживается избранной линии, которая должна привести его к пакту четырех и к реализации проектов «нового порядка в Европе», опирающегося тем или иным образом на этот пакт. Он продолжает верить (как уверяют меня, честно верить) в успешность метода личного контакта между ответственными руководителями государств-партнеров в избранной им комбинации и с этой верой готовится к очередному визиту в Рим.

Однако более чем очевидно, что то, что является для англичанина наиболее привлекательным — «организация Европы», отнюдь не нравится в Берлине и что осуществление дальнейшей программы премьера идет «как из-под палки». До сих пор ответом на его «активную мирную политику» были три резкие речи Гитлера, обостренный антиеврейский курс, равно как и новая программа итальянских притязаний, поддержанная Берлином.

Казалось бы, что вследствие столь многочисленных разочарований г-н Чемберлен должен был бы столкнуться с растущим недовольством и оппозицией не только в парламенте (где оппозиция благодаря партийной дисциплине не была бы столь эффективной), но прежде всего — в английском общественном мнении. Такая оппозиция существует, но, *mirabile dictu* *, кажется, не растет после Мюнхена. О возможном реванше лейбористской партии я слышу сейчас меньше, чем год тому назад. Правда, время от времени говорится о создании настоящего «национального

* — как ни странно (лат.).

правительства» с участием обеих оппозиций, однако до сих пор в этом нет уверенности.

Для всего этого имеются различные причины, из которых особенно две кажутся мне наиболее важными.

Первая. *Общее мнение таково, что «Мюнхен» был наиболее правильным, если не единственным, выходом из отчаянного положения **.

Я слышал недавно характерные высказывания высшего чиновника Форин оффиса, известного своим критическим отношением к политике премьера. Этот господин согласился с вышеуказанным мнением, сделав лишь ту оговорку, что премьер совершил большую ошибку, назвав мир, купленный такой ценой, «почетным миром». Впрочем, сам премьер, кажется, сожалел о своем выражении, которое он употребил под влиянием сильного волнения.

(Кроме этого, мой информатор утверждал, что возможность «вывернуться из архитрудного положения без войны западные государства получили благодаря решению чехов капитулировать без борьбы...»)

Вторая причина. Убеждение в том, что премьер (если употребить не слишком точное сравнение из области спорта) защитил английские ворота и перенес таким образом игру на восток Европы. Что бы ни случилось, остается факт выигрыша во времени. А отсрочка пользуется здесь, на родине политического эмпиризма, популярностью не меньше, чем в Женеве.

Мне трудно узнать, о чем думает премьер и менее ли он наивен или же менее искренен, чем о нем говорят. Зато я знаю на основе длительного наблюдения реакцию здешнего народа. Она является в одинаковой степени жизненной, непосредственной, солидарной, почти физиологической, как реакция муравьев и пчел, и независимой от той фразеологии, которой регулярно питают общественное мнение. Раздор на востоке Европы, грозящий Германии и России вовлечением в него, в той или иной форме несмотря на все декларации со стороны активных элементов оппозиции, здесь *повсеместно и подсознательно считается «меньшим злом», могущим отодвинуть на более длительный срок опасность от империи и ее заморских составных частей **.

Отношение Чемберлена к Советам продолжает оставаться холодным. Истиной является то, что он чересчур последователен и совершенно открыто избегает всего, что могло бы послужить для его политических партнеров поводом для уклонения от сотрудничества. Но истиной является и то, что премьер официально избегает выступать против устремлений Германии на Восток.

Английская общественность с удовлетворением отдает себе, наконец, отчет в том, что политика премьера совсем не означает

* Подчеркнуто в оригинале.

отказа от довооружения — совсем напротив, благодаря выигрышу во времени она делает это довооружение возможным*.

Как вытекает из вышеизложенных замечаний, г-н Невиль Чемберлен, несмотря на разочарование и даже унижительные неприятности, которые он встречает, и в дальнейшем остается «силой» в британской политике.

Зато он подвергается весьма сильной критике не только со стороны оппозиции (которая обвиняет его в том, что он руководствуется не только национальными, но и классовыми интересами, например, в испанском вопросе), но также со стороны политических «экспертов», и прежде всего со стороны собственных чиновников**.

Там в данное время утверждают, что если даже общие основы его политики правильны (либо дают хотя бы хороший предлог для выигрыша во времени), то тактика его неудачна. Я могу вновь привести мнение двух высших чиновников, которые сказали мне, что они хорошо видят, как низко пал в Германии престиж премьера, который еще недавно пользовался там большим уважением... Чиновники его аппарата добиваются сегодня не радикального изменения системы, но большей настойчивости на отдельных этапах — не уступать добровольно ни политических, ни экономических позиций в Европе, в ложной надежде снискать себе таким образом большую доброжелательность или же уступчивость в других местах.

Наконец, существует еще одна важная область, где расходятся мнения. Это вопрос национальной обороны. Премьер Чемберлен до сих пор не сошел с платформы сохранения добровольческой службы, одновременно форсируя расширение флота и авиации, не заботясь, однако, о создании сухопутной армии, способной к наступательным действиям. Сдержанность премьера можно объяснить его известной соглашательской тенденцией по отношению к милитаристическим державам «оси». С другой стороны, в связи с приближающимися выборами он должен считаться с непопулярностью, с которой была бы в Англии, особенно в рабочих кругах, встречена воинская повинность. Однако чиновники желают введения воинской повинности. Этого горячо желает также «патриотическая» оппозиция.

Введение воинской повинности, что, возможно, могло бы наступить только после выборов, было бы наиболее красноречивым доказательством, что Англия переходит от мягкой уступчивости к усиленной «твердости».

Возможно, что я ошибаюсь, но я уверен не только в том, что такой поворот должен будет произойти, но также и в том, что уже

* Однако все еще одностороннее, о чем ниже. — *Прим. Рачиньского.*

** Это является одновременно доказательством того, в какой значительной степени чиновники отстранены премьером от влияния на внешнюю политику. — *Прим. Рачиньского.*

имеется начало этого поворота, которое уже себя дает чувствовать. Это — пока незначительные изменения в содержании официальных выступлений. Кроме того, я имею в виду расширение системы, позволяющей государству гарантировать кредиты, предоставляемые промышленностью иностранным клиентам, а также первую попытку распространения такой гарантии на военные материалы (пока что они ограничены 10 миллионами фунтов стерлингов, утвержденными на прошлой неделе палатой общин по предложению правительства).

Таков фон, на котором следует рассматривать отношение англичан к Польше. Что касается премьера, его друзей и его прессы, то не подлежит сомнению, что мы наталкиваемся здесь на большую сдержанность.

Послемиюнхенские льды сломлены, предубеждения личного характера забываются, однако продолжает господствовать нежелание связывать себя обязательствами, и в первую очередь такими, которые имели бы антигерманскую направленность. В Форин оффис до сих пор решились лишь на следующее признание, выраженное в дружеской беседе со мной: «Британское правительство отнюдь не желает, чтобы Польша отошла от проводимой до сих пор политики равновесия» (Стрэнг, 9 декабря).

Тем временем я должен констатировать, что с некоторых пор в общественном мнении и в местной прессе существует как бы организованная кампания, пользующаяся представленной в слишком ярком свете информацией и даже сплетнями и измышлениями, стремящаяся представить польско-германские отношения в невыгодном свете*.

В результате такого положения вещей возникают тревога и пессимистические оценки политического положения Польши. Упомянутая «акция» — если в данном случае может идти речь об акции, на что нет ясных доказательств, — развивается прежде всего на почве проблемы Закарпатской Руси и украинских требований, но одновременно связана и с другими возможными причинами трений, как, например, в вопросе о Данциге, а в последнее время («Дейли экспресс» и даже «Таймс») и о Тешинской Силезии, откуда через Прагу либо через Моравскую Оставу пресса сообщала о якобы серьезных волнениях**. Противодествовать прессе здесь в [Англии] трудно, поскольку не сталкиваешься с явным извращением фактов, которые можно бы опровергнуть (что мы, конечно, постоянно делаем). Более эффективным методом могло бы быть оперирование положительными фактами из

* Для точности я должен подчеркнуть, что Румыния является предметом, пожалуй, еще более тревожных комментариев. Кстати говоря, здешние румыны выражают по этому поводу сильное беспокойство. — *Прим. Рачиньского.*

** Эти последние сплетни, может быть, являются контрмерами со стороны Праги в отместку за Закарпатскую Русь. — *Прим. Рачиньского.*

самой Польши, опровергающими распространяемые сплетни. Незачем добавлять, что результаты этих махинаций вредны для нашего политического престижа и доверия к нам в Англии, особенно теперь, когда она только начала постепенно избавляться от пут пораженчества.

Примите и прочее.

Эдвард

Рачинский

Печат. по изд.: «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, с. 343—356.

**ПРИМЕЧАНИЯ
И УКАЗАТЕЛЬ**

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пунические войны (264—146 гг. до н. э., с перерывами) — войны между Римом и Карфагеном. К 70-м годам III в. до н. э. Карфаген владел западной частью побережья Северной Африки, большей частью Сицилии и безраздельно господствовал в Западном Средиземноморье. Рим, подчинивший к 265 г. до н. э. всю Италию, не хотел мириться с торговой гегемонией Карфагена в Западном Средиземноморье и стремился прежде всего овладеть Сицилией. — 28.

² Имеется в виду агрессия фашистской Италии против Эфиопии (Абиссинии) в 1935 г. После начала открытого вторжения итальянских войск в Эфиопию совет Лиги наций 7 октября 1935 г. признал Италию агрессором и принял решение о применении к ней финансовых и экономических санкций.

Однако вопреки официально провозглашаемой политике осуждения агрессора правительства Англии и Франции стремились прийти к соглашению с Италией и разрабатывали различные планы «умиротворения» агрессора. Одним из таких планов было соглашение, заключенное 9 декабря 1935 г. премьер-министром Франции П. Лавалем и министром иностранных дел Англии С. Хором. Это соглашение предусматривало уступку Италии значительной части эфиопской территории, допуск в эфиопские учреждения итальянских «советников» и предоставление Италии исключительных экономических льгот в Эфиопии. Сговор англо-французской дипломатии против эфиопского народа в скором времени стал достоянием гласности и вызвал глубокое возмущение в Англии, Франции и других странах. С. Хор был вынужден подать в отставку.

Италия, поощряемая политикой попустительства агрессии, проводившейся Англией и Францией, захватила всю территорию Эфиопии. Лига наций постановила 4 июля 1936 г. отказаться от дальнейшего применения санкций.

По англо-итальянскому соглашению от 16 апреля 1938 г. правительство Англии признало итальянский суверенитет над Эфиопией.

В ноябре 1938 г. Франция также признала суверенитет Италии над Эфиопией. — 28.

³ Имеется в виду «декларация о ненападении» между Германией и Польшей, подписанная в Берлине 26 января 1934 г. (Сборник документов по международной политике и по международному праву. М., 1936, вып. X, с. 41—42).

Подписание германо-польской декларации явилось одним из серьезных этапов в подготовке немецкой агрессии. Этот пакт нужен был Гитлеру для того, чтобы расстроить ряды сторонников коллективной безопасности и показать на этом примере, что Европа нуждается не в коллективной безопасности, а в двусторонних соглашениях... Несомненно, что

германо-польский пакт был первой серьезной брешью в здании коллективной безопасности (см.: Фальсификаторы истории (Историческая справка). М., 1952, с. 14).

Заверения гитлеровцев, что они не имеют в отношении Польши каких-либо агрессивных планов, носили лживый характер. Как видно из опубликованных документов министерства иностранных дел Германии, гитлеровцы решили ограничиться опубликованием совместной германо-польской декларации, а не подписывать оформленный по всем нормам международного права договор о ненападении. Германское правительство исходило при этом из того, что впоследствии будет легче нарушить подобную декларацию, чем договор, так как в ней можно будет опустить вопрос о «признании нынешних восточных границ Германии» (Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series C, vol. 2, p. 145). Вскоре после подписания декларации Гитлер заявил в кругу своих приближенных: «Все наши соглашения с Польшей имеют только временное значение» (*Rauschning H. The Voice of Destruction (Hitler Speaks)*. N. Y. 1940, p. 119).— 30, 174, 178.

⁴ Линия Мажино — система французских военных долговременных фортификационных сооружений и заграждений на границе с Германией, Люксембургом и частично с Бельгией, построенная по предложению А. Мажино, бывшего в 1929—1932 г. военным министром Франции. Предназначалась для защиты Северо-Восточной Франции от германского вторжения. 33, 65.

Ось Берлин — Рим — агрессивный военно-политический союз, заключенный фашистскими государствами — Германией и Италией в Берлине 25 октября 1936 г. По этому соглашению Германия признавала захват Эфиопии Италией; оба государства подтверждали свое признание военно-фашистского мятежного правительства Франко в Испании и наметили мероприятия по оказанию ему дальнейшей помощи; Германия и Италия договорились о разграничении сфер экономического проникновения на Балканах и в придунайских государствах. Образование оси Берлин — Рим положило начало официальному оформлению блока фашистских агрессоров и свидетельствовало, что они вступили на путь открытой подготовки второй мировой войны. Следующим шагом в этом направлении было подписание 25 ноября 1936 г. Германией и Японией так называемого «антикоминтерновского пакта». Согласно опубликованному в то время тексту пакта, его участники обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него совместную борьбу. Основное содержание пакта было изложено в подписанном одновременно германо-японском секретном соглашении, в котором указывалось, что в случае конфликта одного из участников пакта с СССР они «должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов». Участники соглашения обязались «без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения» (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik*. 1918—1945. Serie D, Bd. I, S. 600).

6 ноября 1937 г. к «антикоминтерновскому пакту» присоединилась Италия, 24 февраля 1939 г.— Венгрия, 27 марта 1939 г.— франкистская Испания. Впоследствии к нему присоединился также ряд других государств — союзников Германии и Японии во второй мировой войне.— 34, 36, 47, 70, 259.

Представители промышленных и финансовых кругов Англии были не прочь оказать Германии экономическую помощь, рассчитывая побудить ее тем самым занять менее враждебную позицию в отношении западных держав и поощрить ее к экспансии на восток.

Так, во время встречи 9 февраля 1937 г. с посланником Германии в Австрии Ф. Папенем представитель деловых кругов Великобритании Ри-

кенс сообщил, что «после зондажа в компетентных кругах Форин оффиса ему было поручено спросить Ф. Папена, есть ли возможность с доверенным лицом Форин оффиса обсудить основные моменты, на основе которых можно было бы достичь выравнивания англо-германских интересов».

В этой связи основные соображения английской стороны, в частности, заключались в следующем: «Стоящий в последнее время на переднем плане вопрос о колониях, если его рассматривать изолированно, не имеет той экономической ценности, которая придастся ему немецкой общественностью. Главное состоит в том, чтобы снова включить Германию в мировой экономический процесс. Это может быть достигнуто:

а) путем предоставления достаточного и долговременного займа (приблизительно на 40 лет) с выплатой незначительного процента годовых. Часть займа должна быть предоставлена в золоте, чтобы обеспечить международную стабильность обесценившейся марки. Заем следовало бы использовать для консолидации германских внешних долгов, а также для расширения германских рынков;

б) наряду с этим займом со стороны стран, в которых наблюдается особенное сужение германского рынка, должны быть введены значительные таможенные облегчения.

Наряду с этим займом было бы также необходимо осуществить урегулирование вопроса о колониях таким образом, чтобы не были существенно затронуты британские интересы в Африке и чтобы было найдено коллективное возмещение ущерба Германии где-то на западном побережье Африки».

Далее, по просьбе английского правительства бывший премьер-министр Бельгии Ван-Зееланд подготовил доклад о возможностях более тесного экономического и политического сотрудничества между США, Англией, Францией, Германией и Италией. В своем докладе, который был опубликован в январе 1938 г., Ван-Зееланд высказался за расширение международного экономического сотрудничества, снижение таможенных пошлин, отмену всех пошлин и ограничений, касающихся экспорта сырья. Необходимым условием этих экономических мер Ван-Зееланд считал устранение контроля над валютой и ограничений в области торговых платежей. Предлагалось создать специальный фонд при Банке международных расчетов для субсидирования закупок сырья странами, «бедными сырьем». Это являлось, по существу, маскировкой предложения о предоставлении крупных займов Германии и Италии.

Ван-Зееланд изложил в своем докладе ряд сделанных ему предложений, касавшихся пересмотра мандатной системы Лиги наций и организации так называемых «колониальных обществ». Суть последнего предложения сводилась к тому, чтобы вместо прямой передачи колоний Германии предоставить ей возможность эксплуатировать колониальные страны путем участия в специальных «колониальных обществах». Фашистская печать приветствовала это предложение, отмечая, что проект Ван-Зееланда представлял собой «шаг вперед» по сравнению со всеми предшествовавшими проектами подобного рода. — 36.

⁷ Версальский мирный договор был подписан 28 июня 1919 г. Он завершил первую мировую войну 1914—1918 гг. — 36, 67, 164.

⁸ Вестфальский мирный договор был заключен 24 октября 1648 г. между императором Германии, немецкими князьями, Швецией, Францией и другими державами на двух конгрессах в городах Вестфалии — Мюнстере и Оснабрюке и положил конец Тридцатилетней войне (1618—1648 гг.). — 36

⁹ Основные пункты англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г.: германский военно-морской флот не должен превышать 35% тоннажа соединенных военно-морских сил Британского содружества наций; Германия получала право на тоннаж подводных лодок, равный общему тоннажу подводного флота Британского содружества наций, но пока обязалась содержать подводный флот, не превышающий 45% британского

(Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series C, vol. IV, p. 323—326).

Подписание англо-германского морского соглашения, в котором Англия в одностороннем порядке санкционировала нарушение Гитлером военных ограничений Версальского мирного договора, было наглядным проявлением политики попустительства германской агрессии, проводившейся английским правительством. Предусмотренное в договоре увеличение германского флота представляло наибольшую угрозу для СССР и других стран, прилегающих к Балтийскому морю. Черчилль признает в своих воспоминаниях, что английское правительство согласилось на увеличение германского флота, с тем чтобы он мог стать «хозяином Балтийского моря» (*Churchill W. The Second World War. Boston, 1948, vol. 1, p. 140*).

В декабре 1938 г. Германия заявила Англии, что она будет содержать подводный флот, равный по тоннажу британскому. В апреле 1939 г. англо-германское морское соглашение было расторгнуто фашистской Германией. — 38, 48, 74, 160, 253.

¹⁰ Согласно ст. 99 Версальского мирного договора, Германия отказывалась от всяких прав и правооснований на территорию Мемеля (Клайпеды). Договор не устанавливал его государственной принадлежности. 8 мая 1924 г. представители Франции, Великобритании, Италии и Японии подписали в Париже Клайпедскую (Мемельскую) конвенцию, разработанную комиссией совета Лиги наций, согласно которой Клайпедская область признавалась составной частью Литвы. В марте 1939 г. фашистская Германия оккупировала Клайпеду. Правительства Англии и Франции молчаливо согласились с этим актом агрессии, не заявив даже протеста Германии, хотя под Клайпедской конвенцией стояли их подписи. — 39, 160.

¹¹ В обвинительном заключении Международного военного трибунала по делу главных германских военных преступников отмечалось, что цели и задачи фашистского режима, установленного в Германии в 1933 г., «сводились к тому, чтобы любыми средствами... включая и незаконные средства, причем имелось в виду в конечном счете прибегнуть к угрозе силой, применению силы и агрессивной войне, достичь следующего: 1) отмены и уничтожения Версальского договора и его ограничений относительно военных вооружений и военной активности Германии; 2) овладения территориями, утраченными Германией в результате первой мировой войны 1914—1918 гг., и другими территориями в Европе, которые, по заявлению нацистских заговорщиков, должны принадлежать так называемой «германской расе»; 3) захвата других территорий на континенте Европы и на других континентах, на которые нацистские заговорщики предъявляли претензии за счет соседних и других стран, как на необходимое для «германской расы» «жизненное пространство» (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1957, т. 1, с. 104).

Эта программа была изложена Гитлером еще в 1924 г. в его книге «Майн кампф». Касаясь целей внешней политики фашистской партии, он писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила 600 лет назад. Мы кладем конец извечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем свой взгляд к землям на востоке... Мы переходим к политике будущего — к политике территориального завоевания».

Раушнингу Гитлер разъяснял: «Нам нужна Европа и ее колонии. Германия — только начало...»

Аппетиты главарей третьего рейха не знали границ. «Не провинции, а геополитические категории, — нагло заявлял Гитлер, — не национальные меньшинства, а континенты, не поражение, а уничтожение противника, не союзники, а сателлиты, не перемещение границ, а перетасовка государств всего земного шара, не мирный договор, а смертный приговор — такими должны быть цели великой войны» (*Fried H. F. The Guilt of German Army. N. Y., 1943, p. 10*).

Вопрос о колониях был обязательным в программе всех ноябрьских встреч 1937 г. Галифакса с Гитлером, Герингом, военным министром Бломбергом и президентом Рейхсбанка Шахтом.

За согласие Гитлера не прибегать к силе при решении европейских проблем Англия была готова рассмотреть колониальный вопрос, т. е. пойти на уступки Германии. Но в 1937 г. проект возможного урегулирования колониального вопроса, как заявил Бломберг в беседе 20 ноября, имел для Берлина второстепенное значение. «Главное для рейха — его позиции в Центральной и Восточной Европе» (Public Record Office, Cab. 27/626, p. 250—251).

20 ноября Шахт в беседе с Галифаксом подчеркнул, что Германия не стремится получить обратно принадлежавшие ей ранее тихоокеанские острова, а также Юго-Западную Африку и «понимает особые трудности Англии в отношении Танганьики. Остается западное побережье Африки. Того и Камерун можно было бы полностью отдать под суверенитет Германии, а из Бельгийского Конго и Анголы можно было бы выделить нечто вроде мандата» (Ibid., p. 251).

Таким образом, оказывая давление на Англию, все нацистские руководители поднимали в беседах с Галифаксом вопрос о колониях, но ни один из них не ставил его в категорической форме.

В письменном отчете о своей поездке в Германию Галифакс отмечал, что Гитлер «не создал у него впечатления, что он собирается воевать с нами из-за колоний» (Ibid., p. 249).

В 1939 г. колониальный вопрос приобрел первоочередность.

Английские «умиротворители» были готовы по-прежнему идти на уступки, несмотря на захват остальной части Чехословакии и Мемельской области. С германской же стороны рос не только аппетит, но и уверенность в возможности провести раздел и передел сфер влияния военным путем. Нацистский «теоретик» Карл Шмитт писал: «Мы сейчас мыслим глобально, в масштабах крупных территорий. Мы признаем неотвратимость грядущего территориального перепланирования, о котором уже говорили Вольгат и генерал Риттер фон Эпп» (*Schmitt C. Volkerrechtliche Grobraumordnung mit Interventionsverbot für Räume fremder Mächte. Berlin — Wien, 1939, S. 78*). Таким образом, колониальные планы Германии позволяют увидеть истинные мотивы, которые побудили Гитлера в 1939 г. отказаться от реализации перспектив, открывавшихся «планом Вильсона». — 40.

¹² Согласно решениям Берлинской конференции 1884—1885 гг., по африканским колониальным вопросам Конго формально признавалось «независимым государством» во главе с бельгийским королем Леопольдом II. Принятые решения обеспечивали возможность участия в эксплуатации Конго также и других держав. — 41, 59.

¹³ Имеется в виду германо-австрийское соглашение от 11 июля 1936 г. Согласно этому соглашению австрийское правительство было обязано согласовывать свою внешнюю политику с Германией. Характеризуя это соглашение и его последствия для Австрии, советский полпред в Вене И. Л. Лоренц писал в мае 1937 г., что Берлин продолжает резкий и грубый нажим на Австрию. «Здесь все больше отдают себе отчет в том, что соглашение от 11 июля 1936 г. в берлинском понимании должно явиться инструментом к проведению аншлюса». — 43, 47, 50.

¹⁴ В действительности же помощь военно-фашистским мятежникам Франко в Испании со стороны гитлеровской Германии, а также фашистской Италии постоянно увеличивалась. За время войны в Испанию было послано 150 тыс. итальянских и около 50 тыс. немецких солдат и офицеров. — 44.

¹⁵ Имеются в виду Локарнские договоры 1925 г., по которым Германия, Франция и Бельгия обязались сохранять территориальный статус-кво, т. е. неприкосновенность границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, как они были установлены Версальским догово-

ром. Германия, Франция и Бельгия обязались не прибегать к нападению друг на друга и разрешать все спорные вопросы методом мирного урегулирования (путем арбитража или судебного решения). Предусматривалось сохранение в силе всех обязательств по Версальскому мирному договору.

Локарнские договоры просуществовали 10 лет. 7 марта 1936 г. гитлеровская Германия односторонним актом расторгла Локарнские договоры. — 48, 51, 65.

¹⁶ Сен-Жерменский мирный договор был подписан 10 сентября 1919 г. и входит в число договоров так называемой версальской системы. Этим договором, в частности, констатировались распад австро-венгерской монархии и провозглашение Австрии республикой. Ст. 88 данного договора запрещала Австрии предпринимать без согласия совета Лиги наций какие-либо действия, «способные прямо или косвенно нарушить ее независимость», что означало запрещение аншлюса. — 50.

¹⁷ 8 января 1918 г. президент США В. Вильсон обнародовал «14 пунктов» американской программы мирного урегулирования послевоенных проблем. «14 пунктов» Вильсона, по существу, являлись прикрытой лицемерными фразами экспансионистской программой американского империализма. — 56.

¹⁸ Имеется в виду советско-французский договор о взаимной помощи от 2 мая 1935 г. В договоре предусматривалось, что в случае угрозы нападения какого-либо европейского государства на одну из договаривающихся сторон они обязуются приступить к немедленной консультации. Основной статьёй договора была статья II, в которой указывалось, что если СССР или Франция подвергнутся нападению со стороны какого-либо европейского государства, то они окажут «друг другу немедленно помощь и поддержку» (Правда, 1935, 4 мая). — 57, 79, 100, 104, 182, 248, 262.

¹⁹ Имеется в виду протокол, подписанный 12 февраля 1938 г. в Берхтесгадене (резиденции Гитлера в Баварских Альпах) канцлером Германии А. Гитлером и австрийским канцлером К. Шушнимгом. Протокол фактически предусматривал установление германского контроля над внешней политикой Австрии, легализацию деятельности австрийских нацистов, назначение ряда австрийских нацистов на ключевые правительственные посты. — 60, 71.

²⁰ Имеются в виду Женевские конвенции 1906 и 1929 гг., которые предусматривают заботу воюющих сторон о больных и раненых другой воюющей стороны и дают права «нейтральности» обслуживающему раненых медицинскому персоналу. — 61.

²¹ Малая антанта — политический союз буржуазных правительств Чехословакии, Румынии и Югославии, созданный после первой мировой войны при содействии Франции. — 63, 126, 135, 152, 199.

²² Речь идет об интервью президента Чехословакии Э. Бенеша, посвященном чехословацко-германским отношениям, которое было опубликовано в лондонской газете «Санди таймс» 7 марта 1938 г. — 77.

²³ Имеется в виду выступление председателя правительства Чехословакии М. Годжи в Национальном собрании 1 марта 1938 г. — 77.

²⁴ Имеется в виду договор об отказе от войны как средства национальной политики, подписанный в Париже 27 августа 1928 г. — 78, 183.

²⁸ Имеется в виду советско-чехословацкий договор о взаимной помощи, подписанный 16 мая 1935 г. — 79.

²⁶ Данный документ 29 марта 1938 г. с сопроводительным письмом был направлен советником министерства иностранных дел Германии Г. Альтенбургом посланнику посольства Германии в Чехословакии Э. Эйзенлору.

В письме выражалось пожелание «поддерживать по возможности тесный контакт с судето-немецкой партией и, как было условлено, стараться, хотя и неофициально, если представится случай, в беседах с чехословацкими государственными деятелями оказывать ей поддержку в предстоящих переговорах с чехословацким правительством» (Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1, с. 107—108). — 82.

²⁷ «Лагерь национального объединения» — организация, созданная в феврале 1937 г. правящими кругами буржуазно-помещичьей Польши с целью сплочения реакционных элементов для борьбы с прогрессивными силами страны. — 87.

²⁸ В ночь на 11 марта 1938 г. реакционные польские правители спровоцировали инцидент на польско-литовской границе, чтобы создать повод для вторжения польских войск в Литву. Они рассматривали захват Литвы как «компенсацию» за поддержку агрессивных планов Германии в отношении Австрии. Германское правительство само было готово занять Клайпедскую область и некоторые другие районы Литвы. От интервенции литовский народ спасла только поддержка Советского Союза. 16 марта 1938 г. нарком иностранных дел СССР вызвал польского посла в Москве В. Гжибовского и сделал ему заявление о том, что серьезность положения заставляет Советское правительство обратить внимание польского правительства на то обстоятельство, что Советский Союз не смог бы остаться безучастным, если бы Литва оказалась под угрозой. 18 марта Советское правительство, учитывая продолжавшееся обострение обстановки, сделало польскому послу еще одно серьезное предупреждение.

Вмешательство Советского правительства предотвратило захват Литвы гитлеровской Германией и реакционным польским режимом. — 87, 109.

²⁹ «Украинское национально-демократическое объединение» — одна из буржуазных политических партий Западной Украины. — 88.

³⁰ 19 мая 1938 г. чехословацкая разведывательная служба получила информацию о концентрации германских войск на границе с Чехословакией. Опасаясь, чтобы во время предстоящих муниципальных выборов не был спровоцирован инцидент, который мог бы послужить поводом для нападения Германии на ЧСР, чехословацкое правительство провело 20—21 мая мобилизацию одного призывного возраста. Возник так называемый майский кризис — 97, 118, 134, 137, 152, 166, 175.

³¹ Польско-французский союзный договор был подписан 19 февраля 1921 г. в Париже. Договор был заключен для обеспечения стабильности политического положения в Европе, созданного Версальской системой мирных договоров, в том числе для гарантирования безопасности границ Франции и Польши. Он положил начало серии политических и военных договоров Франции с рядом стран Восточной Европы и тем самым укреплял господствующее положение Франции в Европе. В 20-х годах франко-польский договор являлся также орудием антисоветской политики обоих государств. — 100, 105.

³² Английский посол в Берлине П. Гендерсон заявил 21 мая 1938 г. министру иностранных дел Германии И. Риббентропу, что в случае германской агрессии против Чехословакии и вмешательства Франции на стороне Чехословакии английское правительство «не может гарантировать, что обстоятельства не вынудят его вмешаться».

На другой день английскому послу в Париже Э. Фиппсу была дана директива разъяснить французскому правительству, что это заявление не означает, что правительство Англии намерено предпринять совместные с ним военные действия в защиту Чехословакии. Фиппс должен был также заявить, что Франция не должна предпринимать без согласования с Англией никаких действий, могущих привести к войне. Министр ино-

странных дел Франции Ж. Боннэ заверил Фиппса, что французское правительство не намерено ничего предпринимать «без подробной консультации» с английским правительством. Если же Чехословакия будет «проявлять неблагоразумие, французское правительство может заявить, что Франция считает себя свободной от своих обязательств» (Документы по истории мюнхенского сговора, с. 120). — 101.

³³ В своем выступлении 24 апреля 1938 г. на съезде фашистской судето-немецкой партии в Карлсбаде К. Генлейн потребовал изменения чехословацкой внешней политики и ее переориентации на Германию. Одно» временно он изложил программу, содержавшую восемь пунктов требований судето-немецкой партии к чехословацкому правительству. Основными пунктами было предоставление территориальной и административной автономии судетским немцам, а также предоставление свободы для пропаганды нацистской идеологии. Эти требования были неприемлемы для чехословацкого правительства, так как их осуществление означало нарушение территориальной и административной целостности государства. — 113, 142, 153, 189.

³⁴ Имеется в виду англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г. По этому соглашению обе стороны обязались соблюдать статус-кво в западной части Средиземного моря. Соглашение содержало обязательство Англии признать захват Италией Эфиопии. — 119, 121.

³⁵ В июле 1938 г. английское правительство по договоренности с французским направило в Прагу миссию во главе с председателем тайного королевского совета Великобритания лордом Ренсименом, которая должна была осуществлять «посредничество» между чехословацким правительством и фашистской, так называемой судето-немецкой (генлейновской) партией — агентурой Гитлера в Чехословакии. Под давлением Англии и Франции правительство Бенеша согласилось на приезд Ренсимиена в Чехословакию.

16 сентября 1938 г. Ренсимен возвратился в Лондон. В своих рекомендациях английскому правительству он настаивал на отторжении Судетской области от Чехословакии и передаче этих исконных чешских земель гитлеровской Германии. — 127, 260.

³⁶ В статье 11 Устава Лиги наций говорилось: «Определенно объявляется, что всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или пет кого-либо из членов Лиги, интересует Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир Наций. В подобном случае генеральный секретарь немедленно созывает совет по требованию всякого члена Лиги». — 144, 186.

³⁷ В соответствии с Версальским мирным договором 13 января 1935 г. в Саарской области был проведен плебисцит, который должен был определить будущий статус области (до этого времени Саарская область управлялась комиссией Лиги наций). В результате плебисцита с 1 марта 1935 г. Саарская область отошла к Германии. — 159, 213, 238.

³⁸ Важнейшими статьями Устава Лиги наций являлись статьи 16 и 17. Статья 16 касалась санкций, налагаемых на государство, совершившее акт агрессии. Все члены Лиги наций обязаны были порвать с этим государством торговые и финансовые отношения. Совет Лиги наций обязан был также определить контингенты сухопутных, морских и воздушных сил, выставляемых каждым членом Лиги наций «для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Однако для практического применения санкций предусматривалась весьма сложная процедура, которая оставляла лазейки для агрессора. В 1921 г. совет Лиги наций принял резолюцию, в которой говорилось, что основным оружием в борьбе против агрессора должны быть экономические санкции.

Статья 17 предусматривала вмешательство Лиги наций в споры между государствами, не являющимися ее членами. Если государство —

не член Лиги наций, участвующее в споре, отказывается принять меры для его разрешения, предложенные советом Лиги наций, и прибегнет к войне против одного из членов Лиги, то к нему применяются экономические и военные санкции, предусмотренные статьей 16. — 169, 181, 182.

³⁹ По возвращении в Лондон лорд Ренсимен выступил на заседании кабинета 17 сентября 1938 г. с кратким отчетом о деятельности миссии. 21 сентября он направил Чемберлену и Бенешу письма, в которых предлагались незамедлительная передача Судетской области Германии, установление «местной автономии» для районов с незначительным немецким населением, изменение внешней политики Чехословакии и т. п. — 170.

⁴⁰ Речь идет об усилиях польского правительства не допустить возможности прохождения советских войск через Румынию на помощь Чехословакии, находившейся под угрозой нападения. По этому вопросу 26 июня 1938 г. в Варшаве беседовал также заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембек с министром иностранных дел Румынии П. Комненом. Об этой беседе Я. Шембек пишет: «Я подчеркнул Комнену, что с некоторого времени до нас доходят упорные слухи, якобы Румыния готова предоставить советским войскам право прохода через свою территорию на помощь Чехословакии. Эти слухи доходят до нас из трех государств. Москва распространяет сведения, что в случае конфликта, который заставит ее предоставить активную помощь Чехословакии, советские войска проследуют через Румынию, которая будет протестовать, но на войну с Россией не отважится. Министр Комнен в высшей степени категорически опровергал все эти слухи. Он заявил, что Румыния не пропустит через свою территорию ни одного советского солдата (отметив, что говорит это мне не как министр иностранных дел, а как г-н Комнен), что он дает честное слово, что во всех этих слухах нет ни слова правды; что, наконец, на случай каких-либо советских попыток перейти румынскую границу Румыния рассчитывает на оборонительный союз с Польшей. Правда, несколько закупленных Чехословакией самолетов было пропущено из Советского Союза в Чехословакию. Самолеты были пропущены при сохранении всевозможной осторожности с предписанием задержаться в Клуже для прохождения контроля. Следовательно, поведение румынской стороны в вопросе о перелете самолетов было правильным, и в будущем, в случае необходимости, Румыния будет действовать таким же образом» (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1969, т. 6, 1933—1938, с. 362). — 173.

⁴¹ 23 сентября 1938 г. народный комиссар обороны СССР К. Е. Ворошилов и Генеральный штаб дали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части войск Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов, а также о выдвигении к государственной границе ряда их оперативных объединений. Мероприятия по приведению в боевую готовность были осуществлены также в Харьковском и Московском военных округах. Всего в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения.

Вскоре дополнительные директивы были отданы Военным советам Белорусского, Киевского особым, Ленинградского и Калининского военных округов. Таким образом, были приведены в боевую готовность и пополнены до штатной нормы военнообязанными из запаса еще 17 стрелковых дивизий, управления трех танковых корпусов, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады, 34 авиационные базы. Военно-мобилизационные мероприятия охватили не только западные пограничные области, но и глубинные районы — вплоть до Волги и Урала. Помимо войск, выдвинутых к юго-западной и западной государственной границе, в боевую готовность был

приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. В вооруженные силы было призвано из запаса в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава (см.: Документы по истории мюнхенскогоговора, с. 256, 315). — 181, 182.

⁴² Так называемая годесбергская программа была предъявлена Гитлером Чемберлену 22 сентября 1938 г. в Бад-Годесберге. Она представляла собой ультимативные требования Гитлера относительно немедленной передачи фашистской Германии ряда районов Чехословакии. — 215, 217.

⁴³ Сразу же после мюнхенскогоговора четырех держав, в полночь о 30 сентября на 1 октября, правительство буржуазно-помещичьей Польши предъявило Чехословакии ультиматум о немедленной передаче ей Тешинской области, а на следующий день начало ввод в Тешинскую область своих войск. Агрессивные действия правящих кругов Польши получили полное одобрение со стороны руководителей гитлеровской Германии.

Вслед за фашистской Германией хортистская Венгрия предъявила Чехословакии территориальные требования. В октябре 1938 г. начались чехословацко-венгерские переговоры по этому вопросу. Они не привели к соглашению, так как Чехословакия отказывалась удовлетворить требования хортистов о передаче им городов Братиславы, Нитры и Кошице. Правительство Венгрии, поддержанное Муссолини, обратилось к Германии, Италии и Польше с просьбой о третейском разбирательстве. Участие Польши было отклонено Германией, и роль арбитра взяли на себя Германия и Италия в лице министров иностранных дел Риббентропа и Чиано.

Решением, вынесенным 2 ноября 1938 г. в г. Вене (так называемый «первый Венский арбитраж»), Венгрии были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины с населением свыше 1 млн. человек.

В марте 1939 г. хортистское правительство с согласия Гитлера ультимативно потребовало от правительства Чехословакии передать Закарпатскую Украину Венгрии. 14 марта 1939 г. хортистские войска заняли Закарпатскую Украину. — 239.

⁴⁴ В период франко-прусской войны в сражении при Седане 2 сентября 1870 г. французская армия потерпела крупное поражение. Остатки французской армии во главе с императором Наполеоном III оказались запертыми в Седанской крепости. По приказу Наполеона III был поднят белый флаг. Сотысячная французская армия вместе с императором сдалась в плен. Со времени франко-прусской войны слово «Седан» стало во Франции символом крупного политического или военного поражения. — 244.

⁴⁵ План Грюн — гитлеровский план захвата Чехословакии. Основные положения этого плана были изложены в директиве военного министра фашистской Германии В. Бломберга от 24 июня 1937 г. Согласно утвержденному Гитлером 30 мая 1938 г. плану Грюн осуществление его должно начаться не позднее 1 октября 1938 г. (Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. II, S. 281-285).

Английское правительство, осуществляя свою политику попустительства осуществлению захватнических планов Гитлера, заявляло о своей готовности способствовать «немедленному» претворению в жизнь плана оккупации Чехословакии. Премьер-министр Англии Н. Чемберлен, выступая на заседании своего кабинета министров 14 сентября 1938 г., в частности, говорил, что при встрече с Гитлером в Берхтесгадене 15 сентября 1938 г. он «должен будет ясно заявить Гитлеру, что не может отвечать за Бенеша, однако предпримет попытки оказать на Бенеша всевозможное давление и что то же самое сделают французы» (Public Record Office, Cab. 23/95). - 251.

⁴⁶ После мюнхенского сговора французское правительство продолжало политику сближения с гитлеровской Германией. 13 октября 1938 г. французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсэ в беседе со статс-секретарем МИД Германии Э. Вейцекером предпринял зондаж о возможности визита в Париж министра иностранных дел Германии И. Риббентропа. Он предложил рассмотреть в этой связи вопрос о заключении между Германией и Францией пакта о ненападении, соглашения о консультациях, а также соглашения по финансовым вопросам (*Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945. Serie D, Bd. IV, S. 382*). Правительство фашистской Германии не было заинтересовано в заключении с Францией таких далеко идущих соглашений и решило ограничиться опубликованием франко-германской декларации, близкой по своему содержанию к англо-германской декларации от 30 сентября 1938 г.

Франко-германская декларация явилась политическим соглашением, своего рода пактом о ненападении, перечеркнувшим, по существу, советско-французский договор о взаимной помощи 1935 года. Как писал позднее тогдашний французский посол в Польше Л. Ноэль, Ж. Боннэ заявил ему в ноябре 1938 г. о своем намерении «денонсировать целиком и полностью соглашения, заключенные Францией на Востоке. Наряду с франко-польскими соглашениями он подразумевал под этим, безусловно, франко-советский пакт о взаимной помощи» (*Les evenements survenus en France de 1933 a 1945, vol. IV, p. 855*).

Боннэ в циркулярной записке французским послам заявлял, писал позднее Поль Рейно, что в результате переговоров с Риббентропом у него «сложилось впечатление, что отныне германская политика будет направлена па борьбу с большевизмом. Рейх дал понять о наличии у него стремления к экспансии в восточном направлении... » (*Reynaud P. La France a sauve l'Europe. Paris, 1947, vol. I, p. 575*). — 257.

⁴⁷ 30 ноября 1938 г. в итальянском парламенте начались дебаты по внешнеполитическим вопросам. Когда министр иностранных дел Г. Чиано в своей речи упомянул о «естественных стремлениях» Италии, группа депутатов-фашистов, а также толпа римских фашистов, собравшихся у здания парламента, начали кричать: «Тунис! Корсика! Савойя!» Французский посол, присутствовавший на заседании, покинул здание парламента. Эти территориальные требования к Франции были немедленно подхвачены и поддержаны итальянской печатью. — 258,

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александровский С. С.* — полномочный представитель СССР в Чехословакии — 77, 116, 131, 144, 168, 169, 181, 182, 242.
- Альтенбург Г.*, фон — сотрудник министерства иностранных дел Германии — 84, 244, 282.
- Афри Ж.* — директор кабинета (канцелярии) министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ — 226.
- Асквит Г.* — премьер-министр Великобритании в 1908—1916 гг. — 140.
- Бакстер К.* — сотрудник министерства иностранных дел Великобритании — 81.
- Бакстон Ч. Р.* — деятель лейбористской партии Великобритании — 18.
- Бальбо И.* — министр авиации Италии в 1929—1933 гг. — 128, 130.
- Бек Л.* — начальник генерального штаба сухопутных войск Германии до августа 1938 г. — 93.
- Бек Ю.* — министр иностранных дел Польши в 1932—1939 гг. — 92, 99, 100, 103, 105, 127, 173, 175, 198, 218, 221, 224, 270.
- Бенеш Э.* — президент Чехословакии (с декабря 1935 г. по октябрь 1938 г.) — 51, 82, 90, 95, 115, 127, 130—133, 135, 153, 168, 169, 172, 173, 182, 183, 187, 194, 195, 220, 224, 227, 261, 282, 284—286.
- Беранже А.* — председатель сенатской комиссии по иностранным делам парламента Франции в 1931—1938 гг. — 64—66.
- Бивербрук У.* — газетный магнат, деятель консервативной партии Великобритании — 249, 250, 252.
- Бисмарк О.*, фон — канцлер и министр иностранных дел Пруссии в 1862—1890 гг. — 29, 134.
- Бломберг В.* — военный министр Германии — 24, 33, 281, 282, 286.
- Блондель Ж.* — советник посольства Франции в Италии — 153, 227.
- Блюм Л.* — премьер-министр Франции в марте — апреле 1938 г. — 118.
- Болдуин С.* — лидер консервативной партии Великобритании; в 1935—1937 гг. — премьер-министр Великобритании — 92.
- Болл Дж.* — деятель консервативной партии Великобритании — 18.
- Бонкур* — см. Поль-Бонкур.
- Боннэ Ж.* — министр иностранных дел Франции — 14, 50, 90, 98—110, 115, 126, 144—147, 154, 171—173, 181, 182, 197, 226, 248, 250, 251, 257—263, 265, 284, 287.
- Брежнев Л. И.* — 9, 23.
- Броккет А.*, лорд — член ряда комиссий палаты лордов в 1938—1944 гг. — 167.
- Буллит У.* — посол США во Франции — 110.
- Ванситтарт Р.* — главный дипломатический советник при министре иностранных дел Великобритании — 58, 59.

- Вейцекер Э.*, фон — статс-секретарь министерства иностранных дел Германии — 79, 84, 97, 112, ИЗ, 133, 139, 143, 210, 218–223, 244, 245, 287.
- Вельчек И.*, фон — посол Германии во Франции — 110, 111, 223, 258.
- Верман Э.* — заместитель статс-секретаря министерства иностранных дел Германии; заведующий политическим отделом — 94, 111, 112, 126, 220.
- Вильсон В.* — президент США в 1912—1921 гг., глава делегации США на Парижской мирной конференции в 1919 г. — 57, 282.
- Вильсон Х.* — советник правительства Великобритании по вопросам промышленности — 13, 18, 68—70, 91, 92, 133—137, 142, 143, 167, 221—223, 235, 236, 253, 281.
- Вильсон Х.* — посол США в Германии — 127, 128.
- Вольгат Х.* — сотрудник Ведомства по осуществлению четырехлетнего плана Германии — 281.
- Вольф* — депутат от польского меньшинства в Тешинской области, польский «Генлейн» — 87.
- Ворошилов К. Е.* — Маршал Советского Союза, народный комиссар обороны СССР — 19–21, 72, 285.
- Галифакс Э.* — лорд-председатель совета; министр иностранных дел Великобритании — 11, 17, 18, 34, 35, 37, 38, 40, 41, 44–49, 53, 54, 58, 68–77, 86, 98, 99, 112, 117, 120, 122, 136, 141, 167, 217, 227, 253, 269, 281, 282.
- Гамелен М.* — генерал, начальник генерального штаба французской армии — 14, 103, 107, 108, 151, 155.
- Гарвин Д.* — английский публицист; редактор газеты «Обсервер» с 1908 г.; главный редактор «Британской энциклопедии» — 139.
- Гаусгофер К.* — профессор, президент «германской академии» в Мюнхене, издатель журнала «Геополитика» — 84.
- Геббельс И.* — министр пропаганды фашистской Германии — 266.
- Гельфанд Л. Б.* — временный по-
 ренный в делах СССР в Италии — 153.
- Гендерсон Н.* — посол Великобритании в Германии — 11, 53, 54, 59, 60, 67, 70, 74, 86, 94–96, 101, 112, ИЗ, 114, 210, 227, 283.
- Генке А.* — советник миссии Германии в Чехословакии — 239, 240.
- Генлейн К.* — лидер судето-немецкой партии, депутат Национального собрания Чехословакии от судето-немецкой партии — 12, 76, 79, 82—85, 87, 90, 94, 96, 101, 112, ИЗ, 123, 131—133, 155, 189, 190, 192, 199, 284.
- Гессен П.*, фон — посредник Гитлера в Италии — 153.
- Геринг Г.* — главнокомандующий военно-воздушными силами и министр авиации фашистской Германии — 19, 24, 33, 61, 76, 77, 94, 107, 128—130, 137, 138, 142, 175, 253, 266, 268, 281.
- Гёмбёш Ю.* — премьер-министр Венгрии — 198.
- Гжибовский В.* — посол Польши в СССР — 12, 256, 257, 283.
- Гиммлер Г.* — рейхсфюрер СС, начальник гитлеровской полиции — 94, 268.
- Гитлер А.* — лидер германской фашистской партии, глава германского фашистского государства — 9, 11—14, 18, 35, 53, 75, 77, 89, 90, 97, 124, 125, 130, 137, 138, 141, 144—146, 153, 154, 156, 168—172, 175, 187, 188, 190, 196, 198, 199, 201, 212—215, 217, 218, 220, 221, 226, 227, 229, 235, 238, 241—243, 248—250, 252, 253, 266, 267, 270, 277, 280—282, 284, 286.
- Гогенлоэ М.* — князь; был близок к правящим кругам гитлеровской Германии; посредник в переговорах Ренсимена и Эштон-Гуэткина с Генлейном в августе 1938 г. — 133.
- Годжа М.* — председатель правительства Чехословакии до сентября 1938 г. — 79, 82, 85, 101, 194, 282.
- Горчаков А. М.* (1798—1883гг.) — министр иностранных дел России — 134.
- Гофф* — депутат от судето-немецкой партии — 80.

- Гусарек К.* — чехословацкий генерал, министр общественных работ Чехословакии в октябре — ноябре 1938 г.; чехословацкий представитель в подкомиссии "А" международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения — 242.
- Даладье Э.* — председатель совета министров и министр национальной обороны Франции — 14, 21, 89, 90, 100, 100, 154, 155, 169, 241, 226, 229, 231, 232, 234—236, 238, 241, 242, 245, 248, 251, 262.
- Дафф-Купер А.* — военно-морской министр Великобритании — 250.
- Дельбос И.* — министр иностранных дел Франции до марта 1938 г. — 63, 64.
- Дембинский* — директор Польского телеграфного агентства (ПАТ) — 219.
- Дирксен Г.* — посол Германии в Великобритании — 19, 111, 112, 114, 115, 117, 123, 133, 139, 142, 268, 269.
- Дракс П.* — адмирал, глава военной миссии Великобритании на переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г. — 19, 20.
- Думенк Ж.* — генерал, глава военной миссии Франции па переговорах военных миссий СССР, Великобритании и Франции в Москве в 1939 г. — 19.
- Зандер Ф.* — профессор права немецкого университета в Праге — 132.
- Иден А.* — министр иностранных дел Великобритании (до февраля 1938 г.) — 44, 68, 119, 250.
- Имреди Б.* — премьер-министр Венгрии — 175, 199.
- Ина Я.* — начальник канцелярии министра иностранных дел Чехословакии — 239, 241, 243.
- Инскип Т.*, лорд — министр координации обороны Великобритании — 250.
- Кадоган А.* — постоянный заместитель министра иностранных Дел Великобритании — 85, 86.
- Кайо Ж.* — председатель финансовой комиссии сената Франции — 64.
- Канья К.* — министр иностранных дел Венгрии — 199.
- Кароль II* — король Румынии — 224.
- Кейтель В.* — начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии — 16, 92, 244—252.
- Кеннеди Дж.* -- посол США в Великобритании — 113.
- Керзон Дж.* лорд — английский политический деятель и дипломат — 140.
- Киркнатрик И.* — первый секретарь посольства Великобритании в Германии — 207, 210.
- Комнен П.* — министр иностранных дел Румынии — 126, 128, 145, 285.
- Корбен Ш.* — посол Франции в Великобритании — 154.
- Кордт Т.* — советник посольства Германии в Великобритании — ИЗ, 133, 134, 137, 139, 140, 142, 143, 167, 168.
- Кордт Э.* — советник посольства Германии в Великобритании; советник в бюро рейхсминистра иностранных дел Германии — 68, 70, 84.
- Кребс Г.* — чехословацкий эмигрант, депутат рейхстага Германии, советник министерства внутренних дел Германии — 94.
- Крейсль* — один из руководителей судето-немецкой партии — 84.
- Крейчи Л.* — генерал, начальник главного штаба чехословацкой армии — 102.
- Крно И.* — заведующий политическим отделом министерства иностранных дел Чехословакии — 102, 239, 240.
- Крофта К.* — министр иностранных дел Чехословакии до октября 1938 г. — 51, 62, 85, 126, 144, 145, 150, 155, 171, 181, 187, 196, 197, 239, 240, 242, 243.
- Кулондр Р.* — посол Франции в СССР; с ноября 1938 г. посол Франции в

- Германии — 115, 149, 168, 248, 265, 268.
- Курицус Ю.* — министр иностранных дел Германии в 1929—1931 гг. — 267.
- Кюнцель* — один из руководителей судето-немецкой партии, представитель Генлейна в Берлине в 1938 г. — 84.
- Лаваль П.* — депутат парламента Франции, председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции в 1935—1936 гг. — 66, 263, 277.
- Лакруа В., де* — посланник Франции в Чехословакии — 150, 171, 173, 187, 241.
- Леже А.* — генеральный секретарь министерства иностранных дел Франции — 63, 115, 229, 235, 236, 258, 261, 263.
- Лейт-Росс Ф.* — главный экономический советник правительства Великобритании — 269.
- Ленин В. И.* — 7.
- Лестер С.* — верховный комиссар Лиги наций в Данциге в 1933—1937 гг. — 74.
- Липский Ю.* — посол Польши в Германии — 92, 93, 127, 130, 173, 175, 178, 218, 221, 223, 224.
- Литвинов М. М.* — народный комиссар иностранных дел СССР — 77, 78, 81, 116, 131, 144, 145, 147—149, 168, 182, 244, 248—252, 256, 257.
- Лондондерри* — член парламента Великобритании — 269.
- Лоренц В.* — обергруппенфюрер СС — 84, 281.
- Лотман Ф. Г.* — секретарь треста «Родос» — 68, 69.
- Лукаевич Ю.* — посол Польши во Франции — 92, 99, 100, 102, 103.
- Майский И. М.* — полномочный представитель СССР в Великобритании — 77, 91, 249, 252, 253.
- Макдональд Р.* — лидер лейбористов Великобритании; премьер-министр и министр иностранных дел в 1924 г., а также премьер-министр в 1929—1935 гг. — 41.
- Макелен Г., фон* — статс-секретарь министерства иностранных дел Германии до марта 1938 г. — 84.
- Масарик Я.* — посланник Чехословакии в Великобритании — 75—77, 85, 86, 107, 123, 150, 154, 155, 195, 215, 217, 218.
- Массигли Р.* — директор политического департамента министерства иностранных дел Франции — 63, 115.
- Мастный В.* — посланник Чехословакии в Германии — 76, 93, 94, 96, 97, 137, 138, 235, 236, 243.
- Мерекалов А. Ф.* — полномочный представитель СССР в Германии — 131.
- Мильеран А.* — член сенатской комиссии по иностранным делам парламента Франции — 67.
- Молотов В. М.* — Председатель Совета Народных Комиссаров СССР — 253.
- Мольтке Г.* — посол Германии в Польше — 221.
- Мольтке К.* (1800—1891 гг.) — фельдмаршал и военный теоретик Германии; один из идеологов германского империализма — 133.
- МуССолини Б.* — глава итальянской фашистской партии и фашистского правительства в Италии — 9, 46, 130, 153, 220, 230, 238, 249, 252, 259, 262, 286.
- Наджиар П. -Э.* — посол Франции в Китае — 248.
- Негрин Х.* — председатель Совета министров республиканской Испании — 262.
- Нейрат К., фон* — министр иностранных дел Германии (до февраля 1938 г.) — 24, 44, 46, 49, 51, 53, 54.
- Нимёллер М.* — пастор германской протестантской церкви; был арестован гитлеровскими властями в 1937 г. — 117.
- Ное* — переводчик одного из руководителей национал-социалистской

- партии Германии в Данциге — А. Форстера — 123.
- Норман М.* — управляющий Английским банком — 268.
- Ноэль Л.* — посол Франции в Польше — 93, 287.
- Ньютон В.* — посланник Великобритании в Чехословакии — 85, 86, 187, 212, 214, 215, 241, 264.
- Ов-Вахендорф В.* — посланник Германии в Египте в 1936—1939 гг. — 114.
- Осуцкий Ш.* — посланник Чехословакии во Франции — 62, 67, 90, 91, 101, 115, 116, 125, 126, 141, 142, 150, 155, 171—173, 229.
- Орт О.* — советник министерства иностранных дел Чехословакии — 239.
- Пайяр Ж.* — советник посольства Франции в СССР — 144—147.
- Папэ К.* — посол Польши в Чехословакии — 92.
- Папен Ф.* — посланник Германии в Австрии в 1934—1938 гг. — 11, 47, 49, 50, 60, 278, 279.
- Париани* — начальник генерального штаба Италии — 130.
- Плимут И.,* лорд — парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1936—1939 гг.; председатель Международного комитета по вопросам невмешательства в дела Испании — 142.
- Поль-Бонкур Ж.* — министр иностранных дел Франции в марте — апреле 1938 г. — 85, 168.
- Потемкин В. П.* — первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР — 146—148, 181, 182, 214.
- Рачиньский Э.* — посол Польши в Великобритании в 1934—1939 гг. — 270—274.
- Рейно П.* — министр юстиции Франции — 63, 287.
- Редер Е.* — адмирал, главнокомандующий военно-морскими силами Германии — 24.
- Ренсимен В.* — политический деятель Великобритании, один из лидеров либеральной партии, глава британской посреднической миссии в Чехословакии летом 1938 г. — 13, 127—133, 135, 137, 138, 142, 150, 165, 170, 171, 188, 195, 260, 284, 285.
- Риббентроп И.,* фон — министр иностранных дел фашистской Германии с февраля 1938 г. — 21, 34, 35, 53, 58, 60, 61, 70—75, 84, 94—97, 101, 138, 154, 175, 178, 218—223, 257, 258, 261, 262, 266—268, 283, 287.
- Рикенс* — представитель деловых кругов Великобритании — 11, 278.
- Риттер К.* — посол Германии в Бразилии — 246, 281.
- Розенберг А.* — идеолог нацизма, руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистической партии Германии — 266.
- Роша Ш.* — помощник заведующего европейским отделом министерства иностранных дел Франции — 63, 235, 236.
- Рубле* — председатель межгосударственного комитета по делам беженцев в Великобритании — 268, 269.
- Рузвельт Ф.* — президент США — 13, 100, 144.
- Рыдз-Смильы Э.* — маршал, генеральный инспектор вооруженных сил Польши — 92, 107, 108.
- Саймон Дж.* — министр финансов Великобритании — И, 44, 139.
- Сандис Д.* — депутат парламента Великобритании — 119, 121.
- Смутный Я.* — заведующий протокольным отделом министерства иностранных дел Чехословакии — 212, 214, 215, 240.
- Стэнли О.* — министр торговли Великобритании в 1937—1939 гг. — 140, 269.
- Стояи Д.* — посланник Венгрии в Германии в 1935—1944 гг. — 129.
- Стрэнг У.* — заведующий отделом Центральной Европы министерства иностранных дел Великобритании — 167.

- Суинтон Ф.* — министр авиации Великобритании в 1935—1938 гг. — 119, 121.
- Суриц Я. З.* — полномочный представитель СССР во Франции — 77, 90, 244, 245, 250.
- Сыровый Я.* — председатель правительства Чехословакии с сентября по ноябрь 1938 г., министр национальной обороны Чехословакии с сентября 1938 г. по март 1939 г. — 240.
- Твардовский Ф.* — сотрудник министерства иностранных дел Германии — 84.
- Трояновский Л. А.* — полномочный представитель СССР в США — 77.
- Уинтертон Э.,* лорд — министр без портфеля в правительстве Великобритании, заместитель министра авиации Великобритании в 1938 г. — 119, 121, 268, 269.
- Уэллес С.* — помощник государственного секретаря США в 1937—1943 гг. — 110.
- Финкс Э.* — посол Великобритании во Франции — 98, 99, 154, 226, 283, 234.
- Фирлингер З.* — посланник Чехословакии в СССР — 141, 146, 147, 152, 153, 168, 181, 182.
- Фланден П.* — премьер-министр Франции в 1934—1935 гг., министр иностранных дел в 1936 г. — 62—64, 263.
- Форстер А.* — один из руководителей национал-социалистской партии Германии в Данциге — 123, 125.
- Фоше Э.* — генерал, военный атташе Франции в Чехословакии — 155, 211.
- Франзони Ф.* — посланник Италии в Чехословакии — 241.
- Франк К.* — депутат Национального собрания Чехословакии, один из лидеров судето-немецкой партии — 79, 80, 84, 190.
- Франко Ф.* — испанский генерал, поднявший в июне 1936 г. фашистский мятеж против республиканского правительства Испании — 9, 32, 116, 142, 262.
- Франсуа-Понсэ А.* — посол Франции в Германии; с октября 1938 г. посол Франции в Италии — 101, 138, 142, 197, 223, 226, 227, 260, 287.
- Фридрих (II) Великий* (1712—1780 гг.) — прусский король — 29.
- Фрич В., фон* — главнокомандующий сухопутными силами Германии до февраля 1938 г. — 24, 33.
- Хадсон Р.* — министр внешней (заморской) торговли Великобритании — 18.
- Хвалковский Ф.* — посланник Чехословакии в Италии; с октября 1938 г. министр иностранных дел Чехословакии — 153, 264.
- Хемминг Ф.* — секретарь Международного комитета по вопросам невмешательства в дела Испании в 1936—1939 гг. — 142.
- Хор С.* — министр иностранных дел Великобритании; министр внутренних дел Великобритании в 1937—1939 гг. — 277.
- Хор-Белиша Л.* — военный министр Великобритании — 121.
- Хорти М.* — регент Венгрии — 129, 178, 198.
- Хосбах Ф.* — полковник, адъютант А. Гитлера — 24, 34.
- Чарльз Н.* — советник посольства Великобритании в Италии — 154.
- Чемберлен Н.* — премьер-министр Великобритании — 11, 13, 14, 17—19, 21, 44, 46, 54, 55, 57, 60, 69, 70, 72, 77, 89—92, 112, 113, 117, 119—122, 127, 128, 131, 133, 139, 140, 143, 148, 154, 156, 157, 159, 161, 167—169, 171, 172, 175, 177, 178, 187, 188, 196, 198, 201—210, 212—215, 218, 220, 222, 229—236, 238, 241, 242, 248—253, 260, 269—272, 285, 286.
- Чермак В.* — заместитель заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Чехословакии — 240.

- Черчилль У.* — депутат парламента Великобритании, один из лидеров консервативной партии — 119, 123, 250.
- Чиано Г.* — министр иностранных дел фашистской Италии — 153, 154, 258, 286, 287.
- Чилстон А.* — посол Великобритании в СССР — 141.
- Шахт Я.* — президент Рейхсбанка Германии — 253, 268, 269, 281.
- Шеллер* — сотрудник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии — 93.
- Шембек Я.* — заместитель министра иностранных дел Польши — 128, 285.
- Шмидт Г.* — министр иностранных дел Австрии до марта 1938 г. — 60.
- Шмидт П.* — советник министерства иностранных дел Германии — 61, 166, 210, 258.
- Шмитт К.* — министр экономики Германии в 1933—1934 гг. — 253, 260, 268, 269, 281.
- Шотан К.* — председатель Совета министров Франции до марта 1938 г.; с апреля 1938 г. заместитель председателя Совета министров и министр координации Франции — 50, 64.
- Штыве Ф.* — сотрудник министерства иностранных дел Германии — 84.
- Штреземан Г.* — рейхсканцлер и министр иностранных дел Германии в 1923 г.; министр иностранных дел в 1923—1929 гг. — 108.
- Шуленбург Ф., фон* — посол Германии в СССР — 147—149.
- Шушниц К., фон* — федеральный канцлер Австрии до марта 1938 г. — 71, 73, 200, 282.
- Эйзенлор Э.* — посланник Германии в Чехословакии — 51, 76, 79, 80, 84, 102, 282.
- Эйтон-Гуэткин Ф.* — советник министерства иностранных дел Великобритании, член миссии Генсимена — 131—133, 235.
- Юнг Р.* — чехословацкий эмигрант, депутат рейхстага Германии — 94.
- Янсон М., фон* — генеральный консул Германии в Данциге — 86.
- Янковский Т.* — поверенный в делах Польши в СССР — 214.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции.	5
Вступительная статья.	7
1. Запись совещания политических и военных руководителей Германии. 5 ноября 1937 г.	24
2. Телеграмма посла Германии в Великобритании И. Риббентропа в министерство иностранных дел Германии. 15 ноября 1937 г.	34
8. Запись беседы А. Гитлера с лордом-председателем совета Великобритании Э. Галифаксом. 19 ноября 1937 г.	35
4. Телеграмма министра иностранных дел Германии К. Нейрата посольствам Германии в Италии, Великобритании, Франции и США. 22 ноября 1937 г.	46
5. Письмо посланника Германии в Австрии Ф. Папена начальнику политического отдела министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзеру. 4 декабря 1937 г.	49
6. Письмо министра иностранных дел Германии К. Нейрата посланнику Германии в Чехословакии Э. Эйзенлору. 5 февраля 1938 г.	51
7. Запись беседы А. Гитлера с послом Великобритании в Германии Н. Гендерсоном. 3 марта 1938 г.	53
8. Письмо посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте. 4 марта 1938 г.	62
9. Записка, составленная в министерстве иностранных дел Германии. Не позднее 5 марта 1938 г.	67
10. Из записи беседы советника посольства Германии в Великобритании Э. Кордта с советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном. 10 марта 1938 г.	68
И. Запись беседы министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом. 10 марта 1938 г.	70

12. Запись беседы посланника Чехословакии в Великобритании Я. Масарика с министром иностранных дел Великобритании Э. Галифаксом. *12 марта 1938 г.* 75
13. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Великобритании И. М. Майскому, во Франции Я. З. Сурицу, в Чехословакии С. С. Александровскому, в США А. А. Трояновскому. *17 марта 1938 г.* 77
14. Интервью народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям печати. *17 марта 1938 г.* 78
15. Телеграмма посланника Германии в Чехословакии Э. Эйзендора статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзеру. *18 марта 1938 г.* 79
16. Пота министерства иностранных дел Великобритании полномочному представительству СССР в Великобритании. *24 марта 1938 г.* 80
17. Запись совещания в министерстве иностранных дел Германии. *29 марта 1938 г.* 82
18. Письмо посланника Чехословакии в Великобритании Я. Масарика министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте. *5 апреля 1938 г.* 85
19. Письмо генерального консула Германии в Данциге М. Янсона в министерство иностранных дел Германии. *21 апреля 1938 г.* 86
20. Из выступления премьер-министра Великобритании П. Чемберлена на совместном совещании министров Великобритании и Франции в Лондоне. *28 апреля 1938 г.* 89
21. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *29 апреля 1938 г.* 90
22. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. *11 мая 1938 г.* 91
23. Письмо начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля в министерство иностранных дел Германии. *17 мая 1938 г.* 92
24. Письмо посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии. *19 мая 1938 г.* 93
25. Письмо посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии. *19 мая 1938 г.* 94
26. Телеграмма посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии. *21 мая 1938 г.* 97
27. Протокольная запись встречи министра иностранных дел Франции Ж. Бонна с послом Великобритании во Франции Э. Фиппсом. *22 мая 1938 г.* 98
28. Запись беседы министра иностранных дел Франции Ж. Бонна с послом Польши во Франции Ю. Лукасевичем. *22 мая 1938 г.* 99

29. Из телеграммы посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте. 22 мая 1938 г.	101
30. Из записи беседы заведующего политическим отделом министерства иностранных дел Чехословакии д-ра Крно с посланником Германии в Чехословакии Э. Эйзенлором. 25 мая 1938 г.	102
31. Сообщение посла Польши во Франции Ю. Лукасевича министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. 26 мая 1938 г.	—
32. Донесение посла Польши во Франции Ю. Лукасевича министру иностранных дел Польши Ю. Беку. 27 мая 1938 г.	103
33. Запись беседы министра иностранных дел Франции Ж. Боннэ с послом Германии во Франции И. Вельчеком. 27 мая 1938 г.	110
34. Письмо младшего статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вермаиа послу Германии в Великобритании Г. Дирксену. 28 мая 1938 г.	111
35. Письмо статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вейцекера послу Германии в Великобритании Г. Дирксену. 1 июня 1938 г.	112
36. Письмо посла Германии в Великобритании Г. Дирксена посланнику Германии в Египте В. Ов-Вахендорфу. 1 июня 1938 г.	144
37. Из письма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского президенту Чехословакии Э. Бенешу. 8 июня 1938 г.	115
38. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому. 25 июня 1938 г.	116
39. Донесение посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. 10 июля 1938 г.	117
40. Запись беседы члена парламента Великобритании У. Черчилля с руководителем фашистской организации в Данциге А. Форстером. 14 июля 1938 г.	123
41. Из письма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии. 22 июля 1938 г.	125
42. Письмо младшего статс-секретаря министерства иностранных дел Германии Э. Вермана миссиям Германии в Румынии и Югославии. 25 июля 1938 г.	126
43. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. 11 августа 1938 г.	127
44. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочным представителям СССР в Германии А. Ф. Мерекалову, в Чехословакии С. С. Александровскому. 22 августа 1938 г.	131
45. Запись беседы советника министерства иностранных дел Великобритании Ф. Эштон-Гуэткина с руководителем судето-немецкой партии в Чехословакии К. Генлейном. 22 августа 1938 г.	—

46. Письмо советника посольства Германии в Великобритании Т. Кордта статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзекеру. <i>23 августа 1938 г.</i>	138
47. Запись беседы советника посольства Германии в Великобритании Т. Кордта с советником правительства Великобритании по вопросам промышленности Х. Вильсоном. <i>23 августа 1938 г.</i>	184
48. Письмо посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>24 августа 1938 г.</i>	187
49. Письмо временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта послу Германии в Великобритании Г. Дирксэну. <i>29 августа 1938 г.</i>	139
50. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>29 августа 1938 г.</i>	141
51. Из письма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>31 августа 1938 г.</i>	—
52. Письмо временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта послу Германии в Великобритании Г. Дирксэну. <i>1 сентября 1938 г.</i>	142
53. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому. <i>2 сентября 1938 г.</i>	144
54. Из телеграммы временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Бонна. <i>2 сентября 1938 г.</i>	145
55. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с временным поверенным в делах Франции в СССР Ж. Памиром. <i>5 сентября 1938 г.</i>	146
56. Донесение временного поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. <i>5 сентября 1938 г.</i>	147
57. Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты посланникам Чехословакии во Франции и Великобритании Ш. Осускому и Я. Масарику. <i>7 сентября 1938 г.</i>	150
58. Записка начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена. <i>9 сентября 1938 г.</i>	151
59. Письмо посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>13 сентября 1938 г.</i>	152
60. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии Л. Б. Гельфанда в Народный комиссариат иностранных дел СССР. <i>14 сентября 1938 г.</i>	153
61. Телеграмма посланника Чехословакии в Великобритании Я. Масарика в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>14 сентября 1938 г.</i>	154

62. Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты посланнику Чехословакии во Франции Ш. Осускому. <i>Не ранее 14 сентября 1938 г.</i>	155
63. Запись беседы А. Гитлера с премьер-министром Великобритании П. Чемберленом. <i>15 сентября 1938 г.</i>	156
64. Телеграмма временного поверенного в делах Германии в Великобритании Т. Кордта в министерство иностранных дел Германии. <i>15 сентября 1938 г.</i>	167
65. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>16 сентября 1938 г.</i>	168
66. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. <i>19 сентября 1938 г.</i>	—
67. Заявление правительств Великобритании и Франции правительству Чехословакии. <i>19 сентября 1938 г.</i>	170
68. Телеграмма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте. <i>19 сентября 1938 г.</i>	171
69. Из телеграммы посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>19 сентября 1938 г.</i>	172
70. Письмо министра иностранных дел Польши Ю. Бека послу Польши в Германии Ю. Липскому. <i>19 сентября 1938 г.</i>	173
71. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. <i>20 сентября 1938 г.</i>	175
72. Нота правительства Чехословакии правительствам Великобритании и Франции. <i>20 сентября 1938 г.</i>	179
73. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте. <i>20 сентября 1938 г.</i>	181
74. Телеграмма посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера в министерство иностранных дел Чехословакии. <i>20 сентября 1938 г.</i>	—
75. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина полномочному представителю СССР в Чехословакии С. С. Александровскому. <i>20 сентября 1938 г.</i>	182
76. Из речи председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций. <i>21 сентября 1938 г.</i>	—
77. Запись беседы президента Чехословакии Э. Бенеша с посланниками Франции и Великобритании в Чехословакии де Лакруа и Б. Ньютоном. <i>21 сентября 1938 г.</i>	187
78. Нота правительства Великобритании правительству Чехословакии. <i>21 сентября 1938 г.</i>	188

79. Письмо главы посреднической миссии Великобритании в Чехословакии В. Ренсимена премьер-министру Великобритании Н. Чемберлену. <i>21 сентября 1938 г.</i>	188
80. Нота правительства Чехословакии правительствам Великобритании и Франции. <i>21 сентября 1938 г.</i>	195
81. Телеграмма министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты всем миссиям Чехословакии за границей, консульству в Дублине и постоянному делегату Чехословакии в Лиге наций. <i>21 сентября 1938 г.</i>	196
82. Донесение посла Франции в Германии А. Франсуа-Понсэ министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. <i>22 сентября 1938 г.</i>	197
83. Запись беседы А. Гитлера с премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом. <i>22 сентября 1938 г.</i>	201
84. Донесение военного атташе Франции в Чехословакии генерала Э. Фоше министру национальной обороны Франции Э. Даладьё. <i>22 сентября 1938 г.</i>	211
85. Запись беседы заведующего протокольным отделом министерства иностранных дел Чехословакии Я. Смутного с посланником Великобритании в Чехословакии Б. Ньютоном. <i>23 сентября 1938 г.</i>	212
86. Заявление Советского правительства правительству Польши. <i>23 сентября 1938 г.</i>	214
87. Запись беседы заведующего протокольным отделом министерства иностранных дел Чехословакии Я. Смутного с посланником Великобритании в Чехословакии Б. Ньютоном. <i>24 сентября 1938 г.</i>	215
88. Годесбергский меморандум, направленный премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом посланнику Чехословакии в Великобритании Я. Масарику. <i>25 сентября 1938 г.</i>	—
89. Нота посланника Чехословакии в Великобритании Я. Масарика министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу. <i>26 сентября 1938 г.</i>	217
90. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. <i>26 сентября 1938 г.</i>	218
91. Донесение посла Польши в Германии Ю. Липского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. <i>27 сентября 1938 г.</i>	221
92. Запись беседы посла Германии в Польше Г. Мольтке с министром иностранных дел Польши Ю. Беком. <i>27 сентября 1938 г.</i>	224
93. Письмо правительства Великобритании правительству Чехословакии. <i>27 сентября 1938 г.</i>	225
94. Дневниковая запись, сделанная министром иностранных дел Франции Ж. Бонна. <i>27 сентября 1938 г.</i>	226
95. Меморандум посольства Великобритании во Франции в министерство иностранных дел Франции. <i>27 сентября 1938 г.</i>	227

96. Телеграмма посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского в министерство иностранных дел Чехословакии. 28 сентября 1938 г.	228
97. Заявление правительства Великобритании правительству Чехословакии. 29 сентября 1938 г.	—
98. Запись хода конференции в Мюнхене, сделанная делегацией Германии. 29 сентября 1938 г.	230
99. Записка министерства иностранных дел Чехословакии о пребывании чехословацкой делегации в Мюнхене. 29 сентября 1938 г.	234
100. Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, заключенное в Мюнхене. 29 сентября 1938 г.	237
101. Информация начальника канцелярии министра иностранных дел Чехословакии Я. Ины о передаче текста мюнхенского соглашения правительству Чехословакии. 30 сентября 1938 г.	239
102. Англо-германская декларация. 30 сентября 1938 г.	241
103. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 1 октября 1938 г.	242
104. Телеграмма полномочного представителя СССР в Чехословакии С. С. Александровского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 1 октября 1938 г.	—
105. Телеграмма посланника Чехословакии в Германии В. Мастного в министерство иностранных дел Чехословакии. 5 октября 1938 г.	243
106. Письмо начальника штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтеля статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзеру. 10 октября 1938 г.	244
107. Из письма полномочного представителя СССР во Франции Я. З. Сурица народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову. 12 октября 1938 г.	—
108. Телеграмма статс-секретарю министерства иностранных дел Германии Э. Вейцзеру. 12 октября 1938 г.	245
109. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова с послом Франции в СССР Р. Кулондром. 16 октября 1938 г.	248
110. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел СССР. 19 октября 1938 г.	249
111. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова полномочному представителю СССР во Франции Я. З. Сурицу. 19 октября 1938 г.	250
112. Из директивы верховного главнокомандования вооруженными силами Германии. 21 октября 1938 г.	251

113. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании И. М. Майского народному комиссару иностранных дел СССР М. М. Литвинову. 25 октября 1938 г.	252
114. Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР на торжественном заседании, посвященном 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. 6 ноября 1938 г.	253
115. Сообщение ТАСС о советско-польских отношениях. 27 ноября 1938 г.	256
116. Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши корреспондентам Германии в Польше. 28 ноября 1938 г.	257
117. Франко-германская декларация. 6 декабря 1938 г.	257
118. Запись беседы министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с министром иностранных дел Франции Ж. Боннэ. 6 декабря 1938 г.	258
119. Запись беседы министра иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковского с посланником Великобритании в Чехословакии Б. Ньютоном. 10 декабря 1938 г.	264
120. Письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Боннэ. 15 декабря 1938 г.	265
121. Телеграмма посла Германии в Великобритании Г. Дирксена в министерство иностранных дел Германии. 16 декабря 1938 г.	268
122. Письмо посла Польши в Великобритании Э. Рачиньского министру иностранных дел Польши Ю. Беку. 16 декабря 1938 г.	270
Примечания и указатель.	275
Примечания.	277
Указатель имен.	288

Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937-1939. Т. 1. Ноябрь 1937 г. - дек. 1938 г. / М-во иностр. дел СССР; Редкол.: Земсков И. Н. и др. - М.. Политиздат, 1981. — 302 с.

ДОКУМЕНТЫ
И МАТЕРИАЛЫ
КАНУНА
ВТОРОЙ
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ
1937-1939

Том 1
ноябрь 1937 г. —
декабрь 1938 г.

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Е. А. Сакович*
Младший редактор *Т. К. Сперанская*
Художник *Е. А. Крылов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Н. П. Межеричкая*

И Б № 3154
Сдано в набор 12. 03. 81. Подписано в печать 17. 06. 81.
Формат 60x90¹⁶/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ.
л. 19. Учетно-изд. л. 20, 76. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 1047.
Цена 70 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.
Орлена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.